

Тум

ЛИВИЙ

ИСТОРИЯ РИМА

ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

современный перевод

вся история
в одном томе

Вся история в одном томе

Тит Ливий

**История Рима от
основания Города**

«Издательство АСТ»

17 г. н.э.

Ливий Т.

История Рима от основания Города / Т. Ливий — «Издательство АСТ», 17 г. н.э. — (Вся история в одном томе)

ISBN 978-5-17-096338-6

Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) – великий древнеримский историк, посвятивший почти всю свою жизнь написанию фундаментального труда по истории Рима. Сочинение состояло из 142 книг (соответствуют современным главам), но сохранились лишь книги 1—10 и 21—45 (описывают события до 292 года до н. э. и с 218 до 167 года до н. э.), небольшие фрагменты других книг, а также периихи — краткие пересказы содержания. Впервые, в начале XX в. все сохранившиеся главы «Истории Рима» перевел Андриянов П. Впоследствии коллектив известных филологов и историков античности, во главе с Зелинским Ф.Ф., Кнабе Г.С., Гаспаровым М.Л. и Смириним В.М. сделали современный, улучшенный перевод, который был дополнен ценными комментариями, поясняющими мысль Тита Ливия. Именно с этим вариантом перевода мы и предлагаем ознакомиться читателю. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-17-096338-6

© Ливий Т., 17 г. н.э.

© Издательство АСТ, 17 г. н.э.

Содержание

Вступительное слово	6
Периохи книг	9
Книга I	25
Книга II	69
Книга III	110
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Тит Ливий

История Рима от основания города

© Коллектив авторов, перевод, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

Вступительное слово

Выдающийся римский историк Тит Ливий происходил из города Патавия (совр. Падуа). Этот город располагался в Цизальпинской Галлии, которая в момент рождения Ливия была еще римской провинцией и лишь позже, но еще при жизни Ливия, стала частью Италии. Сам город был венетским, хотя его основание приписывали троянскому герою Антенору, бежавшему в эти края после падения Трои. Ко времени рождения Ливия родным языком патавианцев уже была латынь. В 89 г. до н. э. городу было предоставлено латинское гражданство, а в 49 г. до н. э. или немного позже Патавий стал римским муниципием, и его граждане были приписаны к трибе Фабии. Гражданские войны обошли Патавий стороной, и город, разбогатевший на торговле шерстью, скоро стал одним из самых богатых в округе. Его процветание в это время доказывается археологией. В начале императорской эпохи в Патавии насчитывалось 500 всадников, т. е. богатых граждан, относившихся ко второму сословию империи, и вместе с испанским Гадесом он в этом уступал только самому Риму. Город был известен спокойной провинциальной жизнью и строгими нравами, давно утраченными в столице.

Точная дата рождения Ливия спорна. Долгое время принимали, что историк родился в 59 г. до н. э. Но сейчас многие ученые предпочитают говорить о 64 г. Это значит, что в 49 г., когда началась новая гражданская война, будущий историк был уже вполне сознательной личностью. Ливий, по-видимому, получил обычное для состоятельных юношей образование. Судя по тому, что он в своем труде активно использовал Полибия и ранних римских историков, писавших по-гречески, он явно хорошо знал греческий язык, что, впрочем, для образованных римлян того времени не было проблемой. Женится Ливий на Кассии Приме, от которой имел несколько сыновей, один из которых стал автором трактата по географии, а также дочь, вышедшую замуж за ритора Люция Мария. После некоторых попыток заняться риторикой и философией Ливий обратился к написанию истории. Это не было новым делом для Рима. Римляне давно занимались историей. Но обычно это было лишь одной гранью их деятельности. Порой политический деятель, лишенный возможности активно участвовать в политической жизни, обращался к истории, видя в ней оружие своей борьбы. Ливий не участвовал в политической жизни, он был далек от армии и военных дел, не занимал административных постов. Единственным смыслом и делом его жизни, его профессией стало историописание. Можно сказать, что Ливий был первым римским профессиональным историком.

В 31 г. до н. э. флот Октавиана разгромил армаду Антония, а в следующем году потерпевший окончательное поражение Антоний покончил с собой. Октавиан стал единственным повелителем государства. Было еще неясно, как будет оформлена его власть, но что она будет единолично принадлежать приемному сыну Цезаря, ясно было всякому. Процесс оформления этой власти начался в январе 27 г., и тогда Октавиан стал именоваться Августом. В этот промежуток времени Ливий начал писать своей грандиозный труд, который назвал «От основания Города» (*Ab Urbe condita*). Писать он начал, по-видимому, в Патавии, но позже на какое-то, видимо, довольно продолжительное время перебрался в Рим, где сблизился с самим Августом. Нет основания не доверять словам Тацита, правда, вложенным в уста историка Кремуция Корда, о дружеских отношениях между Августом и Ливием. Есть сведения об участии Ливия в образовании будущего императора Клавдия, которому он навсегда привил вкус к истории. Позже Ливий, вероятно, все же вернулся на родину, где и был похоронен.

Ливий явно был необыкновенным трудолюбом. Его произведение грандиозно уже по своему объему. Известно, что он содержал не меньше 142 книг (в античном понимании этого слова). Начинал историк с прибытия в Италию Энея и краткой предыстории Рима, а завершал, насколько нам сейчас известно, гибелью пасынка Августа Друза в 9 г. до н. э. Эта гибель едва ли была таким уж знаменательным событием в римской истории, чтобы Ливий счел ее вехой

для завершения своего труда. Вероятнее всего, причиной завершения «От основания Города» гибелью Друза стала смерть историка. Некоторые ученые полагают, что Ливий написал больше книг, и, следовательно, он продолжил свою историю и после гибели Друза. Но это – из области гаданий. Для написания своей истории Ливий использовал огромное количество сочинений своих предшественников, как римских, так и греческих. Их надо было внимательно прочитать, оценить, иногда сравнить друг с другом, т. е. провести определенную аналитическую работу, а затем уже написать свой текст. Точная дата смерти Ливия спорна, как и дата его рождения. Но, во всяком случае, речь идет либо о 17, либо о 12 г. н. э. Значит, свои, по крайней мере, 142 книги он написал приблизительно за 45 лет. Получается, что он ежегодно писал по три-четыре книги, а к тому же, известно, что некоторые он еще переделывал. Последние книги Ливия были изданы уже после его смерти. Своим трудом историк приобрел заслуженную славу среди современников и ближайших потомков. Его зять пользовался известностью ритора именно из-за авторитета тестя. Ливия цитировали отец и сын Сенеки, его огромный труд в кожаном переплете имел в своей библиотеке удалившийся в далекий испанский Бильбилис Марциал. О нем писал Плиний Младший. Его сочинение использовали более поздние историки. Еще в начале V в. им широко пользовался Орозий. Но постепенно сама огромность ливиевского сочинения сыграла с ним злую шутку. Постепенно образованные римляне стали терять вкус к обширным сочинениям. Им стало удобнее читать краткие извлечения или сокращения. Так появились так называемые перихохи ста сорока двух книг Ливия. Они до нас дошли. Краткое изложение было найдено также на папирусе в Египте. Из самого же произведения Ливия дошли первые десять книг, затем двадцать пять – с XXI по XLV. Об остальных книгах приходится судить в основном по перихохам и цитатам других римских авторов, а также иногда находимым фрагментам.

В своем труде Ливий возвращается к традиции анналистов, организуя материал по годам. Но это – не бесстрастная летопись, а яркое произведение, пронизанное определенными идеями. В молодости будущий историк явно изучал Цицерона и воспринял цицероновскую философию истории. Цицерон утверждал, что преимущество Римского государства, определившее его величие, состоит в его постепенном формировании, позволившем сменявшим друг друга поколениям исправлять ошибки предшественников и вносить новые элементы. Такой история Рима предстает и у Ливия. В этой неустанной борьбе за величие римского народа римляне и их выдающиеся деятели проявили лучшие качества – доблесть (*virtus*), благочестие (*pietas*), верность (*fides*), справедливость (*iustitia*). Это все было составной частью римской системы ценностей. В эту систему входила свобода (*libertas*), противопоставленная произволу (*licentia*). И для Ливия история Рима в большой мере – это история свободы, завоеванной свержением Тарквиния и все более укрепляющейся и расширяющей свою сферу в ходе развития Рима. Еще одно качество было дорого Ливию – *moderatio* (умеренность, сдержанность), противопоставленная *luxuria* (изнеженность, необузданность). Ее проявил Цинциннат, после блестящей победы сложивший диктатуру и вернувшийся к своему скромному участку, обрабатываемому его собственными руками. Ее позже проявил Сципион, сначала отказавшийся от предложенной ему в дар красивой юной пленницы, а затем от царского титула, который готовы были преподнести ему благодарные испанцы. В последнем случае он заявил, что для него лучшая награда – звание полководца римского народа.

Некоторая провинциальная старомодность Ливия, как и его простой и ясный стиль, вызывали насмешки столичных интеллектуалов, с иронией говоривших о его «патавианстве». Но его идеи нравились Августу. Ливий не был придворным историком. Он даже задавал крамольный вопрос: рожден ли был Цезарь на стыд или на пользу римского народа? И Август, по-видимому, немного посмеиваясь, называл Ливия «помпеянцем». Но основные идеи историка шли полностью в русле политики принцепса, который сознательно поставил историю на службу своему режиму.

Рим был одним из столпов, на которых покоится современная европейская, в том числе российская, цивилизация. Поэтому история Рима столь важна для понимания сущности этой цивилизации. Произведение Ливия – хорошая площадка для такого понимания. А, кроме того, это – занимательное чтение, дающее широкому читателю возможность наглядно увидеть и даже прочувствовать грандиозную историческую драму со множеством персонажей, с их взаимоотношениями, победами и поражениями, героизмом и трагедиями. И в этом бессмертие Тита Ливия.

Циркин Ю.Б.

Периохи книг

Книга 1 (753–509 гг. до н. э.).

(1а) Прибытие Энея в Италию и его деяния. Царствование в Альбе Аскания, Сильвия и потом Сильвиев. Рождение Ромула и Рема от Марса и дочери Нумитора. Убиение Амулия. Основание города Ромулом. Избрание сената. Война с сабинами. Посвящение богатой добычи Юпитеру Феретрию. Разделение народа на курии. Победа над фиденцами и вейянами. Обожествление Ромула. Нума Помпилий вводит чин священнодействий. Закрытие Янусовых врат. Тулл Гостилий опустошает альбанскую землю. Битва трех близнецов. Казнь Меттия Фуфеция. Гибель Тулла от молнии. Анк Марций побеждает латинов и основывает Остию. Тарквиний Старший побеждает латинов, строит цирк, успешно воюет с соседями, строит стены и клоаки. Огонь над головою Сервия Туллия. Сервий Туллий побеждает вейян, разделяет народ на разряды, посвящает храм Диане. Тарквиний Гордый убивает Туллия и захватывает царскую власть. Надругательство Туллии над отцом. Турн Гердоний убит Тарквинием. Война с вольсками. Разорение Габий хитростью Секста Тарквиния. Основание Капитолия. Алтари Термина и Ювенты не поддаются перенесению. Самоубийство Лукреции. Изгнание Тарквиния Гордого. Всего царской власти в Риме было 255 лет.

(1б) <...> (Анк Марций), победив латинов, прибавляет к городу Авентинский холм, расширяет границы, выводит поселение в Остию, возобновляет обряды, учрежденные Нумою. Царствования его 24 года. В его правление в Рим является этрусский гражданин Лукумон, сын Демарата Коринфского от Тарквиниев, вступает в дружбу с Анком, принимает имя Тарквиния Старшего и после кончины Анка захватывает власть. Он избирает сто человек в сенат, покоряет латинов, устраивает цирковые игры, пополняет центурии всадников, окружает город стеною, строит клоаки. Убит сыновьями Анка, процарствовавши 38 лет. (Он, желая испытать гадательное искусство авгура Атта Навия, спросил у него, может ли сбыться то, о чем он думает, и когда тот сказал, что может, приказал ему ножом разрезать камень, что Атт тотчас и сделал.) Ему наследует Сервий Туллий, рожденный от знатной пленницы из Корникула; говорят, еще в колыбели было видно пламя над его головой. Он провел первую перепись, установив впредь для них пятилетний срок, и насчитал, говорят, 80 тысяч граждан; он расширил город, присоединив к нему холмы Квиринал, Виминал и Эсквилин, и построил вместе с латинами храм Дианы на Авентине. Убит Луцием Тарквинием, сыном Старшего, по наущению собственной дочери Туллии; царствования его 44 года. Затем царскую власть захватил Луций Тарквиний Гордый помимо воли и сената и народа. Он завел при себе вооруженную стражу. Воевал с вольсками и на средства из захваченной добычи воздвиг на Капитолии храм Юпитера. Габии он подчинил своей власти хитростью. Когда сыновья его явились в Дельфы и спросили, кто из них будет в Риме царствовать, им было отвечено: тот, кто первым поцелует свою мать. Они истолковали это обычным образом, сопровождавший же их Юний Брут притворно упал и поцеловал землю; и его поступок подтвердили последствия. Необузданным правлением своим Тарквиний Гордый стяжал общую ненависть, наконец, когда сын его Секст посягнул на целомудрие Лукреции, то она, призвав отца своего Триципитина и мужа Коллатина, умолила их не оставить ее смерть неотмщенной и сама поразила себя кинжалом. Усилиями, главным образом Брутовыми, Тарквиний изгнан, царствования же его было 25 лет. Затем были избраны консулами Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин.

Книга 2 (509–468 гг.).

Брут принуждает народ присягнуть, что он не потерпит в Риме ничьей царской власти. Товарища своего Тарквиния Коллатина, подозрительного родством своим с Тарквиниями, он побуждает отречься от консульства и уйти из Рима. Царское добро он приказывает разграбить, а Марсу посвящает поле, оттого именуемое Марсовым. Знатных юношей, среди которых были сыновья и его брата, и его собственные, за сговор о возвращении царей он казнит отсечением головы, а рабу, Виндицию, на них донесшему, дает свободу; с тех пор отпущение на волю называется «виндикта». Когда на него пошли войною цари, собрав войска из Вей и Тарквиний, он выступил с войском против них и погиб в сражении вместе с Аррунтом, сыном Гордого; римские женщины оплакивали его целый год. Консул Луций Валерий вносит закон об обращении к народу. Освящение Капитолия. Порсена, царь Клузия, идет войною на подмогу Тарквиниям, доходит до Яникула, но не может перейти Тибр, будучи препятствуем доблестью Горация Коклеса, который, пока остальные разрушали свайный мост, один удерживал всех этрусков, а когда мост рухнул, то в оружии бросился в реку и переплыл к своим. Другим примером доблести был Муций, который перебрался в стан врагов, чтобы убить Порсену, но убил писца, приняв его за царя; схваченный, он возложил руку на алтарь, где совершалось жертвоприношение, и претерпел боль от огня, а царю сказал, что таких, как он, есть еще три сотни. Восхищенный этим Порсена вступил в мирные переговоры и прекратил войну, взявши заложников. Среди них была девица Клелия, которая, обманувши стражу, переплыла через Тибр к своим; и когда ее возвратили Порсене, тот с честью отпустил ее, а во славу ей была поставлена конная статуя. Против самого Тарквиния Гордого, вторгшегося с латинским войском, успешно ведет войну диктатор Авл Постумий. Из сабинских мест в Рим переселяется Аппий Клавдий; оттого учреждена Клавдиева триба, и число триб увеличено до двадцати одной. Народ, недовольный наказаниями за долги, выселяется на Священную гору, но советом Менения Агриппы удержан от мятежа. Названный Агриппа был так беден, что по кончине своей был погребен на общественный счет. Учреждена должность народных трибунов в количестве пяти человек. Захвачен вольский город Кориолы благодаря доблести и усилиям Гнея Марция, за это прозванного Кориоланом. Тит Латиний, муж из народа, имел видение, приказавшее ему доложить сенату о некоторых священных предметах, а когда он этого не сделал, то потерял сына и ослабел ногами; тогда, принесенный в сенат на носилках, он доложил то, о чем было ему велено, тотчас окреп и вернулся домой на своих ногах. Когда Гней Марций Кориолан, принужденный уйти в изгнание, сделался вождем вольсков и привел неприятелей к самому Риму, и высланные к нему сперва послы, а потом жрецы тщетно умоляли его пощадить отечество, то мать его Ветурия и жена Волумния, выйдя к нему, добились того, что он отступил. Внесен первый земельный закон. Спурий Кассий, бывший консул, обвинен в стремлении к царской власти, осужден и казнен. Весталка Попилия за преступный блуд погребена заживо. Так как соседние вейяне продолжали набеги не опасные, но хлопотливые, то семейство Фабиев попросило передать эту войну ему и вышло на войну в числе 306 вооруженных мужей, но все они, кроме одного, были перебиты под Кремерой. Консул Аппий Клавдий, неудачно сражаясь против вольсков из-за упрямства своих воинов, наказывает палками каждого десятого. Книга содержит и другие военные действия против вольсков, герников и вейян, а также раздоры между сенаторами и народом.

Книга 3 (467–446 гг.).

Произошла смута из-за земельных законов. Захват Капитолия изгнанниками и рабами; но они перебиты, и он отбит. Два раза проведена перепись: по первому пятилетию насчитано граждан <...>, кроме вдов и сирот, по второму – 117 219. Так как война с эквами шла неудачно,

диктатором был назначен Луций Квинкций Цинциннат, призванный к войску от сохи, когда пахал землю. Он победил врагов и провел под ярмом, а число народных трибунов довел до 10 – через 35 лет после первых трибунов. Через послов прощены и доставлены в Рим афинские законы; для предложения и утверждения их вместо консулов избраны децемвиры, и никаких других должностных лиц, – так на 302 г. от основания Рима власть перешла от консулов к децемвирам, как прежде от царей к консулам. Децемвиры составили 10 таблиц законов, и так как в высокой своей должности они вели себя сдержанно, то власть их была продлена на второй год; они прибавили к 10 таблицам еще две, но повели себя разнузданно во многих отношениях, а сложить власть отказались и держали ее уже третий год, когда наконец ненавистное их господство пало из-за похоти Аппия Клавдия. Этот последний, влюбившись в девушку Виргинию, подослал человека объявить ее рабыней и этим вынудил отца ее Виргиния к мести. Он, схвативши нож в соседней лавке, сам умертвил свою дочь, не имея иной возможности оградить ее от власти осквернителя. Народ, возмущенный видом столь великой несправедливости, поднялся и занял Авентинский холм. Децемвиры принуждены были сложить власть; Аппий, больше всех заслуживший наказания, был брошен в темницу; остальные присуждены к изгнанию. Книга содержит также успешные военные действия против сабинов и вольсков, а также неправый суд римского народа, который, будучи призван рассудить спор между ардеянами и арицинцами об одном поле, присудил это поле самому себе.

Книга 4 (445–405 гг.).

Закон о браках между патрициями и плебеями принят по настоянию народных трибунов, несмотря на великое сопротивление сенаторов. <...> Такого рода должностными лицами (военными трибунами) римский народ управлялся на войне и дома несколько лет. Первое избрание цензоров. Спорные поля народным решением отданы ардеянам, но возвращены римлянам отправкою туда поселенцев. Так как римский народ терпел голод, римский всадник Спурий Мелий стал раздавать народу хлеб за свой счет и, привлекая этим к себе народ, искать царской власти, за что и был убит по приказу диктатора Квинкция Цинцинната Гаем Сервилием Агалой, начальником конницы; Луций Минуций за обличение Мелия награжден быком с позолоченными рогами. Римским послам, убитым в Фиденях, поставлены в народном собрании статуи, так как они приняли смерть за отечество. Военный трибун Корнелий Косс, убив Толумния, царя вейян, возвращается с большою добычею. Диктатор Мамерк Эмилий ограничил срок цензорства вместо пяти лет полутора годами, за что цензоры исключили его из трибы. Фиденяне покорены, и туда отправлены поселенцы; фиденяне их перебили и отложились, но были побеждены диктатором Мамерком Эмилием, и город их пал. Военный трибун Постумий убит войском за свои жестокости. Впервые начата выдача войску жалованья из государственной казны. Книга содержит также военные действия против вольсков, фиденян и фалисков.

Книга 5 (404–390 гг.).

При осаде Вей войско оставлено на зимовку; эта новость вызывает негодование народных трибунов, жалующихся, что народу и зимой нет покоя от войны. Всадники впервые несут службу с собственными конями. Разлив Альбанского озера; для истолкования этого знаменья взят в плен вражеский прорицатель. Диктатор Фурий Камилл захватывает Вейи после десяти лет осады, статую Юноны перевозит в Рим, десятину добычи посылает Аполлону Дельфийскому. Он же, в должности военного трибуна осаждая Фалерии, отказывается принять предательски приведенных к нему из города детей и возвращает их родителям; фалиски тотчас сдаются, и победу сопровождает справедливость. По смерти цензора Гая Юлия на его место избран цензор-заместитель Марк Корнелий; но более так не делалось, ибо в то самое пятиле-

тие Рим был взят галлами. Фурий Камилл, призванный к суду народным трибуном Луцием Апулеем, удаляется в изгнание. Галлы-сеноны осаждали Клузий; к ним являются послы от сената, для примирения между галлами и клузийцами, но когда начинается сражение, послы стали сражаться на стороне клузийцев, и тогда возмущенные этим сеноны двинулись войною на Рим, разбили римлян при Аллии и захватили город, кроме лишь Капитолия, на котором собрались молодые воины; старейшие же уселись у входов в свои дома, каждый с почетными знаками своих должностей, и были перебиты галлами. Галлы, попытавшись взойти на Капитолий с тыла, почти достигли вершины, как вдруг были выданы гусиным криком и отброшены доблестью, главным образом, Марка Манлия. Когда же голод принудил римлян сойти к ним, чтобы выплатить тысячу фунтов золота и тем откупиться от осады, то Фурий Камилл, заочно избранный диктатором, является с войском в самое время переговоров о мирных условиях, избивает и изгоняет галлов после шестимесячного их пребывания в Риме. (Внесено предложение из сожженного и разграбленного города переселиться в Вейи, но Камилл выступает против такого решения, а народ присоединяется к нему, приняв за знаменье слова центуриона, который, проходя с воинами через форум, приказал начальникам отрядов: «Стой, воин: здесь остановиться лучше всего». Воздвигнут храм Юпитеру Капитолийскому за то, что еще прежде взятия города слышно было вещание о скором приходе галлов.)

Книга 6 (389–367 гг.).

Успешные войны против вольсков, эквов и пренестинцев. Четыре новые трибы: Стеллатская, Троментская, Сабатская и Арнийская. Марк Манлий, оборонитель Капитолия от галлов, за помощь свою неоплатным должникам и освобождение узников обвинен в стремлении к царской власти, осужден и сброшен со скалы; в память об этом сенат постановил, чтобы никто из рода Манлиев не носил имени Марк. Народные трибуны Гай Лициний и Луций Секстий предлагают закон о том, чтобы консулов, которых избирали из патрициев, избирали также из плебеев. Несмотря на упорное сопротивление сенаторов, они, будучи одни из всех должностных лиц переизбираемы пять лет подряд, добиваются принятия закона; первым консулом из плебеев избран Луций Секстий. Принят и другой закон: о том, чтоб никому не иметь свыше 500 югеров земли.

Книга 7 (366–342 гг.).

Учреждение двух новых должностей – претора и курульного эдила. Моровая болезнь в городе, памятная смертью Фурия Камилла. Для исцеления и избавления от нее вводятся новые обряды: впервые устроены театральные зрелища. Луций Манлий призван к суду народным трибуном Марком Помпонием за жестокость при наборе воинов, но сын его, юноша Тит Манлий, сосланный отцом в деревню (что тоже вменялось в вину отцу), проникает в самую спальню трибуна и с мечом в руках заставляет его под клятвою отказаться от обвинения. Когда разверзлась земля, и все в великом страхе бросали в бездонную пропасть всё, что было ценного в городе Рима, Курций в оружии и на коне сам бросился в пропасть, и она закрылась. Юный Тит Манлий, защитивший отца своего от трибунского гонения, вызвался в бой против галла, вызывавшего на единоборство кого угодно из римлян, убил галла и снял с него золотое ожерелье (*торквес*), которое стал носить сам и за то получил прозвание Торкват. Учреждены две новые трибы, Помптинская и Публилиева. Лициний Столон осужден по закону, им же предложенному, за то, что имел земли больше 500 югеров. Военный трибун Марк Валерий, вызванный на единоборство галлом, одержал победу с помощью ворона, который слетел к нему на шлем и угрожал врагу клювом и когтями; за это он получил прозвание «Корв» («Ворон») и за доблесть свою был избран консулом на следующий год, имея лишь 23 года от роду. Заключение договора

о дружбе с карфагенянами. Кампанцы, на которых напали самниты, просят против них помощи у Рима, а не добившись, отдаются во власть римского народа со своим городом и сельщиной; тогда римлянам, защищая это новое приобретение римского народа, пришлось выйти на войну с самнитами. Когда войско консула Авла Корнелия, заведенное в неудобное место, оказалось в великой опасности, то его спас военный трибун Публий Деций Мус, заняв место на холме над самнитским станом и тем давши возможность консулу ускользнуть на более ровное место, сам же Деций оказался во вражеской осаде, но сумел вырваться. Римские воины, оставленные для охраны Капуи, составляют заговор, чтобы захватить город, а по раскрытии заговора из страха наказания отлагаются от римского народа; но диктатор Марк Валерий Корв увещанием унял их ярость и воротил их отечеству. Книга содержит также успешные военные действия против герников, галлов, тибуртинцев, привернцев, тарквинийцев, самнитов и вольсков.

Книга 8 (342–322 гг.).

Отлагаются от Рима латины и кампанцы, требуя через послов, чтобы сенат, если хочет мира, допустил избирать одного консула из латинов. Их военачальник Анний, участник этого посольства, поскользнулся на Капитолии и разбился насмерть. Консул Тит Манлий казнит смертью своего сына, вопреки приказу бившегося с латинами, хотя тот и вышел победителем. Товарищ его по консульству Публий Деций в трудное время сражения приносит себя в жертву за римское воинство и, устремив коня в гущу врагов, погибает, своей смертью стяжав римлянам победу. Латины сдаются. Тит Манлий возвращается в Рим, но никто из юношества не выходит его приветить. Весталка Минуция осуждена за преступный блуд. Победа над авсонами, взятие их города; туда выведено поселение Калес, а другое поселение – в Фрегеллы. Изобличены в отравительстве многие матери семейств; большинство из них тотчас убивают себя, выпив свои же зелья. По этому случаю впервые издан закон об отравительстве. Мятеж привернатов; они побеждены, и им даруется римское гражданство. Неаполитанцы побеждены сражением и осадой и вынуждены сдаться. Квинт Публилий, осаждавший их, впервые получает продление власти и триумф по миновании консульства. Народ освобожден от долгового рабства после того, как заимодавец Луций Папирий в сладострастии своем попытался обесчестить должника своего Гая Публилия. Когда диктатор Луций Папирий Курсор отлучился для птицегаданий в Рим, его начальник конницы Квинт Фабий пользуется удачным случаем к сражению и вопреки его запрету одерживает победу над самнитами; за это диктатор хочет его наказать, но Фабий бежит в Рим и хоть ничего не добивается законным порядком, однако помилован диктатором ради просьб всего римского народа. Книга содержит также успешные военные действия против самнитов.

Книга 9 (321–304 гг.).

Консулы Тит Ветурий и Спурий Постумий, заведя войско в теснину Кавдинского ущелья и не имея надежды вырваться, заключают с самнитами договор, оставляют заложниками 600 римских всадников и выводят войско, проведя его под ярмом; а затем по предложению того же Спурия Постумия, чтобы народ избавился от обязательств этого договора, оба консула, виновные в таком позоре, вместе с двумя народными трибунами и всеми, кто присягал договору, головою выданы самнитам; однако самниты их не приняли. Вскоре, однако, Папирий Курсор разбивает самнитов, проводит их под ярмом, возвращает Риму 600 всадников-заложников и тем смывает позор прежнего бесчестия. Две новые трибы: Уфентская и Фалернская. Вывод поселений в Свессу и Понтию. Цензор Аппий Клавдий проводит Клавдиев водопровод, мостит дорогу, названную Аппиевой, и принимает в сенат сыновей вольноотпущенников; но консулы следующего года, почитая это недостойным оскорблением своему сословию, восстанавливают

сенат таким, каким он был до последнего цензорства. Книга содержит также успешные действия против апулийцев, этрусков, умбров, марсов, пелигнов, эквов и самнитов, с которыми заново заключен договор. Писец Гней Флавий, сын вольноотпущенника, сговором голосующих избран курульным эдилом; так как голосовавшие после этого оказались в чрезмерной силе и от этого пошла смута и в народном собрании и в военном стане, то цензор Квинт Фабий всех их свел в четыре трибы, названные городскими, за что и был прозван Фабием Максимом («*Величайшим*»). В этой же книге упоминается Александр (*Великий*), правивший в это время, и по расчету тогдашних сил римского народа делается вывод, что если бы Александр переправился в Италию, то победить римский народ было бы ему не так легко, как те народы, которые он подчинил себе на Востоке.

Книга 10 (303–293 гг.).

Выведены поселения Сора, Альба и Карсеолы. Сдача марсов. Пополнение коллегии авгуров с четырех до девяти. Закон об обращении к народу в третий раз предложен консулом Муреною. Две новые трибы: Аниенская и Терентинская. Объявление войны самнитам и успешные действия против них. Между тем против этрусков, умбров, самнитов и галлов Публий Деций и Квинт Фабий воевали лишь с переменным успехом, и римское войско было уже в великой опасности, когда Публий Деций по отцову примеру принес себя в жертву за римское войско и смертью своей дал римскому народу победить в том сражении. Папирий Курсор разбил самнитское войско, хоть оно и вышло на бой, связав себя клятвой, чтобы биться доблестней и упорней. Проведена пятилетняя перепись с очистительными жертвами; граждан насчитано 272 320 человек.

Книга 21 (219–218 гг.).

Начало Второй Пунической войны. <...> и переход пунийского вождя Ганнибала через реку Ибер, в нарушение договора. Он осаждает Сагунт, союзный римскому народу, и захватывает его после восьмимесячной осады. С жалобой на эту несправедливость к карфагенянам отправлены послы. Так как карфагеняне отказываются дать удовлетворение, им объявлена война. Ганнибал, миновав Пиренейский кряж и разбивши в Галлии вольсков, пытавшихся оказать сопротивление, подступает к Альпам, и, совершив трудный переход через них, разбив в нескольких боях сопротивлявшихся галлов, спускается с гор в Италию. Здесь он разбивает римлян в конном бою при реке Тицине; в этом сражении раненый Публий Корнелий Сципион защищен своим сыном, будущим Сципионом Африканским. Вторично разбив римское войско при реке Требии, Ганнибал переходит и через Апеннины, хоть войска его и измучились от непогоды. Гней Корнелий Сципион успешно сражается с пунийцами в Италии и берет в плен их полководца Магона.

Книга 22 (217–216 гг.).

Ганнибал, четыре дня и три ночи без отдыха совершая путь по болотистым местам и от долгого бдения в этих болотах потерявши один глаз, вступает в Этрурию. Консул Гай Фламиний, человек отчаянной отваги, вырывает из земли знамена, которые не поддавались, и сам, садясь на коня, упавший через голову, выступает против Ганнибала вопреки птицегаданию, попадает в засаду и окружение и при Тразименском озере погибает вместе со всем войском; шесть тысяч человек, сумевших вырваться, положась на клятву Адгербала, вероломным Ганнибалом брошены в оковы. Когда в Риме от гонца было получено это известие и начался все-

общий плач, две матери семейств, к которым неожиданно вернулись сыновья, скончались от радости. После этого поражения по велению Сивиллиных книг объявлена Священная весна. Отправленный против Ганнибала диктатор Квинт Фабий Максим не желает вступать с ним в открытый бой, чтобы не выдвигать своих воинов, уstraшенных столькими поражениями, против врага, свирепого от стольких побед, и довольствуется тем, что препятствует всем дальнейшим попыткам Ганнибала. Но его начальник конницы Марк Минуций, человек отважный и пылкий, обвиняет диктатора в лени и трусости и добивается от народа равной власти с диктатором. Отделив свое войско, он принимает бой в неудобном месте, и легионы его оказываются в величайшей опасности, но из этой опасности его вызволяет Фабий Максим, подоспев со своим войском. Победенный таким благодеянием, он вновь соединяется с ним войсками и приветствует его как отца, приказавши сделать то же и воинам. Ганнибал, опустошив Кампанию, оказался заперт Фабием между городом Казилином и горой Калликулой; но Ганнибал, привязав хворост к рогам быков и поджегши его, обратил в бегство римский отряд, занимавший Калликулу, и таким образом вышел из ущелья. Выжигая вокруг все окрестности, он не трогает только поля Фабия Максима, чтобы навлечь на него подозрение в сговоре с врагом. Затем консулы и полководцы Эмилий Павел и Теренций Варрон терпят от Ганнибала жестокое поражение в битве при Каннах, где погибло 45 000 римских воинов, в том числе консул Павел, 90 сенаторов и 30 бывших консулов, преторов и эдилов. После этого молодые знатные юноши в отчаянии предлагают покинуть Италию; но военный трибун Публий Корнелий Сципион, впоследствии прозванный Африканским, обнажил перед колеблющимися меч и поклялся, что будет считать врагом всякого, кто не поклянется вслед за ним не покидать Италию, и этим добился, что все до одного принесли такую присягу. За недостатком воинов, к оружию призваны 8 000 рабов. Пленных, хотя и была возможность их выкупить, решено было не выкупать. Книга содержит также скорбь и страх в Риме и более успешные военные действия в Испании. Весталки Олимпия и Флоренция осуждены за преступный блуд. А Варрону сенаторы вышли навстречу и объявили благодарность за то, что он не отчаялся в судьбе отечества.

Книга 23 (216–215 гг.).

Кампанцы переходят на сторону Ганнибала. Магон, посланный в Карфаген с вестью о победе, рассыпает на пороге сената золотые кольца, снятые с убитых римлян; колец этих, говорят, набралось больше полной хлебной меры. В ответ на эту весть Ганнон, один из знатнейших пунийцев, убеждает карфагенский сенат заключить с римским народом мир; но добиться этого он не может из-за сопротивления Баркидов и их сторонников. Претор Клавдий Марцелл, находясь в Ноле, сделал вылазку против Ганнибала и сражался успешно. Город Казилин осажден пунийцами и доведен до такого голода, что люди ловили и ели мышей и даже ремни и кожу, снятую со щитов; но римляне сплавляют к ним по реке Вультурну орехи и этим помогают выжить. Сенат пополнен 197 человеками из всадников. Претор Луций Постумий с войском перебиты галлами. Гней и Публий Сципионы одерживают в Испании победу над Газдрубалом и подчиняют себе Испанию. Остатки каннского войска отправлены в Сицилию, с тем чтобы они не возвращались, пока не кончится война. Консул Семпроний Гракх побивает кампанцев. Претор Клавдий Марцелл при Ноле побеждает и обращает в бегство Ганнибалово войско, впервые подав усталым от поражений римлянам надежду на лучший исход войны. Союз Ганнибала с царем Филиппом Македонским. Книга содержит также успешные действия Публия и Гнея Сципионов в Испании, а Тита Манлия в Сардинии против пунийцев, когда были взяты в плен полководец Газдрубал, Магон и Ганнон. Войско же Ганнибала так роскошествует на зимнем постое, что расслабляется и телом и духом.

Книга 24 (215–213 гг.).

Гиероним, царь сиракузян, отец которого Гиерон был другом римского народа, переходит на сторону карфагенян, но за свою гордыню и жестокость убит своими же людьми. Проконсул Тиберий Семпроний Гракх одерживает победу при Беневенте над пунийцами во главе с Ганноном – главным образом, с помощью рабов, которых он отпустил на волю. Консул Клавдий Марцелл в Сицилии, почти целиком передавшейся карфагенянам, приступает к осаде Сиракуз. Филиппу, царю македонян, объявлена война; при Аполлонии он разбит, обращен в бегство и возвращается в Македонию с войском, почти безоружным. Продолжать эту войну послан претор Марк Валерий. Книга также содержит действия Публия и Гнея Сципионов против карфагенян; дружбы ищет Сифак, царь Нумидии, который, разбитый массилийским царем Масиниссой, сражавшимся за карфагенян, был им побежден и с большим войском переправился в Испанию близ Гадеса, где Африку и Испанию разделяет лишь узкий пролив. (Также и кельтиберы приняты в число друзей римского народа; с принятием их помощи Рим впервые стал пользоваться наемными воинами.)

Книга 25 (213–212 гг.).

Публий Корнелий Сципион, впоследствии прозванный Африканским, избран эдилом раньше положенного возраста. Ганнибал овладевает Тарентом с помощью тарентинских юношей, притворившихся, что идут на ночную охоту; только городскую крепость удерживает римский отряд. Учреждены Аполлоновы игры во исполнение пророчеств Марция, предсказавшего когда-то и поражение в Каннах. Консулы Квинт Фульвий и Аппий Клавдий успешно действуют против пунийского полководца Ганнона. Проконсул Тиберий Семпроний Гракх заманен в засаду своим гостеприимцем-луканцем и убит Магоном. Центурион Центений Пенула просит у сената войско, обещая с ним разбить Ганнибала; приняв под начало 8 000 воинов, он выходит на бой с Ганнибалом и погибает вместе с войском. Консулы Квинт Фульвий и Аппий Клавдий осаждают Капую. Претор Гней Фульвий терпит поражение от Ганнибала, потеряв 20 000 человек, а сам спасается лишь с отрядом в 200 всадников. Клавдий Марцелл на третий год осады овладевает Сиракузами и ведет себя как великий муж. При взятии Сиракуз был убит Архимед, сидевший над чертежами, расчерченными на песке. Публий и Гней Сципионы в Испании после стольких удачных побед пришли к плачевному концу и погибли со всеми войсками на восьмой год после их прибытия в Испанию. Из-за этого могла бы быть потеряна вся их провинция, если бы не усердие и доблесть римского всадника Луция Марция, который, собрав и взбодрив остатки войск, овладел двумя станами противника. Убито было до 27 000 неприятелей <...> из 1800, и захвачена большая добыча; за это Марций был объявлен полководцем.

Книга 26 (211–210 гг.).

Ганнибал разбивает лагерь над Аниеном в трех милях от Рима, а сам с двумя тысячами всадников подъезжает к самым Капенским воротам, чтобы разведать положение города. Но три дня, когда оба войска выходили на бой, сражению мешала гроза; а когда войска возвращались в лагери, небо тотчас прояснилось. Капуя взята консулами Квинтом Фульвием и Аппием Клавдием; кампанские вожди покончили с жизнью, отравив себя. Кампанских сенаторов Фульвий привязал к столбам, чтобы обезглавить; в это время от сената пришло к нему письмо с приказанием пощадить их, но Фульвий не стал его читать, положил за пазуху, приказал действовать по закону и совершить казнь. Когда в народном собрании решалось, кому поручить начальство

в Испании, и все уклонялись, то Публий Сципион, сын Публия, погибшего в Испании, вызвался идти туда сам и, с общего согласия туда направившись, овладел Новым Карфагеном. Было ему 24 года, и считалось, что он божественного происхождения, потому что до своих совершенных лет он ежедневно бывал на Капитолии и потому что в опочивальне его матери часто видели змею. Книга содержит также действия в Сицилии, дружественный союз с этолийцами и войну против акарнанцев и македонского царя Филиппа.

Книга 27 (209–207 гг.).

Проконсул Гней Фульвий со всем войском разбит Ганнибалом при Гердони и погибает. Консул Клавдий Марцелл успешнее сражается с Ганнибалом при Нумистроне; после этого Ганнибал ночью начинает отступление, а Марцелл преследует его, теснит и наконец принуждает к бою. В первом столкновении побеждает Ганнибал, во втором Марцелл. Консул Фабий Максим (отец) с помощью изменников овладевает Тарентом. Консулы Клавдий Марцелл и Тит Квинций Криспин, выступив из лагеря на разведку, хитростью Ганнибала попадают в окружение; Марцелл убит, Криспин спасся бегством. Цензоры совершают очистительные жертвы; граждан насчитано 137 108 человек, из чего видно, сколько потерял римский народ недоброй волею судьбы в стольких битвах. В Испании при Бекуле Сципион сражается с Газдрубалом и Гамилькаром и одерживает победу; среди пленных – юноша царской крови и необычайной красоты, которого Сципион отпускает с подарками к Масиниссе, его дяде по матери. Газдрубал с новым войском переходит Альпы для соединения с Ганнибалом, но разбит консулом Марком Ливием, потеряв 56 000 человек убитыми и 1300 пленными. В этом не меньше и заслуга консула Клавдия Нерона, который, воюя против Ганнибала, оставил лагерь так, чтобы обмануть врага, а сам с отборным отрядом удалился и окружил Газдрубала. Книга содержит также действия Публия Сципиона в Испании и претора Публия Сульпиция против Филиппа и ахейцев.

Книга 28 (207–205 гг.).

Описываются успешные действия Силана, Сципионова легата и Луция Сципиона, брата его, в Испании против пунийцев, а проконсула Сульпиция в союзе с Атталом, царем Азии, против Филиппа Македонского в защиту этолийцев. Консулам Марку Ливию и Клавдию Нерону назначен триумф, причем Ливий, сражавшийся во вверенной ему области, едет на колеснице четверней, а Нерон, явившийся в область товарища, чтобы помочь его победе, следует за ним на коне, но этим лишь умножает свой почет и славу, потому что и на войне он достиг большего, чем товарищ. Пожар в храме Весты по вине не уследившей за огнем весталки; пожар потушен, виновница засечена насмерть. Публий Сципион в Испании одерживает окончательную победу над пунийцами (на 14-м году войны и на пятый год своего там пребывания); оттеснив врагов, он распространяет свою полную власть на обе Испании. Из Таррокона он плывет в Африку и заключает договор с Сифаком, царем Массилиев; там на пиру он возлежит на одном ложе с Газдрубалом, сыном Гисгоновым. В память отца и дяди он устраивает в Новом Карфагене гладиаторские игры, но сражаются в них не гладиаторы, а те, кто вышел на арену в честь своего вождя или по вызову; среди прочих два брата-царька решали оружием спор о своем царстве. Осада Гисии, жители которой перебили над погребальным костром своих детей и жен, а потом сами бросились в огонь. Сам Сципион, хоть и страдал тяжелой болезнью, подавил бунт, вспыхнувший в части войска, ободрил воинов, принудил к сдаче восставшие испанские племена и вступил в дружбу с Масиниссой, царем Нумидии, который обещал ему свою помощь, если он перенесет войну в Африку, а также с жителями Гадеса, после того как оттуда удалился Магон, вызванный письмом из Карфагена для переправы в Италию. Воротясь в Рим, Сципион избран консулом; он просит для себя войну в Африке, но из-за противодействия Квинта Фабия

Максима получает на свою долю Сицилию, однако с правом перенести войну в Африку, если почтет это за благо для государства. Магон же, сын Гамилькара, перезимовав на меньшем из Балеарских островов, переправляется в Италию.

Книга 29 (205–204 гг.).

Гай Лелий, посланный Сципионом из Сицилии в Африку, возвращается с большой добычей и передает Сципиону жалобу Масиниссы на то, что он еще не переправился в Африку. Война в Испании кончена победой римлян; из зачинщиков ее Индибилис пал в бою, а Мандоний по требованию римлян выдан им его же людьми. Магон, находясь в лигурийском Альбингауне, получает из Африки много людей и денег для набора наемной помощи, с тем чтобы идти на соединение с Ганнибалом. Сципион из Сиракуз переправляется в Бруттий и занимает Локры, вытеснив пунийский охранный отряд и обратив в бегство Ганнибала. С Филиппом Македонским заключен мир. Из фригийского Пессинунта в Рим доставлен кумир Идейской Матери, потому что в Сивиллиных книгах нашлось пророчество: иноземный враг будет изгнан из Италии, если Идейскую Матерь привезут в Рим. Азийский царь Аттал отдает ее римлянам; это был камень, именуемый там Матерью богов. Перевоз поручен Публию Сципиону Назике, сыну того Гнея, который погиб в Испании; хотя Публий не достиг еще и квесторских лет, но сенат почел его лучшим из мужей, а в вещании было сказано, чтобы кумир был принят и освящен лучшим из мужей. Из Локр в Рим приходят послы с жалобой на бесстыдство легата Племиния, который разграбил казну Прозерпины и бесчестил их жен и детей; Племиний в цепях доставлен в Рим и умирает в тюрьме. О Публии Сципионе доходит в Рим лживый слух, будто он праздно роскошествует в Сицилии; сенат посылает гонцов проведать, так ли это; Сципион, очистив себя от всякого подозрения, с дозволения сената переправляется в Африку. Сифак, взявши в жены дочь Газдрубала, сына Гисгонова, расторгает дружбу, связывавшую его со Сципионом. Масинисса же, царь месулиев, еще сражаясь в Испании за карфагенян, со смертью отца своего Галы потерял и царство; безуспешно попытавшись в нескольких сражениях отбить его, но потерпев поражение от Сифака, царя нумидийского, он как изгнанник, имея лишь 200 всадников, присоединяется к Сципиону и с ним в первом же походе разбивает Ганнона, сына Гамилькарова, с его большим отрядом. Сципион, видя приближение Газдрубала и Сифака со сотысячным войском, снимает осаду Утики и отходит на зимний постой. Консул Семпроний успешно воюет против Ганнибала в Кротонской области. Между цензорами Марком Ливием и Клавдием Нероном происходит достопамятная распря: Клавдий отобрал у Ливия звание за то, что тот лжесвидетельствовал против него и примирился лишь притворно. Тогда же Ливий оставил в податном сословии все трибы, кроме одной, за то, что они его сперва осудили без вины, а потом избрали и в консулы, и в цензоры. Цензорами совершены очистительные жертвы; по переписи насчитано было 214 000 граждан.

Книга 30 (203–201 гг.).

Сципион в Африке с помощью Масиниссы в нескольких сражениях разбивает и карфагенян, и Сифака Нумидийского, и Газдрубала; при взятии вражеского лагеря от огня и меча погибло 40 000 человек. Гай Лелий и Масинисса захватывают в плен Сифака. Масинисса, влюбившись в пленную Сифакову жену Софонис, дочь Газдрубала, и берет ее в жены; получив за это выговор от Сципиона, он посылает ей яд, и она, испив его, умирает. От многочисленных Сципионовых побед карфагеняне приходят в отчаянье и для общего спасения призывают Ганнибала. Тот покидает Италию, где воевал шестнадцать лет, приплывает в Африку, пытается в переговорах заключить со Сципионом мир, но, не добившись приемлемых условий, сходитсся с ним в сражении и разбит. По просьбе карфагенян заключается мир; Гисгона, противяще-

гося миру, Ганнибал отгаскивает собственной рукой и, попросив прощения за эту дерзость, сам призывает к миру. Масиниссе возвращено его царство. По возвращении в Рим Сципион справляет самый знатный и пышный триумф; в триумфе за ним следует сенатор Квинт Теренций Куллеон в колпаке как освобожденный из неволи. Сципион получает прозвище «Африканский» – то ли по любви к нему воинов, то ли по расположению к нему народа; во всяком случае, он был первый полководец, украшенный именем побежденного им народа. Магон же, воевавший с римлянами в земле инсубров, был ранен и, вызванный гонцами в Африку, скончался от раны на обратном пути.

Книга 31 (201–200 гг.).

Возобновлена прерванная война с Филиппом, царем Македонским; причина этому указывается такая: во время таинств Цереры в Афины пришли двое юношей-акарнанцев и, не будучи посвящены, проникли вместе со всеми в святилище Цереры; за такое великое кощунство афиняне их убили. Акарнанцы, возмущенные гибелью соотечественников, для отмщения призвали на помощь Филиппа и осадили Афины. Афиняне попросили помощи у римлян. Началось это в 551 году от основания Рима, через несколько месяцев после мира с карфагенянами. Когда послы афинян, осажденных Филиппом, попросили у сената помощи и сенат на это согласился, а народ, утомленный трудами стольких войск, не соглашался, то верх одержало влияние сената <...> и народ также постановил оказать помощь союзному государству. Война поручена консулу Публию Сульпицию, и он, явившись с войском в Македонию, успешно сражался с Филиппом в двух конных битвах. Абидосцы, осажденные Филиппом, по примеру сагунтинцев, перебили друг друга. Претор Луций Фурий одержал победу над восставшими галлами-инсубрами и пунийцем Гамилькаром, затеявшим войну в тех же местах Италии. Гамилькар на этой войне погиб, и с ним 35 тысяч войска. Книга содержит также походы царя Филиппа и консула Сульпиция, а также осады городов и тем и другим. Консул Сульпиций вел войну при поддержке родосцев и царя Атгала. Претор Луций Фурий в честь победы над галлами справляет триумф.

Книга 32 (199–197 гг.).

Сообщается о многих знаменьях в различных местах; в частности, в Македонии на корме боевого корабля выросло лавровое дерево. Консул Тит Квинкций Фламинин успешно сражается с Филиппом в ущелье Эпира, обращает его в бегство и оттесняет в его царство. Сам он с подмогой от этолийцев и афаманов опустошает смежную с Македонией Фессалию, а брат его Луций Квинкций Фламинин, с подмогой от Атгала и родосцев одержав морскую победу, опустошает Евбею и морские берега. Заключена дружба с ахейцами. Число преторов увеличено до шести. Заговор рабов с целью освободить карфагенских заложников подавлен, 2500 человек казнены. Консул Корнелий Цетег разбивает в сражении галлов-инсубров. Заключена дружба с лакедемонянами и их тираном Набисом. Кроме того, сообщается о завоевании македонских городов.

Книга 33 (197–195 гг.).

Проконсул Тит Квинкций Фламинин разбивает Филиппа в битве при Киноскефалах в Фессалии. Брат его Луций Квинкций Фламинин берет главный акарнанский город Левкаду и принимает акарнанцев в подданство. По просьбе Филиппа с ним заключен мир, а Греции дана свобода. Аттал, внезапно заболев, возвращается от Фив в Пергам и там умирает. Претор Гай

Семпроний Тудитан со всем своим войском погибает от кельтиберов. Консулы Луций Фурий Пурпуреон и Клавдий Марцелл покоряют галльские племена бойев и инсубров; триумф Марцелла. Ганнибал безуспешно пытается поднять Африку на войну; за это его противники из страха доносят на него в Рим, и оттуда прибывает посольство к карфагенскому сенату о Ганнибале. Тот спасается бегством к сирийскому царю Антиоху, готовящемуся к войне против римлян.

Книга 34 (195–193 гг.).

Оппиев закон об ограничении женской роскоши, внесенный во время Пунической войны, после долгих споров отменен, несмотря на протесты Порция Катона. Катон отправлен на войну в Испании, затеянную эмпорийцами, и наводит порядок в Ближней Испании. Тит Квинкций Фламинин успешно ведет войну против лакедемонян и их тирана Набиса и завершает ее заключением мира (чего и он сам хотел) при условии освобождения Аргоса, находившегося под властью тирана. Излагаются и другие успешные действия, как в Испании, так и против галльских бойев и инсубров. На зрелищах впервые сенатские места отделены от народных: для этого, к вящему негодованию народа, пришлось вмешаться цензорам Сексту Элию Пету и Гаю Корнелию Цетегу. Выведено много поселений. Марк Порций Катон справляет триумф за победы в Испании; Тит Квинкций Фламинин за победы над царем Филиппом Македонским и тираном Набисом Лакедемонским, а также за освобождение Греции справляет триумф целых три дня. Карфагенские послы доносят, что Ганнибал, бежавши к Антиоху, затевает вместе с ним войну. А Ганнибал пытался побудить к войне даже пунийцев, послав в Карфаген Аристона Тирского, но без всяких писем.

Книга 35 (193–192 гг.).

Публий Сципион Африканский, посланный к Антиоху, в Эфесе разговаривает с Ганнибалом, перешедшим служить Антиоху, убеждая его, что страх его перед римлянами напрасен. При этом на вопрос, какой полководец, по мнению Ганнибала, выше всех, тот ответил: Александр Македонский, потому что он с малым войском разбил несчетные вражеские полчища и достиг таких краев, какие никто даже не надеялся увидеть. На вопрос, кого же он считает вторым после Александра, он ответил: Пирра, потому что он первый научился правильно разбивать лагерь, лучше всех брал города и располагал охрану. На вопрос, кто же третий, он назвал самого себя. Сципион рассмеялся и спросил: «Что же ты сказал бы, если бы ты меня победил?» – а тот: «Тогда бы я считал себя выше и Александра, и Пирра, и всех». Бык консула Гнея Домиция проговорил: «Рим, берегись!»; были и многие другие знамения. Набис, тиран Лакедемонский, подстрекаемый этолийцами, которые побуждали к войне с римлянами и Филиппа и Антиоха, отлагается от римского народа, но стараниями этолийцев погибает в войне против ахейского вождя Филопемена. Этолийцы также порвали дружбу с римским народом; обеспечившись их союзом, сирийский царь Антиох вторгся войною в Грецию и захватил многие города, в том числе Халкиду и всю Евбею. Книга содержит также действия против лигурийцев и приготовления Антиоха к войне.

Книга 36 (191 г.).

Консул Ацилий Глабрион при Фермопилах разбивает Антиоха, пришедшего на помощь царю Филиппу, и вытесняет его в Азию, а этолийцев приводит к покорности. Консул Публий Корнелий Сципион Назика (тот, которого сенат почел лучшим из мужей) освятил на Палатине

храм Матери богов, им же когда-то и доставленной на Палатин; он же разбивает и принуждает к сдаче галлов-бойев и справляет по этому поводу триумф. Описываются также морские победы над флотоводцами царя Антиоха.

Книга 37 (190 г.).

Консул Луций Корнелий Сципион, взяв с собой легатом Сципиона Африканского (который сам обещал пойти легатом при брате, если тому дадут под начало Грецию) и с Гаем Лелием, влиятельным человеком в сенате, получив сказанное назначение, выступает на войну с царем Антиохом и первый из всех римских полководцев переправляется в Азию. Регилл с помощью родосцев успешно сражается при Мионнесе против царского флота Антиоха. Сын Сципиона Африканского попадает в плен к Антиоху, но отпущен им к отцу. Затем Антиох разбит Луцием Корнелием Сципионом с помощью пергамского царя Эвмена, сына Аттала; с Антиохом заключается мир на том условии, что он уступает все области по сю сторону Тавра. Луций Корнелий Сципион, победив таким образом Антиоха, получает, подобно брату, прозвище «Азиатский»; Эвмен, с чьей помощью был разбит Антиох, расширяет свое царство; родосцам за такую же помощь уступлены некоторые города. Выведено поселение в Бононию. Эмилий Регилл, разбивший в морском бою флотоводцев Антиоха, справляет морской триумф; Маний Ацилий Глабрион справляет триумф за победы над Антиохом, изгнанным из Греции, и над этолийцами.

Книга 38 (189–187 гг.).

Консул Марк Фульвий в Эпире принимает в подданство амбракийцев, осажденных и сдавшихся, покоряет Кефаллению, умиряет этолийцев и заключает с ними мир. Его товарищ консул Гней Манлий побеждает галлогреков (толистобогов, тектосагов и трокмов), которые пришли некогда в Азию с Бренном и одни по сю сторону Тавра оставались непокорны. Рассказывается об их происхождении и о том, как они заняли теперешние свои места. Для примера их доблести и целомудрия рассказывается о женщине, жене их царя, которая была схвачена насильником-центурионом и сама убила его. Цензоры совершают очистительные жертвы; граждан насчитано 258 310 человек. Заключена дружба с Ариаратом, царем Каппадокийским. Гней Манлий, несмотря на противодействие десяти легатов, по совету которых был подписан договор с Антиохом, защитив себя речью в сенате, справляет триумф за победу над галлогреками. Сципион Африканский, призванный к суду за то, что не всю-де Антиохову добычу сдал в казну (по одним сведениям – Невию, по другим – народным трибуном Квинтом Петилием), выйдя на трибуну, сказал только: «В этот день, квириты, я победил Карфаген!» – и отправился на Капитолий в сопровождении всего народа; а затем, чтобы больше не терпеть обид от трибунов, добровольно удалился в Литерн, как в изгнание. Неизвестно, скончался он там или в Риме, потому что памятники ему стоят и там и тут. Луций Сципион Азиатский, брат Африканского, точно так же был обвинен за растрату и осужден; но когда его вели в тюрьму и в оковы, то народный трибун Тиберий Семпроний Гракх, хоть и был прежде врагом Сципионов, вмешался и остановил дело; за эту услугу он получил в жены дочь Сципиона Африканского. Когда квесторы пришли взять его добро в пользу государства, то в нем не только не оказалось ни следа царских денег, но и все оно не стоило столько, чтобы оплатить требуемую пеню. Друзья и родственники принесли ему множество денег, но он их не взял, и они выкупили только то, что было необходимо ему для жизни.

Книга 39 (187–183 гг.).

Консул Марк Эмилий, покорив лигурийцев, прокладывает дорогу от Плацентии до Аримина, соединив ее с Фламиниевой дорогой. Азиатское войско приносит в Рим первую склонность к роскоши. Покорение лигурийцев по сю сторону Апеннин. Вакханалии, ночное греческое священнодействие, рассадник всяческих преступлений, послужили для многолюдного заговора; консул его расследует и многих наказывает. Цензоры Луций Валерий Флакк и Марк Порций Катон, великий как в войне, так и в мирное время, исключает из сената Луция Квинкция Фламинина, брата Тита, потому что в бытность свою консулом в Галлии он на пиру по просьбе знатного продажного юноши Филиппа Пунийца, которого он любил, собственноручно убил какого-то галла (или, по другим сведениям, обезглавил одного из осужденных преступников по просьбе гетеры Плацентины, в которую был влюблен). Речь Катона против него сохранилась. Сципион умирает в Литерне; и в то же время, как будто судьба пожелала соединить кончины двух величайших мужей, добровольно принимает яд Ганнибал, которого вифинский царь Прусий (к которому он бежал после поражения Антиоха) собрался выдать римлянам по требованию присланного к нему Тита Квинкция Фламинина. Убит ядом и еще один великий муж, Филопемн, вождь ахейцев, попавший на войне в плен к мессенянам. Выведены поселения Потентия, Пизавр, Мутина и Парма. Книга содержит также успешные действия против кельтиберов, равно как и причины и начало Македонской войны: причина была в том, что Филиппу тяжело было видеть свое царство урезанным римлянами и что ему пришлось вывести свои охранные отряды из Фракии и других мест.

Книга 40 (182–179 гг.).

Филипп приказывает задержать заложниками сыновей тех, кого он казнил; Феоксена, опасаясь царской похоти к своим сыновьям, еще мальчикам, ставит перед ними меч и чашу с отравленным питьем, убеждает их избежать смертью сладострастной опасности; добившись этого, она вместе с мужем бросилась с корабля в море. Рассказывается о соперничестве между Персеем и Деметрием, сыновьями Филиппа Македонского; Персей лживо обвиняет брата в вымышленных преступлениях, сперва в помыслах об отцеубийстве и захвате власти, а потом в дружбе с римлянами; за это брат его отравлен ядом, а македонское царство по смерти Филиппа переходит к Персею. Далее книга содержит удачные действия многих полководцев против лигурийцев и испанских кельтиберов. Выведено поселение в Аквилею. На поле писца Луция Петилия, что под Яникулом, пахари нашли в каменном ларце книги Нумы Помпилия, греческие и латинские; претор, которому они были доставлены, усмотрел в них многое, что может подорвать богобоязненность, и по сенатскому указу они были сожжены на форуме, где народ сходил на собрание. Филипп, удрученный душой после того, как по наговорам Персея отравил второго сына, помышляет наказать Персея и хочет оставить наследником царства своего друга Антигона, но среди таких помышлений умирает, и царскую власть получает Персей.

Книга 41 (178–174 гг.).

В храме Весты угас огонь. Проконсул Тиберий Семпроний Гракх разбивает и принимает в подданство кельтиберов, выстроив в память своих деяний в Испании крепость Гракхурис. Проконсул Постумий Альбин покоряет вакцеев и лузитанов. Оба справляют триумф. Антиох, сын Антиоха, оставленный отцом в Риме как заложник, отпущен царствовать в Сирию, так как брат его Селевк, наследовавший отцу, умер. Царем он оказался плохим, хотя по богобояз-

ненности и построил много храмов во многих местах, в том числе в Афинах Юпитеру Олимпийскому и в Антиохии Юпитеру Капитолийскому. Цензоры совершают очистительное жертвоприношение; граждан насчитано 263 294 человека. Народный трибун Квинт Воконий Сакса вносит закон, чтобы нельзя было оставлять наследство женщинам; этот закон поддерживает Марк Катон, речь которого сохранилась. Книга содержит также успешные действия многих полководцев против лигурийцев, истрийцев, сардов и кельтиберов, а также начало Македонской войны, затеянной Персеем, сыном Филиппа. Он послал посольство в Карфаген, которое там было выслушано ночью, и тревожит смуту греческие города.

Книга 42 (173–171 гг.).

Цензор Квинт Фульвий Флакк снимает мраморные черепицы с храма Юноны Лацинии, чтобы покрыть храм, который посвящает сам; указом сената черепицы возвращены храму Юноны. Эвмен, царь Азии, приносит сенату жалобу на Персея Македонского и доносит римскому народу об обидах от него. Персею объявлена война; консул Публий Лициний Красс, которому она поручена, переправляется в Македонию и ведет с Персеем войну в Фессалии легкими набегами и конными стычками, но с малым успехом. Между Масиниссой и карфагенянами возникает раздор из-за спорной земли; сенат призывает их к суду для разбора. Разосланы посольства к царям и городам с требованием хранить верность Риму; родосцы колеблются. Цензоры совершают очистительные жертвоприношения; граждан по переписи насчитано 257 231. Книга содержит также успешные действия против корсов и лигурийцев.

Книга 43 (171–169 гг.).

Несколько преторов осуждены судом за жестокость и жадность в управлении провинциями. Проконсул Публий Лициний Красс завоевывает в Греции много городов и жестоко их грабит; пленникам, которых он продал в рабство, сенатским указом возвращена свобода. Так же и начальниками римского флота нанесено много обид союзникам. Книга содержит также успешные действия царя Персея во Фракии, где он победил дарданцев и иллирийцев с их царем Генцием. Восстание, поднятое в Испании Олоником, затихает после его гибели. Цензоры назначают первоприсутствующим в сенате Марка Эмилия Лепида.

Книга 44 (169–168 гг.).

Квинт Марций Филипп через бездорожные места проникает в Македонию и занимает много городов. Родосцы присылают в Рим посольство, угрожая прийти на помощь Персею, если римляне не заключат с ним дружественный мир. Негодование сената. Война поручена Луцию Эмилию Павлу, консулу следующего года (во второй раз); он молится в народном собрании о том, чтобы все угрозы, обращенные к Риму, оборотились на самих угрожающих. Выступив в Македонию, он разбивает Персея и подчиняет своей власти всю Македонию. Перед битвой военный трибун Гай Сульпиций Галл предупреждает войско не удивляться, что на следующую ночь будет лунное затмение. Гентий, царь иллирийцев, поднимает восстание, но разбит претором Луцием Аницием, сдается и вместе с женой, детьми и близкими отправлен в Рим. Посольство из Александрии от царей Птолемея и Клеопатры с жалобой на Антиоха, царя Сирии, начавшего против них войну. Персей склонял к себе в помощь Эвмена, царя Пергамского, и Генция, царя Иллирийского, но был ими оставлен, так как не дал им денег, которые обещал.

Книга 45 (168–167 гг.).

Персей взят в плен Эмилием Павлом на Самофракии. Антиох Сирийский осадил в Египте царя Птолемея и Клеопатру; к нему отправлены послы с приказом прекратить осаду дружественного Риму царя. Выслушав их слова, он ответил, что подумает, как ему действовать, – на что один из послов по имени Попилий начертил тростью на земле вокруг него круг и приказал дать ответ, не выходя из этого круга. После такой суровости Антиох прекратил войну. В Рим являются с поздравлениями посольства от царей и городов, кроме лишь родосцев, которые были в этой войне на стороне противников Рима. Когда на следующий день обсуждалось, не объявить ли им войну, родосские послы произнесли в сенате речь в защиту своего отечества и были отпущены ни как друзья, ни как враги. Македония обращена в провинцию. Эмилий Павел справляет триумф, несмотря на недовольство воинов малостью добычи и несмотря на противодействие Сервия Сульпиция Гальбы; впереди колесницы с тремя сыновьями шел Персей. Как бы для того, чтобы омрачить радость этого триумфа, Эмилий лишается собственных двух сыновей: один умер до триумфа, другой после. Цензоры совершают очистительные жертвы: насчитано граждан 312 895 человек. Вифинский царь Прусий является в Рим поздравить сенат с победой над Македонией и представляет сенату своего сына Никомеда. Из лести царь даже именуется вольноотпущенником римского народа.

Книга I

ПРЕДИСЛОВИЕ

(1) Создам ли я нечто, стоящее труда, если опишу деяния народа римского от первых начал Города, того твердо не знаю, да и знал бы, не решился бы сказать, (2) ибо вижу – затея эта и старая, и не необычная, коль скоро все новые писатели верят, что дано им либо в изложении событий приблизиться к истине, либо превзойти неискусную древность в умении писать¹. (3) Но, как бы то ни было, я найду радость в том, что и я, в меру своих сил, постарался увековечить подвиги первенствующего на земле народа; и, если в столь великой толпе писателей слава моя не будет заметна, утешеньем мне будет знатность и величие тех, в чьей тени окажется мое имя. (4) Сверх того, самый предмет требует трудов непомерных – ведь надо углубиться в минувшее более чем на семьсот лет, ведь государство, начав с малого, так разрослось, что страдает уже от своей громадности; к тому же рассказ о первоначальных и близких к ним временах, не сомневаюсь, доставит немного удовольствия большинству читателей – они поспешат к событиям той недавней поры, когда силы народа, давно уже могущественного, истребляли сами себя²; (5) я же, напротив, и в том буду искать награды за свой труд, что, хоть на время – пока всеми мыслями устремляюсь туда, к старине, – отвлекусь от зрелища бедствий, свидетелем которых столько лет было наше поколение³, и освобожусь от забот, способных если не отклонить пишущего от истины, то смутить его душевный покой. (6) Рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее твореньям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать⁴. (7) Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов; а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная слава народа римского такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. (8) Но подобного рода рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности. (9) Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий – дома ли, на войне ли – обязана держава своим зарождением и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен⁵, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах. (10) В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамлень величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же – чего избегать: бесславные начала, бесславные концы⁶.

¹ Изложение истории Рима от первоначал, от основания города (*ab urbe condita*) – традиция, идущая от первых римских писателей-историков, так называемых старших анналистов. Первый из них, Фабий Пиктор (конец III – начало II в. до н. э.), писал по-гречески, обращая свой (не дошедший до нас) труд прежде всего к неримскому читателю. Характерный для римских историков принцип летописи (изложения по годам) идет тоже от него. Заботу о художественной выразительности и «украшениях речи» Цицерон, писавший в I в. до н. э., считал «недавней».

² Имеются в виду гражданские войны I в. до н. э.

³ Поколение Ливия было свидетелем гражданских войн 49–45 гг. до н. э., приведших к диктатуре Цезаря, и гражданских войн после убийства Цезаря, завершившихся приходом к власти Октавиана Августа и установлением принципата (27 г. до н. э.).

⁴ Ср. ниже: VI, 1–3; VII, 6, 6. Среди прочих источников Ливий, несомненно, использовал и стихотворные «Анналы» римского поэта Энния, дошедшие до нас лишь в отдельных цитатах.

⁵ Здесь (как нередко и при изложении конкретных событий) Ливий обращается к распространенной у римских (и вообще античных) писателей теории упадка нравов.

⁶ Тоже распространенная у античных авторов мысль. Ср., например, у Полибия: «От истории требуется дать людям...

(11) Впрочем, либо пристрастность к взятому на себя делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньшею была жадность; (12) лишь недавно богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий – готовность погубить все ради роскоши и телесных утех⁷.

Не следует, однако, начинать такой труд сетованиями, которые не будут приятными и тогда, когда окажутся неизбежными; с добрых знамений и обетов предпочли бы мы начать, а будь то у нас, как у поэтов, в обычае – и с молитв богам и богиням, чтобы они даровали начатому успешное завершение.

1. (1) Прежде всего достаточно хорошо известно, что по взятии Трои ахейцы жестоко расправились с троянцами: лишь с двоими, Энеем⁸ и Антенором⁹, не поступили они по законам войны – и в силу старинного гостеприимства, и потому что те всегда советовали предпочесть мир и выдать Елену. (2) Обстоятельства сложились так, что Антенор с немалым числом энетов, изгнанных мятежом из Пафлагонии и искавших нового места, да и вождя взамен погибшего под Троей царя Пилемена, прибыл в отдаленнейший залив Адриатического моря (3) и по изгнании евганеев, которые жили меж морем и Альпами, энеты с троянцами владели этой землей. Место, где они высадились впервые, зовется Троей, потому и округа получила имя Троянской, а весь народ называется венеты.

(4) Эней, гонимый от дома таким же несчастьем, но ведомый судьбою к иным, более великим начинаниям, прибыл сперва в Македонию, оттуда, ища где осесть, занесен был в Сицилию, из Сицилии на кораблях направил свой путь в Лаврентскую область¹⁰. Троей именуют и эту местность. (5) Высадившиеся тут троянцы, у которых после бесконечных скитаний ничего не осталось, кроме оружия и кораблей, стали угонять с полей скот; царь Латин и аборигены, владевшие тогда этими местами, сошлись с оружием из города и с полей, чтобы дать отпор пришельцам. (6) Дальше рассказывают двояко. Одни передают, что разбитый в сражении Латин заключил с Энеем мир, скрепленный потом свойством; (7) другие – что оба войска выстроились к бою, но Латин, прежде чем трубы подали знак, выступил в окружении знати вперед и вызвал вождя пришельцев для переговоров. Расспросив, кто они такие, откуда пришли, что заставило их покинуть дом и чего они ищут здесь, в Лаврентской области, (8) и услышав в ответ, что перед ним троянцы, что вождь их Эней, сын Анхиза и Венеры, что из дому их изгнала гибель отечества и что ищут они, где им остановиться и основать город, Латин подивился знатности народа и его предводителя, подивился силе духа, равно готового и к войне и к миру, и протянул руку в залог будущей дружбы. (9) После этого вожди заключили союз, а войска обме-

непреходящие уроки и наставления правдивой записью деяний и речей» (II, 56, 10–11. Пер. Ф. Мищенко).

⁷ Эней – герой Троянской войны, по греч. мифу – сын Анхиза и Афродиты, родственник троянского царя Приама. Рассказ о переселении Энея в Италию сохранился в исторических преданиях этрусков. В сочинениях римских писателей предание об Энее было сведено с преданием об основателе Рима Ромуле. Окончательную обработку легенда об Энее получила в «Энеиде» Вергилия. О древности существовавшего в Италии культа обожествленного Энея свидетельствуют и археологические источники (см.: примеч. 12).

⁸ Антенор – зять Приама, один из мудрых троянских старейшин, оказавший гостеприимство Менелая и Одиссею, когда они явились в Трою с требованием выдать Елену.

⁹ Пафлагония – страна в Малой Азии. Энеты – пафлагонское племя; их царь Пилемен погиб в Троянской войне от руки Менелая. После падения Трои Антенор с энетами отправился во Фракию, а оттуда в страну евганеев на северо-западном берегу Адриатики, где он основал Патавий (совр. Падуя) – родной город Тита Ливия. Североиталийское племя венетов (см.: примеч. 83 к кн. V) греки отождествляли с энетами.

¹⁰ В этой области к югу от устья Тибра на расстоянии около 23 км (в трех километрах от моря) находился город Лаврент, согласно древним авторам, – резиденция Латина, царя аборигенов. Вергилий называет Латина сыном бога лесов Фавна от нимфы Марики (Энеида, VI, 47). Гесиод считал его сыном Одиссея и волшебницы Кирки (Теогония, 1013). Аборигены (аборигины) – «изначальные» исконные жители; у Ливия, как и у Страбона (География. V, 3, 2), – имя собственное.

нялись приветствиями. Эней стал гостем Латина, и тут Латин пред богами-пенатами¹¹ скрепил союз меж народами союзом между домами – выдал дочь за Энея. (10) И это утвердило троянцев в надежде, что скитания их окончены, что они осели прочно и навеки. Они основывают город; (11) Эней называет его по имени жены Лавинием¹². Вскоре появляется и мужское потомство от нового брака – сын, которому родители дают имя Асканий.

2. (1) Потом абorigены и троянцы вместе подверглись нападению. Турн, царь рутулов¹³, за которого была просватана до прибытия Энея Лавиния, оскорбленный тем, что ему предпочли пришлеца, пошел войной на Энея с Латиним. (2) Ни тому, ни другому войску не принесла радости эта битва: рутулы были побеждены, а победители – абorigены и троянцы – потеряли своего вождя Латина. (3) После этого Турн и рутулы, отчаявшись, прибегают к защите могущественных тогда этрусков и обращаются к их царю Мезенцию, который властвовал над богатым городом Цере¹⁴ и с самого начала совсем не был рад рождению нового государства, а теперь решил, что оно возвышается намного быстрее, чем то допускает безопасность соседей, и охотно объединился с рутулами в военном союзе.

(4) Перед угрозой такой войны Эней, чтобы расположить к себе абorigенов и чтобы не только права были для всех едиными, но и имя, нарек оба народа латинами. (5) С той поры абorigены не уступали троянцам ни в рвении, ни в преданности царю Энею. Полагаясь на такое одушевление двух народов, с каждым днем все более сживавшихся друг с другом, Эней пренебрег могуществом Этрурии¹⁵, чьей славой наполнилась и суша, и даже море вдоль всей Италии от Альп до Сицилийского пролива, и, хотя мог найти защиту в городских стенах, выстроил войско к бою. (6) Сражение было удачным для латинов, для Энея же оно стало последним из земных дел. Похоронен он (человеком ли надлежит именовать его или богом) над рекою Нумиком; его называют Юпитером Родоначалником¹⁶.

3. (1) Сын Энея, Асканий, был еще мал для власти, однако власть эта оставалась неприкосновенной и ждала его, пока он не возмужал: все это время латинскую державу – отцовское и дедовское наследие – хранила для мальчика женщина: таково было дарование Лавинии. (2) Я не стану разбирать (кто же о столь далеких делах решится говорить с уверенностью?), был ли этот мальчик Асканий или старший его брат, который родился от Креусы еще до разрушения Илиона, а потом сопровождал отца в бегстве и которого род Юлиев называет Юлом, воз-

¹¹ Пенаты – божества-хранители, культ которых связан с обожествлением предков. Наименование их римляне производили либо от «penus» (кладовая) либо от «penitus» (внутри) (Цицерон. О природе богов, II, 68). Домашние пенаты – «отеческие» боги-покровители, хранители дома, запасов продовольствия; изображения их помещали возле очага. Общественные пенаты – это боги-хранители целостности и благополучия государства. В торжественных клятвах их называли вместе с Юпитером. Их фигурки, привезенные Энеем из Трои, сначала находились в Лавинии, а потом в Риме, в храме Весты (см.: примеч. 72).

¹² Лавиний находился близ совр. поселка Пратика-ди-Маре на берегу Тирренского моря. Здесь найдено культовое сооружение – героон IV в. до н. э., поставленное на месте гробницы VII в. до н. э. и надпись IV в. до н. э.: «Лару Энею» (см.: примеч. 93). Видимо, культ бога-родоначальника здесь был очень древним. Сюда, в Лавиний, отправлялись, вступив в должность, римские высшие должностные лица, чтобы принести жертвы богам-прародителям.

¹³ Турн считался сыном Давна, мифического царя Давния (Сев. Апулия), и нимфы Венилии; рутулы – италийское племя, родственное латинам (см. также: примеч. 163). См.: Вергилий. Энеида, VII, 409 сл., 791; X, 108; Овидий. Метаморфозы XIV, 518–520; Страбон, V, 3, 2.

¹⁴ Цере – этрусский город к северо-западу от Рима (примерно в 40 км от него и в нескольких километрах от моря). Древнейшие погребения здесь датируются VIII и VII вв. до н. э. О Мезенции см.: Вергилий. Энеида, VIII, 480; X, 689, 785, 800 (иная версия); Овидий. Фасты, IV, 880–890. Этрусски – народ, обитавший в древности в Средней Италии между реками Арно и Тибром. Древние авторы приписывают этрускам малоазийское происхождение, но в их культуре прослеживаются и италийские корни. Сложная и своеобразная культура этрусков оказала немалое влияние на римскую. См. также: примеч. 15.

¹⁵ В V книге (33, 7–10) Ливий пишет о державе этрусков, которая охватывала Северную и Центральную Италию, а также Кампанию и распространяла свое господство на острова в Тирренском море. Наивысшего могущества Этрусское государство достигает в VIII–VII вв. до н. э. Со второй половины VI в. до н. э. начинается его упадок.

¹⁶ Юпитер Родоначалник – лат. Iuppiter Indiges. Текст Ливия здесь, видимо, указывает на слияние культа Энея с более древним культом бога-родоначальника. Нумик – река в Лации, впадает в Тирренское море близ Арден (о ней см. ниже: примеч. 163).

водя к нему свое имя¹⁷. (3) Этот Асканий, где бы ни был он рожден и кто бы ни была его мать (достоверно известно лишь, что он был сыном Энея), видя чрезмерную многолюдность Лавиния, оставил матери – или мачехе – уже цветущий и преуспевающий по тем временам город, а сам основал у подножья Альбанской горы другой, протянувшийся вдоль хребта и оттого называемый Альбой Лонгой¹⁸. (4) Между основанием Лавиния и выведением поселенцев в Альбу прошло около тридцати лет. А силы латинов возросли настолько – особенно после разгрома этрусков, – что даже по смерти Энея, даже когда правила женщина и начинал привыкать к царству мальчик, никто – ни царь Мезенций с этрусками, ни другой какой-нибудь сосед – не осмеливался начать войну. (5) Границей меж этрусками и латинами, согласно условиям мира, должна была быть река Альбула, которую ныне зовут Тибром.

(6) Потом царствовал Сильвий, сын Аскания, по какой-то случайности рожденный в лесу¹⁹. От него родился Эней Сильвий, а от того – Латин Сильвий, (7) который вывел несколько поселений, известных под названием «Старые латины»²⁰. (8) От этих пор прозвище Сильвиев закрепилось за всеми, кто царствовал в Альбе. От Латина родился Альба, от Альбы Атис, от Атиса Капис, от Каписа Капет, от Капета Тиберин, который, утонув при переправе через Альбу, дал этой реке имя, вошедшее в общее употребление²¹. (9) Затем царем был Агриппа, сын Тиберина, после Агриппы царствовал Ромул Сильвий, унаследовав власть от отца. Пораженный молнией, он оставил наследником Авентина. Тот был похоронен на холме, который ныне составляет часть города Рима²², и передал этому холму свое имя. (10) Потом царствовал Прока. От него родились Нумитор и Амулий; Нумитору, старшему, отец завещал старинное царство рода Сильвиев. Но сила одержала верх над отцовской волей и над уважением к старшинству: отгеснив брата, воцарился Амулий. (11) К преступлению прибавляя преступление, он истребил мужское потомство брата, а дочь его, Рею Сильвию, под почетным предлогом – избрав в весталки – обрек на вечное девство²³.

4. (1) Но, как мне кажется, судьба предопределила и зарождение столь великого города, и основание власти, уступающей лишь могуществу богов. (2) Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса – то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, – меньшее бесчестье. (3) Однако ни боги, ни люди не защитили ни ее самое, ни ее потомство от царской жестокости. Жрица в оковах была отдана под стражу, детей царь приказал бросить в реку. (4) Но Тибр как раз волей богов разлился, покрыв берега стоячими водами, – нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. (5) И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставляют детей в ближайшей заводи – там, где теперь Руми-

¹⁷ Юлии – знатный римский род (к нему, в частности, принадлежал Гай Юлий Цезарь); первое историческое лицо, относящееся к этому роду, – консул 489 г. до н. э. Гай Юлий Юл. Юлии считали своим родоначальником Юла, или Ила (чье имя связывали с Илионом), отождествлявшегося с Асканием.

¹⁸ Альба Лонга («Длинная Альба») – в 25–30 км от Рима – была, судя по раскопкам, основана на несколько десятилетий (а не столетий) раньше Рима. Население обоих городов принадлежало к одной культуре.

¹⁹ Сильвий – от лат. *silva* – лес. Династия Сильвиев была придумана римскими авторами, чтобы заполнить 400-летнюю лакуну (как получалось по их расчетам) между датами падения Трои и основанием Рима.

²⁰ «Старые латины» – *Prisci Latini*. Название возникло гораздо позднее, не ранее IV в. до н. э. Оно давало возможность отличать города «латинского права» (*ius Latinum*) от городов, издавна населенных латинами.

²¹ Тиберин стал богом реки Тибр. См.: Овидий. *Метаморфозы*, XIV, 614–616; *Фасты*, II, 389–390; Вергилий. *Энеида*, VIII, 331, 332. По другому мифу, Тиберин спас Рею Сильвию, брошенную в реку. На о-ве Тиберине (собств. Тибрском острове) в Риме ему посвящен храм. Ежегодно в декабре Тиберину приносились жертвы, в честь него 7 июля давались игры. См.: Овидий. *Фасты*, VI, 237–240.

²² Авентин начал заселяться очень рано (ср. ниже: гл. 6, 4; население его было преимущественно плебейским). Однако до рубежа II в. до н. э. он оставался вне городских укреплений и лишь в I в. н. э., при императоре Клавдии (т. е. после окончания труда Ливия), был включен в пределы померия.

²³ Жреческая коллегия дев-весталок была, по преданию, учреждена в Риме Нумой, заимствовавшим это священнослужение из Альбы (см. ниже: гл. 20, 3).

нальская смоковница²⁴ (раньше, говорят, она называлась Ромуловой). Пустынны и безлюдны были тогда эти места. (6) Рассказывают, что, когда вода схлынула, оставив лоток с детьми на суше, волчица с соседних холмов, бежавшая к водою, повернула на детский плач. Пригнувшись к младенцам, она дала им свои сосцы и была до того ласкова, что стала облизывать детей языком; так и нашел ее смотритель царских стад, (7) звавшийся, по преданию, Фавстулом. Он принес детей к себе и передал на воспитание своей жене Ларенции. Иные считают, что Ларенция звалась среди пастухов «волчицей», потому что отдавалась любому, – отсюда и рассказ о чудесном спасении²⁵. (8) Рожденные и воспитанные как описано выше, близнецы, лишь только подросли, стали, не пренебрегая и работой в хлевах или при стаде, охотиться по лесам. (9) Окрепнув в этих занятиях и телом и духом, они не только травили зверей, но нападали и на разбойников, нагруженных добычей, а захваченное делили меж пастухами, с которыми разделяли труды и потехи; и со дня на день шайка юношей все росла.

5. (1) Предание говорит, что уже тогда на Палатинском холме справляли существовавшее поныне празднество Луперкалии²⁶ и что холм этот был назван по аркадскому городу Паллантею Паллантейским, а потом Палатинским²⁷. (2) Здесь Евандр, аркадянин, намного ранее владевший этими местами, завел принесенный из Аркадии ежегодный обряд, чтобы юноши бегали нагими, озорством и забавами чествуя Ликейского Пана, которого римляне позднее стали называть Инуем²⁸. (3) Обычай этот был известен всем, и разбойники, обозленные потерей добычи, подстерегали юношей, увлеченных праздничною игрой: Ромул отбилсЯ силой, Рема же разбойники схватили, а схватив, передали царю Амулию, сами выступив обвинителями. (4) Винили братьев прежде всего в том, что они делали набеги на земли Нумитора и с шайкою молодых сообщников, словно враги, угоняли оттуда скот. Так Рема передают Нумитору для казни.

(5) Фавстул и с самого начала подозревал, что в его доме воспитывается царское потомство, ибо знал о выброшенных по царскому приказу младенцах, а подобрал он детей как раз в ту самую пору; но он не хотел прежде времени открывать эти обстоятельства – разве что при случае или по необходимости. (6) Необходимость явилась первой, и вот, принуждаемый страхом, он все открывает Ромулу. Случилось так, что и до Нумитора, державшего Рема под стражей, дошли слухи о братьях-близнецах, он задумался о возрасте братьев, об их природе, отнюдь не рабской, и его душу смутило воспоминанье о внуках. К той же мысли привели Нумитора расспросы, и он уже был недалек от того, чтобы признать Рема. Так замыкается кольцо вокруг царя. (7) Ромул не собирает своей шайки – для открытого столкновения силы не были равны, – но, назначив время, велит всем пастухам прийти к царскому дому – каждому иной дорогой

²⁴ Это название римляне производили от имени Румины (лат. *gumis* – «сосок») – древней богини вскармливания младенцев (смоковница содержит млечный сок и плод ее формой похож на женскую грудь), – а некоторые нынешние ученые – от этрусского имени, связанного с наименованием Рима (следовательно, и с именем Ромула). Руминая смоковница стояла то ли на юго-западном углу Палатина, то ли на площади народных собраний – Комиции, куда будто бы была чудесно перенесена. См.: Овидий. Фасты. II. 411–412 (о Палатине): «Было там дерево, пень которого цел и доселе / Румина это, она Ромула фигой была» (пер. Ф. Петровского).

²⁵ Ларенция – первоначально богиня Акка Ларенция, т. е. мать Ларов (богов-хранителей – подробнее см. ниже: примеч. 93); отождествление ее с волчицей, выкормившей Ромула и Рема (которые считались ларами города Рима) привело к дальнейшей рационализации мифа (лат. *lupa* – «волчица», в просторечии также «потаскуха»).

²⁶ Луперкалии (то ли от лат. *lupus* – «волк» и *agere* – «отгонять», то ли от *lupus-hircus* – «волк-козел»; есть и другие предположения) – древнее римское празднество (15 февраля). В этот день приносили в жертву козлов и коз, затем юноши-патриции бегали нагими вокруг Палатина, ударяя встречных ремнями из козлиных шкур. Этот примитивный обряд был очистительным, но должен был способствовать и повышению плодородия, и защите стад от волков. Находят в нем и следы посвященного обряда, и тотемистических верований.

²⁷ Созвучие названий Палатина (правильнее: «Палатий») и аркадского города Паллантея (Паллантия) было, надо полагать, случайным. Название холма, видимо, одного корня с именем древнеиталийской богини пастухов Палес.

²⁸ Римское предание о Евандре (по мнению некоторых исследователей, имеющее историческую основу) связывает происхождение Луперкалии с занесенными в Италию выходцами из Аркадии (область в Южной Греции) культом Ликейского (т. е. «Волчьего») Пана, лесного и пастушеского бога, отождествленного с италийским божеством Инуем.

– и нападает на царя, а из Нумиторова дома спешит на помощь Рем с другим отрядом. Так был убит царь.

6. (1) При первых признаках смятения Нумитор, твердя, что враги, мол, ворвались в город и напали на царский дом, увел всех мужчин Альбы в крепость, которую-де надо занять и удерживать оружием; потом, увидав, что кровопролитие свершилось, а юноши приближаются к нему с приветствиями, тут же созывает сходку и объявляет о братниных против него преступлениях, о происхождении внуков – как были они рождены, как воспитаны, как узнаны, – затем об убийстве тирана и о себе как зачинщике всего дела. (2) Юноши явились со всем отрядом на сходку и приветствовали деда, называя его царем; единодушный отклик толпы закрепил за ним имя и власть царя.

(3) Когда Нумитор получил таким образом Альбанское царство, Ромула и Рема охватило желанье основать город в тех самых местах, где они были брошены и воспитаны. У альбанцев и латинов было много лишнего народу, и, если сюда прибавить пастухов, всякий легко мог себе представить, что мала будет Альба, мал будет Лавиний в сравнении с тем городом, который предстоит основать. (4) Но в эти замыслы вмешалось наследственное зло, жажда царской власти и отсюда – недостойная распря, родившаяся из вполне мирного начала. Братья были близнецы, различие в годах не могло дать преимущества ни одному из них, и вот, чтобы боги, под чьим покровительством находились те места, птичьим знаменем²⁹ указали, кому наречь своим именем город, кому править новым государством, Ромул местом наблюдения за птицами избрал Палатин, а Рем – Авентин.

7. (1) Рему, как передают, первому явилось знаменье – шесть коршунов, – и о знамени уже возвестили, когда Ромулу предстало двойное против этого число птиц. Каждого из братьев толпа приверженцев провозгласила царем; одни придавали больше значения первенству, другие – числу птиц. (2) Началась перебранка, и взаимное озлобление привело к кровопролитию; в сумятице Рем получил смертельный удар. Более распространен, впрочем, другой рассказ – будто Рем в насмешку над братом перескочил через новые стены и Ромул в гневе убил его, воскликнув при этом: «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои стены»³⁰. (3) Теперь единственным властителем остался Ромул, и вновь основанный город получил название от имени своего основателя³¹.

Прежде всего Ромул укрепил Палатинский холм³², где был воспитан. Жертвы всем богам он принес по альбанскому обряду, только Геркулесу – по греческому, как установлено было Эвандром. (4) Сохранилась память о том, что, убив Гериона, Геркулес увел его дивных видом быков в эти места и здесь, возле Тибра, через который перебрался вплавь, гоня перед собою стадо, на обильном травяном лугу – чтобы отдых и тучный корм восстановили силы животных – прилег и сам, усталый с дороги. (5) Когда, отягченного едой и вином, сморил его сон, здешний пастух, по имени Как³³, буйный силач, пленившись красотой быков, захотел отнять эту добычу.

²⁹ «Птичьи знамения», ауспиции (от лат. *aves* – «птица» и *spicio* – «наблюдать»), по римским представлениям, помогали узнать волю богов. Задумав или предпринимая что-либо, у богов спрашивали одобрения или предостережения. Считалось, что птицы подают знак полетом (орлы, коршуны), криком (вороны, совы) или поведением при кормежке (куры). Всякое общественное дело, любое действие должностного лица требовали птицегаданий (так что при войске возили священных кур). Правом птицегадания первоначально обладали только патриции. Понятие «ауспиции» в более широком смысле могло включать в себя и любые другие знамения.

³⁰ Разные версии гибели Рема см.: Вергилий. Энеида, I, 292; Овидий. Фасты, V, 469; Плутарх. Ромул; Тацит. Анналы, 12, 24; Флор. I, 1, 8.

³¹ В Древней Италии несколько мест носило название Рим (Roma). По Дионисию Галикарнасскому (I, 73) и Диону Кассию (I, 4, 15), в области, где жили латины и абorigены, существовали два или три Рима. Отсюда делался вывод о том, что имя Ромул – производное от названия «Рим», а не наоборот.

³² На Палатине археологами действительно обнаружено древнейшее поселение VIII в. до н. э. Вокруг Палатина располагались холмы, в разное время присоединявшиеся к городу: Капитолий (где уже при Ромуле появились «убежище», Крепость, храм Юпитера Феретрийского), Квиринал, Эсквилин, Целий, Авентин, Яникул.

³³ Рассказ о Геркулесе и Каке – воспоминание о древнем местном божестве, почитание которого сменилось культом Гер-

Но, загони он быков в пещеру, следы сами привели бы туда хозяина, и поэтому Как, выбрав самых прекрасных, оттащил их в пещеру задом наперед, за хвосты. (6) Геркулес проснулся на заре, пересчитал взглядом стадо и, убедившись, что счет неполон, направился к ближней пещере поглядеть, не ведут ли случайно следы туда. И когда он увидел, что все следы обращены в противоположную сторону и больше никуда не ведут, то в смущенье и замешательстве погнался стадо прочь от враждебного места. (7) Но иные из коров, которых он уводил, замычали, как это бывает нередко, в тоске по остающимся, и тут ответный зов запертых в пещере животных заставил Геркулеса вернуться; Как попытался было силой преградить ему путь, но, пораженный дубиной, свалился и умер, тщетно призывая пастухов на помощь.

(8) В ту пору Евандр, изгнанник из Пелопоннеса, правил этими местами – скорее как человек с весом, нежели как властитель; уваженьем к себе он был обязан чудесному искусству письма³⁴, новому для людей, незнакомых с науками, и еще более – вере в божественность его матери, Карменты³⁵, чьему прорицательскому дару дивились до прихода Сивиллы³⁶ в Италию тамошние племена. (9) Этого Евандра и привлекло сюда волнение пастухов, собравшихся вокруг пришельца, обвиняемого в явном убийстве. Евандр, выслушав рассказ о проступке и о причинах проступка и видя, что стоящий перед ними несколько выше человеческого роста, да и осанкой величественней, спрашивает, кто он таков; (10) услышав же в ответ его имя, чей он сын и откуда родом, говорит: «Геркулес³⁷, сын Юпитера, здравствуй! Моя мать, истинно прорицающая волю богов, возвестила мне, что тыполнишь число небожителей и что тебе здесь будет посвящен алтарь, который когда-нибудь самый могущественный на земле народ назовет Великим и станет почитать по заведенному тобой обряду». (11) Геркулес, подавая руку, сказал, что принимает пророчество и исполнит веление судьбы – сложит и освятит алтарь. (12) Тогда-то впервые и принесли жертву Геркулесу, взяв из стада отборную корову, а к служению и пиршеству призвали Петициев и Пинариев, самые знатные в тех местах семьи. (13) Случилось так, что Петиции были на месте вовремя и внутренности были предложены им, а Пинарии явились к остаткам пиршества, когда внутренности были уже съедены. С тех пор повелось, чтобы Пинарии, покуда существовал их род, не ели внутренностей жертвы. (14) Петиции, выученные Евандром, были жрецами этого священнодействия на протяжении многих поколений – покуда весь род их не вымер, передав священное служение общественным рабам. (15) Это единственный чужеземный обряд, который перенял Ромул, уже в ту пору ревностный почитатель бесмертия, порожденного доблестью, к какому вела его судьба.

8. (1) Воздав должное богам, Ромул созвал толпу на собрание и дал ей законы, – ничем, кроме законов, он не мог сплотить ее в единый народ. (2) Понимая, что для неотесанного люда законы его будут святы лишь тогда, когда сам он внешними знаками власти внушит почтение к себе, Ромул стал и во всем прочем держаться более важно и, главное, завел двенадцать лик-

кулеса (подробнее см.: примеч. 37). У Ливия Как представлен в человеческом образе. По Вергилию (Энеида, VIII, 193 сл.) и Овидию (Фасты, I, 543–586), он – «чудовище», «полузверь», «порожденье Вулкана» (см. ниже: примеч. 124), огнедышащий великан, убивавший всех, кто проходил мимо его пещеры. По-гречески «Как» – «дурной», отсюда его непривлекательный образ. Герюн – трехголовый великан, чьих быков увел Геркулес (десятый подвиг).

³⁴ Эвандру приписывали также изобретение латинского алфавита.

³⁵ Кармента (от лат. carmen – «песнь», «пророчество») – очень древнее италийское божество, отождествленное впоследствии с пришедшей из Аркадии матерью Эвандра. Почиталась как пророчица и родовспомогательница. Кроме древнего алтаря на Бычьем рынке ей был посвящен небольшой храм у Карментальских ворот у подножия Капитолия.

³⁶ Сивиллы – легендарные пророчицы. Среди них наиболее знаменита Кумская сивилла, которой приписывали так называемые Сивиллины книги (см.: примеч. 22 к кн. III).

³⁷ Геркулес (греческий Геракл) был первым чужеземным богом, культ которого был принят в Риме. Центром его культа был Великий алтарь на Бычьем рынке близ Тибра в границах Палатина. Почитали Геркулеса «по греческому обряду»: не закутывая голову (см.: примеч. 64), а увенчивая ее лавром. Возможно, у римского Геркулеса, почитавшегося купцами, были и какие-то черты финикийского Мелькарта (тоже отождествлявшегося с Гераклом). Женщины к культу у Великого алтаря не допускались. Геркулес был популярным божеством и в жертву ему годилось «все, что естся, что пьется».

торов³⁸. (3) Иные полагают, что число это отвечает числу птиц, возвестивших ему царскую власть, для меня же убедительны суждения тех, кто считает, что и весь этот род прислужников, и само их число происходят от соседей-этрусков, у которых заимствованы и курульное кресло, и окаймленная тога³⁹. А у этрусков так повелось оттого, что каждый из двенадцати городов, сообщая избравших царя, давал ему по одному ликтору⁴⁰.

(4) Город между тем рос, занимая укреплениями все новые места, так как укрепляли город в расчете скорей на будущее многолюдство, чем сообразно тогдашнему числу жителей. (5) А потом, чтобы огромный город не пустовал, Ромул воспользовался старой хитростью основателей городов (созывая темный и низкого происхождения люд, они измышляли, будто это потомство самой земли) и открыл убежище в том месте, что теперь огорожено, – по левую руку от спуска меж двумя рощами. (6) Туда от соседних народов сбежались все жаждущие перемен – свободные и рабы без разбора, – и тем была заложена первая основа великой мощи. Когда о силах тревожиться было уже нечего, Ромул сообщает силе мудрость и учреждает сенат, (7) избрав сто старейшин⁴¹, – потому ли, что в большем числе не было нужды, потому ли, что всего-то набралось сто человек, которых можно было избрать в отцы. Отцами их прозвали, разумеется, по оказанной чести, потомство их получило имя «патрициев»⁴².

9. (1) Теперь Рим стал уже так силен, что мог бы как равный воевать с любым из соседних городов, но срок этому могуществу был человеческий век, потому что женщин было мало и на потомство в родном городе римляне надеяться не могли, а брачных связей с соседями не существовало. (2) Тогда, посоветовавшись с отцами, Ромул разослал по окрестным племенам послов – просить для нового народа союза и соглашения о браках: (3) ведь города, мол, как все прочее, рождаются из самого низменного, а потом уж те, кому помогу собственная доблесть и боги, достигают великой силы и великой славы; (4) римляне хорошо знают, что не без помощи богов родился их город и доблестью скуден не будет, – так пусть не гнушаются люди с людьми мешать свою кровь и род. (5) Эти посольства нигде не нашли благосклонного приема – так велико было презренье соседей и вместе с тем их боязнь за себя и своих потомков ввиду великой силы, которая среди них поднималась. И почти все, отпуская послов, спрашивали, отчего не откроют римляне убежище и для женщин: вот и было бы им супружество как раз под пару.

(6) Римляне были тяжело оскорблены, и дело явно клонилось к насилию. Чтобы выбрать время и место поудобнее, Ромул, затаив обиду, принимается усердно готовить торжественные

³⁸ Ликторы – прислужники, сопровождавшие высших должностных лиц. Совмещали функции телохранителей, палачей, полицейских и т. п.

³⁹ К заимствованным у этрусков знакам царской власти относились также: переносное сиденье из слоновой кости – курульное кресло, фаски – связки розог с вставленными в них топорами, тога, окаймленная пурпуром (претекста), и скипетр, навешенные которого венчал орел – птица Юпитера.

⁴⁰ По Ливию (VI, 2, 2), представители 12 городов Этрурии (между реками Арно и Тибр) регулярно собирались в начале весны для решения религиозных (V, 2, 5), военных и внешнеполитических вопросов (IV, 23, 5; 61, 2; V, 17, 6; X, 13, 3). В двенадцатиградье входили Арреций, Волатерры, Кортон, Клузий, Ветулония, Рузеллы, Вольсинии, Вульчи, Тарквинии, Фалерии, Цере, Вейи. Высшим должностным лицом союза был претор. Собрание назначало командующего войском, составленным из отрядов всех городов, входивших в союз. Видимо, таким был царь Клузия Порсена. Последние данные о союзе этрусских государств относятся к IV в. до н. э.

⁴¹ Ср. у Проперция: «Где заседает сенат в окаймленных пурпуром тогах, / Там собирался старейшин попросту, в шкурах, совет. / Сельский рожок созывал на сходку древних квиритов. / Сотня их всех на лугу и составляла сенат» (IV, I, 11–14. Пер. Л. Остроумова).

⁴² «Отцы» (patres) были главами «фамилий» – больших патриархальных семей, из которых состоял род. Из их числа и составлялся первоначально сенат (слова «отцы» и «сенаторы» в первых книгах Ливия часто равнозначны), а словом «патриции» (первое значение – прилагательное от слова «отец»), по Фесту (227L.), обозначались те, «кого сейчас называют свободнорожденными». В начальных книгах Ливия слово «патриции» встречается редко, однако постепенно это обозначение закрепилось за обособившимся сословием родовой знати. Поскольку ее политическим оплотом долгое время оставался сенат, постольку Ливий в своем сочинении, чем дальше, тем чаще употребляет слова «отцы» и «патриции» как синонимы (а переводчиками они нередко передаются единообразно как «патриции»). В переводах настоящего издания сделана попытка передать общий характер Ливиевой системы синонимов, но от точной передачи каждого синонима в каждом случае по ряду причин пришлось отказаться.

игры в честь Нептуна Конного, которые называет Консуалиями⁴³. (7) Потом он приказывает известить об играх соседей, и всё, чем только умели или могли в те времена придать зрелищу великолепия, пускается в ход, чтобы об их играх говорили и с нетерпением их ожидали. (8) Собралось много народу, даже просто из желания посмотреть новый город, – в особенности все ближайшие соседи: ценинцы, крустуминцы, антемняне⁴⁴. (9) Все многочисленное племя сабинян⁴⁵ явилось с детьми и женами. Их гостеприимно приглашали в дома, и они, рассмотрев расположение города, стены, многочисленные здания, удивлялись, как быстро выросло римское государство. (10) А когда подошло время игр, которые заняли собою все помыслы и взоры, тут-то, как было условлено, и случилось насилие: по данному знаку римские юноши бросились похищать девиц. (11) Большею частью хватали без разбора, какая кому попадет, но иных, особо красивых, предназначенных виднейшим из отцов, приносили в дома простолюдины, которым это было поручено. (12) Одну из девиц, самую красивую и привлекательную, похитили, как рассказывают, люди некоего Талассия, и многие спрашивали, кому ее несут, а те, опасаясь насилия, то и дело выкрикивали, что несут ее Талассию; отсюда и происходит этот свадебный возглас⁴⁶.

(13) Страх положил играм конец, родители девиц бежали в горе, проклиная преступников, поправших закон гостеприимства, и взывая к богам, на чьи празднества их коварно заманили. (14) И у похищенных не слабее было отчаянье, не меньше негодование. Но сам Ромул обращался к каждой в отдельности и объяснял, что всему виною высокомерие их отцов, которые отказали соседям в брачных связях; что они будут в законном браке, общим с мужьями будет у них имущество, гражданство и – что всего дороже роду людскому – дети; (15) пусть лишь смягчат свой гнев и тем, кому жребий отдал их тела, отдадут души. Со временем из обиды часто рождается привязанность, а мужья у них будут тем лучшие, что каждый будет стараться не только исполнить свои обязанности, но и успокоить тоску жены по родителям и отечеству. (16) Присоединялись к таким речам и вкрадчивые уговоры мужчин, извинявших свой поступок любовью и страстью, а на женскую природу это действует всего сильнее.

10. (1) Похищенные уже совсем было смягчились, а в это самое время их родители, облачившись в скорбные одежды, сеяли смятение в городах слезами и сетованиями. И не только дома звучал их ропот, но отовсюду собирались они к Титу Тацию, царю сабинян; к нему же стекались и посольства, потому что имя Тация было в тех краях самым громким. (2) Тяжесть обиды немалой долей ложилась на ценинцев, крустуминцев, антемнян. Этим трем народам казалось, что Таций с сабинянами слишком медлительны, и они стали готовить войну сами. (3) Однако перед пылом и гневом ценинцев недостаточно расторопны были даже крустуминцы с антемнянами, и ценинский народ нападает на римские земли в одиночку. (4) Беспорядочно разоряя поля, на пути встречают они Ромула с войском, который легко доказывает им в сражении, что без силы гнев тщетен, – войско обращает в беспорядочное бегство, беглецов преследует, царя убивает в схватке и обирает с него доспехи. Умертвив неприятельского вождя, Ромул первым же натиском берет город.

(5) Возвратившись с победоносным войском, Ромул, великий не только подвигами, но – не в меньшей мере – умением их показать, взошел на Капитолий, неся доспехи убитого неприятельского вождя, развешенные на остоле, нарочно для того изготовленном, и положил их у

⁴³ Это были игры в честь Конса – бога собранного и спрятанного урожая, однако конные бега дали повод связать их (неправоммерно) с греческим Посейдоном и осмыслить Консуалии как игры в честь Нептуна Конного.

⁴⁴ Ценинцы, крустуминцы, антемняне – жители соседних с Римом городов Ценины, Крустумерии, Антемн.

⁴⁵ Сабиняне – соседи древних латинов. Их поселения на холмах Рима (Квиринале и Эсквiline) датируются VIII – началом VII в. до н. э. В легенде о похищении сабинянок отразился факт слияния двух этнических элементов в римской гражданской общине.

⁴⁶ «Талассию!» – свадебный возглас. «... Римляне на свадьбах припевают: “Талассий! Талассий!” – так же, как греки “Гименей! Гименей!”» (Плутарх. Ромул, 15; ср.: Катулл, 61). Значение этого слова было неясно уже в древности.

священного для пастухов дуба; делая это приношение, он тут же определил место для храма Юпитера и к имени бога прибавил прозвание: (6) «Юпитер Феретрийский⁴⁷, – сказал он, – я, Ромул, победоносный царь, приношу тебе царское это оружие и посвящаю тебе храм в пределах, которые только что мысленно обозначил; да станет он вместилищем для тучных доспехов, какие будут приносить вслед за мной, первым, потомки, убивая неприятельских царей и вождей». (7) Таково происхождение самого древнего в Риме храма. Боги судили, чтобы речи основателя храма, назначившего потомкам приносить туда доспехи, не оказались напрасными, а слава, сопряженная с таким приношением, не была обесценена многочисленностью ее стяжавших. Лишь два раза впоследствии на протяжении стольких лет и стольких войн добыты были тучные доспехи⁴⁸ – так редко приносила удача это отличие.

11. (1) Пока римляне заняты всем этим, в их пределы вторгается войско антемнян, пользуясь случаем и отсутствием защитников. Но быстро выведенный и против них римский легион⁴⁹ застигает их в полях, по которым они разбрелись. (2) Первым же ударом, первым же криком были враги рассеяны, их город взят; и тут, когда Ромул праздновал двойную победу, его супруга Герсилия, сдавшись на мольбы похищенных, просит даровать их родителям пощаду и гражданство: тогда государство может быть сплочено согласием. Ромул охотно уступил. (3) Затем он двинулся против крустуминцев, которые открыли военные действия. Там было еще меньше дела, потому что чужие неудачи уже сломили их мужество. В оба места были выведены поселения; (4) в Крустумерию – ради плодородия тамошней земли – охотников нашлось больше. Оттуда тоже многие переселились в Рим, главным образом родители и близкие похищенных женщин.

(5) Война с сабинянами пришла последней и оказалась самой тяжелой, так как они во всех своих действиях не поддались ни гневу, ни страсти и не грозились, прежде чем нанести удар. Расчет был дополнен коварством. (6) Начальником над римской крепостью⁵⁰ был Спурий Тарпей. Таций подкупил золотом его дочь, деву, чтобы она впустила воинов в крепость (она как раз вышла за стену за водою для священнодействий). (7) Сабиняне, которых она впустила, умертвили ее, завалив щитами, – то ли чтобы думали, будто крепость взята силой, то ли ради примера на будущее, чтобы никто и никогда не был верен предателю. (8) Прибавляют еще и баснословный рассказ: сабиняне, дескать, носили на левой руке золотые, хорошего веса запястья и хорошего вида перстни с камнями, и девица выговорила для себя то, что у них на левой руке, а они и завалили ее вместо золота щитами. (9) Некоторые утверждают, будто, прося у сабинян то, что у них на левой руке, она действительно хотела оставить их без щитов, но была заподозрена в коварстве и умерщвлена тем, что причиталось ей как награда⁵¹.

12. (1) Во всяком случае, сабиняне удерживали крепость и на другой день, когда римское войско выстроилось на поле меж Палатинским и Капитолийским холмами, и на равнину спустились лишь после того, как римляне, подстрекаемые гневом и желаньем вернуть крепость, пошли снизу на приступ. (2) С обеих сторон вожди торопили битву: с сабинской – Меттий

⁴⁷ Юпитер Феретрийский (предположительно: от *ferre* – «нести» или *ferire* – «бить», «поражать») почитался как воинское божество, которому посвящались «тучные доспехи», снятые с предводителя неприятельского войска римским полководцем. Храм Юпитера Феретрийского (старший в Риме) был мал, и в нем не было статуи бога – только скипетр и кремь.

⁴⁸ После победы Авла Корнелия Косса над вейским царем Толумнием (IV, 20 – о дате см.: примеч. 59 к кн. IV) и победы Марка Клавдия Марцелла над предводителем галлов Вирдомаром, или Бритомартом в 222 г. до н. э. (Ливий. Эпитома книги XX; Проперций, IV, 10; Плутарх. Марцелл, 7–8).

⁴⁹ Легион (от *legere* – «набирать») – первоначально (как здесь) все набранное для войны войско. В начале Республики – половина войска, находившаяся под командованием консула (4200 пехотинцев и 300 всадников), позднее – самое крупное воинское соединение римлян.

⁵⁰ Крепость (римский кремль) находилась на одной из двух вершин Капитолийского холма.

⁵¹ Миф о предательнице Тарпее, дочери Спурия Тарпея, связан с названием Тарпейской скалы (в юго-западной части Капитолия), откуда сбрасывали преступников. Чтобы усугубить вину Тарпеи, римские писатели сделали ее весталкой. Отголоски этой версии есть и у Ливия («вышла за водой для священнодействий»). Версия, представляющая Тарпею в благоприятном свете («некоторые утверждают»), принадлежит римскому историку II в. до н. э. Кальпурнию Пизону.

Курций, с римской – Гостий Гостилий. Невзирая на невыгоды местности, Гостий без страха и устали бился в первых рядах, одушевляя своих. (3) Как только он упал, строй римлян тут же подался, и они в беспорядке кинулись к старым воротам Палатина⁵². (4) Ромул, и сам влекомый толпою бегущих, поднял к небу свой щит и меч и произнес: «Юпитер, повинувшись твоим знаменьям, здесь, на Палатине, заложил я первые камни города. Но сабиняне ценой преступления завладели крепостью, теперь они с оружием в руках стремятся сюда и уже миновать середину должны. (5) Но хотя бы отсюда, отец богов и людей, отрази ты врага, освободи римлян от страха, останови постыдное бегство! (6) А я обещаю тебе здесь храм Юпитера Становителя⁵³, который для потомков будет напоминаньем о том, как быстрою твоею помощью был спасен Рим». (7) Вознеся эту мольбу, Ромул, как будто почувствовав, что его молитва услышана, возгласил: «Здесь, римляне, Юпитер Всеблагий Величайший повелевает вам остановиться и возобновить сражение!» Римляне останавливаются, словно услышав повеленье с небес; сам Ромул поспешает к передовым. (8) С сабинской стороны первым спустился Меттий Курций и рассеял потерявших строй римлян по всему нынешнему форуму⁵⁴. Теперь он был уже недалеко от ворот Палатина и громко кричал: «Мы победили вероломных хозяев, малодушных противников: знают теперь, что одно дело похищать девиц и совсем другое – биться с мужьями». (9) Пока он так похвалялся, на него налетел Ромул с горсткою самых дерзких юношей. Меттий тогда как раз был на коне – тем легче оказалось обратить его вспять. Римляне пускаются следом, и все римское войско, воспламененное храбростью своего царя, рассеивает противника. (10) А конь, испуганный шумом погони, понес, Меттий провалился в болото, и опасность, грозившая столь великому мужу, отвлекла все вниманье сабинян. Впрочем, Меттию ободряющие знаки и крики своих и сочувствие толпы придали духу, и он выбрался. Посреди долины, разделяющей два холма, римляне и сабиняне вновь сошлись в бою. Но перевес оставался за римлянами.

13. (1) Тут сабинские женщины, из-за которых и началась война, распустив волосы и разорвав одежды, позабывши в беде женский страх, отважно бросились прямо под копыта и стрелы наперерез бойцам, чтобы разнять два строя, (2) унять гнев враждующих, обращаясь с мольбою то к отцам, то к мужьям: пусть не пятнают они – тестя и зятя – себя нечестиво пролитую кровью, не оскверняют отцеубийством потомство своих дочерей и жен. (3) «Если вы стыдитесь свойства между собой, если брачный союз вам претит, на нас обратите свой гнев: мы – причина войны, причина ран и гибели наших мужей и отцов; лучше умрем, чем останемся жить без одних или других, вдовами или сиротами». (4) Растроганы были не только воины, но и вожди; все вдруг смолкло и замерло. Потом вожди вышли, чтобы заключить договор, и не просто примирились, но из двух государств составили одно. (5) Царствовать решили сообща, средоточьем всей власти сделали Рим. Так город удвоился, а чтобы не обидно было и сабинянам, по их городу Курам граждане получают имя «квиритов»⁵⁵. В память об этой битве место, где Курциев конь, выбравшись из болота, ступил на твердое дно, прозвано Курциевым озером.

(6) Война, столь горестная, кончилась вдруг радостным миром, и оттого сабинянки стали еще дороже мужьям и родителям, а прежде всех – самому Ромулу, и когда он стал делить

⁵² Старые ворота Палатина – северные (Мугионские) ворота первоначального города, располагавшегося на Палатине.

⁵³ Храм Юпитера Становителя (Stator) на новой улице близ Мугионских ворот был возведен в 294 г. до н. э. По версии Ливия (X, 36, 11; 37, 15), консул этого года Марк Атилиус Регул в битве с самнитами при Луцерии повторил обет Ромула, и государство, дважды обязанное одним и тем же обетом, поставило храм на освященном при Ромуле месте. Прозвище Stator кроме военного значения («останавливающий отступление») имело и политическое («блюститель стойкости государства»), отражающее другую функцию того же божества (Цицерон. Против Катилины, I, 33; Сенека. О благодеяниях, IV, 7, 2). Второй храм Юпитера Становителя в Риме (около Фламиниева цирка) был построен в 146 г. до н. э. Квинтом Цецилием Метеллом.

⁵⁴ Форум – главная площадь Рима – в низине между Палатином и Капитолием. Место это было освоено при Тарквиниях (см. ниже: I, 35, примеч. 116, 146).

⁵⁵ Слово «квириты» (как и имя бога Квирина) древние производили от названия города Куры или от сабинского слова *curis* – «копье» (ср.: Овидий. Фасты, II, 475; Плутарх. Ромул, 29, 1). Современная этимология – от *co-viri-om* – «собрание, сообщество людей».

народ на тридцать курий⁵⁶, то куриям дал имена сабинских женщин. (7) Без сомнения, их было гораздо больше тридцати, и по старшинству ли были выбраны из них те, кто передал куриям свои имена, по достоинству ли, собственному либо мужей, или по жребию, об этом преданье молчит. (8) В ту же пору были составлены и три центурии всадников: Рамны, названные так по Ромулу, Тиции – по Титу Тацию, и Луцеры, чье имя, как и происхождение, остается темным⁵⁷. Оба царя правили не только совместно, но и в согласии.

14. (1) Несколько лет спустя родственники царя Тация обидели лаврентских послов, а когда лаврентяне стали искать управы законным порядком, как принято между народами, пристрастие Тация к близким и их мольбы взяли верх. (2) Тем самым он обратил возмездие на себя, и, когда явился в Лавиний на ежегодное жертвоприношение, был там убит толпой. (3) Ромул, как рассказывают, перенес случившееся легче, нежели подобало, – то ли оттого, что меж царями товарищество ненадежно, то ли считая убийство небеспричинным. Поэтому от войны он воздержался, а чтобы оскорбление послов и убийство царя не остались без искупления, договор меж двумя городами, Римом и Лавинием, был заключен наново.

(4) Так, сверх чаянья был сохранен мир с лаврентянами, но началась другая война, много ближе, почти у самых городских ворот. Фиденяне решили, что в слишком близком с ними соседстве растет великая сила, и поторопились открыть военные действия, прежде чем она достигнет той несокрушимости, какую позволяло провидеть будущее. Выслав вперед вооруженную молодежь, они разоряют поля меж Римом и Фиденями⁵⁸; (5) затем сворачивают влево, так как вправо не пускал Тибр, и продолжают грабить, наводя немалый страх на сельских жителей. Внезапное смятение, с полей перекинувшееся в город, возвестило о войне. (6) Ромул в тревоге – ведь война в такой близости к городу не могла терпеть промедленья – вывел войско и стал лагерем в одной миле от Фиден. (7) Оставив в лагере небольшой отряд, он выступил со всем войском, части воинов приказал засесть в скрытном месте – благо окрестность поросла густым кустарником, – сам же с большею частью войска и всей конницей двинулся дальше и, подскакавши почти к самым воротам, устрашающим шумом затеянной схватки выманил неприятеля, чего и добивался. Та же конная схватка дала вполне правдоподобный повод к притворному бегству. (8) И вот конница будто бы не решается в страхе, что выбрать, бой или бегство, пехота тоже подается назад, как вдруг ворота распахиваются и высыпают враги; они нападают на строй римлян и преследуют их по пятам, пылом погони увлекаемые к месту засады. (9) Оттуда внезапно появляются римляне и нападают на вражеский строй сбоку; страху фиденянам добавляют и двинувшиеся из лагеря знамена отряда, который был там оставлен. Устрашенный грозящей с разных сторон опасностью, неприятель обратился в бегство, едва ли не прежде, чем Ромул и его всадники успели натянуть поводья и повернуть коней. (10) И куда беспорядочнее, чем недавние притворные беглецы, прежние преследователи в уже настоящем бегстве устремились к городу. Но оторваться от врага фиденянам не удалось; (11) на плечах противника, как бы единым с ним отрядом, ворвались римляне в город прежде, чем затворились ворота.

15. (1) С фиденян зараза войны перекинулась на родственников им (они ведь тоже были этруски) вейян⁵⁹, которых беспокоила и самая близость Рима, если бы римское оружие оказа-

⁵⁶ Древнейшая политическая система в Риме предусматривала деление всего народа на три трибы (Ливий о них не упоминает), которые назывались Титии, Рамны и Луцеры (см. след. примеч.) и 30 курий, названных, согласно Ливию, по именам сабинских женщин (впрочем, в вопросе о происхождении куриальных названий не было единодушия уже у самих древних. Ср.: Плутарх. Ромул, 20). Курии, имевшие общую землю и общие святыни и празднества, включали в себя лишь мужчин-воинов. Система курий была основой воинского набора.

⁵⁷ Имена этих трех всаднических центурий (сотен) у Ливия – те же, какими, согласно традиции, назывались древнейшие римские трибы. Очевидно, каждая центурия соответствовала определенной трибе. Сами эти названия уже Варрон считал этрусскими (О латинском языке, V, 55).

⁵⁸ Город Фидены был ближайшим (в 6–8 км к северу) соседом Рима.

⁵⁹ Вейи находились примерно в 20 км к северо-западу от Рима. Войны Рима с Фиденями и Вейями были регулярны в

лось направленным против всех соседей. Вейяне сделали набег на римские пределы, скорее грабительский, чем по правилам войны. (2) Не разбив лагеря, не дожидаясь войска противника, они ушли назад в Вейи, унося добычу с полей. Римляне, напротив, не обнаружив противника в своих землях, перешли Тибр в полной готовности к решительному сражению. (3) Вейяне, узнав, что те становятся лагерем и пойдут на их город, выступили навстречу, предпочитая решить дело в открытом бою, нежели оказаться в осаде и отстаивать свои кровли и стены. (4) На этот раз никакая хитрость силе не помогала – одною лишь храбростью испытанного войска одержал римский царь победу; обращенного в бегство врага он преследовал вплоть до городских укреплений, но от города, надежно защищенного и стенами, и самим расположением, отступил. На возвратном пути Ромул разоряет вражеские земли больше в отместку, чем ради добычи. (5) Сокрушенные этой бедою не меньше, чем битвой в открытом поле, вейяне посылают в Рим ходатаев просить мира. Лишившись в наказание части своих земель, они получают перемирие на сто лет.

(6) Таковы главные домашние и военные события Ромулова царствования [753–717 гг.], и во всем этом нет ничего несовместного с верой в божественное происхождение Ромула и с посмертным его обожествлением – взять ли отвагу, с какою возвращено было дедовское царство, взять ли мудрость, с какою был основан и укреплен военными и мирными средствами город. (7) Ибо, бесспорно, его трудами город стал так силен, что на протяжении последующих сорока лет мог пользоваться прочным миром. (8) И, однако, толпе Ромул был дороже, чем отцам, а воинам гораздо более по сердцу, нежели прочим; триста вооруженных телохранителей, которых он назвал «быстрыми», всегда были при нем, не только на войне, но и в мирное время⁶⁰.

16. (1) По свершении бессмертных этих трудов, когда Ромул, созвав сходку на поле у Козьего болота⁶¹, производил смотр войску, внезапно с громом и грохотом поднялась буря, которая окутала царя густым облаком, скрыв его от глаз сходки, и с той поры не было Ромула на земле. (2) Когда же непроглядная мгла вновь сменилась мирным сиянием дня и общий ужас наконец улегся, все римляне увидели царское кресло пустым; хотя они и поверили отцам, ближайшим очевидцам, что царь был унесен вихрем, все же, будто пораженные страхом сиротства, хранили скорбное молчание. (3) Потом сперва немногие, а за ними все разом возглашают хвалу Ромулу, богу, богом рожденному, царю и отцу города Рима, молят его о мире, о том, чтобы, благой и милостивый, всегда хранил он свое потомство⁶².

(4) Но и в ту пору, я уверен, кое-кто втихомолку говорил, что царь был растерзан руками отцов – распространилась ведь и такая, хоть очень глухая, молва; а тот, первый, рассказ разошелся широко благодаря преклонению перед Ромулом и живому еще ужасу. (5) Как передают, веры этому рассказу прибавила находчивость одного человека. А именно, когда город был обуреваем тоской по царю и ненавистью к отцам, явился на сходку Прокул Юлий⁶³ и заговорил с важностью, хоть и о странных вещах. (6) «Квириты, – сказал он, – Ромул, отец нашего города,

конец V в. до н. э. (для времени Ромула рассказ о них, возможно, анахронизм).

⁶⁰ Рассматривая «быстрых» как телохранителей, Ливий следует историкам-анналистам. Существовала и другая традиция, отождествлявшая «быстрых» с тремя всадническими центуриями. Само прозвание «быстрых» (*celeri*), казалось бы ясное, некоторые античные авторы производят от имени Целера, которого они называют их предводителем и убийцей Рема.

⁶¹ Козье болото – озеро или болото на Марсовом поле.

⁶² Обогащенный Ромул, отец-основатель города (*parens urbis*), был отождествлен с сабинским, как считали, богом Квирином. Квирин впоследствии стал одним из наиболее чтимых в Риме богов, его культ часто объединялся с культами других богов – Януса, Марса, Юпитера.

⁶³ Рассказ о Прокуле Юлии (которого некоторые авторы называют альбанцем) исходил, вероятно, от представителей рода Юлиев, желавших подчеркнуть древность своего рода и свое альбанское происхождение, а также ту важную роль, которую сыграли их предки в истории Рима.

внезапно сошедший с неба, встретился мне нынешним утром. В благоговейном ужасе стоял я с ним рядом и молился, чтобы не зачлось мне во грех, что смотрю на него⁶⁴, а он промолвил:

(7) „Отправляйся и возвести римлянам: угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира. А посему пусть будут усердны к военному делу, пусть ведают сами и потомству передают, что нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию”. (8) И с этими словами удалился на небо». Удивительно, с каким доверием выслушали вестника, пришедшего с подобным рассказом, и как просто тоска народа и войска по Ромулу была утолена верой в его бессмертие.

17. (1) А отцы между тем с вожделием думали о царстве и терзались скрытой враждою. Не то чтобы кто-либо желал власти для себя – в молодом народе ни один еще не успел возвыситься, – борьба велась между разрядами сенаторов. (2) Выходцы из сабинян, чтобы не потерять совсем свою долю участия в правлении (ведь после смерти Тация с их стороны царя не было), хотели поставить царя из своих; старые римляне и слышать не желали о царе-чужеземце. (3) Но, расходясь в желаниях, все хотели иметь над собою царя, ибо еще не была изведена сладость свободы. (4) Вдобавок отцами владел страх, что могут оживиться многочисленные окружающие государства и какой-нибудь сильный враг застанет Рим лишенным власти, а войско лишенным вождя. Всем было ясно, что какой-то глава нужен, но никто не мог решиться уступить другому. (5) А потому сто отцов разделились на десятки, и в каждом десятке выбрали главного, поделив таким образом управление государством. Правил десять человек, но знаки власти и ликторы были у одного; (6) по истечении пяти дней их полномочия истекали и власть переходила к следующей десятке, никого не минуя; так на год прервалось правление царей. Перерыв этот получил название междуцарствия, чем он на деле и был; слово это в ходу и поныне.

(7) Потом простонародье стало роптать, что рабство умножилось – сто господ заменили одного. Казалось, народ больше не станет терпеть никого, кроме царя, которого сам поставит. (8) Когда отцы почувствовали, какой оборот принимает дело, то, добровольно жертвуя тем, чего сохранить не могли, они снискали расположение народа, вверив ему высшую власть, но так, чтобы уступить не больше прав, нежели удержать: (9) они постановили, что, когда народ назначит царя, решение будет считаться принятым лишь после того, как его утвердят отцы. И до сего дня, если решается вопрос о законах или должностных лицах, сенаторы пользуются тем же правом, хотя уже лишенным действительности: прежде чем народ приступает к голосованию, при еще неясном его исходе, отцы заранее дают свое утверждение. (10) А в тот раз интеррекс, созвав собрание, объявил: «Да послужит это ко благу, пользе и счастью! Квириты, ставьте царя: так рассудили отцы. А потом, если достойного поставите преемника Ромулу, отцы дадут свое утверждение». (11) Это так польстило народу, что он, не желая оставаться в долгу, постановил только, чтобы сенат вынес решение, кому быть в Риме царем.

18. (1) В те времена славился справедливостью и благочестием Нума Помпилий. Он жил в сабинском городе Курах и был величайшим, насколько тогда это было возможно, знатоком всего божественного и человеческого права. (2) Наставником Нумы, за неимением никого иного, ложно называют самосца Пифагора⁶⁵, о котором известно, что он больше ста лет спустя на дальнем берегу Италии, подле Метапонта, Гераклеи, Кротона, собирал вокруг себя юношей, искавших знаний. (3) Из этих отдаленнейших мест как дошел бы слух о нем до сабинян, живи он даже в одно с Нумою время? И на каком языке снесся бы он с сабинянином, чтобы тому захотелось у него учиться? Или под чьею защитой прошел бы один сквозь столько племен, не схожих ни речью, ни нравами? (4) Стало быть, собственной природе обязан Нума тем, что

⁶⁴ Запрещение взирать на божество отражает римские понятия (римляне молились, закрыв голову покрывалом).

⁶⁵ Пифагор – греческий философ VI в. до н. э. С 530 г. до н. э. жил и учил в греческих городах южного побережья Италии. Версия о Нуме как ученике Пифагора, зародившаяся у греческих авторов, распространилась было в Риме, но разработка вопросов хронологии заставила от нее отказаться (ср.: Цицерон. О государстве. II, 28–29).

украсил добродетелями свою душу, и – скорее готов я предположить – взращен был не столько иноземной наукой, сколько древним сабинским воспитанием, суровым и строгим: недаром в чистоте нравов этот народ не знал себе равных.

(5) Когда названо было имя Нумы, сенаторы-римляне, хотя и считали, что преимущество будет за сабинянами, если царя призовут из их земли, все же не осмелились предпочесть этому мужу ни себя, ни кого-либо из своих, ни вообще кого бы то ни было из отцов или граждан, но единодушно решили передать царство Нуме Помпилию. (6) Приглашенный в Рим, он, следуя примеру Ромула, который принял царскую власть, испытав птицегаданием волю богов касательно основания города, повелел и о себе воспросить богов. Тогда птицегадатель-авгур, чье занятие отныне сделалось почетной и пожизненной государственной должностью⁶⁶, привел Нуму в крепость и усадил на камень лицом к югу. (7) Авгур, с покрытой головой, сел по левую его руку, держа в правой руке кривую палку без единого сучка, которую называют жезлом. Помолвившись богам и взяв для наблюдения город с окрестностью, он разграничил участки от востока к западу; южная сторона, сказал он, пусть будет правой, северная – левой; (8) напротив себя, далеко, насколько хватал глаз, он мысленно наметил знак. Затем, переложив жезл в левую руку, а правую возложив на голову Нумы, он помолился так: (9) «Отец Юпитер, если боги велют, чтобы этот Нума Помпилий, чью голову я держу, был царем в Риме, яви надежные знаменья в пределах, что я очертил». Тут он описал словесно те предзнаменования, какие хотел получить. (10) И они были ниспосланы, и Нума сошел с места уже царем⁶⁷.

19. (1) Получив таким образом царскую власть, Нума решил город, основанный силой оружия, основать заново на праве, законах, обычаях. (2) Видя, что ко всему этому невозможно привыкнуть среди войн, ибо ратная служба ожесточает сердца, он счел необходимым смягчить нравы народа, отучая его от оружия, и потому в самом низу Аргилета воздвиг храм Януса⁶⁸ – показатель войны и мира: открытые ворота означали, что государство воюет, закрытые – что все окрестные народы замиренны. (3) С той поры, после царствования Нумы, закрывали его дважды: первый раз в консульство Тита Манлия по завершении Первой Пунической войны, второй (это боги дали увидеть нашему поколению) – после битвы при Акции, когда император Цезарь Август установил мир на суше и на море. (4) Свяжав союзными договорами всех соседей, Нума запер храм, а чтобы с избавленьем от внешней опасности не развратились праздностью те, кого прежде обуздывал страх перед неприятелем и воинская строгость, он решил вселить в них страх пред богами – действеннейшее средство для непросвещенной и, сообразно тем временам, грубой толпы. (5) А поскольку сделать, чтобы страх этот вошел в их души, нельзя было иначе, как придумав какое-нибудь чудо, Нума притворился, будто по ночам сходитя с богиней Эгерией; по ее-де наущению и учреждает он священнодействия, которые богам всего удобнее, назначает для каждого бога особых жрецов.

(6) Но прежде всего Нума разделил год – сообразно с ходом луны – на двенадцать месяцев, а так как тридцати дней в лунном месяце нет и лунному году недостает одиннадцати дней до полного, образуемого кругооборотом солнца, то, вставляя добавочные месяцы, он рассчи-

⁶⁶ Авгур – это слово обычно производят от *avis* – «птица», хотя авгур толковал не только «птичьи», но и другие знаменья. Авгур не предсказывал будущее – он должен был определять, благоприятствуют или не благоприятствуют боги задуманным действиям. Ливий приписывает учреждение этой должности Нуме, но выше (I, 6, 4) рассказывает об авгурских наблюдениях Ромула. См. также: примеч. 29 к кн. I и примеч. 10 к кн. IV.

⁶⁷ Предание рисует Нуму царем-жрецом в противоположность царю-воину Ромулу (Ср.: Цицерон. О государстве, V, 3; Плутарх. Нума, 8—22). Традиционные даты правления Нумы: 715–672 гг. до н. э.

⁶⁸ Янус был богом дверей (лат. *ianua* – «дверь») и входов, а также богом всяческих начинаний. Его имя произносилось в молитве первым, даже прежде имени Юпитера. Святилище Януса представляло собой небольшое прямоугольное строение с двумя воротами, нечто вроде двойной арки, и имело название *Ianus Geminus*. Говоря о том, что врата храма со времен Нумы закрывались дважды, Ливий называет год консульства Тита Манлия Торквата (235 г. до н. э. – хотя I Пуническая война закончилась в 241 г. до н. э. в консульство Авла Манлия Торквата) и время после битвы при Акции (битва – 31 г., закрытие врат храма – 29 г. до н. э.). Возможно, что ритуал ракрывания дверей святилища Януса соблюдался не всегда.

тал время так, чтобы на каждый двадцатый год любой день приходился на то же самое положение солнца, что и в исходном году, а совокупная продолжительность всех двадцати лет по числу дней была полной⁶⁹. (7) Нума же учредил дни присутственные и неприсутственные⁷⁰, так как бесполезно было для будущего, чтобы дела, ведущиеся перед народом, на какое-то время приостанавливались.

20. (1) Затем Нума занялся назначением жрецов, хотя многие священнодействия совершал сам – особенно те, что ныне в ведении Юпитерова фламينا. (2) Но так как в воинственном государстве, думалось ему, больше будет царей, подобных Ромулу, нежели Нуме, и они будут сами ходить на войну, то, чтобы не оставались в пренебрежении связанные с царским саном священнодействия, он поставил безотлучного жреца – фламينا Юпитера, отличив его особым убором и царским курульным креслом. К нему он присоединил еще двух фламиннов: одного для служения Марсу, другого – Квирину⁷¹. (3) Выбрал он и дев для служения Весте⁷²; служение это происходит из Альбы и не чуждо роду основателя Рима. Чтобы они ведали храмовыми делами безотлучно, Нума назначил им жалованье от казны, а отличив их девством и прочими знаками святости, дал им общее уважение и неприкосновенность. (4) Точно так же избрал он двенадцать салиев для служения Марсу Градиву⁷³; им в знак отличия он дал разукрашенную тунику, а поверх туники бронзовый нагрудник и повелел носить небесные щиты, именуемые «анцилиями»⁷⁴, и с песнопениями проходить по городу в торжественной пляске на три счета. (5) Затем он избрал понтифика⁷⁵ – Нуму Марция, сына Марка⁷⁶, одного из отцов-сенаторов, – и поручил ему наблюдать за всеми жертвоприношениями, которые сам расписал и назначил, указав, с какими именно жертвами, по каким дням и в каких храмах должны они совершаться

⁶⁹ Создание первого римского календаря приписывалось античной традицией Ромулу (см.: Овидий. Фасты, I, 27 сл.; III, 97 сл.). Год в соответствии с этим исчислением состоял из 10 лунных месяцев. Реформа календаря, традиционно связываемая с именем Нумы, была проведена, видимо, веком позже, в этрусский период и под этрусским влиянием, о чем свидетельствуют названия некоторых месяцев.

⁷⁰ В «присутственные» дни (*dies fasti*) можно было заниматься общественной деятельностью и вести судебные дела. Занятие общественными делами в «неприсутственные» (*nefasti*), праздничные дни осуждалось как нечестье и требовало искупления очистительной жертвой.

⁷¹ Фламинны были связаны с культами отдельных богов. Ливий называет здесь только трех главных: фламину Юпитера, фламину Марса и фламину Квирина. Функции фламиннов были столь же широки, сколь разнообразны были функции богов, которым они служили. Очень существенна связь всех трех богов с римской гражданской общиной. Юпитер воплощал ее могущество и власть; Марс, изначально связанный с производительными силами земли, постепенно становится в первую очередь воинским богом, Квириин воспринимается как бог народных собраний, «мирный Марс». Впрочем, главные фламинны служили и некоторым другим богам, у которых своих фламиннов не было. Фламинны играли важнейшую роль в общественных празднествах и обрядах. О древности института фламиннов свидетельствуют связанные с их должностью (особенно с должностью фламину Юпитера) многочисленные очень затруднительные ритуальные запреты и требования.

⁷² Культ Весты (очень архаический) был культом священного очага (ср. греч. *hestia* – «очаг») как домашнего, так и общегражданского. В круглом храме Весты (около древнего царского дома) не было изображений богини – только священный огонь, который поддерживали шесть жриц-весталок. В день нового года (1 марта) этот огонь заново возжигался трением. Во внутреннем святилище (закрытом для всех, кроме весталок и великого понтифика – см.: примеч. 75) стояли Палладий (статуя Афины, по преданию спасенная Энеем из горящей Трои и считавшаяся залогом благополучия Города) и две фигурки пенатов римского народа. Здесь же хранилось все потребное для священнодействий. Ритуально чистую «соленую муку» (и даже соль для нее) весталки готовили сами. За водой для священнодействий они ходили к священному источнику. В весталки брали девушек из лучших семей, служение их продолжалось 30 лет. Они не состояли под отеческой властью и пользовались большим уважением, но весталка, потерявшая целомудрие, каралась смертью.

⁷³ Существовали две жреческие коллегии салиев («плясунов» – от лат. *salire* – «прыгать») – Палатинская и Коллинская, посвященные соответственно Марсу Градиву и Марсу Квирину. Учреждение первой приписывается Нуме, второй – Туллу Гостилию (I, 27, 7). Язык гимнов, исполнявшихся салиями, был столь архаичен, что их понимание было затруднено уже в древности.

⁷⁴ Анцилии – священные щиты особой продолговатой формы. По легенде, первый из них – залог спасения Рима – упал с небес в руки Нуме во время чумы. Чтобы спрятать его среди щитов, были изготовлены еще 11 неотличимых.

⁷⁵ В историческое время понтифика составляли жреческую коллегию (с великим понтификом во главе), которой был поручен надзор за всеми общественными (и частными) богослужениями, составление календаря, ведение летописи и т. п.

⁷⁶ Нума Марций, по притязаниям рода Марциев, был сыном их родоначальника Марка Марция (родственник Нумы Помпилия), мужем Помпилии, дочери Нумы, и отцом царя Анка Марция.

и откуда должны выдаваться потребные для этого деньги. (6) Да и все прочие жертвоприношения, общественные и частные, подчинил он решениям понтифика, чтобы народ имел, к кому обратиться за советом, и в божественном праве ничто не поколебалось от небреженья отеческими обрядами и усвоения чужеземных; (7) чтобы тот же понтифик мог разъяснить не только чин служения небожителям, но и правила погребенья, и способы умиловить подземных богов, а также какие знамения, ниспосылаемые в виде молний или в каком-либо ином образе, следует принимать в расчет и отвращать. А чтобы их получать от богов, Нума посвятил Юпитеру Элицию⁷⁷ алтарь на Авентине и чрез птицегадание спросил богов, какие знамения должны братья в расчет.

21. (1) К обсуждению этих дел, к попечению о них обратился, забыв о насилиях и оружии, весь народ; умы были заняты, а постоянное усердие к богам, которые, казалось, и сами участвовали в людских заботах, исполнило все сердца таким благочестием, что государством правили верность и клятва, а не покорность законам и страх перед карой. (2) А поскольку римляне сами усваивали нравы своего царя, видя в нем единственный образец, то даже соседние народы, которые прежде считали, что не город, но военный лагерь воздвигнут среди них на пагубу всеобщему миру, были пристыжены и теперь почли бы нечестьем обижать государство, всецело занятое служеньем богам.

(3) Была роща, круглый год орошаемая ключом, который бил из темной пещеры, укрытой в гуще деревьев. Туда очень часто приходил без свидетелей Нума, будто бы для свиданья с богиней; эту рощу он посвятил Каменам, уверяя, что они совещались там с его супругою Эгерией⁷⁸. (4) Установил он и празднество Верности. Он повелел, чтобы к святилищу Верности⁷⁹ жрецы приезжали на крытой колеснице, запряженной парой, и чтобы жертвоприношение совершали рукою, спеленутою до самых пальцев, в знак того, что верность должно блюсти и что она свята и остается святыней даже в пожатии рук. (5) Он учредил многие другие священнодействия и посвятил богам места для жертвоприношений – те, что понтифики зовут «Аргеями»⁸⁰. Но все же величайшая из его заслуг в том, что на протяжении всего царствования он берег мир не меньше, чем царство.

(6) Так два царя сряду, каждый по-своему – один войною, другой миром, возвеличили Рим. Ромул царствовал тридцать семь лет, Нума – сорок три года⁸¹. Государство было не только сильным, но одинаково хорошо приспособленным и к войне и к мирной жизни.

22. (1) Нума умер, и вновь наступило междуцарствие. Затем народ избрал царем Тулла Гостилия⁸², внука того Гостилия, который прославился битвой с сабинянами у подножия крепости; отцы утвердили это решение. (2) Новый царь не только не был похож на предшественника, но воинственностью превосходил даже Ромула. Молодые силы и дедовская слава волновали его. И вот, решив, что в покое государство дряхлеет, стал он повсюду искать повода к войне. (3) Случилось, что римские поселяне угнали скот с альбанской земли, альбанские,

⁷⁷ Эпитет «Элиций» (от лат. *elicer* – «вызывать с помощью магических действий», «заклинать») отражает почитание Юпитера как бога молнии, грома и дождя.

⁷⁸ Камени (впоследствии отождествленные с Музами) и Эгерия – итальяские божества водных источников.

⁷⁹ Обожествление Верности (*Fides*), а также других важнейших добродетелей (Доблести, Благочестия, Чести, Согласия) – уникальная черта римской религии. Известный нам храм Верности был посвящен лишь в 258 или 254 г. до н. э. консулом Авлом Атилием Калатином (см.: Цицерон. О природе богов, II, 61). Божества, надзиравшие за верностью клятве, почитались в Италии с глубокой древности. Так, в 466 г. до н. э. в Риме был посвящен храм одному из них – *Semo Sancus Dius Fidius* (Семону Санку), – соединявшему в себе сабинского бога земли и латинского бога неба (клятвы землей и небом считались самыми священными).

⁸⁰ Аргеи – 27 небольших святилищ, расположенных в древнейших районах города. Торжественная процессия обходила их дважды в год (в марте и мае) и второй обход завершался тем, что весталки сбрасывали со Свайного моста 27 соломенных кукол (которые с марта, видимо, хранились в этих святилищах). В этом архаическом очистительном обряде не все было понятно и самим римлянам.

⁸¹ Цицерон (О государстве, II, 17, 27), со ссылкой на Полибия, говорит о 37 годах царствования Ромула и 39 – Нумы.

⁸² Тулл Гостилий правил, по преданию, в 672–640 гг. до н. э.

в свой черед, – с римской. Властвовал в Альбе тогда Гай Клуилий. (4) С обеих сторон были отправлены послы требовать возмещения убытков. Своим послам Тулл наказал идти прямо к цели, не отвлекаясь ничем: он твердо знал, что альбанцы ответят отказом и тогда можно будет с чистой совестью объявить войну. (5) Альбанцы действовали намного беспечнее; встреченные Туллом гостеприимно и радушно, они весело пировали с царем. Между тем римские послы и первыми потребовали удовлетворения, и отказ получили первыми; они объявили альбанцам войну, которая должна была начаться через тридцать дней. О том они и доложили Туллу. (6) Тут он приглашает альбанских послов высказать, ради чего они явились. Те, ни о чем не догадываясь, сначала зря тратят время на оправдания: они-де и не хотели бы говорить ничего, что могло б не понравиться Туллу, но повинуются приказу: они пришли за возмещением убытков, а если получают отказ, им велено объявить войну. (7) А Тулл в ответ: «Передайте вашему царю, что римский царь берет в свидетели богов: чья сторона первой отослала послов, не уважив их просьбы, на нее пусть и падут все бедствия войны».

23. (1) Эту весть альбанцы уносят домой. И вот обе стороны стали всеми силами готовить войну, всего более схожую с гражданской, почти что войну меж отцами и сыновьями, ведь оба противника были потомки троянцев: Лавиний вел начало от Трои, от Лавиния – Альба, от альбанского царского рода – римляне. (2) Исход войны, правда, несколько умеряет горечь размышлений об этой распри, потому что до сражения не дошло, погибли лишь здания одного из городов, а оба народа слились в один. (3) Альбанцы первые с огромным войском вторглись в римские земли. Лагерь они разбивают едва ли дальше, чем в пяти милях от города; обводят лагерь рвом; Клуилиев ров – так, по имени их вождя, звался он несколько столетий, покуда, обветшав, не исчезли и самый ров, и это имя. (4) В лагере Клуилий, альбанский царь, умирает; альбанцы избирают диктатора, Меттия Фуфетия⁸³.

Меж тем Тулл, особенно ожесточившийся после смерти царя, объявляет, что кара всемогущих богов за незаконную войну постигнет, начав с головы, весь альбанский народ, и, миновав ночью неприятельский лагерь, ведет войско в земли альбанцев. Это заставило Меттия сняться с места. (5) Он подходит к противнику как можно ближе и, отправив вперед посла, поручает ему передать Туллу, что, прежде чем сражаться, нужны переговоры – он, Меттий, уверен: если полководцы встретятся, то у него найдется сообщение, не менее важное для римлян, нежели для альбанцев. (6) Хотя это выглядело пустым хвастовством, Тулл не пренебрег предложением и выстроил войско. Напротив выстроились альбанцы.

Когда два строя стали друг против друга, вожди с немногими приближенными вышли на середину. (7) Тут альбанец заговорил. «Нанесенная обида и отказ удовлетворить обоснованное договором требование о возмещении ущерба – такова причина нынешней войны, я и сам, кажется, слышал о том из уст нашего царя Клуилия, да и ты, Тулл, не сомневаюсь, выдвигаешь те же доводы. (8). Но, если нужно говорить правду, а не красивые слова, это жажда власти толкает к войне два родственных и соседних народа. Хорошо это или дурно, я сейчас объяснять не буду: пусть размыслит об этом тот, кто затеял войну, меня же альбанцы избрали, чтобы ее вести. А тебе, Тулл, хотел бы напомнить я вот о чем. Сколь велика держава этрусков, окружающая и наши владения, и особенно ваши, ты как их ближайший сосед знаешь еще лучше, чем мы: велика их мощь на суше, еще сильнее они на море. (9) Помни же: как только подашь ты знак к битве, оба строя окажутся у них на виду, чтобы сразу обоим, и победителю и побежденному, усталым и обессиленным, сделаться жертвою нападения. Видят боги, раз уж мы не довольствуемся верной свободой и в сомнительной игре ставим на кон господство и

⁸³ Диктатор – высшая должность во многих латинских городах (по римским представлениям – чрезвычайная). Меттий – латинизированная форма оскского (оски – один из италийских народов) титула *meddix* (Альбой в последние дни ее существования управляли выборные должностные лица, а не цари, что отразилось и в самом имени персонажа).

рабство, так найдем по крайней мере какую-нибудь возможность решить без кровопролития, без гибельного для обеих сторон урона, какому народу властвовать, какому подчиняться».

(10) Тулл согласился, хотя и от природы, и в твердой надежде на успех был склонен к более воинственному решению. Обеим сторонам приходит в мысль воспользоваться случаем, который посылала им сама Судьба.

24. (1) Было тогда в каждой из ратей по трое братьев-близнецов, равных и возрастом, и силой. Это были, как знает каждый, Горации и Куриации⁸⁴, и едва ли есть предание древности, известное более широко; но и в таком ясном деле не обошлось без путаницы насчет того, к какому народу принадлежали Горации, к какому Куриации. Писатели расходятся во мнениях, но большая часть, насколько я могу судить, зовет римлян Горациями, к ним хотелось бы присоединиться и мне. (2) Цари обращаются к близнецам, предлагая им обнажить мечи, – каждому за свое отечество: той стороне достанется власть, за какую будет победа. Возражений нет, сговариваются о времени и месте. (3) Прежде чем начался бой, между римлянами и альбанцами был заключен договор на таких условиях: чьи граждане победят в схватке, тот народ будет мирно властвовать над другим.

(4) Разные договоры заключаются на разных условиях, но всегда одинаковым способом. В тот раз, как я мог узнать, сделано было так (и нет о договорах сведений более древних). Фециал⁸⁵ воззвал к царю Туллу: «Велишь ли мне, царь, заключить договор с отцом-отряженным народа альбанского?» Царь повелел, тогда фециал сказал: «Прошу у тебя, царь, потребное для освящения». Тот в ответ: «Возьми чистой травы». (5) Фециал принес из крепости вырванной с корнем чистой травы. После этого он воззвал к царю так: «Царь, назначаешь ли ты меня с моею утварью и сотоварищами царским вестником римского народа квиритов?» Царь ответил: «Когда-то не во вред мне и римскому народу квиритов, назначаю». (6) Фециалом был Марк Валерий, отцом-отряженным он назначил Спурия Фузия, коснувшись ветвью его головы и волос. Отец-отряженный назначается для принесения присяги, то есть для освящения договора: он произносит многочисленные слова длинного заклатья, которое не стоит здесь приводить. (7) Потом, по оглашении условий, он говорит: «Внемли, Юпитер, внемли, отец-отряженный народа альбанского, внемли, народ альбанский. От этих условий, в том виде, как они всенародно от начала и до конца оглашены по этим навощенным табличкам без злого умысла и как они здесь в сей день поняты вполне правильно, от них римский народ не отступится первым. (8) А если отступится первым по общему решению и со злым умыслом, тогда ты, Юпитер, порази народ римский так, как в сей день здесь я поражаю этого кабанчика, и настолько сильней порази, насколько больше твоя мощь и могущество». (9) Сказав это, он убил кабанчика кременным ножом. Точно так же и альбанцы через своего диктатора и своих жрецов произнесли свои заклатья и клятву.

25. (1) Когда заключили договор, близнецы, как было условлено, берутся за оружие. С обеих сторон ободряют своих: на их оружие, на их руки смотрят сейчас отеческие боги, отечество и родители, все сограждане – и дома и в войске. Бойцы, и от природы воинственные, и ободряемые криками, выступают на середину меж двумя ратями. (2) Оба войска сели перед своими лагерями, свободные от прямой опасности, но не от тревоги – спор ведь шел о первом

⁸⁴ По рассказам других авторов, Горации и Куриации приходились друг другу двоюродными братьями (их матери были сестрами-близнецами из Альбы).

⁸⁵ Жреческая коллегия фециалов (этот институт существовал и у других италийских народов) ведала ритуалом объявления войн (см.: I, 32, 5 и примеч. 104) и заключения договоров. В заключении договора участвовали два члена коллегии: «вербенарий», который нес с собою вырванную с корнем траву из римской Крепости (олицетворение родной земли), и *pater patratus* (от *pater+atus* – «тот, кого сделали отцом»; есть и другое понимание – от *patrare* – «исполнять»). Передача этого термина в предлагаемом переводе – «отец-отряженный» – условная (как и в старом переводе под ред. П. Адрианова – «уполномоченный»). Он представлял городскую общину, как «отец семейства» «фамилию» (см.: прим. 90). Повторения и созвучия слов характерны для языка архаических сакральноправовых формул-заклятий.

стве и решение зависело от доблести и удачи столь немногих. В напряженном ожидании все чувства обращаются к зрелищу, отнюдь не тешащему глаз.

(3) Подают знак, и шесть юношей с оружием наизготове, по трое, как два строя, сходятся, вобрав в себя весь пыл двух больших ратей. И те, и другие думают не об опасности, грозящей им самим, но о господстве или рабстве, ожидающем весь народ, о грядущей судьбе своего отечества, находящейся теперь в собственных их руках. (4) Едва только в первой сшибке стукнули щиты, сверкнули блистающие мечи, глубокий трепет охватывает всех, и, покуда ничто не обнадеживает ни одну из сторон, голос и дыхание застывают в горле. (5) Когда бойцы сошлись грудь на грудь и уже можно было видеть не только движение тел и мелканье клинков и щитов, но и раны и кровь, трое альбанцев были ранены, а двое римлян пали. (6) Их гибель исторгла крик радости у альбанского войска, а римские легионы оставила уже всякая надежда, но еще не тревога: они сокрушались об участии последнего, которого обступили трое Куриациев. (7) Волею случая он был невредим, и если против всех вместе бессилен, то каждому порознь грозен. Чтобы разъединить противников, он обращается в бегство, рассчитав, что преследователи бежать будут так, как позволит каждому рана. (8) Уже отбежал он на какое-то расстояние от места боя, как, оглянувшись, увидел, что догоняющие разделены немалыми промежутками и один совсем близко. (9) Против этого и обращается он в яростном натиске, и, покуда альбанское войско кричит Куриациям, чтобы поторопились на помощь брату, победитель Гораций, убив врага, уже устремляется в новую схватку. Теперь римляне поддерживают своего бойца криком, какой всегда поднимают при неожиданном обороте поединка сочувствующие зрители, и Гораций спешит закончить сражение. (10) Итак, он, прежде чем смог подоспеть последний, который был недалеко, приканчивает еще одного Куриация: (11) и вот уже военное счастье сравнялось – противники остались один на один, но не равны у них были ни надежды, ни силы. Римлянин, целый и невредимый, одержавший двойную победу, был грозен, идя в третий бой; альбанец, изнемогший от раны, изнемогший от бега, сломленный зрелищем гибели братьев, покорно становится под удар. (12) И то не было боем. Римлянин восклицает, ликуя: «Двоих я принес в жертву теням моих братьев, третьего отдам на жертвенник того дела, ради которого идет эта война, чтобы римлянин властвовал над альбанцем». Ударом сверху вонзает он меч в горло противнику, едва держащему щит; с павшего снимает доспехи.

(13) Римляне встретили Горация ликованием и поздравлениями, и тем большею была их радость, чем ближе были они прежде к отчаянию. Обе стороны занялись погребением своих мертвых, но с далеко не одинаковыми чувствами – ведь одни выиграли власть, а другие подпали чужому господству. (14) Гробницы можно видеть и до сих пор на тех самых местах, где пал каждый: две римские вместе, ближе к Альбе, три альбанские поодаль, в сторону Рима, и врозь – именно так, как бойцы сражались.

26. (1) Прежде чем покинуть место битвы, Меттий, повинувшись заключенному договору, спросил, какие будут распоряжения, и Тулл распорядился, чтобы альбанская молодежь оставалась под оружием: она понадобится, если будет война с вейянами. С тем оба войска и удалились в свои города.

(2) Первым шел Гораций, неся тройной доспех, перед Капенскими воротами его встретила сестра-девица, которая была просватана за одного из Куриациев; узнав на плечах брата женихов плащ, вытканый ею самою, она распускает волосы и, плача, окликает жениха по имени⁸⁶. (3) Свирепую душу юноши возмутили сестрины вопли, омрачавшие его победу и великую радость всего народа. Выхватив меч, он заколол девушку, воскликнув при этом: (4) «Отправляйся к жениху с твоею не в пору пришедшей любовью! Ты забыла о братьях – о мертвых и о живом, – забыла об отечестве. (5) Так да погибнет всякая римлянка, что станет оплакивать неприятеля!»

⁸⁶ В соответствии с погребальным обычаем.

Черным делом сочли это и отцы, и народ, но противостояла преступлению недавняя заслуга. Все же Гораций был схвачен и приведен в суд к царю. А тот, чтобы не брать на себя такой прискорбный и негодный толпе приговор и последующую казнь, созвал народный сход и объявил: «В согласии с законом, назначаю дуумвиров, чтобы они вынесли Горацию приговор за тяжкое преступление»⁸⁷. (6) А закон звучал устрашающе: «Совершившего тяжкое преступление да судят дуумвиры; если он от дуумвиров обратится к народу, отстаивать ему свое дело перед народом; если дуумвиры выиграют дело, обмотать ему голову, подвесить веревкой к зловещему дереву⁸⁸, засечь его внутри городской черты или вне городской черты»⁸⁹. (7) Таков был закон, в согласии с которым были назначены дуумвиры. Дуумвиры считали, что закон не оставляет им возможности оправдать даже невиновного. Когда они вынесли приговор, то один из них объявил: «Публий Гораций, осуждаю тебя за тяжкое преступление. Ступай, ликтор, свяжи ему руки». (8) Ликтор подошел и стал ладить петлю. Тут Гораций, по совету Тулла, снисходительного истолкователя закона, сказал: «Обращаюсь к народу». (9) Этим обращением дело было передано на рассмотрение народа. На суде особенно сильно тронул собравшихся Публий Гораций-отец, объявивший, что дочь свою он считает убитой по праву: случись по иному, он сам наказал бы сына отцовскою властью⁹⁰. Потом он просил всех, чтоб его, который так недавно был обилен потомством, не оставляли вовсе бездетным. (10) Обняв юношу и указывая на доспехи Куриациев, прибитые на месте, что ныне зовется «Горациевы копья», старик говорил: «Неужели, квириты, того же, кого только что видели вступающим в город в почетном убранстве, торжествующим победу, вы сможете видеть с колодкой на шее, связанным, меж плетями и распятием? Даже взоры альбанцев едва ли могли бы вынести столь безобразное зрелище! (11) Ступай, ликтор, свяжи руки, которые совсем недавно, вооруженные, принесли римскому народу господство. Обмотай голову освободителю нашего города; подвесь его к зловещему дереву; секи его, хоть внутри городской черты – но непременно меж этими копьями и вражескими доспехами, хоть вне городской черты – но непременно меж могил Куриациев. Куда ни уведете вы этого юношу, повсюду почетные отличия будут защищать его от позора казни!» (12) Народ не вынес ни слез отца, ни равного перед любой опасностью спокойствия духа самого Горация – его оправдали скорее из восхищения доблестью, нежели по справедливости. А чтобы явное убийство было все же искуплено очистительной жертвой, отцу повелели, чтобы он совершил очищение сына на общественный счет.

(13) Совершив особые очистительные жертвоприношения, которые с той поры завещаны роду Горациев, отец перекинул через улицу брус и, прикрыв юноше голову, велел ему пройти словно бы под ярмом. Брус существует и по сей день, и всегда его чинят на общественный счет; называют его «сестрин брус»⁹¹. Гробница Горации – на месте, где та пала мертвой, – сложена из тесаного камня.

27. (1) Но недолог был мир с Альбой. Недовольство черни, раздраженной тем, что судьба государства была вручена трем воинам, смутило суетный ум диктатора, и, поскольк, действуя прямо, он ничего не выгадал, Меттий принялся бесчестными ухищрениями домогаться преж-

⁸⁷ «Тяжкое преступление» – условный перевод латинского «perduellio» (от duellis – «враг», одного корня с bellum – война). К таким преступлениям против отечества причислялась и казнь римского гражданина без суда. Дуумвиры – здесь двое судей, назначаемые царем.

⁸⁸ «Зловещими», посвященными подземным богам, считались деревья, которые никто никогда не сажает и которые не приносят плодов.

⁸⁹ Власть внутри городской черты и вне городской черты (т. е. гражданская и военная) в Риме строго различались.

⁹⁰ В Риме «отец семейства» (т. е. «фамилии» – большой патриархальной семьи) имел право жизни и смерти даже над взрослыми детьми (включая внуков, правнуков и т. д.). Оно было частью «отцовской власти», распространявшейся и на все имущество фамилии.

⁹¹ «Сестрин брус» – пример позднейшего объяснения названия, смысл которого уже был забыт. Латинское прилагательное «sogogium», видимо, происходит не от «sogog» – «сестра», но от имени богини Юноны Сорории, покровительницы созревания девушек. Сам «брус» был связан с древним очистительным обрядом.

него расположения соотечественников. (2) Как прежде, в военное время, он искал мира, так теперь, в мирное, ищет войны, и, сознавая, что боевого духа у его сограждан больше, чем сил, он к прямой и открытой войне подстрекает другие народы, своему же оставляет прикрытое видимостью союза предательство. (3) Фиденяне, жители римского поселения, дали склонить себя к войне с Римом, получив от альбанцев обещание перейти на их сторону. Войдя в соглашение с вейянами, они взялись за оружие. (4) Когда фиденяне отпали, Тулл, вызвав Меттия и его войско из Альбы, повел их на врага. Перейдя Аниен, он разбил лагерь при слиянии рек. Между этим местом и Фиденами перешло Тибр войско вейян. (5) Они в боевом строю не отделились от реки занимая правое крыло; на левом, ближе к горам, расположились фиденяне. Против вейян Тулл выстроил своих, а альбанцев разместил против легиона фиденян. Храбрости у альбанского полководца было не больше, чем верности. Не отваживаясь ни остаться на месте, ни открыто перейти к врагу, он мало-помалу отступает к горам. (6) Решив, что дальше отходить не надо, он выстраивает все войско и в нерешительности, чтобы протянуть время, поправляет ряды. Замысел его был – на ту сторону привести свои силы, на какой окажется счастье. (7) Римляне, стоявшие рядом, сперва удивлялись, видя, что их крыло остается незащищенным из-за отхода союзников; потом во весь опор прискакал конник и сообщил царю, что альбанцы уходят. Среди всеобщего замешательства Тулл дал обет учредить двенадцать салиев⁹² и святилища Страху и Смятению. (8) Всадника он отчитывает громким голосом – чтоб услышали враги – и приказывает вернуться в сражение: тревожиться нечего, это он, Тулл, послал в обход альбанское войско, чтобы оно напало на незащищенные тылы фиденян. И еще царь распорядился, чтобы всадники подняли копья. (9) Когда это было исполнено, от большей части римской пехоты был загорожен вид уходящего альбанского войска, а те, кто успел увидеть, доверились речи царя и сражались тем горячее. Страх теперь переходит к врагам; они слышали громкий голос Тулла, а большинство фиденян, жителей римского поселения, знали латинский язык. (10) И вот, чтобы не оказаться отрезанными от своего города, если альбанцы с холмов внезапно двинутся вниз, фиденяне поворачивают вспять. Тулл наступает, и, когда крыло, которое занимали фиденяне, было рассеяно, он, с еще большим воинским пылом, вновь обращает рать против вейян, уstraшенных чужим испугом. Не выдержали натиска и они, но бежать как придется не давала протекавшая сзади река. (11) Добежав до нее, одни, постыдно бросая щиты, слепо ринулись в воду, другие медлили на берегу, колеблясь меж бегством и битвой, и были раздавлены. Из всех сражений, что до сих пор дали римляне, ни одно не было более ожесточенным.

28. (1) Тогда альбанское войско, оставшееся зрителем битвы, спустилось на равнину. Меттий поздравляет Тулла с полной победой над врагами; со своей стороны Тулл любезно разговаривает с Меттием. Он велит соединить, в добрый час, альбанский лагерь с лагерем римским и готовит очистительное жертвоприношение к следующему дню.

(2) На рассвете, когда все было приготовлено по заведенному обычаю, Тулл приказывает созвать на сходку оба войска. Глашатаи, начав с дальнего конца лагеря, первыми подняли альбанцев. А тех и самое дело, бывшее им в новинку, побудило стать впереди, чтобы послушать речь римского царя. (3) Их окружает римский легион под оружием – так было решено заранее; центурионам было вменено в обязанность исполнять приказания без задержки. (4) Тулл начинает так:

«Римляне, если в какой-либо из войн раньше всего следовало благодарить бессмертных богов, а потом вашу собственную доблесть, так это во вчерашнем сражении. Биться пришлось не столько с врагами, сколько с предательством и вероломством союзников, а эта битва и тяжелей, и опасней. (5) Пусть не будет у вас заблуждений – без моего приказа поднялись альбанцы к горам, и не распоряжался я ходом битвы, но схитрил и притворился, чтобы вы не знали, что

⁹² См.: примеч. 73.

брошены союзниками, и не отвлеклись от сраженья и чтобы враги, вообразив себя обойденными с тыла, в страхе ударились в бегство. (6) Та вина, о которой я говорю, лежит не на всех альбанцах: они пошли за своим вождем, как поступили бы и вы, если бы я захотел увести вас отсюда. Меттий – вот предводитель, за которым они пошли, тот же Меттий – зачинщик этой войны, Меттий – нарушитель договора меж Римом и Альбой. Когда-нибудь и другой дерзнет на подобное, если сегодня не покажу я пример, который будет наукой всем смертным».

(7) Вооруженные центурионы обступают Меттия, а царь продолжает: «Да послужит это ко благу, пользе и счастью римского народа, моему и вашему счастью, альбанцы, – вознамерился я весь альбанский народ перевести в Рим, простому люду даровать гражданство, старейшин зачислить в отцы, создать один город, одно государство. Как один народ, составлявший общину альбанцев, был поделен некогда на два, так теперь пусть они воссоединятся в один». (8) На это альбанцы, безоружные в кольце вооруженных, хоть и думают об этом по-разному, но, объединенные общим страхом, отвечают молчанием. (9) Тогда Тулл говорит: «Меттий Фуфетий, если бы и ты мог научиться хранить верность и соблюдать договоры, я бы тебя этому поучил, оставив в живых; но ты неисправим, а потому умри, и пусть твоя казнь научит человеческий род уважать святость того, что было осквернено тобою. Совсем недавно ты раздваивался душою меж римлянами и фиденянами, теперь раздвоишься телом». (10) Тут же подали две четверни, и царь приказал привязать Меттия к колесницам, потом пущенные в противоположные стороны кони рванули и, разодрав тело надвое, поволокли за собой прикрученные веревками члены. (11) Все отвели глаза от гнусного зрелища. В первый раз и в последний воспользовались римляне этим способом казни, мало согласным с законами человечности; в остальном же можно смело сказать, что ни один народ не назначал более мягких наказаний.

29. (1) Между тем уже были посланы в Альбу всадники, чтобы перевести население в Рим, за ними шли легионы разрушать город. (2) Когда они вступили в ворота, не было вовсе смятения и безудержного отчаяния, обычного в только что взятом городе, где взломаны ворота, иди повалены стены, или не устояли защитники крепости, – и вот уже повсюду слышен вражеский крик, по улицам носятся вооруженные и все без разбора предается огню и мечу. (3) А тут немая скорбь и молчаливое горе сковали сердца: забывшись в тревожном ожидании, не в силах решиться, люди спрашивали друг у друга, что оставить, что брать с собою, и то застывали на порогах, то блуждали по дому, чтобы бросить на все последний взгляд. (4) Но вот крики всадников, приказывавших уходить, зазвучали угрожающе, послышался грохот зданий, рушимых на краю города, и пыль, поднявшись в отдалении, окутала все, словно облако; тогда, второпях унося то, что каждый мог захватить, оставляя и Ларов с пенатами⁹³, и стены, в которых родились и выросли, альбанцы стали уходить, – (5) вот сплошная толпа переселяющихся заполнила улицы; вид чужого горя и взаимное сострадание исторгали из глаз новые слезы, слышались и жалостные женские вопли, особенно громкие, когда проходили мимо священных храмов, занятых вооруженными воинами, и как бы в плену оставляли богов. (6) После того как альбанцы покинули город, римляне все здания, общественные и частные, сравнивают с землею, в один час предав разрушению и гибели труды четырех столетий⁹⁴, которые стоял город Альба; храмы богов, однако, – так указано было царем – были пощажены.

30. (1) Рим между тем с разрушением Альбы растет. Удваивается число граждан, к городу присоединяется Целийский холм⁹⁵, а чтобы он заселялся быстрее и гуще, Тулл избирает его

⁹³ Домашние, фамильные Лары, почитавшиеся наравне с Пенатами и Вестой как главные домашние божества, – обожествленные души предков и вообще покровители дома и имения. Их изображения вместе с изображениями Пенатов стояли в каждом доме у домашнего очага. Своих Ларов имела и гражданская община в целом.

⁹⁴ У Дионисия Галикарнасского (I, 74, 2), следующего тут Катону, основанная на расчетах цифра: 432 года. В поэтической традиции (см.: Вергилий. Энеида, I, 272) говорится о «трех полных столетиях».

⁹⁵ Целийский холм лежал к югу от Эсквилина. Археологические данные не позволяют точно установить время его заселения. Варрон (О латинском языке, V, 46) приписывает его освоение Ромулу, Цицерон (О государстве, II, 33) – Анку Марцию,

местом для царского дома и с той поры там и живет. (2) Альбанских старейшин⁹⁶ – Юлиев, Сервилиев, Квинтиев, Геганиев, Куриациев, Клелиев – он записал в отцы, чтобы росла и эта часть государственного целого; построил он и курию, священное место заседаний умноженного им сословия, – она вплоть до времени наших отцов звалась Гостилиевой⁹⁷. (3) И, чтобы в каждое сословие влилось подкрепление из нового народа, Тулл набрал из альбанцев десять турм⁹⁸ всадников, старые легионы пополнил альбанцами, из них же составил новые.

(4) Полагаясь на эти силы, Тулл объявляет войну сабинянам, которые в те времена лишь этрускам уступали в численности и воинской мощи. (5) С обеих сторон были обиды и тщетные требования удовлетворения. Тулл жаловался, что на людном торжище у храма Феронии⁹⁹ схвачены были римские купцы; (6) сабиняне – что еще до того их люди бежали в священную рощу¹⁰⁰ и были удержаны в Риме. Такие выставлялись предлоги к войне. Сабиняне отлично помнили, что в свое время Таций переместил в Рим часть их собственных воинских сил и что вдобавок римское государство еще усилилось недавним присоединением альбанского народа, а потому и сами стали осматриваться вокруг в поисках внешней помощи. (7) Этрурия была по соседству, ближе всех из этрусков – вейяне. Там еще не остыло после прежних войн озлобление, умы были особенно возбуждены и склонны к измене, и поэтому оттуда сабиняне привлекли добровольцев, а кое-кого из неимущего сброда соблазнила плата. Но от вейского государства сабиняне никакой помощи не получили, и вейяне остались верны условиям договора, заключенного с Ромулом (то, что прочие этруски не помогли сабинянам, не так удивительно). (8) Так обе стороны всеми силами готовились к войне, исход которой, казалось, зависел от того, кто нападет первым. Тулл, опережая противника, вторгся в Сабинскую область. (9) Жестокая битва произошла близ Злодейского леса, и победою римляне обязаны были не столько мощной пехоте, сколько недавно пополнившейся коннице. (10) Внезапным ударом всадники смяли ряды сабинян, которые не смогли ни устоять в битве, ни без больших потерь спастись бегством.

31. (1) После победы над сабинянами, когда и царь Тулл, и все римское государство были в великой славе и великой силе, царю и отцам донесли, что на Альбанской горе шел каменный дождь. (2) Так как этому почти невозможно было поверить, послали людей взглянуть на небывалое знамение, и на их глазах, совсем как гонимый ветрами на землю град, без счета сыпались с неба камни. (3) Посланные будто бы слышали даже громовой голос с самой вершины горы – из рощи, повелевавший, чтобы альбанцы, по отеческому обычаю, совершали жертвоприношения, о которых они забыли (как будто боги были брошены вместе с отечеством), и либо усвоили римские обряды, либо – как это часто бывает, – разгневавшись на судьбу, вовсе бросили почитать богов¹⁰¹. (4) Римляне из-за этого знамения тоже устроили девятидневное общественное священнослужение – то ли, как передают иные, вняв небесному гласу с Альбанской горы, то ли по совету гаруспиков¹⁰²; во всяком случае, и до сих пор всякий раз, как донесут о таком знамении, устанавливаются девять праздничных дней.

Тацит (Анналы, 4, 65) – Тарквинию Древнему.

⁹⁶ Перечисленные здесь роды были патрицианскими, но как считают исследователи, не коренными римскими. Поэтому они в выводили себя из Альбы.

⁹⁷ Место собраний сената было освящено авгурским обрядом, почему и названо «templum» (см.: примеч. 114 к кн. II). Постройку Гостилиевой курии приписывают царю Туллу Гостилию также Цицерон (О государстве, II, 31) и Варрон (О латинском языке, V, 155), но, видимо, она была сооружена в VI–V вв. до н. э. представителями рода Гостилиев. Не раз перестраиваясь, она просуществовала до 52 г. до н. э., когда сгорела во время беспорядков в Риме. Вскоре она была заменена новой – Юлиевой.

⁹⁸ Турма – 30 всадников. Значит, всего их из альбанцев было набрано 300, т. е. столько же, сколько было в Ромуловых трех центуриях.

⁹⁹ Ферония – древнеиталийская богиня; чтилась при горе Соракте, где был расположен ее храм и священная роща. У ее храма происходили многолюдные ярмарки.

¹⁰⁰ О «священной роще» («убежище») см. выше в гл. 8, 5.

¹⁰¹ Альбанская гора была центром культа Юпитера Латияриса, объединявшего 30 латинских племен, в том числе и римлян.

¹⁰² Гаруспики – истолкователи знамений, гадатели по внутренностям жертвенных животных и прорицатели. В Риме этой

(5) Немногим позже пришло моровое поветрие. Оно принесло с собой нежелание воевать, но воинственный царь не разрешал выпускать оружие из рук и был даже уверен, что здоровью молодежи военная служба полезней, чем пребывание дома. Так длилось до тех пор, покуда и сам он не был разбит долгой болезнью. (6) Тут вместе с телом был сломлен и его свирепый дух, и тот, кто раньше ничто не считал менее царственным, чем отдавать свои помыслы священнодействиям, теперь вдруг стал покорен всему – и важным предписаниям благочестия, и жалким суевериям, – обратив к богобоязненности и народ. (7) Все уже тосковали по временам Нумы и верили, что нет от болезни иного средства, кроме как испросить у богов мир и прощенье. (8) Передают, что царь сам, разбирая записки Нумы, узнал из них о неких тайных жертвоприношениях Юпитеру Элицию и всецело отдался этим священнодействиям, но то ли начал, то ли повел дело не по уставу; и не только что никакое знамение не было ему явлено, но неверный обряд разгневал Юпитера, и Тулл, пораженный молнией, сторел вместе с домом. Царствовал он с великой воинской славой тридцать два года.

32. (1) По смерти Тулла вновь, как установилось искони, вся власть перешла к отцам и они назначили интеррекса. На созванном им сходе народ избрал царем Анка Марция¹⁰³; отцы утвердили этот выбор. Анк Марций был внуком царя Нумы Помпилия, сыном его дочери. (2) Едва вступив на царство, он, памятуя о дедовской славе и единственной слабости прекрасного в остальном предыдущего царствования – упадке благочестия и искажении обрядов, а также полагая важнейшим, чтобы общественные священнодействия совершались в строгом согласии с уставами Нумы, приказал понтифику извлечь из записок царя все относящиеся сюда наставленья и, начертав на доске, обнародовать. Это и гражданам, стосковавшимся по покою, и соседним государствам внушило надежду, что царь вернется к дедовским нравам и установленьям.

(3) И вот латины, с которыми при царе Тулле был заключен договор, расхрабрились и сделали набег на римские земли, а когда римляне потребовали удовлетворенья, дали высокомерный ответ в расчете на бездеятельность нового царя, который, полагали они, будет проводить свое царствование меж святилищ и алтарей. (4) Анк, однако, был схож нравом не только с Нумою, но и с Ромулом; сверх того, он был убежден, что царствованию его деда, при тогдашней молодости и необузданности народа, спокойствие было гораздо нужнее и что достойного мира, который достался его деду, ему, Анку, так просто не добиться: терпенье его испытывают, чтобы, испытав, презирать, и, стало быть, время сейчас подходящее скорее для Тулла, чем для Нумы. (5) Но, чтобы установить и для войн законный порядок, как Нума установил обряды для мирного времени, и чтобы войны не только велись, но и объявлялись по определенному чину, Анк позаимствовал у древнего племени эквиколов то право, каким ныне пользуются фециалы¹⁰⁴, требуя удовлетворения.

(6) Посол, придя к границам тех, от кого требуют удовлетворения, покрывает голову (покрывало это из шерсти) и говорит: «Внемли, Юпитер, внемлите рубежи племени такого-то (тут он называет имя); да слышит меня Вышний Закон. Я вестник всего римского народа, по праву и чести прихожу я послом, и словам моим да будет вера!» (7) Далее он исчисляет все

«этрусской науки» не знали и поэтому гаруспиков приглашали из Этрурии. Хотя истый римлянин Катон и удивлялся, как это гаруспики могут смотреть друг на друга без смеха, римляне постоянно обращались к ним вплоть до Ранней империи.

¹⁰³ Анк Марций правил, по преданию, в 640–616 гг. до н. э. К нему возводили свое прозвище Марции Цари – одна из ветвей рода Марциев (на деле оно шло от жреческой должности Священного царя – см.: II, 2, 1).

¹⁰⁴ О жреческой коллегии фециалов см. выше: прим. 85. Версия о заимствовании специального права у племени эквиколов объясняется тем, что его название неверно производили от лат.: *aequum colere* – «читать справедливость». Экскурсы о фециальном праве мы находим у Ливия дважды: выше (в 24-й главе) был описан ритуал заключения договора (при Тулле Гостилии), здесь описывается процедура объявления войн, введенная будто бы Анком Марцием. Другие источники приписывают все фециальное право Нуме. (Плутарх. Нума, 12). Эта процедура состояла из трех этапов: требование удовлетворения (возмещения); по истечении 30 дней – призывание богов в свидетели, и еще через три дня, после утвержденного народом решения Сената, – собственно объявление войны. Церемония объявления войны завершалась актом бросания копья в пределы противника. В начале III в. (когда расстояния до вражеских земель увеличились) участок «земли противника» был «учрежден» перед храмом Беллоны (см.: примеч. 72 к кн. X). Туда фециал и бросал копьё.

требуемое. Затем берет в свидетели Юпитера: «Если неправо и нечестиво требую я, чтобы эти люди и эти вещи были выданы мне, да лишишь ты меня навсегда принадлежности к моему отечеству». (8) Это произносит он, когда переступает рубеж, это же – первому встречному, это же – когда входит в ворота, это же – когда войдет на площадь, изменяя лишь немногие слова в возвещении и заклании. (9) Если он не получает того, что требует, то по прошествии тридцати трех дней (таков установленный обычаем срок) он объявляет войну так: (10) «Внемли, Юпитер, и ты, Янус Квирин, и все боги небесные, и вы, земные, и вы, подземные, – внемлите! Вас я беру в свидетели тому, что этот народ (тут он называет, какой именно) нарушил право и не желает его восстановить. Но об этом мы, первые и старейшие в нашем отечестве, будем держать совет, каким образом нам осуществить свое право». Тут посол возвращается в Рим для совещания.

(11) Без промедления царь в таких примерно словах запрашивает отцов: «Касательно тех вещей, требований, дел, о каковых отец-отряженный римского народа квиритов известил отца-отряженного старых латинов и самих старых латинов; касательно всего того, что те не выдали, не выполнили, не возместили; касательно всего того, чему надлежит быть выданным, выполненным, возмещенным, объяви, какое твое суждение» – так он обращается к тому, кто подает мнение первым. (12) Тот в ответ: «Чистой и честной войной, по суждению моему, должно их взыскать; на это даю свое согласие и одобренье». Потому по порядку были опрошены остальные; когда большинство присутствующих присоединилось к тому же мнению, постановили воевать. Существовал обычай, чтобы фециал приносил к границам противника копьё с железным наконечником или кизиловое древко с обожженным концом и в присутствии не менее чем троих взрослых свидетелей говорил: (13) «Так как народы старых латинов и каждый из старых латинов провинились и погрешили против римского народа квиритов, так как римский народ квиритов определил быть войне со старыми латинами и сенат римского народа квиритов рассудил, согласился и одобрил, чтобы со старыми латинами была война, того ради я и римский народ народам старых латинов и каждому из старых латинов объявляю и приношу войну». Произнесши это, он бросал копьё в пределы противника. (14) Вот таким образом потребовали тогда от латинов удовлетворения и объявили им войну; этот порядок переняли потомки.

33. (1) Поручив попеченье о священнодействиях фламинам и другим жрецам, Анк с вновь набранным войском ушел на войну. Латинский город Политорий он взял приступом, все его население по примеру предыдущих царей, принимавших неприятелей в число граждан и тем увеличивавших римское государство, перевел в Рим, (2) и, подобно тому как подле Палатина – обители древнейших римлян – сабиняне заселили Капитолий и крепость, а альбанцы Целийский холм, новому пополнению отведен был Авентин¹⁰⁵. Туда же были приселены новые граждане и немного спустя, по взятии Теллен и Фиканы. (3) На Политорий пришлось двинуться войною еще раз, так как опустевший город заняли старые латины; это заставило римлян разрушить Политорий, чтобы он не служил постоянным пристанищем для неприятелей. (4) В конце концов все силы латинов были оттеснены к Медулли¹⁰⁶, где довольно долго военное счастье было непостоянным – сражались с переменным успехом: и самый город был надежно защищен укреплениями и сильной охраной, и в открытом поле латинское войско, став лагерем, несколько раз схватывалось с римлянами врукопашную. (5) Наконец Анк, бросив в дело все свои силы, выиграл сражение и, обогатившись огромной добычей, возвратился в Рим; тут тоже многие тысячи латинов были приняты в число граждан, а для поселения им отведено было место близ алтаря Мурции¹⁰⁷ – чтобы соединился Авентин с Палатином. (6) Яникул¹⁰⁸ был

¹⁰⁵ Авентин, отделенный долиной от остальных римских холмов, до 49 г. до н. э. оставался за пределами померия (см. ниже: прим. 138). В отличие от «патрицианского» Капитолия был заселен в основном плебеями.

¹⁰⁶ Медуллия – сабинский городок в Лации к северо-западу от Тибура.

¹⁰⁷ Мурция – древнее римское божество, ее место в иерархии римских богов неизвестно. Святилище Мурции находилось у подножия Авентина, юго-восточная часть которого некогда будто бы называлась Мурком.

тоже присоединен к городу – не оттого, что не хватало места, но чтобы не смогли здесь когда-нибудь укрепиться враги. Решено было не только обнести этот холм стеною, но и – ради удобства сообщения – соединить с городом Свайным мостом, который тогда впервые был построен на Тибре. (7) Ров Квиритов, немаловажное укрепление на равнинных подступах к городу, тоже дело царя Анка.

(8) Огромный приток населения увеличил государство, а в таком многолюдном народе потерялось ясное различие между хорошими и дурными поступками, стали совершаться тайные преступления, и поэтому в устрашение все возраставшей дерзости негодяев возводится тюрьма посреди города¹⁰⁹, над самым форумом. (9) И не только город, но и его владения расширились в это царствование. Отобрав у вейян Месийский лес¹¹⁰, римляне распространили свою власть до самого моря, и при устье Тибра был основан город Остия; вокруг него стали добывать соль¹¹¹; в ознаменованье военных успехов перестроили храм Юпитера Феретрия.

34. (1) В царствование Анка в Рим переселился Лукумон¹¹², человек деятельный и сильный своим богатством; в Рим его привело прежде всего властолюбие и надежда на большие почести, каких он не мог достигнуть в Тарквиниях, потому что и там был отпрыском чужеземного рода. (2) Был он сыном коринфянина Демарата¹¹³, который из-за междоусобиц бежал из родного города, волей случая поселился в Тарквиниях, там женился и родил двоих сыновей. Звались они Лукумон и Аррунт. Лукумон пережил отца и унаследовал все его добро. Аррунт умер еще при жизни отца, оставив жену беременной. Впрочем, отец пережил сына ненадолго, (3) он скончался, не зная, что невестка носит в чреве, и потому не упомянул в завещании внука. Родившийся после смерти деда мальчик, не имея никакой доли в его богатстве, получил из-за бедности имя Эгерия¹¹⁴. А в Лукумоне, который унаследовал все отцовское добро, уже само богатство порождало честолюбие, (4) еще усилившееся, когда он взял в супруги Танаквиль. Эта женщина была самого высокого рода, и не легко ей было смириться с тем, что по браку положение ее ниже, чем по рождению. (5) Так как этруски презирали Лукумона, сына изгнанника-пришлеца, она не могла снести унижения и, забыв о природной любви к отечеству, решила покинуть Тарквинии – только бы видеть супруга в почете. (6) Самым подходящим для этого городом ей показался Рим: среди молодого народа, где вся знать недавняя и самая знатность приобретена доблестью, там-то и место мужу храброму и деятельному. Ведь царствовал там сабинянин Таций, ведь призван был туда на царство Нума из Кур, ведь и Анк, рожденный матерью-сабинянкой, знатен одним только предком – Нумою. (7) Танаквиль без труда убедила мужа, который и сам жаждал почестей; да и Тарквинии были ему отечеством лишь со стороны матери. Снявшись с места со всем имуществом, они отселяются в Рим.

¹⁰⁸ Яникул – единственный из холмов Рима находился на западном (правом) берегу Тибра. Вряд ли он был присоединен к Риму в столь давние времена. Возможно, он был лишь укреплен, чтобы обезопасить Свайный мост, служивший торговым нуждам.

¹⁰⁹ Тюрьма (Carcer Mamertinus) находилась у подножия Капитолия, между храмом Согласия и Курией. Тюремное заключение в Риме не применялось как мера наказания за преступление. Аресту могли подвергаться несостоятельные должники, люди, чье пребывание на свободе было небезопасно для государства и других граждан; в тюрьме также приводились в исполнение телесные наказания и совершалась смертная казнь.

¹¹⁰ Месийский лес – находился, видимо, к югу от Тибра.

¹¹¹ Римские авторы единодушно приписывают основание Остии Анку Марцию. Археологические данные свидетельствуют о том, что Остия была первой римской колонией, основанной в 22 км от Рима в левом устье Тибра не ранее IV в. до н. э., в целях укрепления военно-морских позиций Рима. Возможно, однако, что колония была выведена на место более раннего поселения, возникшего действительно во времена Анка Марция в связи с открытием там соляных разработок.

¹¹² Лукумон – у этрусков правитель города. В данном случае это ложная этимология для прапопона Тарквиния – Lucius (см.: I, 34, 10).

¹¹³ Демарат, по преданию, отпрыск царского рода, бежавший со своими людьми в Этрурию после свержения коринфских царей (655 г. до н. э.). Связи Коринфа с Этрурией в VII в. до н. э. засвидетельствованы археологически. Сведение воедино рассказов о Демарате, переселенце из Коринфа, и о Тарквинии, переселенце из Этрурии, – ученый домысел ранних римских историков.

¹¹⁴ Ср.: лат. egere – «нуждаться».

(8) Доезжают они волей случая до Яникула, а там орел плавно, на распростертых крыльях, спускается к Лукумону, восседающему с женою на колеснице, и уносит его шапку, чтобы, покружив с громким клекотом, вновь возложить ее на голову, будто исполняя поручение божества; затем улетает ввысь. (9) Танаквиль, женщина сведущая, как вообще этруски, в небесных знаменьях, с радостью приняла это провозвестье. Обнявши мужа, она велит ему надеяться на высокую и великую участь: такая прилетала к нему птица, с такой стороны неба, такого бога вестница; облетев вокруг самой маковки, она подняла кверху убор, возложенный на человеческую голову, чтобы возвратить его как бы от божества. (10) С такими надеждами и мыслями въехали они в город и, обзаведясь там домом, назвались именем Луция Тарквиния Древнего¹¹⁵. (11) Человек новый и богатый, Луций Тарквиний обратил на себя внимание римлян и сам помогал своей удаче радушным обхождением и дружелюбными приглашениями, услугами и благодеяниями, которые оказывал, кому только мог, покуда молва о нем не донеслась и до царского дворца. (12) А сведя знакомство с царем, он охотно принимал поручения, искусно их исполнял и скоро достиг того, что на правах близкой дружбы стал бывать на советах и общественных и частных и в военное и в мирное время. Наконец, войдя во все дела, он был назначен по завещанию опекуном царских детей.

35. (1) Анк царствовал двадцать четыре года; искусством и славою в делах войны и мира он был равен любому из предшествовавших царей. Сыновья его были уже почти взрослыми. Тем сильнее настаивал Тарквиний, чтобы как можно скорей состоялось собрание, которое избрало бы царя, (2) а к тому времени, на какое оно было назначено, отправил царских детей на охоту. Он, как передают, был первым, кто искательством домогался царства и выступил с речью, составленною для привлеченья сердец простого народа. (3) Он, говорил Тарквиний, не ищет ничего небывалого, ведь он не первым из чужеземцев (чему всякий мог бы дивиться или негодовать), но третьим притязает на царскую власть в Риме: и Таций из врага даже – не просто из чужеземца – был сделан царем, и Нума, незнакомый с городом, не стремившийся к власти, самими римлянами был призван на царство, (4) а он, Тарквиний, с того времени, как стал распоряжаться собой, переселился в Рим с супругой и всем имуществом. В Риме, не в прежнем отечестве, прожил он большую часть тех лет жизни, какие человек уделяет гражданским обязанностям. (5) И дома и на военной службе, под рукою безукоризненного наставника, самого царя Анка, изучил он законы римлян, обычаи римлян. В повиновении и почтении к царю он мог поспорить со всеми, а в добром расположении ко всем прочим с самим царем. (6) Это не было ложью, и народ с великим единодушием избрал его на царство. Потому-то он, человек, в остальном достойный, и на царстве не расстался с тем искательством, какое выказал, домогаясь власти¹¹⁶. Не меньше заботясь об укреплении своего владычества, чем о расширении государства, он записал в отцы сто человек, которые с тех пор звались отцами младших родов; они держали, конечно, сторону царя, чье благодеянье открыло им доступ в курию. (7) Войну он вел сначала с латинами и взял приступом город Апиолы; вернувшись с добычей, большей, чем позволяло надеяться общее мнение об этой войне, он устроил игры, обставленные с великолепием, невиданным при прежних царях. (8) Тогда впервые отведено было место для цирка, который ныне зовется Большим¹¹⁷. Были определены места для отцов и всадников¹¹⁸, чтобы всякий из них мог сделать для себя сиденья. (9) Смотрели с помостов, настланных на подпорах высотой в двенадцать футов. В представлении участвовали упряжки

¹¹⁵ Понятно, что прозвище «Древний» могло быть дано ему только потомками, чтобы различать двух царствовавших в Риме Тарквиниев. Не исключено, что и прозвище «Гордый» такого же происхождения.

¹¹⁶ Римские историки не допускали мысли об этруском завоевании Рима, но все-таки исподволь старались бросить тень на законность царской власти Тарквиниев. Царствовал Тарквиний Древний, по преданию, в 616–578 гг. до н. э.

¹¹⁷ Большой цирк (Circus Maximus), самый древний на территории Рима, был расположен в долине между Палаатином и Авентином. Естественным амфитеатром служили склоны холмов. Впоследствии в низине была оборудована овальная арена.

¹¹⁸ Специальные места для сенаторов были отведены впервые в 194 г. до н. э., для всадников – в 67 г. до н. э.

и кулачные бойцы, в большинстве приглашенные из Этрурии. С этого времени вошли в обычай ежегодные игры, именуемые Римскими или, иначе, Великими¹¹⁹. (10) Тем же самым царем распределены были между частными лицами участки для строительства вокруг форума; возведены портик¹²⁰ и лавки.

36. (1) Тарквиний собирался также обвести город каменной стеной, но помешала сабинская война. Она началась столь внезапно, что враги успели перейти Аниен прежде, чем римское войско смогло выступить им навстречу. (2) Поэтому Рим был в страхе, а первая битва, кровопролитная для обеих сторон, ни одной не дала перевеса. Когда затем враги увели войска назад в лагерь и дали римлянам время подготовиться к войне заново, Тарквиний рассудил, что силам его особенно недостает всадников, и решил к Рамнам, Тициям и Луцерам – центуриям, которые были учреждены Ромулом, – добавить новые, сохранив их на будущее памятником Тарквиниева имени. (3) А так как Ромул учредил центурии по совершении птицегадания, то Атт Навий, славный в то время авгур, объявил, что нельзя ничего ни изменить, ни учредить заново, если того не позволят птицы. Это вызвало гнев царя, и он, как рассказывают, насмехаясь над искусством гадания, промолвил: «Ну-ка, ты, божественный, посмотри по птицам, может ли исполниться то, что я сейчас держу в уме». (4) Когда же тот, совершив птицегадание, сказал, что это непременно сбудется, царь ответил: «А загадал-то я, чтобы ты бритвой рассек оселок. Возьми же одно и другое и сделай то, что, как возвестили тебе твои птицы, может быть исполнено». Тогда жрец, как передают, без промедленья рассек оселок. (5) Изваяние Атта с покрытою головой стоит на том месте, где это случилось: на Комиции¹²¹, на самих ступенях, по левую руку от курии. И камень, говорят, был положен на том же месте, чтобы он напоминал потомкам об этом чуде. (6) А уважение к птицегаданию и достоинству авгуров стало так велико, что с тех пор никакие дела – ни на войне, ни в мирные дни – не велись без того, чтобы не спросить птиц: народные собрания, сбор войска, важнейшие дела отменялись, если не дозволяли птицы. (7) И в тот раз тоже – все касавшееся всаднических центурий Тарквиний оставил неизменным и лишь прибавил к числу всадников еще столько же, так что в трех центуриях их стало тысяча восемьсот¹²². (8) Вновь набранные всадники были названы «младшими» и причислены к прежним центуриям, которые сохранили свои наименования. А нынешнее их прозвание «шесть центурий» происходит от удвоившейся тогда численности.

37. (1) Когда эта часть войска были пополнена, вновь сразились с сабинянами. Но, подкрепив новыми силами свое войско, римляне, кроме того, прибегли и к хитрости: были посланы люди, чтобы зажечь и спустить в Аниен множество деревьев, лежавших по берегам речки; ветер раздувал пламя, горящие деревья, большей частью наваленные на плоты, застревали у свай, и мост загорелся¹²³. (2) И это тоже напугало сабинян во время битвы и вдобавок помешало им бежать, когда они были рассеяны; множество их, хоть и спаслось от врага, нашло свою гибель в реке. Их щиты, принесенные течением к Риму, были замечены в Тибре и дали знать о победе едва ли не раньше, чем успела прийти весть о ней. (3) В этой битве главная слава досталась всадникам. Поставленные, как рассказывают, на обоих крыльях, они, когда пеший

¹¹⁹ Римские (Великие) игры действительно начали проводиться под этрусским влиянием и до того как стали ежегодными (видимо, не позднее 326 г.), были вотивными, т. е. давались по обету – в благодарность богам за какую-нибудь особую службу (обычно – победу).

¹²⁰ Первый портик классического греческого образца был сооружен в Риме в 193 г. до н. э. М. Эмилием Лепидом. Для описываемого периода употребление этого термина – анахронизм.

¹²¹ Комиций (букв.: «сходбище») – место народных собраний в Риме. Примыкал к Форуму. Выше него (по склону холма) стояла Курия. «Ступенями» располагались места для собравшихся.

¹²² Непонятно, каким образом получена цифра 1800 (такое число всадников установилось после реорганизации войска, проведенной Сервием Туллем; см.: I, 43, 8–9). При удвоении общего числа 600 всадников, из которых 300 были учреждены Ромулом (I, 13, 8) и 300 – Туллом Гостилием (I, 30, 3) должно было получиться 1200. Видимо, Ливий включает в исходное число и 300 «быстрых» (см. примеч. 60).

¹²³ Речь идет не о Свайном мосте (Pons Sublicius), а о мосте через реку Аниен, построенном сабинянами.

строй посреди стал уже поддаваться, ударили с боков так, что не только остановили сабинские легионы, жестоко теснившие дрогнувшую пехоту, но неожиданно обратили их в бегство. (4) Сабиняне врассыпную бросились к горам, но немногие их достигли – большинство, как уже говорилось, было загнано конницей в реку. (5) Тарквиний, решив продолжать наступление на перепуганного врага, отсылает добычу и пленных в Рим и, сложив огромный костер из вражьих доспехов (таков был обет Вулкану)¹²⁴, ведет войско дальше, в землю сабинян. (6) И, хотя дела их шли плохо и на лучшее надеяться было нечего, однако, поскольку для размышлений времени не оставалось, сабиняне вышли навстречу с наспех набранным войском; разбитые снова и потеряв на этот раз почти все, они запросили мира.

38. (1) Коллация¹²⁵ и все земли по сю сторону Коллации были отняты у сабинян. Эгерий, царский племянник, был оставлен в Коллации с отрядом. Коллатинцы сдались, и, насколько мне известно, порядок сдачи был таков. (2) Царь спросил: «Это вы – послы и ходатаи, посланные коллатинским народом, чтобы отдать в наши руки себя самих и коллатинский народ?» – «Мы». – «Властен ли над собою коллатинский народ?» – «Властен». – «Отдаете ли вы коллатинский народ, поля, воду, пограничные знаки, храмы, утварь, все, принадлежащее богам и людям, в мою и народа римского власть?» – «Отдаем». – «А я принимаю». (3) Завершив сабинскую войну, Тарквиний триумфатором возвращается в Рим. Потом он пошел войной на старых латинов. (4) Здесь ни разу не доходило до битвы, от которой зависел бы исход всей войны, – захватывая города по одному, царь покорил весь народ латинов. Корникул, Старая Фикулея, Камерия, Крустумерия, Америола, Медуллия, Номент – вот города, взятые у старых латинов или у тех, кто их поддерживал. Затем был заключен мир.

(5) С этого времени Тарквиний обращается к мирной деятельности с усердием, превышавшим усилия, отданные войне; он хотел, чтобы у народа было и дома не меньше дел, чем в походе. (6) Так, возвратясь к начинанию, расстроенному сабинской войною, он стал обносить каменной стеной город в тех местах, где не успел еще соорудить укрепления; так, он осушил в городе низкие места вокруг форума и другие низины между холмами, проведя к Тибру вырытые с уклоном каналы (ибо с ровных мест нелегко было отвести воды); (7) так, он заложил – во исполнение данного в сабинскую войну обета – основание храма Юпитера на Капитолии, уже предугадывая душой грядущее величие этого места.

39. (1) В это время в царском доме случилось чудо, дивное и по виду, и по последствиям. На глазах у многих, гласит предание, пылала голова спящего мальчика по имени Сервий Туллий¹²⁶. (2) Многоголосый крик, вызванный столь изумительным зрелищем, привлек и царя с царицей, а когда кто-то из домашних принес воды, чтобы залить огонь, царица остановила его. Прекратила она и шум, запретив тревожить мальчика, покуда тот сам не проснется. (3) Вскоре вместе со сном исчезло и пламя. Тогда, отведя мужа в сторону, Танаквиль говорит: «Видишь этого мальчика, которому мы даем столь низкое воспитание? Можно догадаться, что когда-нибудь, в неверных обстоятельствах, он будет нашим светочем, оплотом униженного царского дома. Давай же того, кто послужит к великой славе и государства, и нашей, вскормим со всею заботливостью, на какую способны».

(4) С этой поры с ним обходились как с сыном, наставляли в науках, которые побуждают души к служению великому будущему. Это оказалось нетрудным делом, ибо было угодно богам. Юноша вырос с истинно царскими задатками, и, когда пришла пора Тарквинию подумать о зяте, никто из римских юношей ни в чем не сумел сравниться с Сервием Туллием; царь

¹²⁴ Вулкан – древний италийский бог разрушительного и очистительного пламени. Вулкану служил один из 12 младших фламинов. В более поздние времена Вулкан был отождествлен с греческим Гефестом.

¹²⁵ Коллация находилась в 7–8 км к востоку от Рима.

¹²⁶ Более древний вариант легенды – о зачатии Сервия Туллия от пламени очага см., например, у Овидия (Фасты, VI, 631 сл.). У Цицерона (О государстве, II, 37) мы, напротив, находим (еще до Ливия) дальнейшую рационализацию мифа: «Царь не мог не заметить искры ума, уже тогда горевшей в мальчике».

просватал за него свою дочь. (5) Эта честь, чего бы ради ни была она оказана, не позволяет поверить, будто он родился от рабыни и в детстве сам был рабом. Я более склонен разделить мнение тех, кто рассказывает, что, когда взят был Корникул, жена Сервия Туллия, первого в том городе человека, осталась после гибели мужа беременной; она была опознана среди прочих пленниц, за исключительную знатность свою избавлена римской царицей от рабства и родила ребенка в доме Тарквиния Древнего. (6) После такого великого благодеяния и женщины сблизились между собою, и мальчик, с малых лет выросший в доме, находился в чести и в холе. Судьба матери, попавшей по взятии ее отечества в руки противника, заставила поверить, что он родился от рабыни.

40. (1) На тридцать восьмом примерно году от воцаренья Тарквиния, когда Сервий Туллий был в величайшей чести не у одного царя, но и у отцов, и простого народа, (2) двое сыновей Анка – хоть они и прежде всегда почитали себя глубоко оскорбленными тем, что происками опекуна отстранены от отцовского царства, а царствует в Риме пришлец не только что не соседского, но даже и не италийского рода, – распаляются сильнейшим негодованием. (3) Выходит, что и после Тарквиния царство достанется не им, но, безудержно падая ниже и ниже, свалится в рабские руки, так что спустя каких-нибудь сто лет¹²⁷ в том же городе, ту же власть, какую владел – покуда жил на земле – Ромул, богом рожденный и сам тоже бог, теперь получит раб, порожденье рабыни! Будет позором и для всего римского имени, и в особенности для их дома, если при живом и здоровом мужском потомстве царя Анка царская власть в Риме станет доступной не только пришлецам, но даже рабам.

(4) И вот они твердо решают отвратить оружием это бесчестье. Но и сама горечь обиды больше подстрекала их против Тарквиния, чем против Сервия, и спасенье, что царь, если они убьют не его, отомстит им страшнее всякого другого; к тому же, думалось им, после гибели Сервия царь еще кого-нибудь изберет себе в зятя и оставит наследником. (5) Поэтому они готовят покушение на самого царя. Для злодеяния были выбраны два самых отчаянных пастуха, вооруженные, тот и другой, привычными им мужицкими орудиями. Затеяв притворную ссору в преддверии царского дома, они поднятым шумом собирают вокруг себя всю прислугу; потом, так как оба призывали царя и крик доносился во внутренние покои, их приглашают к царю. (6) Там и тот и другой сперва вопили наперерыв и старались друг друга перекричать; когда ликтор унял их и велел говорить по очереди, они перестают наконец препираться и один начинает заранее выдуманный рассказ. (7) Пока царь внимательно слушает, оборотясь к говорящему, второй заносит и обрушивает на царскую голову топор; оставив оружие в ране, оба выскакивают за дверь¹²⁸.

41. (1) Тарквиния при последнем издыхании принимают на руки окружающие, а обоих злодеев, бросившихся было бежать, схватывают ликторы. Поднимается крик, и сбегается народ, расспрашивая, что случилось. Среди общего смятения Танаквиль приказывает запереть дом, выставляя всех прочь. Тщательно, как если бы еще была надежда, готовится она все нужное для лечения раны, но тут же на случай, если надежда исчезнет, принимает иные меры: (2) быстро призвав к себе Сервия, показывает ему почти бездыханного мужа и, простерши руку, заклинает не допустить, чтобы смерть тестя осталась неотомщенной, чтобы теща обратилась в посмешище для врагов. (3) «Тебе, Сервий, если ты мужчина, – говорит она, – принадлежит царство, а не тем, кто чужими руками гнуснейшее содеял злодейство. Воспрянь, и да поведут тебя боги, которые некогда, окружив твою голову божественным сияньем, возвестили ей славное будущее. Пусть воспламенит тебя ныне тот небесный огонь, ныне поистине

¹²⁷ «Сто лет» здесь фигуральное выражение, округленная дата. На самом деле, по хронологии Ливия, после смерти Ромула прошло 138 лет.

¹²⁸ У Дионисия Галикарнасского (III, 73; IV, 4, 4 сл.) эти пастухи – переодетые люди сыновей Анка Марция. Весь рассказ несет на себе следы литературного происхождения (ср., например: Ксенофонт. Греческая история, VI, 4, 31; Юстин, XVI, 5, 15).

пробудись! Мы тоже чужеземцы – и царствовали. Помни о том, кто ты, а не от кого рожден. А если твоя решимость тебе изменяет в нежданной беде, следуй моим решениям». (4) Когда шум и напор толпы уже нельзя было выносить, Танаквиль из верхней половины дома, сквозь окно, выходящее на Новую улицу¹²⁹ (царь жил тогда у храма Юпитера Становителя), обращается с речью к народу. (5) Она велит сохранять спокойствие: царь-де просто оглушен ударом; лезвие проникло неглубоко; он уже пришел в себя; кровь обтерта, и рана обследована; все обнадеживает; вскоре, она уверена, они увидят и самого царя, а пока она велит, чтобы народ оказывал повиновение Сервию Туллию, который будет творить суд и исполнять все другие царские обязанности. (6) Сервий выходит, одетый в трабею¹³⁰, в сопровождении ликторов и, усевшись в царское кресло, одни дела решает сразу, о других для виду обещает посоветоваться с царем. Таким вот образом в течение нескольких дней после кончины Тарквиния, утаив его смерть, Сервий под предлогом исполнения чужих обязанностей упрочил собственное положение. Только после этого о случившемся было объявлено и в царском доме поднялся плач. Сервий, окруживший себя стражей, первый стал править лишь с соизволения отцов, без народного избрания. (7) Сыновья же Анка, как только схвачены были исполнители преступления и пришло известие, что царь жив, а вся власть у Сервия¹³¹, удалились в изгнание в Свессу Помецию.

42. (1) И не только общественными мерами старался Сервий укрепить свое положение, но и частными. Чтобы у Тарквиниевых сыновей не зародилась такая же ненависть к нему, как у сыновей Анка к Тарквинию, Сервий сочетает браком двух своих дочерей с царскими сыновьями Луцием и Аррунтом Тарквиниями. (2) Но человеческими ухищрениями не переломил он судьбы: даже в собственном его доме завистливая жажда власти все пропитала неверностью и враждой.

Как раз вовремя – в видах сохранения установившегося спокойствия – он открыл военные действия (ибо срок перемирия уже истек) против вейян и других этрусков¹³². (3) В этой войне блистательно проявились и доблесть, и счастье Туллия; рассеяв огромное войско врагов, он возвратился в Рим уже несомненным царем, удостоверившись в преданности и отцов и простого народа.

(4) Теперь он приступает к величайшему из мирных дел, чтобы, подобно тому как Нума явился творцом божественного права, Сервий слыл у потомков творцом всех гражданских различий, всех сословий, четко делящих граждан по степеням достоинства и состоятельности. (5) Он учредил ценз¹³³ – самое благодетельное для будущей великой державы установление, посредством которого повинности, и военные и мирные, распределяются не подушно, как до того, но соответственно имущественному положению каждого. Именно тогда учредил он и

¹²⁹ Строительство двухэтажных домов с выходящими на улицу окнами началось в Риме впервые при консуле 338 г. до н. э. Гае Мении. Древнейшей италийской архитектуре такой тип сооружений неизвестен.

¹³⁰ Трабея – короткий пурпурный плащ, заимствованный у этрусков и составлявший у них часть царского облачения.

¹³¹ Сервий Туллий, согласно преданию, стал царем в 578 г. до н. э. и правил до 534 г. до н. э. Представления римлян об основных событиях и установлениях, связывавшихся с именем Сервия Туллия, в главных чертах историчны. Легендарные мотивы римских традиционных рассказов об этом царе, видимо, связаны с его именем. Во-первых, оно латинское (латин, царствовавший между правлениями двух этрусков), во-вторых, родовое имя «Туллий» впоследствии существовало только у плебеев, в-третьих, имя «Сервий» (ср.: лат. *servus* – «раб») наводило на мысль о его рабском происхождении. Из всего этого складывался образ царя-народолюбца. Борьба римских ученых историографов с этой традицией видна и по изложению Ливия, который, впрочем, сам отдал ей обильную дань. Наконец, уже после Ливия император Клавдий (41–54 гг. н. э.) отождествил Сервия Туллия с этрусском Мастарной (эта версия нашла немало приверженцев среди современных исследователей).

¹³² Нигде раньше Ливий (в отличие от Дионисия Галикарнасского – III, 57) не упоминает о войне с Вейями при Тарквинии Древнем. Возможно, сочинение Лициния Макра, послужившее основой для описания эпохи Тарквиния Древнего, о войне с Вейями умалчивало, а для описания царствования Сервия Туллия Ливий использовал другой источник (Валерия Антиата).

¹³³ Цензом (от лат. *sensere* – оценивать) называлась как перепись населения, проводившаяся в целях оценки имущества граждан для урегулирования податей и военной службы, так и те критерии (размер имущества и происхождение), согласно которым граждане причислялись к тому или иному разряду. Ценз проводился раз в пять лет и завершался очистительной жертвой. Денежные оценки имущества (в ассах) в последующем изложении – очевидный анахронизм (см.: примеч. 92 к кн. IV), а описание вооружения – плод ученой реконструкции римских историков.

разряды, и центурии, и весь основанный на цензе порядок – украшение и мирного и военного времени.

43. (1) Из тех, кто имел сто тысяч ассов или еще больший ценз, Сервий составил восемьдесят центурий: по сорока из старших и младших возрастов¹³⁴; (2) все они получили название «первый разряд», старшим надлежало быть в готовности для обороны города, младшим – вести внешние войны. Вооружение от них требовалось такое: шлем, круглый щит, поножи, панцирь – все из бронзы, это для защиты тела. (3) Оружие для нападения: копье и меч. Этому разряду приданы были две центурии мастеров, которые несли службу без оружия: им было поручено доставлять для нужд войны осадные сооружения. (4) Во второй разряд вошли имеющие ценз от ста до семидесяти пяти тысяч, и из них, старших и младших, были составлены двадцать центурий. Положенное оружие: вместо круглого щита – вытянутый, остальное – то же, только без панциря. (5) Для третьего разряда Сервий определил ценз в пятьдесят тысяч; образованы те же двадцать центурий, с тем же разделением возрастов. В вооружении тоже никаких изменений, только отменены поножи. (6) В четвертом разряде ценз – двадцать пять тысяч; образованы те же двадцать центурий, вооружение изменено: им не назначено ничего, кроме копья и дротика. (7) Пятый разряд обширнее: образованы тридцать центурий; здесь воины носили при себе лишь пращи и метательные камни. В том же разряде распределенные по трем центуриям запасные, горнисты и трубачи. (8) Этот класс имел ценз одиннадцать тысяч. Еще меньший ценз оставался на долю всех прочих, из которых была образована одна центурия, свободная от воинской службы.

Когда пешее войско было снаряжено и подразделено, Сервий составил из виднейших людей государства двенадцать всаднических центурий. (9) Еще он образовал шесть других центурий, взамен трех, учрежденных Ромулом, и под теми же освященными птицегаданием именами¹³⁵. Для покупки коней всадникам было дано из казны по десять тысяч ассов, а содержание этих коней было возложено на незамужних женщин, которым надлежало вносить по две тысячи ассов ежегодно.

(10) Все эти тяготы были с бедных переложены на богатых. Зато большим стал и почет. Ибо не поголовно, не всем без разбора (как-то повелось от Ромула и сохранялось при прочих царях) было дано равное право голоса и не все голоса имели равную силу, но были установлены степени, чтобы и никто не казался исключенным из голосованья, и вся сила находилась бы у виднейших людей государства. (11) А именно: первыми приглашали к голосованию всадников, затем – восемьдесят пехотных центурий первого разряда; если мнения расходились, что случалось редко, приглашали голосовать центурии второго разряда; но до самых низких не доходило почти никогда. (12) И не следует удивляться, что при нынешнем порядке, который сложился после того, как триб стало тридцать пять, чему отвечает двойное число центурий – старших и младших, общее число центурий не сходится с тем, какое установил Сервий Туллий. (13) Ведь когда он разделил город – по населенным округам и холмам – на четыре части и назвал эти части трибами (я полагаю, от слова «трибут» – налог, потому что от Сервия же идет и способ собирать налог равномерно, в соответствии с цензом), то эти тогдашние трибы не имели никакого касательства ни к распределению по центуриям, ни к их числу¹³⁶.

¹³⁴ Младшие возрасты – от 18 до 45 лет; старшие – от 46 до 60 лет.

¹³⁵ Три удвоенные древние центурии всадников (Tities, Ramnes, Luceres) имели общее название Sex suffragia – «Шесть голосов» (в собрании по центуриям). Они набирались исключительно из патрицианских родов (в отличие от остальных 12 всаднических центурий) и имели скорее политическое, чем военное значение.

¹³⁶ Древнейшее разделение на три трибы (см.: прим. 56) основывалось на этническом или родовом признаке. Новые, Сервиевы трибы были территориальными. Наряду с четырьмя городскими трибами (Сукузанская, Эсквилинская, Коллинская и Палатинская), были учреждены также сельские, о которых Ливий умалчивает. Распределение центурий по трибам и появление единой имущественно-территориальной системы организации общества относится к концу III в. до н. э. Современная этимология производит слово tribus от корня tri- («три»). Слова tribuo и tributum, в свою очередь, производятся от tribus, а не наоборот, как у Ливия.

44. (1) Произведя общую перепись и тем покончив с цензом (для ускорения этого дела был издан закон об уклонившихся, который грозил им оковами и смертью), Сервий Туллий объявил, что все римские граждане, всадники и пехотинцы, каждый в составе своей центурии, должны явиться с рассветом на Марсово поле. (2) Там, выстроив все войско, он принес за него очистительную жертву – кабана, барана и быка.

Этот обряд был назван «свершением очищения», потому что им завершался ценз. Передают, что в тот раз переписано было восемьдесят тысяч граждан; древнейший историк Фабий Пиктор добавляет, что таково было число способных носить оружие. (3) Поскольку людей стало так много, показалось нужным увеличить и город. Сервий присоединяет к нему два холма, Квиринал и Виминал, затем переходит к расширению Эсквилинского округа, где поселяется и сам, чтобы внушить уважение к этому месту. Город он обвел валом, рвом и стеной¹³⁷, раздвинув таким образом померий¹³⁸. (4) Померий, согласно толкованию тех, кто смотрит лишь на буквальное значение слова, – это полоса земли за стеной, скорее, однако, по обе стороны стены. Некогда этруски, основывая города, освящали птицегаданием пространство по обе стороны намеченной ими границы, чтобы изнутри к стене не примыкали здания (теперь, напротив, это повсюду вошло в обычай), а снаружи полоса земли не обрабатывалась человеком. (5) Этот промежуток, заселять или запахивать который считалось кощунством, и называется у римлян померием – как потому, что он за стеной, так и потому, что стена за ним. И всегда при расширении города насколько выносятся вперед стена, настолько же раздвигаются эти освященные границы.

45. (1) Усилив государство расширением города, упорядочив все внутренние дела для надобностей и войны и мира, Сервий Туллий – чтобы не одним оружием приобреталось могущество – попытался расширить державу силой своего разума, но так, чтобы это послужило и к украшению Рима. (2) В те времена уже славился храм Дианы Эфесской, который, как передавала молва, сообща возвели государства Азии. Беседуя со знатнейшими латинами, с которыми он заботливо поддерживал государственные и частные связи гостеприимства и дружбы, Сервий всячески расхваливал такое согласие и совместное служенье богам. Часто возвращаясь к тому же разговору, он наконец добился, чтобы латинские народы сообща с римским соорудили в Риме храм Дианы¹³⁹. (3) Это было признание Рима главою, о чем и шел спор, который столько раз пытались решить оружием. Но, хотя казалось, что все латины, столько раз без удачи испытывав дело оружием, уже и думать о том забыли, один сабинянин решил, будто ему открывается случай, действуя в одиночку, восстановить превосходство сабинян. (4) Рассказывают, что в земле сабинян в хозяйстве какого-то отца семейства родилась телка удивительной величины и вида; ее рога, висевшие много веков в преддверии храма Дианы, оставались памятником этого дива. (5) Такое событие сочли – как оно и было в действительности – чудесным предзнаменованием, и прорицатели возвестили, что за тем городом, чей гражданин принесет эту телку в жертву Диане, и будет превосходство. Это предсказанье дошло до слуха жреца храма Дианы, (6) а сабинянин в первый же день, какой он счел подходящим для жертвоприношения, привел телку к храму Дианы и поставил перед алтарем. Тут жрец-римлянин, опознав по размерам это жертвенное животное, о котором было столько разговоров, и держа в памяти слова предска-

¹³⁷ Так называемые стены Сервия были возведены в IV в до н. э., однако, исходя из свидетельства Варрона (О латинском языке; V, 48), можно предположить, что они были построены на месте более древних стен. При раскопках были обнаружены остатки вала, сооруженного, вероятно, действительно при Сервии Туллии.

¹³⁸ Померий – незастроенное пространство вдоль городской стены, отделявшее город как освященную птицегаданием, находящуюся под покровительством богов территорию от внешнего мира. Обычай окружать город померием – этрусский; вероятно, и само слово «*romegium*» этрусского происхождения.

¹³⁹ Диана – древнее италийское божество света и жизни, богиня луны, покровительница женщин, а также рабов и плебеев; отождествлялась с греческой Артемидой, чей знаменитый храм в Эфесе был построен в 600 г. до н. э. и служил общим святилищем для 12 союзных городов западного побережья Малой Азии. Храм Дианы был возведен Сервием Туллием на Авентине.

зателей, обращается к сабинянину с такими словами: «Что же ты, чужеземец, нечистым собираешься принести жертву Диане? Неужели ты сперва не омоешься в проточной воде? На дне долины протекает Тибр». (7) Чужеземец, смущенный сомнением, желая исполнить все, как положено, чтобы исход дела отвечал предзнаменованию, тут же спустился к Тибру. Тем временем римлянин принес телку в жертву Диане. Этим он весьма угодил и царю, и согражданам.

46. (1) Сервий уже на деле обладал несомненной царской властью, но слуха его порой достигала чванная болтовня молодого Тарквиния, что, мол, без избранья народного царствует Сервий, и он, сперва угодив простому люду подушным разделом захваченной у врагов земли¹⁴⁰, решился запросить народ: желают ли, повелевают ли они, чтобы он над ними царствовал? Сервий был провозглашен царем столь единодушно, как, пожалуй, никто до него. (2) Но и это не умалило надежд Тарквиния на царскую власть. Напротив, понимая, что землю плебеям раздают вопреки желаньям отцов, он счел, что получил повод еще усерднее чернить Сервия перед отцами, усиливая тем свое влияние в курии. Он и сам по молодости лет был горяч, и жена, Туллия, растревляла беспокойную его душу. (3) Так и римский царский дом, подобно другим¹⁴¹, явил пример достойного трагедии злодеяния, чтобы опостытели цари и скорее пришла свобода и чтобы последним оказалось царствование, которому предстояло родиться от преступления.

(4) У этого Луция Тарквиния (приходился ли он Тарквинию Древнему сыном или внуком, разобратъ нелегко¹⁴²; я, следуя большинству писателей, буду называть его сыном) был брат – Аррунт Тарквиний, юноша от природы кроткий. (5) Замужем за двумя братьями были, как уже говорилось, две Туллии, царские дочери, складом тоже совсем непохожие друг на друга. Вышло так, что два крутых нрава в браке не соединились – по счастливой, как я полагаю, участи римского народа, – дабы продолжительней было царствование Сервия и успели сложиться обычаи государства. (6) Туллия-свирепая тяготилась тем, что не было в ее муже никакой страсти, никакой дерзости. Вся устремившись к другому Тарквинию, им восхищается она, его называет настоящим мужчиной и порождением царской крови, презирает сестру за то, что та, получив настоящего мужа, не равна ему женской отвагой. (7) Сродство душ способствует быстрому сближению – как водится, зло злу под стать, – но зачинщицею всеобщей смуты становится женщина. Привыкнув к уединенным беседам с чужим мужем, она самую последнюю бранью поносит своего супруга перед его братом, свою сестру перед ее супругом. Да лучше бы, твердит она, и ей быть вдовой, и ему безбрачным, чем связываться с неровней, чтобы увядать от чужого малодушия. (8) Дали б ей боги такого мужа, какого она заслужила, – скоро, скоро у себя в доме увидела бы она ту царскую власть, что видит сейчас у отца. Быстро заражает она юношу своим безрассудством. (9) Освободив двумя кряду похоронами дома свои для нового супружества, Луций Тарквиний и Туллия-младшая сочетаются браком, скорее без запрещения, чем с одобрения Сервия.

47. (1) С каждым днем теперь сильнее опасность, нависшая над старостью Сервия, над его царской властью, потому, что от преступления к новому преступлению устремляется взор женщины и ни ночью ни днем не дает мужу покоя, чтобы не оказались напрасными прежние кощунственные убийства. (2) Не мужа, говорит она, ей недоставало, чтобы зваться супругою, не сотоварища по рабству и немой покорности – нет, ей не хватало того, кто считал бы себя достойным царства, кто помнил бы, что он сын Тарквиния Древнего, кто предпочел бы власть ожиданиям власти. (3) «Если ты тот, за кого, думалось мне, я выхожу замуж, то я готова тебя назвать и мужчиною, и царем, если же нет, то к худшему была для меня перемена: ведь теперь я не за трусом только, но и за преступником. (4) Очнись же! Не из Коринфа, не из Тарквиний,

¹⁴⁰ Прием политической борьбы, обычный в Риме более позднего времени.

¹⁴¹ Здесь имеются в виду царские дома Фив и Микен (истории Эдипа и Агамемнона, нашедшие отражение в греческих трагедиях, о которых вспоминает Ливий).

¹⁴² Учитывая, что Сервий Туллий царствовал 44 года (см. ниже: I, 48, 8), вряд ли возможно, чтобы юноша Тарквиний мог быть сыном Тарквиния Древнего. Флор (I, 1, 7) и Дионисий (V, 1, 48) называют его внуком.

как твоему отцу, идти тебе добывать Царство в чужой земле: сами боги, отеческие пенаты, отцовский образ, царский дом, царский трон в доме, имя Тарквиния – все призывает тебя, все возводит на царство. (5) А если духа недостает, чего ради морочишь ты город? Чего ради позволяешь смотреть на себя как на царского сына? Прочь отсюда в Тарквинии или в Коринф! Возвращайся туда, откуда вышел, больше похожий на брата, чем на отца!» (6) Такими и другими попреками подстрекает Туллия юношу, да и сама не может найти покоя, покуда она, царский отпрыск, не властна давать и отбирать царство, тогда как у Танаквили, чужестранки, достало силы духа сделать царем мужа и вслед за тем зятя.

(7) Подстрекаемый неистовой женщиной, Тарквиний обходит сенаторов (особенно из младших родов), хватая их за руки¹⁴³, напоминает об отцовских благодеяниях и требует воздаянья, юношей приманивает подарками. Тут давая непомерные обещанья, там возводя всяческие обвинения на царя, Тарквиний повсюду усиливает свое влияние. (8) Убедившись наконец, что пора действовать, он с отрядом вооруженных ворвался на форум. Всех объял ужас, а он, усевшись в царское кресло перед курией, велел через глашатая созывать отцов в курию, к царю Тарквинию. (9) И они тотчас сошлись, одни уже заранее к тому подготовленные, другие – не смея послушаться, потрясенные чудовищной новостью и решив вдобавок, что с Сервием уже покончено. (10) Тут Тарквиний принялся порочить Сервия от самого его корня: раб, рабыней рожденный, он получил царство после ужасной смерти Тарквиниева отца – получил без объявления междущарствия (как то делалось прежде), без созыва собрания, не от народа, который его избрал бы, не от отцов, которые утвердили бы выбор, но в дар от женщины. (11) Вот как он рожден, вот как возведен на царство, он, покровитель подлейшего люда, из которого вышел и сам. Отторгнув у знатных землю он, ненавидя чужое благородство, разделил между всяческою рванью, (12) а бремя повинностей, некогда общее всем, взвалил на знатнейших людей государства; он учредил ценз, чтобы состояния тех, кто побогаче, были открыты зависти, были к его услугам, едва он захочет показать свою щедрость нищим.

48. (1) Во время этой речи явился Сервий, вызванный тревожною вестью, и еще из преддверия курии громко воскликнул: «Что это значит, Тарквиний? Ты до того обнаглел, что смеешь при моей жизни созывать отцов и сидеть в моем кресле?» (2) Тарквиний грубо ответил, что занял кресло своего отца, что царский сын, а не раб – прямой наследник царю, что раб и так уж достаточно долго глумился над собственными господами. Приверженцы каждого поднимают крик, в курию сбегается народ, и становится ясно, что царствовать будет тот, кто победит. (3) Тут Тарквиний, которому ничего иного уже не оставалось, решается на крайнее. Будучи и много моложе, и много сильнее, он схватывает Сервия в охапку, выносит из курии и сбрасывает с лестницы, потом возвращается в курию к сенату. (4) Царские прислужники и провожатые обращаются в бегство, а сам Сервий, потеряв много крови, едва живой, без провожатых пытается добраться домой, но по пути гибнет под ударами преследователей, которых Тарквиний послал вдогонку за беглецом. (5) Считают, памятуя о прочих злодеяниях Туллии, что и это было совершено по ее наущенью. Во всяком случае, достоверно известно, что она въехала на колеснице на форум и, не оробев среди толпы мужчин, вызвала мужа из курии и первая назвала его царем. (6) Тарквиний отослал ее прочь из беспокойного скопища; добираясь домой, она достигла самого верха Киприйской улицы, где еще недавно стоял храм Дианы, и колесница уже поворачивала вправо к Урбиеву взвозу, чтобы подняться на Эсквилинский холм, как возница в ужасе осадил, натянув поводья, и указал госпоже на лежащее тело зарезанного Сервия. (7) Тут, по преданию, и совершилось гнусное и бесчеловечное преступление, памятником которого остается то место: его называют «Проклятой улицей». Туллия, обезумевшая, гонимая фуриями-отмстительницами¹⁴⁴ сестры и мужа, как рассказывают, погнала колесницу прямо по

¹⁴³ Этот обычай был характерен для предвыборной борьбы времен Республики (см. также: II, 54, 3; III, 47, 2).

¹⁴⁴ Фурии отождествлялись с греческими Эриниями – богинями, мстившими за убийство родственников.

отцовскому телу и на окровавленной повозке, сама запятнанная и обрызганная, привезла пролитой отцовской крови к пенатам своим и мужниным. Разгневались домашние боги, и дурное начало царствования привело за собою в недалеком будущем дурной конец.

(8) Сервий Туллий царствовал сорок четыре года и так, что даже доброму и умеренному преемнику нелегко было бы с ним тягаться. Но слава его еще возросла, оттого что с ним вместе убита была законная и справедливая царская власть. (9) Впрочем, даже и эту власть, такую мягкую и умеренную, Сервий, как пишут некоторые, имел в мыслях сложить, поскольку она была единоличной, и лишь зародившееся в недрах семьи преступление воспрепятствовало ему исполнить свой замысел и освободить отечество¹⁴⁵.

49. (1) И вот началось царствование Луция Тарквиния¹⁴⁶, которому его поступки принесли прозвание Гордого: он не дал похоронить своего тестя, твердя, что Ромул исчез тоже без погребенья; (2) он перебил знатнейших среди отцов в уверенности, что те одобряли дело Сервия; далее, понимая, что сам подал пример преступного похищения власти, который может быть усвоен его противниками, он окружил себя телохранителями; (3) и так как, кроме силы, не было у него никакого права на царство, то и царствовал он не избранный народом, не утвержденный сенатом. (4) Вдобавок, как и всякому, кто не может рассчитывать на любовь сограждан, ему нужно было оградить свою власть страхом. А чтобы уstraшенных было побольше, он разбираал уголовные дела единолично, ни с кем не советуясь, и потому получил возможность умерщвлять, (5) высылать, лишать имущества не только людей подозрительных или неугодных ему, но и таких, чья смерть сулила ему добычу. (6) Особенно поредел от этого сенат, и Тарквиний постановил никого не записывать в отцы, чтобы самую малочисленностью своей стало ничтожнее их сословие и они поменьше бы возмущались тем, что все делается помимо них. (7) Он первым из царей уничтожил унаследованный от предшественников обычай обо всем совещаться с сенатом и распоряжался государством, советуясь только с домашними: сам – без народа и сената, – с кем хотел, воевал и мирился, заключал и расторгал договоры и союзы. (8) Сильнее всего он стремился расположить в свою пользу латинов, чтобы поддержка чужеземцев делала надежней его положение среди граждан, а потому старался связать латинских старейшин узами не только гостеприимства, но и свойства. (9) Октавию Мамилию Тускуланцу – тот долгое время был главою латинян и происходил, если верить преданью, от Улисса и богини Кирки¹⁴⁷, – этому самому Мамилию отдал он в жены свою дочь, чем привлек к себе его многочисленных родственников и друзей.

50. (1) Пользуясь уже немалым влиянием в кругу знатнейших латинов, Тарквиний назначает им день, чтобы собраться в роще Ферентины¹⁴⁸: есть общие дела, которые хотелось бы обсудить. (2) Многолюдный сход собрался с рассветом, а сам Тарквиний явился хоть и в назначенный день, но почти на заходе солнца. Много разного успели собравшиеся наговорить там за полный день. (3) Турн Гердоний из Ариции яростно напал на отсутствовавшего Тарквиния. Неудивительно, мол, что в Риме его прозвали Гордым (прозвище это было уже у всех на устах, хоть и не произносилось вслух). Ну не предел ли это гордыни – так глумиться над всем

¹⁴⁵ Приписываемое здесь Сервию намерение отказаться от власти несомненно было подсказано римским историкам последующими событиями.

¹⁴⁶ Историчность царствования Тарквиния Гордого (традиционные даты: 534–510 гг. до н. э.) в той мере, в какой речь идет о последнем периоде господства этрусков в Риме, закончившемся их изгнанием, о постройке Капитолийского храма, строительстве Большого канала, взятии Габий и Свессы Помеции и пр. подтверждается археологическими и эпиграфическими данными. Однако общий тон рассказа о Тарквинии Гордом и большинство деталей свидетельствуют о сильном влиянии греческой литературы. Образ этого царя полностью соответствует греческой модели тирана. Его прозвание *Superbus* значит не просто «Гордый» или «Высокомерный», но и «Самоуправец», «Несправедливый».

¹⁴⁷ Мамилии – знатный род из Тускула, города в Лации, примерно в 25 км к юго-востоку от Рима. Основателем Тускула считали Телегона, сына Одиссея (Улисса) и Кирки (Цирцеи). Род Мамилиев возводил свое происхождение к Мамилии, дочери Телегона, рожденной уже в Тускуле (Фест, 116L.).

¹⁴⁸ Роща у источника Ферентины была, вероятно, наряду со святилищем Арицийской Дианы на озере Неми, местом собрания для горохов – членов Латинского союза (см.: примеч. 46 к кн. II).

народом латинов? (4) Первейшие люди подняты с мест, пришли издалека, а того, кто созвал их, самого-то и нет! Дело ясное, он испытывает их терпение, и, если они пойдут под ярем, тут-то придавит покорствующих. Кому не понятно, что он рвется к владычеству над латинами? (5) Если с пользой для себя вверили ему сограждане власть или если вообще власть ему вверена, а не захвачена отцеубийством, то и латины должны бы ему довериться, не будь, правда, он чужаком. (6) Но если не рады ему и свои – ведь один за другим они гибнут, уходят в изгнание, теряют имущество, – то что ж подает латинам надежду на лучшее? Послушались бы его, Турна, и разошлись по домам, и не пеклись бы о соблюдении срока больше того, кто назначил собрание.

(7) И это, и еще многое подобное говорил Турн, человек мятежный и злонамеренный, который и в родном городе вошел в силу, пользуясь такого же рода приемами. В самый разгар его разглагольствований явился Тарквиний. (8) Тут речь и кончилась – все повернулись приветствовать пришедшего. Наступило молчанье, и Тарквиний по совету приближенных начал оправдываться: он-де опоздал оттого, что был приглашен разбирать дело между отцом и сыном; стараясь примирить их, он задержался, а так как потерял на том целый день, то уж завтра обсудит с ними дела, какие наметил. (9) И опять, говорят, не сумел Турн смолчать и сказал, что ничего нет короче, чем разбор дела между отцом и сыном; тут и нескольких слов хватит: не покоришься отцу – хуже будет.

51. (1) С этими словами недовольства арициец ушел из собрания, Тарквиний, задетый сильнее, чем могло показаться, тотчас начинает готовить ему гибель, чтобы и в латинов вселить тот же ужас, каким сковал души сограждан. (2) И так как открыто умертвить Турна своею властью он не мог, то погубил его, облыжно обвинив в преступлении, в котором тот был неповинен. При посредстве каких-то арицийцев из числа противников Турна Тарквиний подкупил золотом его раба, чтобы получить возможность тайно внести в помещение, где Турн остановился, большую грудку мечей. (3) Когда за одну ночь это было сделано, Тарквиний незадолго до рассвета, будто бы получив тревожную новость, вызвал к себе латинских старейшин и сказал им, что вчерашнее промедление было словно внушено ему неким божественным промыслом и оказалось спасительным и для него, и для них. (4) Турн, как доносят, готовил гибель и ему, и старейшинам народов, чтобы забрать в свои руки единоличную власть над латинами. Нападение должно было произойти вчера в собрании, отложить все пришлось потому, что отсутствовал устроитель собрания, а до него-то Турну особенно хотелось добраться. (5) Потому и поносил он отсутствовавшего, что из-за промедления обманулся в надеждах. Если донос верен, можно не сомневаться, что Турн с рассветом, как только настанет время идти в собрание, явится туда при оружии и с шайкою заговорщиков: ведь к нему, говорят, снесено несметное множество мечей. (6) Напраслина это или нет, узнать недолго. И Тарквиний просит всех, не откладывая, пойти вместе с ним к Турну.

(7) Многое внушало подозренья – и свирепый нрав Турна, и вчерашняя его речь, и задержка Тарквиния, из-за которой, казалось, покушение могло быть отложено. Латины идут, склонные поверить, но готовые, если мечи не найдутся, счесть и все прочее пустым наговором. (8) Они входят, окружают разбуженного Турна стражею, схватывают рабов, которые из привязанности к господину стали было сопротивляться, и вот спрятанные мечи выволакиваются на свет отовсюду. Улика, всем кажется, налицо. Турна заковывают в цепи и при всеобщем возбуждении немедля созывают собранье латинов. (9) Выставленные на обозрение мечи вызвали злобу, столь жестокую, что Турн не получил слова для оправданья и погиб неслыханной смертью: его погрузили в воду Ферентинского источника и утопили, накрыв корзиной и завалив камнями¹⁴⁹.

¹⁴⁹ Такой род казни римляне приписывали карфагенянам (см.: Плавт. Пуниец, ст. 1025 сл.). Рассказ о Турне Гердони, видимо, позднейший вымысел.

52. (1) Потом Тарквиний вновь созвал латинов на сход и, похвалив их за то, что они по заслугам наказали Турна, гнусного убийцу, замышлявшего переворот и схваченного с поличным, внес следующее предложение: (2) хотя он, Тарквиний, мог бы действовать, опираясь на старинные права, поскольку все латины происходят из Альбы и связаны тем договором, по которому со времен Тулла все государство альбанцев со всеми их поселениями перешло под власть римского народа, (3) тем не менее он считает, что ради общей выгоды договор этот надо возобновить и что латинам больше подобает разделять с римским народом его счастливую участь, нежели постоянно терпеть разрушение своих городов и разоренье полей (как то было сперва в царствование Анка, затем при Тарквинии Древнем). (4) Латины легко дали себя убедить, хотя договор предоставлял Риму превосходство. Впрочем, и начальники латинского народа, казалось, сочувствуют царю и стоят с ним заодно. Да и свеж был пример опасности, угрожавшей каждому, кто вздумал бы перечить. (5) Так договор был возобновлен, и молодым латинам было объявлено, чтобы они, как следует из этого договора, в назначенный день явились в рошу Ферентины при оружии и в полном составе. (6) И, когда все они, из всех племен, собрались по приказу римского царя, тот, чтобы не было у них ни своего вождя, ни отдельного командования, ни собственных знамен, составил смешанные манипулы из римлян и латинов, сводя воинов из двух прежних манипулов в один, а из одного разводя по двум¹⁵⁰. Сдвоив таким образом манипулы, Тарквиний назначил центурионов.

53. (1) Насколько несправедлив был он как царь в мирное время, настолько небезрассуден как вождь во время войны; искусством вести войну он даже сравнялся бы с предшествующими царями, если б и здесь его славе не повредила испорченность во всем прочем. (2) Он первый начал войну с вольсками¹⁵¹, тянувшуюся после него еще более двухсот лет, и приступом взял у них Свессу Помецию. (3) Получив от распродажи тамошней добычи сорок талантов серебра, он замыслил соорудить храм Юпитера, который великолепьем своим был бы достоин царя богов и людей, достоин римской державы, достоин, наконец, величия самого места. Итак, эти деньги он отложил на построение храма.

(4) Затем Тарквиния отвлекла война с близлежащим городом Габиями¹⁵², подвигавшаяся медленнее, чем можно было рассчитывать. После безуспешной попытки взять город приступом, после того как он был отброшен от стен и даже на осаду не мог более возлагать никаких надежд, Тарквиний, совсем не по-римски, принялся действовать хитростью и обманом. (5) Он притворился, будто, оставив мысль о войне, занялся лишь закладкою храма и другими работами в городе, и тут младший из его сыновей¹⁵³, Секст, перебежал, как было условлено, в Габии, жалуясь на непереносимую жестокость отца. (6) Уже, говорил он, с чужих на своих обратилось самоуправство гордеца, уже многочисленность детей тяготит этого человека, который обезлюдил курию и хочет обезлюдить собственный дом, чтобы не оставлять никакого потомка, никакого наследника. (7) Он, Секст, ускользнул из-под отцовских мечей и копий и нигде не почувствует себя в безопасности, кроме как у врагов Луция Тарквиния. Пусть не ободряются в Габиях, война не кончена – Тарквиний оставил ее лишь притворно, чтобы при случае напасть врасплох. (8) Если же нет у них места для тех, кто молит о защите, то ему, Сексту, придется пройти по всему Лацию, а потом и у вольсков искать прибежища, и у эквов, и у гер-

¹⁵⁰ Никаких других упоминаний о смешанных воинских подразделениях (о манипуле см. ниже: примеч. 34 к кн. II) нет у римских авторов. Может быть, здесь отразилось смутное воспоминание о какой-то попытке Тарквиния Гордого искусственно объединить свою небольшую державу, или отголосок каких-то позднейших событий.

¹⁵¹ Вольски – народ, родственник умбрам и, возможно, иллирийцам – в конце VI в. до н. э. спустились с Апеннин и обосновались на прибрежной равнине Лация и в Кампании. В течение двухсот лет вольски оставались постоянной угрозой Риму, пока – к концу IV в. до н. э. – не были подчинены Римом и полностью романизованы.

¹⁵² Сообщение о взятии Габий (город примерно в 18 км к востоку от Рима) подтверждается археологическими данными, но все детали рассказа были разработаны под влиянием греческой литературы, видимо, еще первым поколением римских историков (III в. до н. э.).

¹⁵³ Дионисий Галикарнасский (IV, 55; 63; 64) и Цицерон (О государстве, II, 46) считали Секста старшим сыном Тарквиния.

ников¹⁵⁴, покуда он наконец не доберется до племени, умеющего оборонить детей от жестоких и нечестивых отцов. (9) А может быть, где-нибудь встретит он и желание поднять оружие на самого высокомерного из царей и самый свирепый из народов. (10) Казалось, что Секст, если его не уважить, уйдет, разгневанный, дальше, и габийцы приняли его благосклонно. Нечего удивляться, сказали они, если царь наконец и с детьми обошелся так же, как с гражданами, как с союзниками. (11) На себя самого обратит он в конце концов свою ярость, если вокруг никого не останется. Что же до них, габийцев, то они рады приходу Секста и верят, что вскоре с его помощью война будет перенесена от габийских ворот к римским.

54. (1) С этого времени Секста стали приглашать в совет. Там, во всем остальном соглашаясь со старыми габийцами, которые-де лучше знают свои дела, он беспрестанно предлагает открыть военные действия – в этом он, по его мнению, разбирается как раз хорошо, поскольку знает силы того и другого народа и понимает, что гордыня царя наверняка ненавистна и гражданам, если даже собственные дети не смогли ее вынести. (2) Так Секст исподволь подбивал габийских старейшин возобновить войну, а сам с наиболее горячими юношами ходил за добычей и в набеги; всеми своими обманными словами и делами он возбуждал все большее – и пагубное – к себе доверие, покуда наконец не был избран военачальником. (3) Народ не подозревал обмана, и когда стали происходить незначительные стычки между Римом и Габиями, в которых габийцы обычно одерживали верх, то и знать и чернь наперерыв стали изъявлять уверенность, что богами в дар послан им такой вождь. (4) Да и у воинов он, деля с ними опасности и труды, щедро раздавая добычу, пользовался такой любовью, что Тарквиний-отец был в Риме не могущественнее, чем сын в Габиях.

(5) И вот, лишь только сочли, что собрано уже достаточно сил для любого начинания, Секст посылает одного из своих людей в Рим, к отцу, – разузнать, каких тот от него хотел бы действий, раз уже боги дали ему неограниченную власть в Габиях. (6) Не вполне доверяя, думается мне, этому вестнику, царь на словах никакого ответа не дал, но, как будто прикидывая в уме, прошел, сопровождаемый вестником, в садик при доме и там, как передают, расхаживал в молчании, сшибая палкой головки самых высоких маков. (7) Вестник, уставши спрашивать и ожидать ответа, воротился в Габии, бросив, как ему казалось, дело на половине, и доложил обо всем, что говорил сам и что увидел: из-за гнева ли, из-за ненависти или из-за природной гордыни не сказал ему царь ни слова. (8) Тогда Секст, которому в молчаливом намеке открылось, чего хочет и что приказывает ему отец, истребил старейшин государства. Одних он погубил, обвинив перед народом, других – воспользовавшись уже окружавшей их ненавистью. (9) Многие убиты были открыто, иные – те, против кого он не мог выдвинуть правдоподобных обвинений, – тайно. Некоторым открыта была возможность к добровольному бегству, некоторые были изгнаны, а имущество покинувших город, равно как и убитых, сразу назначалось к разделу. (10) Следуют щедрые подачки, богатая пожива, и вот уже сладкая возможность урвать для себя отнимает способность чувствовать общие беды, так что в конце концов осиротевшее, лишившееся совета и поддержки габийское государство было без всякого сопротивления предано в руки римского царя.

55. (1) Овладев Габиями, Тарквиний заключил мир с эквами и возобновил договор с этрусками. После этого он обратился к городским делам, первым из которых было оставить по себе на Тарпейской горе памятник своему царствованию и имени – храм Юпитера, воздвигнутый попечением обоих Тарквиниев: обещал отец, выполнил сын. (2) И, чтобы отведенный участок был свободен от святинь других богов и всецело принадлежал Юпитеру и его строившемуся храму, царь постановил снять освящение с нескольких храмов и жертвенников, находившихся там со времен царя Тация, который даровал их богам и освятил во исполне-

¹⁵⁴ Герники – народ (возможно, самнитского происхождения), обитавший в Среднем Лацио. Эквы – среднеиталийский народ, в V в. до н. э. – злейшие враги Рима. Покорены в конце IV в. до н. э.

ные обета, данного им в опаснейший миг битвы с Ромулом. (3) Рассказывают, что при начале строительных работ божество обнаружило свою волю, возвестив будущую силу великой державы. А именно: хотя птицы дозволили снять освящение со всех жертвенников, для храма Термина¹⁵⁵ они такого разрешения не дали. (4) Предзнаменованье истолковали так: то, что Термин, единственный из богов, остался не вызванным из посвященных ему рубежей и сохранил прежнее местопребывание, предвещает, что все будет и прочно, и устойчиво. (5) За этим предзнаменованием незыблемости государства последовало другое чудо, предрекавшее величие державы: при закладке храма, как рассказывают, землекопы нашли человеческую голову с невредимым лицом. (6) Открывшееся зрелище ясно предвещало, что быть этому месту оплотом державы и главой мира – так объявили все прорицатели, и римские, и призванные из Этрурии, чтобы посоветоваться об этом деле. (7) Царь становится все щедрей на расходы, и выручки от пометийской добычи, которая была назначена, чтобы поднять храм до кровли, едва достало на закладку основания. (8) По этой причине, а не только потому, что Фабий более древний автор, я скорее поверил бы Фабию, по чьим словам денег было только сорок талантов, (9) нежели Пизону¹⁵⁶, который пишет, что на это дело было отложено четыреста тысяч фунтов серебра – такие деньги немисливо было получить от добычи, захваченной в любом из тогдашних городов, и к тому же их с избытком хватило бы даже на нынешнее пышное сооружение.

56. (1) Стремясь завершить строительство храма, для чего были призваны мастера со всей Этрурии, царь пользовался не только государственной казной, но и трудом рабочих из простого люда. Хотя этот труд, и сам по себе нелегкий, добавлялся к военной службе, все же простолюдины меньше тяготились тем, что своими руками сооружали храмы богов, (2) нежели теми, на вид меньшими, но гораздо более трудными, работами, на которые они потом были поставлены: устройством мест для зрителей в цирке и рытьем подземного Большого канала¹⁵⁷ – стока, принимающего все нечистоты города. С двумя этими сооружениями едва ли сравнятся наши новые при всей их пышности. (3) Покуда простой народ был занят такими работами, царь, считая, что многочисленная чернь, когда для нее не найдется уже применения, будет обременять город, и желая выводом поселений расширить пределы своей власти, вывел поселенцев в Сигнию и Цирцеи¹⁵⁸, чтобы защитить Рим с суши и с моря.

(4) Среди этих занятий явилось страшное знаменье: из деревянной колонны выползла змея. В испуге забегали люди по царскому дому, а самого царя зловещая примета не то чтобы поразила ужасом, но скорее вселила в него беспокойство¹⁵⁹. (5) Для истолкованья общественных знамений¹⁶⁰ призывались только этрусские прорицатели, но это предвестье как будто бы относилось лишь к царскому дому, и встревоженный Тарквиний решил послать в Дельфы к

¹⁵⁵ Термин – божество границ и межевых знаков, разделявших земельные участки. Учреждение культа Термина приписывалось Нуме. По древнему закону, человеку, сдвинувшему межевой камень, грозила смертная казнь. Общественный культ Термина на Капитолии должен был служить охране и расширению границ Рима (см.: Овидий. Фасты, II, 667–684).

¹⁵⁶ О «пометийской добыче» см.: I, 53, 3. В этой связи ниже упоминаются римские историки Фабий Пиктор и Луций Кальпурний Пизон (был консулом в 133 г. до н. э.).

¹⁵⁷ Большой канал (Сюаса Махима) был первоначально открытым стоком, отводившим воды с северо-восточной части Рима в Тибр. Основной целью его постройки было окончательное осушение Форума, который лишь несколькими десятилетиями раньше в результате предварительных дренажных мероприятий перестал использоваться как кладбище.

¹⁵⁸ Вывод поселения в Сигнию (город, расположенный примерно в 55 км от Рима), датируемый 495 г. до н. э., объясняется в первую очередь стратегическими целями (близостью города к землям эквов и вольсков). Цирцеи – город на берегу Тирренского моря, приблизительно в 100 км от Рима. Римская колония была выведена туда в 393 г. до н. э. Так же как и Сигния, город был стратегическим пунктом на границе с вольсками. Впрочем, вероятно, что в обоих городах и во времена Тарквиния Гордого существовали небольшие этрусско-латинские поселения.

¹⁵⁹ Змеи считались провозвестницами смерти.

¹⁶⁰ К «общественным» относились знаменья, о которых сообщали сенату для принятия им соответствующих мер. О знаменьях в «частном месте» или в чужой земле, которые не считались общественными, прорицателей запрашивали частным образом. Неясно, почему Ливий рассматривает знамение, явленное в царском доме, который обладал, бесспорно, общественным сакральным значением, как частное.

самому прославленному на свете оракулу. (6) Не смея доверить таблички с ответами никому другому, царь отправил в Грецию, через незнакомые в те времена земли и того менее знакомые моря, двоих своих сыновей. То были Тит и Аррунт. (7) В спутники им был дан Луций Юний Брут¹⁶¹, сын царской сестры Тарквинии, юноша, скрывавший природный ум под принятой личиной. В свое время, услышав, что виднейшие граждане, и среди них его брат, убиты дядею, он решил: пусть его нрав ничем царя не страшит, имущество – не соблазняет; презираемый – в безопасности, когда в праве нету защиты. (8) С твердо обдуманном намереньем он стал изображать глупца, предоставляя распоряжаться собой и своим имуществом царскому произволу, и даже принял прозвище Брута – «Тупицы», чтобы под прикрытием этого прозвища сильный духом освободитель римского народа мог выжидать своего времени. (9) Вот кого Тарквинии взяли тогда с собой в Дельфы, скорее посмешищем, чем товарищем, а он, как рассказывают, понес в дар Аполлону золотой жезл, скрытый внутри полого рогового, – иносказательный образ собственного ума.

(10) Когда юноши добрались до цели и исполнили отцовское поручение, им страстно захотелось выспросить у оракула, к кому же из них перейдет Римское царство. И тут, говорит преданье, из глубины расселины прозвучало¹⁶²: «Верховную власть в Риме, о юноши, будет иметь тот из вас, кто первым поцелует мать». (11) Чтобы не проведал об ответе и не заполучил власти оставшийся в Риме Секст, Тарквинии условились хранить строжайшую тайну, а между собой жребию предоставили решить, кто из них, вернувшись, первым даст матери свой поцелуй. (12) Брут же, который рассудил, что пифийский глас имеет иное значение, припал, будто бы оступившись, губами к земле – ведь она общая мать всем смертным. (13) После того они возвратились в Рим, где шла усердная подготовка к войне против рутулов.

57. (1) Рутулы, обитатели города Ардеи¹⁶³, были самым богатым в тех краях и по тем временам народом. Их богатство и стало причиной войны: царь очень хотел поправить собственные дела – ибо дорогостоящие общественные работы истощили казну – и смягчить добычею недовольство своих соотечественников, (2) которые и так ненавидели его за всегдашнюю гордыню, а тут еще стали роптать, что царь так долго держит их на ремесленных и рабских работах. (3) Попробовали, не удастся ли взять Ардею сразу, приступом. Попытка не принесла успеха. Тогда, обложив город и обведя его укреплениями, приступили к осаде.

(4) Здесь, в лагерях, как водится при войне более долгой, нежели жестокой, допускались довольно свободные отлучки, больше для начальников, правда, чем для воинов. (5) Царские сыновья меж тем проводили праздное время в своем кругу, в пирах и попойках. (6) Случайно, когда они пили у Секста Тарквиния, где обедал и Тарквиний Коллатин¹⁶⁴, сын Эгерия, разговор заходит о женах и каждый хвалит свою сверх меры. (7) Тогда в пылу спора Коллатин и говорит: к чему, мол, слова – всего ведь несколько часов, и можно убедиться, сколь выше прочих его Лукреция. «Отчего ж, если мы молоды и бодры, не вскочить нам тотчас на коней и не посмотреть своими глазами, каковы наши жены? Неожиданный приезд мужа покажет это любому из нас лучше всего». (8) Подогретые вином, все в ответ: «Едем!» И во весь опор унеслись в Рим. Прискакав туда в сгушавшихся сумерках, (9) они двинулись дальше в Коллацию, где поздней ночью застали Лукрецию за прядением шерсти. Совсем не похожая на царских невесток, которых нашли проводящими время на пышном пиру среди сверстниц, сидела она посреди покоя в

¹⁶¹ Луций Юний Брут – лицо, вероятно, историческое. Однако разработка его характера, а также детали рассказов о связанных с ним событиях, восходят, по-видимому, к семейным преданиям плебейского рода Юниев.

¹⁶² В Дельфах жрица (пифия) давала свои предсказания под действием одуряющих испарений, поднимавшихся из расселины скалы. У Ливия сам голос идет прямо из расселины.

¹⁶³ Ардея – главный город рутулов (см. выше: примеч. 13), народа, подвергшегося сильному влиянию этрусской культуры – находилась примерно в 26 км от Рима в некотором отдалении от моря.

¹⁶⁴ Тарквиний Коллатин – родственник Тарквиния Гордого, живший в Коллации (см.: примеч. 125), на что и указывает его прозвище.

кругу прислужниц, работавших при огне. В состязании жен первенство осталось за Лукрецией. (10) Приехавшие муж и Тарквинии находят радушный прием: победивший в споре супруг дружески приглашает к себе царских сыновей. Тут-то и охватывает Секста Тарквиния грязное желанье насилем обесчестить Лукрецию. И красота возбуждает его, и несомненная добродетель. (11) Но пока что, после ночного своего развлечения, молодежь возвращается в лагерь.

58. (1) Несколько дней спустя втайне от Коллатина Секст Тарквиний с единственным спутником прибыл в Коллацию. (2) Он был радушно принят не подозревавшими о его замыслах хозяевами; после обеда его проводили в спальню для гостей, но, едва показалось ему, что вокруг достаточно тихо и все спят, он, распаленный страстью, входит с обнаженным мечом к спящей Лукреции и, придавив ее грудь левой рукой, говорит: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руке моей меч, умрешь, если крикнешь». (3) В трепете освобождаясь от сна, женщина видит: помощи нет, рядом – грозящая смерть; а Тарквиний начинает объясняться в любви, уговаривать, с мольбами мешая угрозы, со всех сторон ищет доступа в женскую душу. (4) Видя, что Лукреция непреклонна, что ее не поколебать даже страхом смерти, он, чтобы устроить ее еще сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де, мертвой, в постель он подбросит, прирезав, нагого раба – пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. (5) Этой ужасной угрозой он одолел ее непреклонное целомудрие. Похоть как будто бы одержала верх, и Тарквиний вышел, упоенный победой над женской честью. Лукреция, сокрушенная горем, посылает вестников в Рим к отцу и в Ардею к мужу, чтобы прибыли с немногими верными друзьями: есть нужда в них, пусть поторопятся, случилось страшное дело. (6) Спурий Лукреций прибывает с Публием Валерием, сыном Волезия, Коллатин – с Луцием Юнием Брутом – случайно вместе с ним возвращался он в Рим, когда был встречен вестником. Лукрецию они застают в спальне, сокрушенную горем. (7) При виде своих на глазах женщины выступают слезы; на вопрос мужа: «Хорошо ли живешь?» – она отвечает: «Как нельзя хуже. Что хорошего остается в женщине с потерей целомудрия? Следы чужого мужчины на ложе твоём, Коллатин; впрочем, тело одно подверглось позору – душа невинна, да будет мне свидетелем смерть. Но поклянитесь друг другу, что не останется прелюбодей без возмездия. (8) Секст Тарквиний – вот кто прошлую ночью вошел гостем, а оказался врагом; вооруженный, насилем похитил он здесь гибельную для меня, но и для него – если вы мужчины – усладу». (9) Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль – не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины. (10) «Вам, – отвечает она, – рассудить, что причитается ему, а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни!». (11) Под одеждою у нее был спрятан нож, вонзив его себе в сердце, налегает она на нож и падает мертвой. Громко взывают к ней муж и отец.

59. (1) Пока те предавались скорби, Брут, держа пред собою вытасченный из тела Лукреции окровавленный нож, говорит: «Этою чистейшею прежде, до царского преступления, кровью клянусь – и вас, боги, беру в свидетели, – что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступной супругой и всем потомством, что не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме». (2) Затем он передает нож Коллатину, потом Лукрецию и Валерию, которые оцепенели, недоумевая, откуда это в Брутовой груди неизвестный прежде дух. Они повторяют слова клятвы, и общая скорбь обращается в гнев, а Брут, призывающий всех немедленно идти войною на царскую власть, становится вождем. (3) Тело Лукреции выносят из дома на площадь и собирают народ, привлеченный, как водится, новостью, и неслыханной, и возмутительной. (4) Каждый, как умеет, жалуется на преступное насилье царей. Все взволнованы и скорбью отца, и словами Брута, который порицает слезы и праздные сетованья и призывает мужчин поднять, как подобает римлянам, оружие против тех, кто поступил как враг. (5) Храбрейшие юноши, вооружившись, являются добровольно, за ними следует вся молодежь. Затем, оставив в Коллации отряд и к городским воротам приста-

вив стражу, чтобы никто не сообщил царям о восстании, все прочие под водительством Брута с оружием двинулись в Рим.

(6) Когда они приходят туда, то вооруженная толпа, где бы ни появилась, повсюду сеет страх и смятение; но вместе с тем, когда люди замечают, что во главе ее идут виднейшие граждане, всем становится понятно: что бы там ни было, это – неспроста. (7) Столь страшное событие и в Риме породило волнение не меньшее, чем в Коллации. Со всех сторон города на форум сбегаются люди. Едва они собрались, глашатай призвал народ к трибуну «быстрых», а волею случая должностью этой был облечен тогда Брут¹⁶⁵. (8) И тут он произнес речь, выказавшую в нем дух и ум, совсем не такой, как до тех пор представлялось. Он говорил о самоуправстве и похоти Секста Тарквиния, о несказанно чудовищном поруганье Лукреции и ее жалостной гибели, об отцовской скорби Триципитина¹⁶⁶, для которого страшнее и прискорбнее смерти дочери была причина этой смерти. (9) К слову пришлось и гордыня самого царя, и тягостные труды простого люда, загнанного в канавы и подземные стоки. Римляне, победители всех окрестных народов, из воителей сделаны чернорабочими и каменотесами. Упомянуто было и гнусное убийство царя Сервия Туллия, и дочь, переехавшая отцовское тело нечестивой своей колесницей; боги предков призваны были в мстители. (10) Вспомнив обо всем этом, как, без сомненья, и о еще более страшных вещах, которые подсказал ему живой порыв негодованья, но которые трудно восстановить историку, Брут воспламенил народ и побудил его отобрать власть у царя и вынести постановление об изгнании Луция Тарквиния с супругою и детьми. (11) Сам произведя набор младших возрастов – причем записывались добровольно – и вооружив набранных, он отправился в лагерь поднимать против царя стоявшее под Ардеей войско; власть в Риме он оставил Лукрецию, которого в свое время еще царь назначил префектом Города¹⁶⁷. (12) Среди этих волнений Туллия бежала из дома, и, где бы ни появлялась она, мужчины и женщины проклинали ее, призывая отцовских богинь-отмстительниц.

60. (1) Когда вести о случившемся дошли до лагеря и царь, встревоженный новостью, двинулся на Рим подавлять волнения, Брут, узнав о его приближении, пошел кружным путем, чтобы избежать встречи. И почти что одновременно прибыли разными дорогами Брут к Ардее, а Тарквиний – к Риму. Перед Тарквинием ворота не отворились, и ему было объявлено об изгнании; (2) освободитель Города был радостно принят в лагере, а царские сыновья оттуда изгнаны. Двое, последовав за отцом, ушли изгнанниками в Цере, к этрускам. Секст Тарквиний, удалившийся в Габии, будто в собственное свое царство, был убит из мести старыми недругами, которых нажил в свое время казнями и грабежом.

(3) Луций Тарквиний Гордый царствовал двадцать пять лет. Цари правили Римом от основания Города до его освобождения двести сорок четыре года. (4) На собрании по центуриям префект Города в согласии с записками Сервия Туллия¹⁶⁸ провел выборы двоих консулов¹⁶⁹: избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин [509 г.].

¹⁶⁵ Вряд ли Брут, считавшийся «тупицей», мог занимать такую должность. По Цицерону (О государстве, II, 46), Брут был частным лицом. Однако, согласно римским законам, частное лицо не имело права держать речь перед народным собранием. Видимо, поэтому римские историки, желая показать, что установление Республики произошло законным путем, облекли Брута подобающими полномочиями.

¹⁶⁶ Триципитин – прозвище Спурия Лукреция.

¹⁶⁷ Префектом Города называлось лицо, облеченное на время отсутствия царя (позднее – консулов) высшими полномочиями (см.: Тацит. Анналы, 6, 11).

¹⁶⁸ Подобные записки были, возможно, чем-то вроде руководства по проведению определенных церемоний и мероприятий (таких, например, как народные собрания и религиозные обряды). Не исключено, однако, что и они придуманы римскими историками для легализации совершившегося переворота. Образцом для них могло послужить назначение должностных лиц Антонием «по запискам Юлия Цезаря» (Плутарх. Антоний, 15; Аппиан, III, 5, 16–17; Цицерон. I Фил., 16–17).

¹⁶⁹ В первые времена Республики лица, обладавшие верховной властью, назывались преторами (лат. praetor, от praesire – «идти впереди», «предводительствовать»).

Книга II

1. (1) Об уже свободном римском народе – его деяниях, мирных и ратных, о годовичных должностных лицах и о власти законов, превосходящей человеческую, пойдет дальше мой рассказ. (2) Эта свобода была тем отраднее, что пришла вслед за самовластьем последнего царя, полного гордыни. Ибо до него цари правили так, что все они по заслугам могут быть названы основателями хотя бы новых частей города, добавленных, чтобы было где жить умножившемуся при них населению. (3) И бесспорно, тот самый Брут, что стяжал столь великую славу изгнанием Гордого царя, сослужил бы наихудшую службу общему делу, если бы, возжелав преждевременной свободы, отнял бы царскую власть у кого-нибудь из прежних царей. (4) В самом деле, что случилось бы, если бы толпа пастухов и пришлых, разноплеменных перебежчиков, обретших под покровительством неприкосновенного храма свободу или безнаказанность¹⁷⁰, перестала страшиться царя, взволновалась бы под бурями трибунского красноречия (5) и в чужом городе стала бы враждовать с сенаторами, раньше чем привязанность к женам и детям, любовь к самой земле, требующая долгой привычки, сплотили бы всех общностью устремлений. (6) Государство, еще не повзрослев, расточилось бы раздорами, тогда как спокойная умеренность власти возлелеяла его и возростила так, что оно смогло, уже созрев и окрепши, принести добрый плод свободы. (7) А началом свободы [509 г.] вернее считать то, что консульская власть стала годовичной¹⁷¹, нежели то, что она будто бы стала меньшей, чем была царская. (8) Все права и все знаки этой власти¹⁷² были удержаны первыми консулами, только позаботились об одном, чтобы не удвоился страх, если сразу оба будут иметь фаски¹⁷³.

Брут первым с согласия товарища принял знаки власти и не менее горяч был как страж свободы, чем прежде как освободитель. (9) Сначала он, чтобы народ, жадный к новообретенной свободе, и впоследствии не мог быть прельщен уговорами или дарами царей, заставил граждан присягнуть, что они никого не потерпят в Риме царем. (10) Затем, чтобы само многолюдство сената придало сил сословию, поредевшему из-за царских бесчинств, он пополнил число сенаторов до трехсот¹⁷⁴ знатнейшими из всадников; (11) с этого-то времени, говорят, и повелось, чтобы, созывая сенат, приглашать и отцов, и «приписанных»¹⁷⁵: последнее имя означало внесенных в список, то есть новых сенаторов. Мера эта была очень полезна, способствуя согласию в государстве и привязанности простого народа к сенаторам.

2. (1) Затем позаботились о делах божественных, и поскольку некоторые общественные священнодействия прежде выполнялись самими царями, то, чтобы нигде не нуждаться в царях,

¹⁷⁰ Речь идет об «убежище», учрежденном Ромулом (см.: I, 8, 4; ср.: 9, 5). Свободу обретали здесь бежавшие из других городов и земель рабы, а безнаказанность – те, кому в их отечестве грозила кара.

¹⁷¹ Ср.: Флор, I, 9, 2: «Римский народ сделал из постоянной должности годовичную, из единоличной двойную, чтобы государственная власть не извращалась единовластием и долгосрочностью» (пер. М. Дашковой).

¹⁷² Внешними знаками власти, перешедшими от царей к консулам, были курульное кресло, окаймленная пурпуром тога (претекста) и 12 ликторов с фасками (см.: I, 8, 2–3 и примеч. 39 к кн. I).

¹⁷³ Компетенция обоих консулов была одинакова: оба вершили суд в городе, а если вместе отправлялись в поход, то командовали армией, ежедневно сменяя друг друга (фаски были у того, кто командовал в этот день). Каждый из них мог опротестовать решение соправителя.

¹⁷⁴ Численность сената в 300 человек сохранялась до Гая Гракха – его законом от 122 г. до н. э. число сенаторов было увеличено до 600.

¹⁷⁵ Выражение «*patres conscripti*» (обращение к сенаторам) Ливий, как позднее Фест (6, 23–24L.; 36, 16 сл. L.; 304, 24 сл. L.) толкует как «*patres et conscripti*», различая «отцов» (сенаторов-патрициев – по праву происхождения из знатных родов) и «записанных» в сенат позднее. Однако, по мнению некоторых исследователей, форма «*pater conscriptus*» в ед. ч. (Цицерон. Филиппика XIII, 28) позволяет понимать то же выражение иначе: «отцы» (т. е. «отцы семейств» – см.: примеч. 42 к кн. I), «внесенные в список (сената)».

учредили должность царя-жреца¹⁷⁶. (2) Его подчинили понтифику¹⁷⁷, чтобы почтение к царскому званию не стало помехой к свободе, о которой тогда больше всего пеклись.

И я не знаю, не перестарались ли тогда, оберегая свободу со всех сторон и во всех мелочах. (3) Так, второй консул, в остальном безупречный, имя носил неуютное гражданам. Тарквинии, дескать, привыкли к царской власти – начало было положено Приском, потом царствовал Сервий Туллий, но, несмотря на этот перерыв, Тарквиний Гордый не забыл о царской власти как о принадлежащей уже другому. Преступлением и насилием он возвратил ее, будто наследственное достояние рода. А изгнали Гордого, так Коллатин у власти – не умеют Тарквинии жить сами по себе. (4) В тягость нам это имя, опасно оно для свободы. Такие толки подстрекателей, исподволь смущавших умы, разошлись по всему городу. И вот Брут созывает возбужденных подозрениями плебеев на сходку. (5) Там он прежде всего громко читает народу его присягу: не потерпят в Риме ни царя, ни кого другого, опасного для свободы. Надо бдительно за этим следить и ничем не пренебрегать. Неохотно-де он говорит, зная этого человека, и не говорил бы, если бы не пересилила в нем любовь к общему делу. (6) Не верит римский народ в надежность вновь обретенной свободы: царский род, царское имя по-прежнему в городе, и даже у власти; это препятствует, это противостоит свободе. (7) «Устрани же ты сам этот страх, Луций Тарквиний, – сказал Брут, – устрани добровольно. Мы помним, мы признаем, ты выгнал царей, но доверши свое благодеяние, унеси отсюда само царское имя. Твое имущество не только отдадут тебе граждане по моему предложению, но, если чего не хватает, щедро добавят. Удались другом, освободи город от бремени страха, может стать напрасно. Все убеждены в том, что лишь с родом Тарквиниев уйдет отсюда царская власть».

(8) Изумленный столь новым и неожиданным поворотом дела, консул поначалу лишился дара речи, а потом, когда попытался заговорить, его обступили первейшие граждане, всячески умоляя о том же. (9) Эти речи его мало трогали, но, когда наконец Спурий Лукреций, который был и старше его, и почтеннее, и притом приходился ему тестем, стал его всячески увещевать, перемежая просьбы с советами, уговаривая уступить единодушному мнению граждан, (10) консул из опасения, как бы ему потом, вновь ставши частным лицом, не лишиться еще и имущества, не испытать еще и бесчестия, отрекся от консульской власти, отправил в Лавиний свое добро и покинул город. (11) Брут по решению сената предложил народу объявить изгнанниками всех, принадлежащих к роду Тарквиниев. В центуриатном собрании он взял себе в сотоварищи Публия Валерия, того самого, с чьей помощью изгонял царей.

3. (1) Хотя никто не сомневался, что со стороны Тарквиниев грозит война, но пришла она позже, чем все думали. А случилось то, о чем не тревожились: свобода чуть не была погублена коварством и изменой. (2) Нашлись среди римской молодежи кое-какие юноши, и не последнее по знатности, чьим страстям было больше простору при царях: сверстники и товарищи молодых Тарквиниев, сами привыкшие жить по-царски. (3) Тоскуя среди общего равноправия по-прежнему своеволию, они стали сетовать меж собой, что чужая свобода обернулась их рабством: царь – человек, у него можно добиться, чего нужно, тут законного, там незаконного, он способен к благодеянию и милости, может и прогневаться и простить, различает друга от недруга; (4) а закон – глух, неумолим, он спасительней и лучше для слабых, чем для сильных¹⁷⁸,

¹⁷⁶ Царь-жрец – *rex sacrorum* (священный царь, царь священнодействий) или *rex sacrificulus* (царь-жертвователь) – не располагал реальной политической властью и не мог быть должностным лицом; в его обязанности входило принесение жертв в твердо установленные дни. Иногда царь-жрец выступал в качестве эпонима, т. е. по нему обозначали год (см.: Плиний Старший. Естественная история, XI, 186). О понтифике см.: I, 20, 5 и примеч. 75 к кн. I.

¹⁷⁷ См.: примеч. 75 к кн. I.

¹⁷⁸ Еще у Платона софист Калликл говорит о том, что «законы установили слабосильные, а их большинство», и сделали они это «ради себя и собственной выгоды» (Горгий, 483b). У софистов эта мысль была связана с впервые выдвинутым ими противопоставлением «природы» (т. е. естественного закона) и «закона» (т. е. человеческих установлений). Естественное право они воспринимали как право сильного (для природы, по их учению, то, что сильнее, и есть лучшее). См.: Секст Эмпирик. Против физиков, II, 1, 54.

он не знает ни снисхождения, ни пощады для преступивших; опасно среди стольких людских прегрешений жить одною невинностью.

(5) Эти души были уже затронуты порчей, когда вдруг являются царские послы и требуют теперь не возвращения царя, а хотя бы выдачи царского имущества. Сенат, выслушав их просьбу, совещался несколько дней: не вернуть имущество значило дать повод к войне, а вернуть – дать средства и вспоможение для войны. (6) Тем временем послы заняты были другим: въяве хлопоча о царском имуществе, втайне строили козни, готовя возвращение царской власти. С просьбами будто о явном своем деле обходили они дома, испытывая настроения знатных юношей. (7) Кому речи их приходились по душе, тем вручали они письма от Тарквиниев и стоваривались о том, чтобы ночью тайком впустить в город царскую семью.

4. (1) Сперва этот замысел был доверен братьям Вителлиям и Аквиллиям. Сестра Вителлиев была замужем за консулом Брутом, и от этого брака были уже взрослые дети – Тит и Тиберий; их тоже посвятили дядья в свой заговор. (2) Нашлись и другие соучастники из знатной молодежи, чьи имена забылись за давностью. (3) Между тем в сенате взяло верх решение выдать царское имущество, и послы воспользовались этим поводом задержаться в городе, испросив у консулов срок, чтобы приготовить повозки для царского добра. Все это время проводят они в совещаниях с заговорщиками, настойчиво требуя от них писем к Тарквиниям: (4) ведь иначе как те поверят, что не пустые слова о столь важном деле несут им послы? Эти-то письма, данные в залог верности, и сделали преступление явным.

(5) А дело было так: накануне своего отъезда к Тарквиниям послы как раз обедали у Вителлиев, и там, удалив свидетелей, заговорщики вволю, как это бывает, толковали о недавнем своем умысле. Разговор их подслушал один из рабов, который и раньше уже подозревал неладное, (6) но выжидал, пока письма окажутся в руках у послов, чтобы можно было взять их с поличным¹⁷⁹. Поняв, что письма переданы, он обо всем донес консулам. (7) Консулы вышли, чтобы схватить послов и заговорщиков, и без шума подавили всю затею, позаботившись прежде всего о том, чтобы не пропали письма. Изменников немедленно бросили в оковы, а насчет послов некоторое время колебались, но потом, хотя вина, казалось, и приравнивала их к врагам, все же принятое между народами право возобладало.

5. (1) Дело о царском имуществе, которое решили было отдать, вновь поступает в сенат. Сенаторы в порыве гнева запрещают выдачу, но запрещают и передачу в казну: (2) царское добро отдается на разграбление простому народу, чтобы каждый, прикоснувшись к добыче, навсегда потерял надежду на примирение с царями. Пашня Тарквиниев, находившаяся между городом и Тибром, посвящена была Марсу и стала отныне Марсовым полем¹⁸⁰. (3) Говорят, там как раз стоял хлеб, уже готовый к жатве. А так как пользоваться урожаем с этого поля было бы кощунством, то посланная туда огромная толпа народу, сжав хлеб, вместе с соломой высыпала его корзинами в Тибр, обмелевший, как всегда, в летний зной. (4) Осевшие на мели кучи соломы занесло илом, а со временем из этого и других наносов вырос остров, потом, я думаю, его укрепили искусственной насыпью, чтобы место это стало достаточно высоким и твердая почва выдерживала бы даже храмы и портики¹⁸¹.

(5) По расхищении царского имущества был вынесен приговор предателям и совершилась казнь, особенно примечательная тем, что консульское звание обязало отца казнить детей и того, кого следовало бы удалить даже от зрелища казни, судьба назначила ее исполнителем.

¹⁷⁹ Более обстоятельно этот эпизод изложен у Плутарха (Попликола, 4–6).

¹⁸⁰ Марсово поле (Campus Martius) – низина в излучине Тибра между Тибром и Фламиниевой дорогой – к западу от городской стены Сервия Туллия – площадью почти в 250 га. Находившееся вне городской черты, просторное Марсово поле играло очень большую роль в городской жизни Рима – здесь происходили народные собрания по центуриям, проводилась перепись населения, устраивались военные парады, молодежь занималась военными и гимнастическими упражнениями и т. п.

¹⁸¹ На о-ве Тиберине (insula Tiberina) был выстроен в 291 г. до н. э. храм Эскулапа (бога врачевания); отсюда и позднее название: Эскулапов остров (см.: Светоний. Клавдий, 25, 2).

(6) Знатнейшие юноши стояли, прикованные к столбам, но, минуя их, словно чужих, взоры всех обращались к сыновьям консула. Не столько сама казнь вызывала жалость, сколько преступление, заслужившее казнь: (7) эти люди решились предать и только что освобожденное отечество, и освободителя-отца, и консульство, происходящее из Юниева дома, и сенат, и простой народ, и все, что было в Риме божеского и человеческого, – предать бывшему Гордому царю, а ныне ненавистному изгнаннику. (8) Консулы взошли на свои места, ликторы отправляются вершить казнь; обнаженных секут розгами, обезглавливают топорами¹⁸², но все время все взгляды прикованы к лицу и взору отца, изъявлявшего отцовское чувство, даже творя народную расправу¹⁸³. (9) По наказании виновных, чтобы пример, отвращающий от преступления, был прославлен не только казнью, но и поощрением, донесшему дарована была награда: денежная мзда из казны, свобода и гражданство. Говорят, что это он первый был освобожден из рабства виндиктой¹⁸⁴, (10) а некоторые и само название это выводят отсюда, потому что того раба звали Виндицием. С тех пор принято соблюдать, чтобы освобожденные таким способом считались принятыми в гражданство.

6. (1) Получивши весть об этих событиях, Тарквиний, раздосадованный обманувшею надеждою и пылая гневом и ненавистью, понял, что его коварству путь загражден, и задумал открытую войну. Он пошел просителем по городам Этрурии, (2) особенно взывая к вейянам и тарквинийцам, чтобы не дали они ему, человеку одного с ними происхождения, одной крови, исторгнутому из такого царства, ввергнутому в нищету, погибнуть на их глазах вместе с юными еще детьми. Других из чужой земли в Рим приглашали на царство, а его, царствовавшего, воевавшего за распространение римского могущества, преступным заговором изгнали близкие люди! (3) Они, не найдя меж собою кого-нибудь одного, достойного быть царем, расхватили по частям царскую власть, имущество царское отдали на разграбление народу, чтобы не был никто к преступлению непричастен. Отечество свое, царство свое хочет он себе возратить и наказать неблагодарных граждан; пусть поддержат его, пусть помогут, пусть ответят и за собственные былые обиды, за побитые не раз легионы, за отнятые земли. (4) Речи его взволновали вейян – они с грозным шумом требуют смыть позор и силой вернуть потерянное, хотя бы и под водительством римлянина. А тарквинийцев столь же волнует имя, сколь и родство: лестным кажется видеть своих царствующими в Риме. (5) И вот два войска двух городов устремляются за Тарквинием, чтобы вернуть ему царскую власть и войною покарать римский народ.

Вступив в римские земли, враги встретили обоих консулов: (6) Валерий вел пехоту боевым строем, а Брут – передовую конную разведку. Точно так же шла конница и перед вражеским войском, возглавлял ее царский сын Тарквиний Аррунт, а сам царь следовал за ним с легионами. (7) Угадав издали консула сперва по ликторам, а потом уже ближе и вернее – в лицо, Аррунт, возгоревшийся гневом, воскликнул: «Вот кто изгнал нас, исторг из отечества. Вот как важно он выступает, красуясь знаками нашей власти! Боги – мстители за царей, будьте с нами!» (8) И, пришпорив коня, мчится он прямо на консула. Брут заметил, что на него скачут. Тогда считалось почетным, чтобы вожди сами начинали сражение: (9) рвется и Брут к поединку, и столь яростна была их сшибка, что ни тот ни другой, нанося удар, не подумал себя

¹⁸² Такая казнь была карой за преступление против отечества (perduellio). Ср.: I, 26, 6.

¹⁸³ Ср.: Плутарх. Попликола, 6: «...Меж тем как остальные не в силах были на это смотреть, сам консул, говорят, не отвел взора в сторону, сострадание нимало не смягчило гневного и сурового выражения его лица» (пер. С. Маркиша). Сходные описания находим и у других авторов. В сжатом рассказе Ливия нередко видят иную эмоциональную окраску, но уместно вспомнить, что римский юрист начала III в. н. э., обосновывая право отца на убийство дочери, уличенной в прелюбодеянии, подчеркивает, что именно «отцовское чувство долга» внушает ему такие «решения о детях» (Дигесты, 48, 5; 23, 4).

¹⁸⁴ Виндикта – символическое прикосновение должностного лица палочкой (фестукой) к отпускаемому на волю рабу (эта процедура имела форму мнимого судебного процесса) или сама фестука. Освобожденные виндиктой, как и другими официальными способами – внесением в цензовый список или по завещанию господина, – становились римскими гражданами (в первом поколении – с урезанными правами). Виндикта применялась и в других судебных процедурах, и это слово, конечно, не могло происходить от имени Виндиция – связь была обратной.

защитить, так что оба, друг друга пронзив сквозь щиты, замертво пали с коней, насаженные на копья. Тотчас вступила в битву вся конница, за ней подросла пехота; (10) бой шел с переменным успехом, и никто не взял верх: оба правые крыла победили, левые – отступили: (11) вейяне, привыкшие к поражениям от римлян, рассеялись и бежали; тарквинийцы же, новые нам враги, не только выстояли, но даже сами потеснили римлян.

7. (1) Хотя битва закончилась так, Тарквиния и этрусков вдруг охватил ужас, столь сильный, что, оставив затею как тщетную, оба войска, тарквинийцев и вейян, ночью разошлись по домам. (2) О битве этой рассказывают и чудеса: будто в ночной тишине из Арсийского леса раздался громовой голос, который сочли за голос Сильвана¹⁸⁵; он произнес: «У этрусков одним павшим больше: (3) победа у римлян!» Как бы то ни было римляне оттуда ушли победителями, этруски – побежденными, ибо, когда рассвело и ни одного врага не было видно вокруг, консул Публий Валерий собрал с павших доспехи и с триумфом¹⁸⁶ вернулся в Рим. (4) Товарищу своему он устроил похороны, пышные, сколь это было возможно по тем временам. Еще почетнее для погибшего был общественный траур, особенно замечательный тем, что матери семейств целый год¹⁸⁷, как отца, оплакивали его – сурового мстителя за поруганную женскую честь.

(5) А оставшийся в живых консул (так изменчиво настроение толпы!) из народной милости вскоре попал в немилость и даже был заподозрен в ужасном преступлении. (6) Пошла молва, будто он домогается царской власти, потому что не поспешил он с выбором товарища на место Брута и потому что начал строить дом на вершине Ведийского холма¹⁸⁸ – там на высоком и укрепленном месте это была бы неприступная крепость. (7) Возмущенный тем, что такое говорилось повсюду и что такому верили, консул созвал народ на сходку и вошел в собрание, склонивши фаски¹⁸⁹. Это зрелище пришлось толпе по душе: склонены были перед ней знаки власти и тем было признано, что величием и силой народ выше консула. (8) Тут, потребовав внимания, консул стал восхвалять судьбу товарища, который пал освободителем отечества в высшей должности, сражаясь за общее дело, в расцвете славы, еще не успевшей обратиться в ненависть, а вот он, пережив свою славу, уцелел для обвинения и для ненависти, из освободителя отечества обратился в подобие Аквилеев и Вителлеев. (9) «Неужели, – сказал он, – никогда никакую доблесть вы не оцените так, чтобы сумели не оскорбить ее подозрением? Мне ли, злейшему врагу царей, опасаться было обвинения в желании царствовать? (10) Да живи я хоть в самой Крепости¹⁹⁰, хоть на Капитолии, – мог ли бы я поверить, что мои сограждане станут меня бояться? От такой малости зависит у вас мое доброе имя? И так шатко ваше доверие, что для вас больше значит, где – я, чем кто – я! (11) Нет, квириты, не станет дом Публия Валерия на пути вашей свободы, безопасна для вас будет Велия. Не только на ровное место, но к

¹⁸⁵ Сильван – бог лесов и дикой природы; отождествлялся с греческим Паном.

¹⁸⁶ Во времена Республики триумф назначался Сенатом по просьбе самого полководца. Необходимыми условиями для получения этой высшей награды за военные подвиги были: самостоятельное командование войсками (*imprium*) в должности, освященной ауспациями; победа над неприятелем (причем в сражении должно было быть убито не менее 5 тыс. врагов); присутствие войска, свидетельствующее о победоносном окончании войны. Триумфальная процессия проходила от Марсова поля через Триумфальные ворота, Фламиниев цирк и Большой цирк вокруг Палатина и по Священной улице на Капитолий к храму Юпитера. Триумфатор в специальном облачении, увенчанный лаврами, ехал в запряженной четверней колеснице, которую окружала толпа родственников и клиентов (см.: примеч. 41). Над его головой раб держал золотую корону и время от времени шептал ему на ухо: «Оглянись и помни, что ты – человек». Впереди везли военную добычу и вели наиболее знатных пленников. Перед колесницей шли ликторы, а за триумфатором следовало его войско с триумфальными восклицаниями и с песнями – как восхвалявшими, так и грубо осмеивавшими полководца (чтобы гордость его не была чрезмерной и не раздражала богов). Как правило, в шествии принимали участие и сенаторы. На Капитолии триумфатор совершал жертвоприношение (помимо жертвенных животных, он приносил в дар Юпитеру золотую корону и часть добычи). Завершался триумф торжественным пиром.

¹⁸⁷ Таков был срок траура по отцу семейства.

¹⁸⁸ Велия – один из холмов Рима. Находилась к северо-востоку от Палатина и соединяла его с Оппиевой горой (одной из двух вершин Эсквилина).

¹⁸⁹ См.: примеч. 39 к кн. I.

¹⁹⁰ См.: примеч. 50 к кн. I.

самому подножию холма перенесу я свой дом, чтобы жить вам выше меня, неблагонадежного гражданина; на Велии же пусть строятся те, кому лучше доверить вашу свободу, чем Публию Валерию». Тотчас он перенес все заготовленное для стройки к подножию Велии (12) и поставил дом под ее склоном, где теперь стоит храм Вики Поты¹⁹¹.

8. (1) Вслед за тем предложил он законы, которые не только сняли с него подозрение в желании царствовать, но дали делу такой поворот, что он даже стал угоден народу. Отсюда и пошло его прозвание Публикола¹⁹². (2) С наибольшей благодарностью приняты были законы о праве жаловаться народу на магистратов¹⁹³ и о проклятии и имуществу и самой жизни всякого, кто помыслит о царской власти. (3) Законы эти провел он один, чтобы одному получить и признательность, и только тогда созвал собрание для выборов второго консула. (4) Избран был Спурий Лукреций, который из-за преклонных лет не имел сил справляться с консульскими обязанностями и через несколько дней умер. (5) На место Лукреция был выбран Марк Гораций Пульвилл. У некоторых старых авторов я даже не нахожу Лукреция в списках консулов – после Брута они тотчас называют Горация; я думаю, что, поскольку ничего примечательного Лукреций не совершил, его консульство и забылось.

(6) Еще не освящен был храм Юпитера на Капитолии. Консулы Валерий и Гораций бросили жребий, кому освящать храм. Жребий выпал Горацию, а Публикола отправился на войну с вейянами. (7) Близкие Валерия не в меру досадовали, что освящать столь славный храм досталось Горацию. Они всячески пытались этому помешать, а когда все их старания оказались напрасными и консул уже возносил богам молитвы, держась за косяк, ему принесли страшную весть, что сын его умер и он из-за смерти в доме не может освящать храм¹⁹⁴. (8) Не поверил ли Гораций в правдивость известия¹⁹⁵, или такова была крепость его духа, точных сведений нет, а понять трудно – получивши известие, он лишь распорядился вынести из дому труп, сам же, не отрывая руки от косяка, довершил молитву и освятил храм.

(9) Таковы были события на войне и дома в первый год после изгнания царей.

9. (1) Затем консулами стали Публий Валерий повторно и Тит Лукреций [508 г.]. Тарквинии тем временем бежали к Ларту Порсене, царю Клузия. Здесь они, мешая советы с мольбами, то просили не покидать в нищете и изгнании их, природных этрусков по крови и имени, (2) то даже заклинали не позволять, чтобы гонения на царей безнаказанно вводились в обычай. Слишком сладостна, мол, свобода: (3) если не станут цари так же бороться за свои царства, как граждане за свободу, то высшее сравняется с низшим и не останется в государствах ничего выдающегося, ничего поднимающегося над прочим; приходит конец царской власти, лучшему, что есть среди богов и людей. (4) Порсена, полагая для этрусков важным, чтобы в Риме был царь, и притом этрусского рода, двинулся на Рим с вооруженным войском¹⁹⁶. (5) Никогда прежде не бывало в сенате такого ужаса – настолько могущественным был тогда Клузий, настолько грозным имя Порсены. Боялись не только врагов, но и собственных граждан, как бы римская чернь от страха не впустила в город царей, не приняла бы мир даже на условиях рабства. (6) Поэтому сенат многое сделал тогда, чтобы угодить простому народу. Прежде всего

¹⁹¹ Вика Пота – римская богиня, уже в древности отождествлявшаяся с Викторией – богиней Победы, «аналогом» греческой Ники.

¹⁹² Публикола (Попликола) – по народной этимологии происходит от лат. *populum colere* – «заботиться, печься о народе».

¹⁹³ См. также: X, 9, 3–6; Цицерон. О государстве, I, 62; II, 53; Об ответах гаруспиков, 16; За Милона, 7.

¹⁹⁴ Если умирал один из членов фамилии, то весь дом находился в трауре, и никто из него не имел права участвовать в религиозных церемониях. Лишь по прошествии определенного времени после похорон совершались очистительные обряды.

¹⁹⁵ По Плутарху (Попликола, 14), это известие было ложным (выдумкой брата Публиколы).

¹⁹⁶ Война Рима с Порсеной – исторический факт, но традиция, которой следует Ливий, не единственная. У Тацита (История, III, 72, 1) и Плиния Старшего (Естественная История, XXXIV, 139) мы находим какие-то указания на то, что Рим был взят Порсеной. В рассказе Ливия основное внимание уделяется легендарным героям – Горацию Коклесу, Муцию Сцеволе, Клелии, воплощавшим римские добродетели: верность, постоянство, доблесть.

позаботились о продовольствии: одни были посланы за хлебом к вольским, другие – в Кумы¹⁹⁷. Затем приняли постановление о продаже соли, которая шла по непосильной цене, государство взяло на себя это дело, отобравши его у частных лиц¹⁹⁸. Плебеев освободили от пошлин и налогов: пусть платят те, у кого хватает дохода, с неимущих довольно того, что они растят своих детей. (7) Эта уступчивость сенаторов перед лицом надвигающихся невзгод, осады и голода настолько сплотила граждан, что имя царей одинаково было ненавистно высшим и низшим (8) и никто никогда потом никакими хитростями не мог склонить к себе народ так, как в ту пору сенат своей распорядительностью.

10. (1) Когда подошли враги, все перебрались с полей в город, а вокруг него выставили стражу. (2) Защищенный с одной стороны валом, с другой – Тибром, город казался в безопасности. Только Свайный мост чуть было не стал дорогой для врага, если бы не один человек – Гораций Коклес¹⁹⁹; в нем нашло оплот в этот день счастье города Рима. (3) Стоя в карауле у моста, он увидел, как внезапным натиском был взят Яникульский холм, как оттуда враги бегом понеслись вперед, а свои толпой побежали в страхе, бросив оружие и строй. Тогда, останавливая бегущих поодиночке, (4) становится он на их пути и, людей и богом призывая в свидетели, начинает объяснять, что бессмысленно так бежать без оглядки; ведь если они, перейдя через мост, оставят его за спиною, то сразу же на Палатине и на Капитолии будет еще больше врагов, чем на Яникуле. Потому-то он просит, приказывает им разрушить мост огнем ли железом ли, чем угодно; а сам он примет на себя натиск врагов и в одиночку будет держаться, сколько сумеет.

(5) И вот он вышел один к началу моста, хорошо заметный среди показавших врагам свои спины, его оружие было изготовлено к рукопашной, и самой этой невероятной отвагой он ошеломил неприятеля. (6) Двоих еще удержало с ним рядом чувство стыда: Спурия Ларция и Тита Герминия, известных знатностью и подвигами. (7) С ними отразил он первую бурю натиска и самый мятежный порыв схватки; а когда от моста оставалась уже малая часть, он и их отослал на зов разрушавших в безопасное место. (8) Грозный, свирепо обводя взглядом знатнейших этрусков, он то вызывает их поодиночке на бой, то громко бранит всех разом: рабы надменных царей, не пекущиеся о собственной свободе, они ли это пришли посягать на чужую? (9) Некоторое время те медлят, оглядываясь друг на друга, кто первым начнет сражение; но потом стыд взял верх, и под громкие крики в единственного противника со всех сторон полетели дротики. (10) Все их принял он на выставленный щит и, твердо стоя, с тем же упорством удерживал мост – его уже пытались, напирая, столкнуть в реку, как вдруг треск рушащегося моста и крик римлян, возбужденных успехом своих усилий, отпугнули нападение. (11) Тогда-то воскликнул Коклес: «Отец Тиберин! Тебя смиренно молю: благосклонно прими это оружие и этого воина!» – и как был, в доспехах, бросился в Тибр. Невредимый²⁰⁰, под градом стрел, переплыл он к своим – таков был его подвиг, стяжавший в потомках больше славы, чем веры. (12) Столь великая доблесть была вознаграждена государством: ему поставили статую на Комиции²⁰¹, а земли дали столько, сколько можно опахать плугом за день. (13) С общественными почестями

¹⁹⁷ Кумы – один из первых греческих городов на территории Италии (в Кампании). Основан около 750 г. до н. э.

¹⁹⁸ Государственная монополия на торговлю солью в Риме существовала во времена Поздней республики и на протяжении всего существования Империи. Когда она была установлена, неизвестно, но поскольку нашествие Порсены и война в Лации подвергли опасности римские соляные разработки, вполне вероятно, что сообщаемые Ливием факты достоверны.

¹⁹⁹ Гораций Коклес (букв.: «Кривой», «Одноглазый»), по Дионисию (V, 23, 2), племянник Марка Горация Пульвилла, одного из первых римских консулов (см. о нем: II, 8, 5–8). В традицию вошел как легендарный герой, олицетворение римской доблести.

²⁰⁰ По Полибию (VI, 55, 1–4), Коклес утонул; по Дионисию Галикарнасскому (V, 23–35), был ранен.

²⁰¹ Некоторое время спустя статуя была перенесена с Комиции (см.: примеч. 121 к кн. I) на площадь Вулкана, т. е. на посвященную Вулкану территорию, находившуюся напротив Свайного моста. Вряд ли она изображала действительно Коклеса (в Греции первая статуя в честь умершего человека была поставлена в 509 г. до н. э., а первая прижизненная – не ранее 400 г. до н. э.). Скорее, это было культовое изображение, возможно, самого Вулкана.

соперничало усердие частных лиц; сколь ни скудно жилось, каждый сообразно с достатком принес ему что-нибудь от себя, урывая из необходимого.

11. (1) Порсена, отраженный в своем первом натиске, принял решение перейти от приступа к осаде: выставил стражу на Яникуле, а лагерь расположил на равнинном берегу Тибра, собрав к нему отовсюду суда и для надзора, (2) чтобы не было в Рим подвоза продовольствия, и для грабежа, чтобы воины могли переправляться при случае где угодно. (3) Скоро римские окрестности стали так небезопасны, что, не говоря о прочем, даже скот из окрестностей сгоняли в город, не решаясь пасти его за воротами. (4) Впрочем, такую волю этрускам римляне предоставили не столько из страха, сколько с умыслом, ибо консул Валерий, ожидая случая внезапно напасть на врагов, когда они будут и многочисленны и рассеяны, не заботился мстить по мелочам и готовил удар более грозный. (5) Чтобы заманить грабителей, он приказал своим выгнать на следующий день большое стадо через Эсквилинские ворота, самые удаленные от противника, в расчете на то, что враги узнают об этом заранее от неверных рабов, перебежавших к ним из-за осады и голода.

(6) Действительно, по доносу перебежчиков неприятели, в надежде на богатую добычу, переправились через реку в большем, чем обычно, числе. (7) Тогда Публий Валерий приказывает Титу Гермению с небольшим отрядом до поры засесть в засаду у второго камня²⁰² по Габийской дороге, а Спурию Ларцию – с вооруженным отрядом молодежи стать у Коллинских ворот, ожидая врагов, чтобы отрезать им путь к отступлению. (8) Второй консул, Тит Лукреций, с несколькими манипулами²⁰³ воинов выступил к Невиевым воротам, сам Валерий вывел отборные когорты к Целиеву холму – (9) его-то первым и обнаружили враги. Услышав, что схватка началась, Гермений налетает из засады и, повернув врагов на Лукреция, бьет их с тыла; справа, слева от Коллинских ворот, от Невиевых слышны крики: (10) так, окруженные, были перебиты грабители, не имевшие ни сил для боя, ни путей к отступлению. Так был положен конец далеким вылазкам этрусков.

12. (1) Осада тем не менее продолжалась, продовольствие скудело и дорожало, (2) и Порсена уже надеялся взять город не сходя с места, когда объявился знатный юноша Гай Муций²⁰⁴, которому показалось обидным, что римский народ, ни в какой войне ни от каких врагов не знавший осады, даже в те времена, когда рабски служил царям, (3) ныне, уже свободный, осажден этрусками, столько раз уже им битыми. И вот, решившись смыть этот позор каким-нибудь отчаянным поступком невероятной дерзости, он замыслил проникнуть в неприятельский лагерь. (4) Однако из опасения, что, пойдя без ведома консулов и втайне от всех, он может быть схвачен римскою стражею как перебежчик, Муций явился в сенат. (5) «Решился я, отцы-сенаторы, – сказал он, – переплыть Тибр и, если удастся, проникнуть во вражеский лагерь; не грабить, не мстить за разбой, – нечто большее замыслил я совершить, если помогут боги». Сенаторы одобряют. И он удаляется, скрыв под одеждою меч.

(6) Придя в лагерь, попал он в густую толпу народа перед царским местом. (7) Там как раз выдавали жалованье войскам и писец, сидевший рядом с царем почти в таком же наряде, был очень занят, и воины к нему шли толпою. Боясь спросить, который из двух Порсена, чтобы не выдать себя незнаньем царя, он делает то, к чему толкнул его случай, – вместо царя убивает писца. (8) Прорубаясь оттуда окровавленным мечом сквозь смятенную толпу, в шуме и давке, он был схвачен царскими телохранителями, и его приволокли к царю. Здесь, перед возвышением, даже в столь грозной доле (9) не уstraшаясь, а уstraшая, он объявил: «Я римский гражданин, зовут меня Гай Муций. Я вышел на тебя, как враг на врага, и готов умереть, как

²⁰² Речь идет о мильевых камнях. «У второго камня» – в двух милях. Строго говоря, сами камни были поставлены позднее, но таков был привычный для римлян способ обозначения расстояния на дорогах.

²⁰³ Манипул – тактическая единица в войске (две центурии).

²⁰⁴ Легенда о Гае Муции окончательно оформилась и закрепилась, вероятно, в начале III в. до н. э. не без влияния мифологических мотивов.

готов был убить: римляне умеют и действовать, и страдать с отвагою. (10) Не один я питаю к тебе такие чувства, многие за мной чередою ждут той же чести. Итак, если угодно, готовься к недоброму: каждый час рисковать головой, встречать вооруженного врага у порога. (11) Такую войну объявляем тебе мы, римские юноши; не бойся войска, не бойся битвы, – будешь ты с каждым один на один».

(12) Когда царь, горя гневом и страхась опасности, велел вокруг развести костры, суля ему пытку, если он не признается тут же, что скрывается за его темной угрозой, (13) сказал ему Муций: «Знай же, сколь мало ценят плоть те, кто чаёт великой славы!» – и неспешно положил правую руку в огонь, возжженный на жертвеннике. И он жег ее, будто ничего не чувствуя, покуда царь, пораженный этим чудом, не вскочил вдруг со своего места и не приказал оттащить юношу от алтаря. (14) «Отойди, – сказал он, – ты безжалостнее к себе, чем ко мне! Я велел бы почтить такую доблесть, будь она во славу моей отчизны; ныне же по праву войны отпускаю тебя на волю целым и невредимым». (15) Тогда Муций, как бы воздавая за великодушные, сказал: «Поскольку в такой чести у тебя доблесть, прими от меня в дар то, чего не мог добиться угрозами: триста лучших римских юношей, поклялись мы преследовать тебя таким способом. (16) Первый жребий был мой; а за мною последует другой, кому выпадет, и каждый придет в свой черед, пока судьба не подставит тебя удару!»

13. (1) Когда был отпущен Муций, которого потом за потерю правой руки нарекли Сцеволой²⁰⁵, Порсена послал в Рим послов; (2) так потрясло его и первое покушение, от которого он уберется лишь по ошибке убийцы, и опасность, грозящая впредь столько раз, сколько будет заговорщиков, что он сам от себя предложил римлянам условия мира. (3) Предложение возвратить Тарквиниям царскую власть было тщетным, и он сделал его лишь потому, что не мог отказать Тарквиниям, а не потому, что не предвидел отказа римлян. (4) Зато он добился возвращения вейянам захваченных земель и потребовал дать заложников, если римляне хотят, чтобы уведены были войска с Яникула. На таких условиях был заключен мир, и Порсена увел войско с Яникула и покинул римскую землю. (5) Гаю Муцию в награду за доблесть выдали сенаторы поле за Тибром, которое потом стали называть Муциевыми лугами.

(6) Такая почесть подвигла даже женщин к доблестному деянию во имя общего дела: одна из девушек-заложниц, по имени Клелия²⁰⁶, воспользовавшись тем, что лагерь этрусков был расположен недалеко от Тибра, обманула стражу и, возглавив отряд девушек, переплыла с ними реку под стрелами неприятеля, всех вернув невредимыми к близким в Рим. (7) Когда о том донесли царю, он поначалу, разгневанный, послал вестников в Рим вытребовать заложницу Клелию – остальные-де мало его заботят; (8) а затем, сменив гнев на изумление, стал говорить, что этим подвигом превзошла она Коклесов и Муциев, и объявил, что, если не выдадут заложницу, он будет считать договор нарушенным, если же выдадут, он отпустит ее к своим целой и невредимой. (9) Обе стороны сдержали слово: и римляне в соответствии с договором вернули залог мира, и у этрусского царя доблесть девушки не только осталась безнаказанной, но и была вознаграждена; царь, похвалив ее, объявил, что дарит ей часть заложников и путь выберет кого хочет. (10) Когда ей вывели всех, она, как рассказывают, выбрала несовершеннолетних; это делало честь ее целомудрию, и сами заложники согласились, что всего правильной было освободить тех, чей возраст наиболее незащищен. (11) А по восстановлении мира небывалая женская отвага прославлена была небывалой почестью – конной статуей: в конце Священной улицы воздвигли изображение девы, восседающей на коне²⁰⁷.

²⁰⁵ Прозвище Сцевола (Scaevola) народная этимология связывала с латинским словом scaeva – «левая рука» («Левша»).

²⁰⁶ Легенду о Клелии (с некоторыми расхождениями) рассказывают многие авторы. См., например: Вергилий. Энеида, 8, 651; Ювенал. Сатиры, 8, 265; Флор, I, 10, 7.

²⁰⁷ Конные статуи, как знак оказания почести, были заимствованы римлянами у греков не ранее IV в. до н. э.; поэтому статуя вряд ли изображала Клелию. Вероятно, это было изображение божества (возможно, Конной Венеры).

14. (1) Столь мирное отступление этрусского царя от города трудно согласовать со старинным обычаем, среди других священнодействий дожившим до наших дней, – с распродажей имущества царя Порсены. (2) Обычай этот наверняка либо возник во время войны, но не забылся и в мирное время, либо зародился при обстоятельствах более спокойных, чем те, на которые указывало бы объявление о продаже вражеского имущества. (3) Из существующих объяснений правдоподобнее то, по которому Порсена, отступая с Яникула, оставил в дар Риму, истощенному после долгой осады, богатый лагерь, полный припасов, свезенных с недалеких плодородных полей Этрурии; (4) а чтобы народ, заполучив это добро, не разграбил его как вражеское, и было объявлено о распродаже имущества Порсены. Таким образом, название это означает скорее благодарность за услугу, чем продажу с торгов царского имущества, которое даже не было во власти римского народа.

(5) Прекратив войну с римлянами, Порсена, чтобы не казалось, будто он привел сюда войско понапрасну, послал своего сына Аррунта с частью войск осадить Арицию. (6) Арицийцы поначалу пришли в замешательство от неожиданности, но затем, получив помощь от латинских племен из Кум, настолько воспряли духом, что решились на сражение. Начался бой таким ударом этрусков, что арицийцы бросились врассыпную, (7) но куманские когорты, употребив против силы искусство, несколько отошли в сторону, пропустивши врагов, пронесшихся мимо, а затем, поворотив знамена, напали на них с тыла. Так этруски, уже почти победители, были окружены и перебиты. (8) Лишь очень немногие, потеряв полководца и не найдя никакого пристанища ближе, добрались до Рима; безоружные, пришедшие как просители, они были радушно приняты и распределены по домам. (9) Залечив раны, одни отправились домой, рассказывая о гостеприимстве благодетелей, а многие из любви к приютившему их городу остались в Риме. Им было предоставлено место для поселения, которое потом назвали Этрусским кварталом²⁰⁸.

15. (1) Затем Спурий Ларций и Тит Герминий стали консулами, за ними – Публий Лукреций и Публий Валерий Публикола [507–506 гг.]. В том году в последний раз пришли послы от Порсены хлопотать о возвращении Тарквиниев на царство. Им сказано было, что сенат отправит к царю своих послов, и тотчас были посланы почтеннейшие из сенаторов. (2) Не потому, что не могли ответить кратко, что царей не примут, предпочли послать к Порсене выбранных сенаторов, не давая его послам ответ в Риме; сделано было так для того, чтобы навечно покончить с разговором об этом деле и не беречь сердец после стольких взаимных благодеяний, ибо просил царь о том, что противно свободе римского народа, и римляне, если сами своей гибели не хотели, должны были отказать тому, кому ни в чем отказать не желали бы. (3) Не во власти царей, но во власти свободы находится римский народ; уже решено, что скорее врагам, нежели царям, распахнут они ворота; конец свободы в их Городе будет и концом Города – таков общий глас. (4) Посему и просят они, если хочет царь благополучия Риму, пусть позволит им остаться свободными. (5) Царь, покоренный их почтительностью, ответил: «Если это столь твердо и непреложно, то не стану я более докучать напрасными просьбами и обманывать Тарквиниев надеждой на помощь, которую не могу оказать. Для мира или для войны, пусть ищет он пристанища в другом месте, чтобы не нарушать моего с вами согласия». (6) Слово свое подкрепил он делом еще более дружественным: вернул остававшихся у него заложников и возвратил земли вейян, отнятые им по договору, заключенному при Яникульском холме. (7) Лишась всякой надежды на возвращение, Тарквиний отправился изгнанником в Тускул²⁰⁹ к зятю своему Мамилию Октавию, а у римлян с Порсеною установился прочный мир.

²⁰⁸ Этрусский квартал (Viculus Tuscus) – улица между Палатином и Капитолием, которая вела от Форума к Большому цирку. На этой улице была статуя этрусского бога Воргумна. Существование в Риме района, заселенного этрусками, не требует специальных объяснений, таких как у Ливия или у Тацита (Анналы, IV, 65).

²⁰⁹ См. выше: кн. I, 49, 9 и примеч. 147 к кн. I.

16. (1) Консулы Марк Валерий и Публий Постумий. В этом году [505 г.] была удачная битва с сабинянами; консулы праздновали триумф. (2) Тогда сабиняне стали еще усердней готовиться к войне. Чтобы им противостоять и чтобы отразить опасность со стороны Тускула, откуда тоже ожидали войны, консулами избрали Публия Валерия – в четвертый, а Тита Лукреция – во второй раз [504 г.]. (3) Так как у сабинян возник раздор между сторонниками войны и мира, то часть их сил перекинулась к римлянам. (4) Тогда-то и Аттий Клавз, позже известный в Риме как Аппий Клавдий, будучи тесним как поборник мира подстрекателями войны и не умея их осилить, со множеством клиентов²¹⁰ перебрался из Инрегилла в Рим²¹¹. (5) Им предоставили гражданство и земли за Аниеном²¹²; потом, с прибавлением новых поселенцев из тех же мест, они стали называться старой Клавдиевой трибой. Избранный сенатором Аппий вскоре стал по достоинству одним из первых.

(6) Консулы, ударив с войском на сабинян, сначала опустошением, а затем битвою настолько подорвали силы врагов, что можно было долго не опасаться угрозы с той стороны, и вернулись в Рим триумфаторами. (7) Публий Валерий, первый, по общему мнению, в искусствах войны и мира, умер год спустя при консулах Агриппе Менении и Публии Постумий [503 г.]; слава его была велика, но средства настолько ничтожны, что их недоставало для погребения; расход был оплачен из общественной казны. Матери семейств оплакивали его, как Брута. (8) В том же году два латинских поселения, Помеция и Кора, отпали к аврункам. Началась война с аврунками²¹³, но, после того как огромное их войско, храбро встретившее вторгшихся консулов, было разбито, вся она сосредоточилась вокруг Помеции. (9) Но и после битвы кровопролития не умерились, и убитых было больше, чем пленных, и пленных убивали без разбора, и даже заложников, число которых достигло трехсот, не пощадила жестокость войны. И в том году в Риме праздновали триумф.

17. (1) Следующие консулы, Опитер Вергиний и Спурий Кассий [502 г.], подступили к Помеции сперва с войском, а затем с осадными навесами и другими орудиями²¹⁴. (2) На них вновь напали аврунки, движимые скорее непримиримой ненавистью, нежели какой-либо надеждой или же обстоятельствами: вооружившись для вылазки больше факелами, чем мечами, они наполнили все вокруг кровью и пламенем: (3) навесы были сожжены, много осаждавших ранено и перебито, один из консулов – который именно, писатели не уточняют – тяжело ранен, сбит с лошади и едва не убит. (4) После такой неудачи войско вернулось к Риму. Среди множества раненых несли и консула, почти без надежды, что он выживет. Но спустя недолгое время, достаточное для залечивания ран и пополнения войска, предпринимается новое нападение на Помецию – с еще большей яростью и умноженными силами. (5) Когда навесы и другие осадные сооружения были отстроены и дело шло уже к тому, чтобы приступом

²¹⁰ Клиентами (о происхождении этого слова спорят) назывались свободные, связанные специфическими отношениями с могущественным покровителем – патроном (от лат. *pater* – «отец»). Клиент был во многом зависим от патрона, хотя их отношения рассматривались как основанные на взаимных обязательствах: клиент и патрон не имели права свидетельствовать друг против друга в суде; клиент сопровождал патрона на войне, оказывал ему помощь при материальных затруднениях, поддерживал его в политической жизни; патрон со своей стороны должен был защищать интересы клиента. Клиенты были важной опорой политического влияния знати.

²¹¹ Версия, согласно которой род Клавдия переселился в Рим в 504 г. до н. э., судя по изложению Ливия и Плутарха (Поплика, 21), могла быть порождена стремлением объяснить, почему Клавдиева триба образовалась лишь в 495 г. до н. э. По другим данным, Клавдии переселились в Рим еще в царскую эпоху – при Ромуле (Светоний. Тиберий I, 1) или при Тарквиниях (Аппиан. История царей, фрагм. 12).

²¹² Аниен – река, впадающая в Тибр в 4,5 км к северу от Рима. Отграничивала Лаций от страны сабинян.

²¹³ Аврунки (авсоны) – родственник оскам народ, живший к югу от вольсков, между реками Лирус и Вултурн. Их главным городом была Свесса. Вероятно, смешением названий городов (Свесса и Свесса Помеция) объясняется ошибка Ливия, приписавшего аврункам захват Кору и Помеции, которые взяты были вольсками.

²¹⁴ «Навесы» (винеи) – передвижные кровли на столбах-колях для защиты воинов, ведущих осадные работы под стенами. Применялись также «черехахи»: низкие и защищенные с разных сторон. Они служили для прикрытия земляных работ; более высокие и прочные – для защиты таранов. Все это покрывалось сверху еще мокрыми кожами и мокрой глиной (для защиты от огня). Римляне (во всяком случае в более позднее время) знали также подвижные и разборные осадные башни.

взойти на стены, город был сдан, (6) но аврункам от такой сдачи было не легче, чем от приступа: вожди были обезглавлены, остальные проданы в рабство, город разрушен, земля пошла с торгов. (7) Более из чувства удовлетворенной мести, нежели из-за важности окончившейся войны, консулы праздновали триумф.

18. (1) Следующим был год консулов Постумия Коминия и Тита Ларция [501 г.]. (2) В этом году в Риме во время игр сабинские юноши из озорства увели несколько девок, а сбегавшийся народ затеял драку и почти что сражение. Казалось, что этот мелкий случай станет поводом к возмущению; (3) кроме того, боялись войны с латинами и стало известно, что Октавий Мамилий побудил к сговору тридцать городов²¹⁵. (4) В ожидании столь тревожных для государства событий впервые заговорили о необходимости избрать диктатора²¹⁶. Однако, в каком году это произошло, каким консулам не было веры (потому что они-де были из Тарквиниевых сторонников – передают и такое!) и кто стал первым диктатором, – в точности не известно. (5) Но у древнейших писателей я нахожу, что первым диктатором был Тит Ларций, а начальником конницы Спурий Кассий – оба из бывших консулов, как и предписано было законом об избрании диктатора²¹⁷. (6) Поэтому я и склонен верить, что начальником и распорядителем над консулами был поставлен Ларций, сам бывший консул, а не Маний Валерий, сын Марка и внук Волеза, еще не бывавший консулом, – (7) если уж очень хотелось выбрать диктатора из этой семьи, то скорее выбор пал бы на отца, Марка Валерия, человека признанной доблести и бывшего консула.

(8) После того как в Риме впервые избрали диктатора и люди увидели, как перед ним несут топоры, великий страх овладел народом – теперь еще усерднее вынуждены были они повиноваться приказам, теперь не приходилось, как при равновластии, надеяться на защиту другого консула или на обращение к народу, единственное спасение было в повиновении. (9) Даже сабиняне после избрания в Риме диктатора почувствовали страх, зная, что это сделано из-за них, и прислали (10) послов для переговоров о мире, прося диктатора и сенат иметь снисхождение к проступку молодых еще людей. Им ответили, что можно извинить юнцов, но нельзя простить стариков, затевающих одну войну за другой. (11) Все же мирные переговоры начались, и дело уладилось бы, если б сабиняне согласились возместить затраты на подготовку к войне – такое было выдвинуто требование. Война была объявлена, но молчаливое перемирие продолжалось еще год.

19. (1) Консулы Сервий Сульпиций и Маний Туллий [500 г.]; ничего достопамятного не сделано. За ними Тит Эбуций и Гай Вегусий [499 г.]. (2) В их консульство Фиденя осаждены, Крустумерия взята, Пренеста²¹⁸ перешла от латинов к римлянам. Нельзя было дольше откладывать латинскую войну, исподволь тлевшую уже несколько лет. (3) Диктатор Авл Постумий и начальник конницы Тит Эбуций выступили с большими пешими и конными силами

²¹⁵ Латинский союз 30 городов – религиозно-политическое объединение народов Лация; ведущее место в нем занимали Тускул (знатный тускуланец Октавий Мамилий был зятем Тарквиния Гордого – см.: I, 49, 9) и Ариция (где находилась роща Ферентины – см.: примеч. 148 к кн. I). Число входивших в союз городов менялось (так, в конце его существования, в 338 г. до н. э., их было всего 13), но название объединения сохранило именно эту цифру. Рим, вошедший в союз при Тарквинии Гордом, вероятно, отпал от него после изгнания царя, и Тускул на время вновь приобрел первенство.

²¹⁶ Институт диктатуры с древнейших времен существовал в Лации повсеместно (см.: примеч. 83 к кн. I). Для Рима он явился нововведением времени ранней Республики. Диктатора избирали в чрезвычайных обстоятельствах, первоначально в случае военной опасности, а позднее – и для ведения определенных внутрисударственных дел. Курульное кресло, тога-претекста и 24 ликтора с фасками были знаками его неограниченной власти. Диктатора назначал консул по постановлению сената на срок не более шести месяцев. Характерный для республиканского Рима принцип коллегиальности проявлялся в том, что новоназначенный диктатор обязан был в свою очередь сразу назначить «начальника конницы», чья власть все же была производной от диктаторской (см.: Цицерон. О законах, III, 9). Исполнив возложенное на него поручение, диктатор был обязан сразу же, хотя бы и до истечения шестимесячного срока, сложить свои полномочия.

²¹⁷ Известно, что Квинт Сервилий (435 и 418 гг. до н. э.), Авл Постумий (431 г. до н. э.) и Публий Корнелий (408 г. до н. э.) были диктаторами, хотя и не занимали ранее консульской должности. Это ставит под сомнение сообщаемые Ливием сведения о законе об избрании диктатора.

²¹⁸ Пренеста (совр. Палестрина) – город в Лации в 30 км к юго-востоку от Рима. О Фиденях см.: примеч. 58 к кн. I.

и у Регилльского озера в тускуланской земле встретили войско неприятеля; (4) услышав же, что в латинском войске были Тарквинии, не могли сдержать гнева и тотчас начали сражение. (5) Оттого эта битва была тяжелей и жесточе других. Не только распоряжаясь, вожди заправляли делом, но и сами бились врукопашную, смешиваясь с другими воинами, и почти никто из знатных, кроме римского диктатора, ни свой, ни чужой, не вышел из боя непораненным. (6) На Постумия, что ободрял и выстраивал воинов в первом ряду, направил коня Тарквиний Гордый, уже отяжелевший с годами и силой врагу уступавший; он был поражен в бок, и свои, подбежав, увели его в безопасное место. (7) И на другом крыле начальник конницы Эбуций бросился на Октавия Мамилия, но не застал тускуланского вождя врасплох, и тот, обратившись к нему, прищпорил коня. (8) Враги налетели друг на друга с копьями наперевес, и удар был так силен, что Эбуцию пробило руку, Мамилия ранило в грудь. (9) Он отступил во второй ряд латинов, Эбуций же, чья поврежденная рука не могла удержать дротика, ушел с поля боя. (10) Латинский вождь, ничуть не уstraшенный ранюю, хочет разжечь битву и, увидев, что воины его отступают, призывает колонну римских изгнанников во главе с сыном Луция Тарквиния²¹⁹. И эти, сражаясь с великой злобой за отобранное добро и родину отнятую, на время взяли верх в битве.

20. (1) И уже отступали тут римляне, когда Марк, брат Валерия Публиколы, заметил пылкого молодого Тарквиния, величавшегося в первом ряду изгнанников, (2) и, воспламенясь славою своего дома, захотел умножить честь изгнания царей честью их уничтожения; прищпорив коня, он направил оружие навстречу Тарквинию. (3) Видя устремленного на него врага, Тарквиний отступает в свои ряды, а Валерия, опрометчиво въехавшего в строй изгнанников, кто-то из них пронзает, подоспев сбоку; конь продолжает бег, умирающий римлянин соскальзывает на землю, а оружие падает на его тело. (4) Диктатор Постумий, видя, что такой муж погиб, что изгнанники стремительно напирают, а собственные его воины отступают под ударами, (5) дает приказ отборной когорте, состоявшей при нем для охраны: считать врагом всякого, покинувшего строй. Двойной страх удержал римлян от бегства; они поворачивают на врага и восстанавливают ряды. (6) Когорта диктатора первой вступает в бой; ударив со свежими силами и отвагою, рубят они обессилевших изгнанников.

(7) Тогда произошел другой поединок между предводителями. Латинский полководец, увидев когорту изгнанников почти окруженной воинами римского диктатора, поспешно ввел в первые ряды несколько вспомогательных манипулов. (8) Их передвижение заметил легат²²⁰ Тит Герминий, среди прочих по приметной одежде и доспехам он узнал Мамилия и с еще большим неистовством, чем прежде начальник конницы, кинулся на вражеского вождя, (9) с одного удара пронзил и убил Мамилия, сам же, снимая доспехи с вражеского тела, был поражен копьем; победивший, он был перенесен в лагерь и, как только начали его перевязывать, скончался. (10) Тогда диктатор подлетает к всадникам, умоляя их спешиться и принять на себя бой, потому что пехота уже обессилела. Те повинуются, соскакивают с коней, выбегают в первые ряды и прикрывают передовых щитами. (11) Тотчас воодушевляются полки пехотинцев, видя, что знатнейшие юноши сражаются наравне с ними, подвергаясь такой же опасности, чтобы преследовать неприятеля. Тут-то и дрогнули латины, подавшись под ударами: (12) всадникам подвели коней, а за ними последовали пехотинцы. Тогда, говорят, диктатор, уповав и на божественные и на человеческие силы, дал обет посвятить храм Кастору²²¹ и объявил

²¹⁹ Поскольку выше Ливий упоминает о смерти Секста (I, 60, 2) и Аррунта (II, 6, 9) Тарквиниев, здесь речь может идти лишь о Тите Тарквинии (I, 56, 6). Согласно Дионисию Галикарнасскому (V, 61; VI, 5), в битве при Регилльском озере принимали участие Тит и Секст Тарквинии.

²²⁰ Легат (военный) – помощник полководца, исполнявший его поручения, а в случае отсутствия или смерти полководца заступающий его место. Употребление этого термина тут, видимо, анахронизм.

²²¹ Кастор и Поллукс (греч. Полидевк), называемые также Диоскуры (у римлян – Касторы), – по греческим мифам, сыновья Леды и Зевса, братья Елены и Клитемнестры. Культ Диоскуров был усвоен римлянами очень рано (в Лавинии найдено посвя-

награду тому, кто первым, и тому, кто вторым ворвется в неприятельский лагерь. (13) Столь велико было воодушевление, что единым напором римляне погнали врага и овладели лагерем. Такова была битва у Регилльского озера. Диктатор и начальник конницы вернулись в город триумфаторами.

21. (1) Три года подряд не было потом ни прочного мира, ни войны [498–495 гг.]. Консулами были Квинт Клелий и Тит Ларций, затем Авл Семпроний и Марк Минуций. (2) В их консульство освящен храм Сатурна и учрежден праздник Сатурналий²²². (3) Потом консулами стали Авл Постумий и Тит Вергиний. У некоторых авторов я нахожу, что только в этом году было сражение у Регилльского озера и что Авл Постумий, усомнившись в товарище, отказался от консульства, а затем был назначен диктатором. (4) Такие ошибки в отсчете времени запутывают дело: у разных авторов – разный порядок должностных лиц, так что трудно разобраться, какой за каким следовал консул и что в каком году было, – дела эти давние и писатели древние.

(5) Потом консулами стали Аппий Клавдий и Публий Сервилий [495 г.]. Тот год ознаменован известием о смерти Тарквиния. Скончался он в Кумах, куда после разгрома латинов удалился к тирану Аристодему²²³. (6) При этом известии воспрянули духом патриции, воспрянули и плебеи. Но патриции в радости стали вести себя опрометчиво: до сих пор все усердно угождали плебеям, а теперь власть имущие начинают чинить им обиды. (7) В том же году поселение Сигния, выведенное еще при царе Тарквинии, было пополнено новыми поселенцами и основано заново. В Риме теперь насчитывалась 21 триба. В майские иды освятили храм Меркурия²²⁴.

22. (1) С племенем вольсков во время латинской войны не было ни войны, ни мира; вольски, однако, уже приготовили отряды и послали бы их на помощь латинам, не упреди их римский диктатор; а торопились римляне, чтобы не воевать разом и с латинами и с вольсками. (2) Раздраженные всем этим, консулы двинули легионы в землю вольсков. Вольски, не ждавшие возмездия за одни только замыслы, застигнуты были врасплох; не помышляя о сопротивлении, они дают в заложники триста детей из знатнейших семейств Кору и Помеции²²⁵. Так легионы были отведены без боя. (3) Но немного спустя вольски, оправившиеся от страха, вновь принялись за прежнее; опять они тайно готовят войну, вступают в военный союз с герниками (4) и повсюду рассылают послов, чтобы поднять на борьбу Лаций. Однако недавнее поражение при Регилльском озере настолько исполнило латинов гневом и ненавистью к любому подстрекателю войны, что они не остановились даже перед оскорблением послов: схватили вольсков и отправили в Рим, а там выдали их консулам и доложили, что вольски и герники готовят войну против римлян. (5) За это сообщение сенаторы были так благодарны латинам, что вернули им шесть тысяч пленных и передали новым должностным лицам дело о договоре, о котором прежде не хотели и слышать. (6) Тогда латины наконец-то вздохнули свободно, миротворцев громко прославляли, в дар Юпитеру Капитолийскому послали золотой венец. Вместе с

шение им от VI в. до н. э.). В Риме они стали богами-покровителями всадников. Существовала легенда о том, что Диоскуры сами участвовали в битве у Регилльского озера (см., например: Цицерон. О природе богов, II, 6; Флор, I, 11, 4). Поставленный им по обету храм, часто называвшийся храмом Кастора, был посвящен в 484 г. до н. э.

²²² Сатурн – один из древнейших римских богов, отождествленный (не позднее III в. до н. э.) с греческим Кроном. Храм, о котором говорит Ливий, был построен на Форуме на месте находившегося там с незапамятных времен алтаря. Праздник Сатурналий (приходился на 17 декабря, но праздновался еще три дня), согласно другим авторам, был учрежден еще Туллом Гостилием (Дионисий Галикарнасский, III, 32, 4; Макробий, I, 8, 1). Праздник рассматривался как воспоминание о веке изобилия и свободы и был очень популярен.

²²³ Тиран Аристодем правил Кумами (см. выше: примеч. 28) в конце VI – начале V в. Около 490 г. до н. э., когда изгнанные им аристократы напали на город, был убит со всей семьей.

²²⁴ Меркурий – римский бог торговли и торговцев (лат. *merx* – «товар», *mercare* – «торговать»). Был отождествлен с греческим Гермесом. Об освящении храма, здесь лишь упомянутом, см. ниже: II, 27, 5–6 и примеч. 64–67.

²²⁵ Ср.: II, 16, 9. В сочинениях античных историков (ср. также: Геродот, III, 48), когда речь идет о выдаче заложников, их количество часто определяется числом 300, которое следует понимать как обобщенное понятие множественности, а не как конкретную цифру.

послами и этим даром явилась большая толпа бывших пленников, уже отпущенных к своим: (7) они расходятся по домам тех, у кого прежде были в услужении, благодарят за обходительное и мягкое с ними обращение в пору их несчастья, сговариваются о взаимном гостеприимстве²²⁶. Никогда прежде не были столь едины Лаций и римская власть в делах как государственных, так и частных.

23. (1) Но война с вольсками надвигалась, а государство и само было раздираемо междоусобной ненавистью между патрициями и плебеями главным образом из-за кабальных должников²²⁷. (2) Плебеи роптали о том, что вне Рима они сражаются за свободу и римскую власть, а дома томятся в угнетении и плену у сограждан, что свобода простого народа в большей безопасности на войне, чем в мирное время, и среди врагов, чем среди сограждан. Общее недовольство, и без того усиливавшееся, разожжено было зрелищем бедствий одного человека. (3) Старик, весь в рубцах, отмеченный знаками бесчисленных бед, прибежал на форум. Покрыта грязью была его одежда, еще ужасней выглядело тело, истощенное, бледное и худое, (4) а лицу его отросшая борода и космы придавали дикий вид. Но узнали его и в таком безобразном облике и говорили, что он командовал центурией, и, сострадая ему, наперебой восхваляли его военные подвиги; сам же он в свидетельство своих доблестей показывал, открыв грудь, шрамы, полученные в разных сражениях. (5) Спросили его, отчего такой вид, отчего такой срам, и, когда вокруг него собралась толпа не меньше, чем на сходке, ответил он, что воевал на сабинской войне, и поле его было опустошено врагами, и не только урожай у него пропал, но и дом сгорел, и добро разграблено, и скот угнан, а в недобрый час потребовали от него налог²²⁸, и вот сделался он должником. (6) Долг, возросший от процентов, сначала лишил его отцова и дедова поля, потом остального имущества и, наконец, подобно заразе, вьелся в само его тело; не просто в рабство увел его заимодавец, но в колодки, в застенки. (7) И он показал свою спину, изуродованную следами недавних побоев. Это зрелище, эта речь вызвали громкий крик. Волнению уже мало места на форуме, оно разливается по всему городу: (8) должники в оковах и без оков вырываются отовсюду к народу, взывают к защите квиритов²²⁹. Повсюду являются добровольные товарищи мятежников; и уже улицы заполнены толпами людей, с криком бегущих на форум.

(9) Те из отцов, которые случайно оказались на форуме, к великой для себя опасности были застигнуты этой толпой, (10) и не избежать бы им расправы, если бы консулы Публий Сервилий и Аппий Клавдий не приняли мер к подавлению мятежа. (11) Обращаясь к ним, толпа показывает кто – оковы, кто – увечья; вот что, негодуют они, каждый из них заслужил – кто на какой войне – своею службой! Не столько прося уже, сколько грозя, они требуют, чтобы консулы созвали сенат, окружают курию, хотят сами быть свидетелями и распорядите-

²²⁶ Договор о гостеприимстве (*hospitium*) – особая форма политических отношений, распространенная в античном мире и, по-видимому, воспринятая римлянами от греков. Это был договор между государством и отдельным лицом – гражданином другого государства. Государство, заключавшее договор, обязывалось оказывать дружеский прием, защиту и помощь во всех делах «гостеприимцу» (*hospres*) – лицу, с которым заключался этот договор (как правило, предоставляемые привилегии распространялись и на его потомков). В свою очередь гостеприимец должен был в своем отечестве оказывать аналогичные услуги гражданам заключившего с ним договор государства.

²²⁷ Форма ссуды или займа, о которой идет речь у Ливия, называлась *pecum* (от лат. *nectere* – «связывать, обязывать»). Долговое обязательство гарантировалось личностью должника: в случае неуплаты долга с процентами суд в назначенный срок отдавал должника в полное распоряжение заимодавца до выплаты или отработки долга. Впрочем, существует и мнение, что заключение подобной сделки предполагало немедленный самозаклад, «закрепощение» должника, который обязывался работать на заимодавца до выплаты долга с процентами и назывался *pecus*. Хотя фактически такой должник оказывался в положении раба, он сохранял гражданские права и юридическую свободу. *Nexum* упоминается в Законах XII таблиц (см.: примеч. 103 к кн. III). В 326 г. до н. э. законом Петелия и Папирия эта форма долговых обязательств была отменена.

²²⁸ Имеется в виду налог на военные нужды.

²²⁹ Квириты – торжественное наименование римского народа (ср.: I, 13, 5 и примеч. 55 к кн. I). Обращение к народу (см.: II, 8, 2) было для римского гражданина единственным средством защиты от принуждения (или, точнее, безоговорочного права применять репрессивные меры) со стороны обладавших властью магистратов. Ливий называет три закона о праве обжалования (509/510, 449 и 300 гг. до н. э. – см. соотв. II, 8, 2; III, 55, 5 и X, 9, 3–6).

лями обсуждения государственных дел. (12) Лишь немногих сенаторов, случайно встреченных, консулам удалось собрать, остальные и показаться боялись не только что в курии, но даже на форуме, – и сенат из-за малолюдства ничего не мог предпринять. (13) Тут народу представилось, что над ним издеваются и морочат его, что отсутствуют сенаторы не случайно и не из страха, но не желая дать делу ход, что консулы и сами увиливают, глумясь над народной бедой. (14) Уже близко было к тому, что власть консулов не сдержит людского гнева, когда и те, кто не знал, что опасней – идти или медлить, все-таки явились в сенат. Однако и в заполнившейся наконец курии согласия не было – ни между отцами, ни даже между самими консулами. (15) Аппий, крутой нравом, предлагал употребить консульскую власть: схватить одного-другого, и остальные успокоятся. Сервилий же, склонявшийся к более мягким мерам, полагал, что возбужденные умы лучше переубедить, чем переломить, – оно и безопасней, и легче.

24. (1) Среди таких бедствий надвигается опасность еще страшней: в Рим прискакали латинские всадники с грозной вестью, что на город движется готовое к бою войско вольсков²³⁰. Государство настолько раскололось раздором надвое, что известие это было совсем по-разному принято сенаторами и плебеями. (2) Простой народ ликовал. Боги мстят за своеволие сенаторов, говорили плебеи; они призывали друг друга не записываться в войско, ведь лучше вместе со всеми, чем в одиночку; сенаторы пусть воюют, сенаторы пусть берутся за оружие, чтобы опасности войны пришлось бы на долю тех, на чью и добыча. (3) Сенат же, приунывший и напуганный двойной опасностью и от граждан, и от врагов, стал просить консула Сервилия, чей нрав был приятней народу, выручить государство в столь грозных обстоятельствах. (4) Тогда консул, распустив сенат, выступил на сходке. Там он заявил, что сенаторы полны забот о простом народе, однако плебеи – лишь часть гражданского целого, хотя и большая, поэтому думам о них помешала сейчас тревога об общем деле. (5) Возможно ли, когда враги почти у ворот, заниматься чем-либо прежде войны? Да если бы и нашлось какое-то облегчение, разве было бы к чести простому народу, что взялся он за оружие только в обмен на уступки, да и отцам пристало ли пещься о своих обездоленных согражданах лишь от страха, а не добровольно и после войны? (6) Доверие к своей речи укрепил он указом, чтобы никто не держал римского гражданина в оковах или в неволе, лишая его возможности записаться в консульское войско, и чтобы никто, пока воин в лагере, не забирал и не отчуждал его имущества, и не задерживал бы его детей и внуков. (7) После такого указа и собравшиеся здесь должники спешат тотчас записаться в войско, и со всего города сбегаются люди на форум, вырвавшись из-под власти заимодавцев, и торопятся принести присягу. (8) Из них составилась большой отряд, и никакой другой не выказал столько доблести и усердия в войне с вольсками. Консул выводит войска против врага и невдалеке от него располагается лагерем.

25. (1) Следующей ночью вольски, зная о римских раздорах и рассчитывая, что ночью может объявиться перебежчик или предатель, нападают на лагерь. Стража всполошилась, подняла войско, по сигналу все бросились к оружию, (2) и затея вольсков оказалась тщетной. Остаток ночи оба войска отдыхали. (3) На рассвете вольски, забросав рвы, устремляются на вал. И уже со всех сторон шло разрушение укреплений, когда консул, хотя отовсюду все, а громче других должники требовали знака к наступлению, чуть-чуть еще переждал, как бы испытывая боевой дух войска, и, как только пыл его сделался явным, подал наконец знак и выпустил воинов, жаждавших битвы. (4) Первым же натиском отброшены были враги; бежавших, пока поспевала за ними пехота, били с тыла; конница гнала перепуганных до самого лагеря. Вскоре и лагерь был окружен легионами, а так как страх выгнал вольсков даже отсюда, взят и разграблен. (5) На следующий день легионы двинулись к Свессе Помеции, куда сбежались враги; через несколько дней город был взят и отдан на разграбление. Здесь уставшие воины получили передышку. (6) А консул с великой славой для себя отвел победившее войско в Рим. По пути

²³⁰ См.: примеч. 151 к кн. I.

к нему являются послы от этетрийских²³¹ вольсков, страшившихся после взятия Помеции и за свою судьбу. По постановлению сената им был дарован мир, а земля отнята²³².

26. (1) Тут же и сабиняне потревожили римлян; однако это было скорей беспокойство, чем война. Ночью в город пришла весть, что войско сабинских грабителей подошло к реке Аниену и там повсюду разоряет и жжет усадьбы. (2) Тотчас со всей наличной конницей послали туда Постумия, того, что в латинскую войну был диктатором, за ним следовал консул Сервилий с отборным отрядом пехоты. (3) Большинство рассеявшихся врагов окружено было всадниками, а подошедшей пехоте сабинский легион не оказал никакого сопротивления: обессиленная походом и ночным грабежом, большая часть сабинян, объевшись и перепившись в усадьбах, едва имела силы бежать.

(4) В одну ночь и услышали о сабинской войне, и покончили с ней, а назавтра, когда уже вознадеялись, что мир восстановлен повсюду, вдруг являются в сенат послы от аврунков – они объявляют войну, если римляне не уйдут с земли вольсков. (5) Одновременно с послами выступило из дому и войско аврунков; весть о том, что его уже видели близ Ариции, вызвала такое смятение среди римлян, что не могло дело быть обсуждено обычным порядком в сенате и невозможен был мирный ответ врагам, напавшим с оружием, от тех, кто за оружие взялся. (6) Боевым порядком выступает войско к Ариции и неподалеку от нее единственным сражением оканчивает войну с аврунками.

27. (1) Разбив аврунков, римляне, выигравшие за считанные дни столько войн, ожидали исполнения обещаний консула, подтвержденных сенатом, как вдруг Аппий и по присущему ему высокомерию, и чтобы подорвать доверие к сотоварищу по должности, начал самым суровым образом править суд о долгах. Немедля стали и прежде закабаленных должников возвращать заимодавцам, и кабалить других. (2) Когда дело касалось воинов, они искали заступничества у второго консула. Они стекались к Сервилию, напоминали о его обещаниях, корили его, перечисляя свои заслуги, показывая рубцы от ран, полученных на войне. Требовали, чтобы он либо обратился к сенату, либо сам был защитником им – гражданам как консул, воинам как полководец. (3) Консула это беспокоило, но обстоятельства вынуждали его изворачиваться; столь рьяно сопротивлялся не только товарищ его, но и вся знать. Из-за такой своей нерешительности он не сумел ни избежать ненависти плебеев, ни снискать расположение отцов. (4) Сенаторы считали его слишком мягким и угодливым, плебеи – обманщиком; вскоре обнаружилось, что его ненавидят так же, как Аппия. (5) Между консулами случился спор, кому освящать храм Меркурия²³³. Сенат передал решение этого дела народу: тот из них, кому повелено будет народом освятить храм, станет ведать хлебным снабжением²³⁴, учредит торговую коллегию²³⁵, совершит торжественный обряд в присутствии понтифика. (6) А народ предоставил освящение храма Марку Леторию²³⁶, первому центуриону первого манипула, и, конечно, не столько ради того, чтобы его почтить – ибо такая честь не подобала человеку его звания, – сколько ради посрамления консулов.

²³¹ Эцетра – город вольсков; находился на самой границе владений вольсков, в непосредственной близости к землям эквов.

²³² По Дионисию Галикарнасскому (VI, 32, 1), эта земля была поделена между римскими поселенцами.

²³³ Храм Меркурия был освящен 15 мая. Это был день жертвоприношения римской богине Майе, которая была по этому случаю отождествлена с греческой Майей, матерью Меркурия, а сам день был признан днем рождения Меркурия. Храм находился вне померия на Авентине над Большим цирком.

²³⁴ См.: примеч. 35 к кн. IV.

²³⁵ Это была коллегия торговцев – одно из объединений по профессиональному признаку. День освящения храма стал ее ежегодным праздником.

²³⁶ Летории – плебейский род этрусского происхождения. Представители этого рода на политической арене известны лишь после 300 г. до н. э. На этом основании историчность Марка Летория ставилась под сомнение. Однако в любом случае открытие храма Меркурия и учреждение коллегии торговцев при храме свидетельствуют о возрастающей разносторонней активности плебса.

(7) Решение это вывело из себя консула Аппия и сенат, но укрепило дух плебеев; они стали действовать совсем иначе, чем было решили. (8) Действительно, разуверившись в помощи консулов и сената, они теперь, если видели должника, ведомого в суд, быстро сбегались к нему отовсюду. (9) И тут уже ни консульского решения нельзя было услышать из-за шума и крика, ни повиноваться этому решению никто не хотел: на глазах у консула все бросались толпою на одного и дело решалось силой, так что бояться и подвергаться опасности приходилось не должникам уже, а работодателям.

(10) Ко всему этому возникла опасность сабинской войны; но, когда был объявлен воинский набор, никто не пришел записываться. Аппий неистовствовал и обвинял товарища в заискивании: (11) это он-де, угождая народу своим молчанием, предал общее дело, это он отказался вершить суд о долгах, а теперь еще из-за него, вопреки решению сената, не проводит воинский набор; не совсем, однако, заброшено общее дело и не пала еще консульская власть, он один будет защитником величия своего и сенаторов. (12) И вот, когда, как обычно, окружила его толпа, возбуждаемая безнаказанностью, приказал он схватить одного приметного главаря мятежников. Схваченный ликторами, тот взывал к народу, и суждение народа было очевидно, но консул не уступил бы, не будь упорство его с большим трудом поколеблено скорее советами и влиянием знатнейших людей, нежели криком народа: столь тверд он был перед лицом чужой ненависти. (13) Зло между тем возрастало день ото дня, и не столько в открытых шумных беспорядках, сколько в тайных сборищах и разговорах, что гораздо опаснее. Наконец ненавистные народу консулы сложили с себя полномочия, Аппий – на редкость угодный сенаторам, а Сервилий – никому.

28. (1) В консульство вступили Авл Вергилий и Тит Ветузий [494 г.]. Однако плебеи, не зная, чего ждать от этих консулов, собирались по ночам, кто на Эсквилине, кто – на Авентине, чтобы потом на форуме быть готовыми быстро принять решение и не действовать опрометчиво и наудачу. (2) Это консулы справедливо сочли опасным и обратились в сенат, но даже обсудить их сообщение обычным порядком не удалось: такой шум и крик поднялся со всех сторон, так негодовали сенаторы, что в деле, которое подвластно консулам, ненависть к себе они перекладывают на сенат. (3) Конечно, говорили они, будь в государстве настоящие правители, не было бы в Риме собраний, кроме общенародного; теперь же по тысяче курий и народных сходок рассеяно и разделено общее дело – иные на Эсквилине, а иные на Авентине. (4) Право же, один истинный муж (ведь это поважнее, чем консул), такой, как Аппий Клавдий, мгновенно разогнал бы все эти сборища. (5) Когда же после такого порицания консулы осведомились, чего же от них ожидают, ибо они готовы действовать по воле сенаторов незамедлительно и сурово, то было решено как можно строже провести воинский набор: это праздность, мол, развратила народ.

(6) Распустив сенат, восходят консулы на трибунал²³⁷ и поименно выкликают юношей. Но никто не отозвался на свое имя, а собравшаяся вокруг толпа стала, как на сходке, кричать, что больше не удастся обманывать простой народ: ни одного воина консулы не получают, пока не исполнят всенародно обещанное; (7) пусть каждому сначала вернут свободу, а затем уж дадут оружие, чтобы сражался он за свое отечество и сограждан, а не за своих господ. (8) Консулы понимали, чего хочет от них сенат, но никого из тех, кто столь пылко говорил в стенах курии, не было рядом с ними, чтобы разделить народную ненависть; а ясно было, что борьба с плебеями предстоит жестокая. (9) Поэтому, прежде чем решиться на крайность, сочли они за лучшее вторично обратиться к сенату. Но тут некоторые из самых младших сенаторов прямо бросились к креслам консулов, требуя, чтобы те отказались от консульской должности и сложили с себя власть, к защите которой они не способны.

²³⁷ Трибунал – четырехугольное возвышение, на котором восседали (в курульном кресле) должностные лица при отправлении обязанностей.

29. (1) Взвесив обе возможности²³⁸, консулы наконец заявили: «Не говорите, что вас не предупреждали, отцы-сенаторы: начинается грозный мятеж. Мы требуем, чтобы те, кто упрекает нас в бездействии, участвовали с нами в наборе войска. Тогда, если вам так угодно, мы поведем дело по самому суровому вашему решению». (2) Консулы возвращаются на трибунал и нарочно приказывают выкликнуть по имени одного из тех, кто на виду. Поскольку тот стоит молча, а вокруг него кольцом становятся люди, чтобы его как-нибудь не обидели, консулы посылают ликтора. (3) Когда ликтора отогнали, сопровождающие консулов сенаторы кричат, что это возмутительно, и сбегаются к нему на помощь. (4) Однако ликтору толпа лишь не позволила схватить человека, а на сенаторов она обратила всю свою горячность, и только вмешательством консулов остановлена была драка, в которой, правда, обошлось без камней и оружия, так что больше было криков и раздражения, чем насилия.

(5) В страхе созывают сенат, в еще большем страхе совещаются, пострадавшие требуют разбирательства, каждый предлагает самые суровые меры, но не столько толковыми суждениями, сколько криками и шумом. (6) Затем, когда гнев стих и консулы попеняли, что в курии не больше здравомыслия, чем на форуме, заседание пошло по порядку. (7) Было три мнения. Публий Вергиний не рассматривал предмета широко, он считал, что следует обсудить только дело тех, кто, положась на обещания консула Публия Сервилия, ходил воевать с вольсками, аврунками и сабинянами. (8) Тит Ларций полагал, что не такое теперь время, чтобы лишь вознаграждать заслуги; весь народ опутан долгами, и с делом не покончить, если не позаботиться обо всех: ведь если люди окажутся в неравных условиях, это только разожжет недовольство, а не ослабит его. (9) Аппий Клавдий, и по природе суровый, и ожесточенный как ненавистью плебеев, так и восхвалениями отцов, утверждал, что вся смута пошла не от бед, а от распущенности и плебеи больше дурят, чем неистовствуют. (10) А корень всех бед – право обжалования²³⁹; если все можно обжаловать перед такими же виноватыми, то от консульской власти остаются одни пустые угрозы. (11) «Давайте, – сказал он, – назначим диктатора, на которого нет обжалования²⁴⁰, – и сразу стихнет ярость, которою теперь все горят. (12) Пусть тогда попробует тронуть ликтора тот, кто знает, что спина его и жизнь в полной власти диктатора, чье величие он оскорбил!»

30. (1) Многим предложение Аппия казалось суровым и жестоким, каким оно, впрочем, и было; с другой стороны, предложения Вергиния и Ларция подавали дурной пример, в особенности последнее, уничтожавшее всякую веру в денежных делах. Самым беспристрастным и сдержанным представлялся обоим сторонам совет Вергиния; (2) но по личным и междоусобным отношениям, которые всегда мешали и будут мешать общественным обсуждениям, верх взял Аппий, и дело едва не дошло до того, чтобы он и стал диктатором, (3) а это неминуемо оттолкнуло бы простой народ в самое опасное время, когда вольски, эквы и сабиняне разом двинулись войною на Рим. (4) Однако консулы и старшие сенаторы позаботились, чтобы должность со столь мощною властью передать человеку сдержанному. (5) Диктатором избрали Мания Валерия, сына Волеза. Плебеи хотя и понимали, что избрание диктатора направлено против них, но, памятуя, что закон об обжаловании дал им его брат, ничего крутого и недоброго от этого рода не ожидали. (6) А диктаторский указ, весьма схожий с указом консула Сервилия, подкрепил это мнение; и рассудив, что и на этого человека, и на его власть можно положиться, плебеи оставили пререкания и стали записываться в войско. (7) Набралось неслыханное войско из десяти легионов; по три легиона отдали консулам, а четыре – в распоряжение диктатора.

²³⁸ То есть возможность обсудить создавшееся положение с сенаторами и произвести набор.

²³⁹ См. выше: примеч. 60.

²⁴⁰ Действия диктатора как лица, получавшего верховную власть в чрезвычайных обстоятельствах и обладавшего неограниченными полномочиями, обжалованию перед народом не подлежали.

(8) Дольше нельзя было откладывать войну. Эквы вступили на латинскую землю. Латинские послы обратились в сенат с просьбой или направить им помощь, или позволить вооружиться самим для защиты своих границ. (9) Решено было, что безопаснее встать на защиту безоружных латинов, чем позволить им вновь взяться за оружие. Послали консула Ветузия, и набегам был положен конец. Эквы отступили с полей и, больше полагаясь на выгоды местности, чем на оружие, отсиживались на вершинах гор.

(10) Другой консул пошел на вольсков и, чтобы не терять времени, жестоким опустошением полей сам вынудил врага приблизить лагерь и приготовиться к бою. (11) В поле между двумя лагерями выстроились оба войска, каждое перед своим валом. (12) Вольски превосходили противника численностью, поэтому они начали бой нестройно и беспечно. Римский консул приказал войску не двигаться и не отвечать на бранный крик, а стоять на месте, воткнув копья в землю, и, лишь вплотную подпустив врага, всю силою ударить на него с мечами. (13) Вольски, утомленные бегом и криками, кинулись было на римлян, казалось, остолбеневших от страха, но, неожиданно встретив отпор и увидев перед глазами сверкающие мечи, пришли в смятение, словно попав в засаду, и повернули назад. Но и для бегства у них не было уже сил, потому что бегом они начинали бой; (14) римляне же, встретившие битву спокойно стоя, со свежими силами легко настигли утомленных и одним натиском взяли лагерь. Из лагеря враг бежал в Велитры; в погоне за ним вместе с побежденными и победители ворвались в город; больше крови было пролито в общей резне, нежели на поле боя. Были помилованы лишь немногие: те, кто сдался в плен, бросив оружие.

31. (1) Пока эта война велась у вольсков, диктатор нападает на сабинян, воевать с которыми было гораздо труднее, разбивает их, обращает в бегство и выбивает из лагеря. (2) Конным ударом он смял середину неприятельского строя, недостаточно укрепленную вглубь, так как весь он был слишком растянут вширь. На смешавшихся двинулась пехота. Тем же натиском взят был лагерь и кончена война. (3) После сражения при Регилльском озере не было в те годы битвы славнее этой. Диктатор с триумфом вступил в город. Сверх обычных почестей ему и его потомкам предоставили место в цирке, поставив там курульное кресло. (4) У побежденных вольсков отобрали велитрийское поле, в Велитры послали из Города поселенцев и вывели колонию²⁴¹.

Спустя некоторое время произошло сражение с эквами, правда против воли консула, потому что подступать к неприятелю приходилось в невыгодной местности; (5) однако воины обвиняли консула в том, что он оттягивает дело, чтобы полномочия диктатора истекли до их возвращения в Город и остались невыполненными его обещания, как раньше консульские. Воины добились того, чтобы консул почти наудачу послал войско на противолежащие холмы. (6) Это неосторожное предприятие закончилось успешно из-за малодушия врагов: прежде чем римляне подошли на перелет дротика, оторопевшие от такой дерзости враги покинули лагерь, укрепленный самой природой, и рассыпались по противолежащей долине. Добычи здесь было много, а победа была бескровной.

(7) Так в трех местах удачно завершились военные действия. Между тем ни сенаторы, ни простой народ не переставали заботиться об исходе дел в Городе. Пользуясь своим влиянием или хитростями, ростовщики сумели подстроить так, что не только плебеи, но и сам диктатор оказался против них бессильным. (8) В самом деле, по возвращении консула Ветузия диктатор Валерий первую же речь в сенате произнес в защиту народа-победителя и доложил о том, что считал нужным сделать относительно закабаленных должников. (9) Когда его предложение отклонили, он сказал: «Неугоден я вам как поборник согласия; и все же, богом клянусь,

²⁴¹ Будучи изначально латинским городом, в VII в до н. э. Велитры застраивались и развивались под этрусским влиянием, а в VI в. до н. э. перешли в руки вольсков. Источники дают три даты взятия Велитр Римом и выведения туда поселенцев, организованных в самоуправляющуюся общину (колонию): 494, 401 и 338 гг. до н. э. Это объясняется, скорее всего, тем, что город неоднократно захватывался вольсками.

скоро вы еще пожелаете, чтобы защитники римских плебеев были подобны мне. А я больше не хочу морочить сограждан, не буду напрасным диктатором. (10) Внутренние распри и внешняя война принудили государство поставить диктатора: внешний мир достигнут, внутреннему – препятствуют; лучше мне частным лицом, чем диктатором, присутствовать при мятеже». И, покинув курию, сложил он с себя диктаторские полномочия. (11) Видно было, что оставил он свою должность, негодуя из-за обид простого народа, потому что не в его власти было добиться успеха; плебеи проводили его до дома с похвалами и благодарностью, как если бы он исполнил обещанное.

32. (1) Тут сенаторы встревожились, как бы с роспуском войска не начались вновь тайные сходы и сговоры. Рассудив, что, хотя воинский набор проведен был диктатором, но присягу воины приносили консулам и по-прежнему связаны ею, они распорядились вывести легионы из Города под предлогом того, что эквы, мол, опять начинают войну. (2) Это распоряжение ускорило мятеж. Сначала, говорят, затевалось убийство консулов, чтобы потеряла силу присяга, но затем, узнав, что никакое преступление не разрешает от святости обязательства, войска, по совету некоего Сициния, без позволения консула удалились на Священную гору в трех милях от города за рекой Аниеном (3) (это мнение встречается чаще, чем иное, которого держится Пизон, будто они ушли на Авентин²⁴²). (4) Там без всякого предводителя обнесли они лагерь валом и рвом и выжидали, не предпринимая никаких действий, кроме необходимых для пропитания. Так несколько дней держались они, никого не тревожа и никем не тревожимые.

(5) В городе воцарился великий страх: все боялись друг друга и все приостановилось. Плебеи, покинутые своими, опасались, что сенаторы прибегнут к насилию, а отцы страшились оставшихся плебеев, не зная, что лучше: чтобы те ушли или чтобы остались. И долго (6) ли будут сохранять спокойствие те, что ушли? А если опять внешняя война? (7) Тут, конечно, надеяться не на что, кроме как на согласие граждан; всеми правдами и неправдами следует восстановить в государстве единство. (8) Тогда-то было решено отправить к плебеям посредником Менения Агриппу, человека красноречивого и плебеям угодного, поскольку он и сам был родом из них. И, допущенный в лагерь, он, говорят, только рассказал по-старинному безыскусно вот что. (9) В те времена, когда не было, как теперь, в человеке все согласовано, но каждый член говорил и решал, как ему вздумается, возмутились другие члены, что всех их старания и усилия идут на потребу желудку; а желудок, спокойно сидя в середине, не делает ничего и лишь наслаждается тем, что получает от других. (10) Сговорились тогда члены, чтобы ни рука не подносила пищи ко рту, ни рот не принимал подношения, ни зубы его не разжевывали. Так, разгневавшись, хотели они смирить желудок голодом, но и сами все, и все тело вконец исчахли. (11) Тут-то открылось, что и желудок не нерадив, что не только он кормится, но и кормит, потому что от съеденной пищи возникает кровь, которой сильны мы и живы, а желудок равномерно по жилам отдает ее всем частям тела²⁴³. (12) Так, сравнением уподобив мятежу частей тела возмущение плебеев против сенаторов, изменил он настроение людей.

33. (1) После этого начались переговоры о примирении, и согласились на том, чтобы у плебеев были свои должностные лица с правом неприкосновенности, которые защищали бы плебеев перед консулами, и чтобы никто из патрициев не мог занимать эту должность²⁴⁴.

²⁴² Уже в древности не было единого мнения о месте добровольного изгнания («удаления») плебеев из Города в 494 г. до н. э. Одна традиция, которой следует здесь Ливий (см. также: Цицерон. О государстве, II, 58), называла в этой связи Священную гору; другая – Авентин (ее придерживался упоминаемый Ливием Пизон и сам Ливий в III, 54, 9). Версия о Священной горе могла казаться римским авторам более подходящей для рассказа о принятии «священного закона» о сакральной неприкосновенности трибунов.

²⁴³ Притча Менения Агриппы – разработка общего места, видимо, заимствованного из греческой литературы (ср.: Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, II, 3, 18; I послание апостола Павла к коринфянам, 12, 12–27). Даже римские авторы Цицерон (Об обязанностях, III, 22) и Сенека (О гневе, II, 31, 7), цитирующие это рассуждение, не связывают его ни с именем Менения, ни с событиями 494 г.

²⁴⁴ Народные (плебейские) трибуны – должностные лица, представлявшие интересы плебса. Первоначально их было, по

(2) Так были избраны два народных трибуна – Гай Лициний и Луций Альбин [493 г.]. Они выбрали себе трех помощников; среди них был Сициний, зачинщик мятежа; двух других не все называли одинаково. (3) А некоторые говорят, что всего два трибуна были избраны на Священной горе и что там же был принят закон об их неприкосновенности.

За время отсутствия плебеев консулами стали Спурий Кассий и Постум Коминий. (4) При этих консулах был заключен союз с латинскими народами²⁴⁵. Для его заключения один консул остался в Риме. Другой консул, посланный на войну с вольсками, разбил и обратил в бегство антийских вольсков²⁴⁶, преследовал их до города Лонгулы и овладел городскими стенами. (5) Вслед за этим он захватывает Полуску²⁴⁷, другой город вольсков, после чего с большим войском появляется у Кориол²⁴⁸.

Был тогда в лагере среди знатной молодежи юноша Гней Марций, быстрый и умом и делом, которого впоследствии прозвали Кориоланом. (6) Когда римское войско, осадившее Кориолы, обратило все силы против горожан, запертых в стенах, и позабыло об опасности нападения со стороны, на него вдруг ударили легионы вольсков из Антия и одновременно сделали вылазку враги из города – как раз в том месте, где случилось стоять на страже Марцию. (7) С отборным отрядом воинов он не только отразил вылазку, но и сам свирепо ворвался в открывшиеся ворота, (8) устроил резню в ближайшей части города и, схватив факел, поджег прилегающие к городской стене постройки. Поднявшийся среди жителей переполох, смешанный с плачем детей и женщин, как это бывает при появлении неприятеля, воодушевил римлян и смутил вольсков; показалось, будто город, куда они спешили на помощь, уже взят. (9) Так были разбиты антийские вольски и взят город Кориолы. Марций настолько затмил своей славой консула, что если бы не остался памятником договор с латинами, вырезанный на бронзовой колонне, который заключен был одним Кассием, поскольку его товарищ отсутствовал, то стерлась бы память о том, что войну с вольсками вел Коминий.

(10) В том же году умер Менений Агриппа, всю жизнь равно любимый патрициями и плебеями, а после Священной горы ставший еще дороже простому народу. (11) На погребение этого посредника, поборника гражданского согласия, который отправлен был сенатом к плебеям и вернул римских плебеев в город, не хватило средств. Похоронили его плебеи, внося по шестой части асса²⁴⁹ каждый.

видимому, двое (в противовес двум консулам), затем число их возросло: в 471 г. до пяти (II, 58, 1) и в 457 г. до десяти (III, 30, 7). Основным правом народного трибуна было «право помощи», осуществлявшееся посредством запрещения конкретных распоряжений или действий консула или сената. Из этого развилось право трибунского «вмешательства» (интерцессии) во все действия должностных лиц, включая других трибунов. Народные трибуны обладали сакральной неприкосновенностью (была ли она гарантирована только священной клятвой плебеев на Священной горе или специальным «священным законом»). Народные трибуны первое время не были должностными лицами всей гражданской общины, но только плебейскими, однако их права предоставляли им (и плебейским собраниям) большую роль в политической жизни общины.

²⁴⁵ Союзный договор 493 г. до н. э. (в 486 г. к нему присоединились герники – см.: II, 41, 1) касался вопросов военных (о взаимопомощи против этрусков, вольсков и эквов, о разделе добычи в общих войнах, о выведении общих колоний на завоеванные земли) и правовых, возникающих в отношениях между гражданами союзных городов (о смене гражданства или переезде в другой союзный город, о межобщинных браках и имущественных отношениях). Не исключая дополнительных двусторонних договоров между членами союза, этот, так называемый Кассиев, договор создавал политико-правовую организацию, сыгравшую большую роль в истории древней Италии.

²⁴⁶ Будучи изначально латинским городом, в конце VI в. до н. э. Антий попал под власть вольсков и в течение почти 200 лет (до 388 г. до н. э.) оставался в их руках.

²⁴⁷ Лонгула и Полуска – небольшие города в области Антия (древние латинские поселения, отошедшие к вольскам), видимо, были полностью разрушены и прекратили свое существование к концу V в. до н. э.

²⁴⁸ Кориолы – латинский город к югу от Альбанской горы. Был захвачен вольсками, но в 433 г. до н. э. взят Марцием Кориоланом. Вскоре снова попал в руки вольсков. В 446 г. до н. э. земли Кориол стали предметом пограничного спора между арицийцами и ардеянами (III, 71, 7). Плиний Старший (Естественная история, III, 69) говорит о Кориолах как о бесследно исчезнувшем городе.

²⁴⁹ Монету в Риме начали чеканить поздно, не ранее 289 г. до н. э. Мелкая медная монета в 1/6 часть асса называлась «секстант». Ко времени Ливия это слово, наряду с некоторыми другими (квадрант, например), употреблялось провербиально как обозначение любой мелкой монеты (ср. русск. «грош», «полушка»).

34. (1) Потом консулами стали Тит Геганий и Публий Минуций. В том году [492 г.] на границах настало успокоение от войн и дома прекратились междоусобия, зато другое и худшее несчастье постигло Город: (2) сначала вздорожал хлеб из-за того, что поля по случаю ухода плебеев остались невозделанными, потом начался голод, как при осаде. (3) И дошло бы до гибели рабов и плебеев, если бы консулы не распорядились послать для закупки продовольствия не только в Этрурию, по морю направо от Остии, и не только налево, мимо ойласаи вольсков до самых Кум, но даже в Сицилию; враждебность ближних соседей вынуждала искать помощь вдали. (4) Когда было закуплено продовольствие в Кумах, тиран Аристомед задержал римские корабли в счет имущества Тарквиниев, наследником которого он остался; у вольсков и у помптин²⁵⁰ купить ничего не удалось, сами закупщики оказались под угрозой нападения; (5) от этрусков хлеб был доставлен по Тибру, им поддержали простой народ. Война, несвоевременная при таких трудностях с продовольствием, была бы мучительной, но тут вольсков, уже готовившихся к войне, постиг великий мор. (6) Несчастье это так перепугало врагов, что, даже когда болезнь пошла на убыль, они не могли оправиться от страха, а римляне и увеличили число поселенцев в Велитрах, и в Норбу, в горы, вывели новую колонию, ставшую укреплением в помптинской земле²⁵¹.

(7) Когда затем в консульство Марка Минуция и Авла Семпрония [491 г.] из Сицилии привезли очень много зерна, в сенате стали обсуждать, по какой цене его продавать плебеям. (8) Многие полагали, что настало время прижать плебеев и взять назад уступки, насильно вырванные у сената их уходом²⁵². (9) Одним из первых высказался Марций Кориолан, враг трибунской власти: «Если хотят они прежних низких цен на хлеб – пусть вернут патрициям прежние права. Почему я должен из-под ярма глядеть на плебейских должностных лиц, на могущество Сициния, как выкупивший свою жизнь у разбойников? Я ли вытерплю такое унижение дольше необходимого? (10) Я ли, не снесши царя Тарквиния, снесу теперь Сициния? Пусть теперь удаляется, пусть зовет за собой народ – вот ему дорога на Священную гору и на другие холмы тоже. Пусть они грабят урожай с наших полей, как грабили три года назад; вот им хлебные цены, виной которых – их собственное безумие. (11) Смее сказать, укрощенные этой бедой, они сами предпочтут возделывать поля, чем с оружием в руках мешать их возделыванию». (12) Нелегко сказать, следовало ли поступить именно так, но легко было, как я полагаю, сенаторам, снизив цены на хлеб, купить себе этим избавление от трибунской власти и взять назад все уступки, навязанные им против воли.

35. (1) И сенату такое мнение показалось слишком суровым, и плебеи в ярости уже было взяли за оружие: вот уже, как врагам, угрожают им голодом, лишают пищи и средств; заморское зерно, единственное пропитание, паче чаяния посланное судьбой, вырывают у них изо рта, если они не выдадут трибунов Гнею Марцию связанными, если он не насытится бичеванием римских плебеев. Вот какой объявился для них новый палач и велит выбирать: смерть или рабство. (2) И не миновать бы Марцию нападения при выходе из курии, если бы, по счастью, не призвали его трибуны к суду²⁵³. Тогда раздражение стихло, каждый видел себя судьей недругу и господином его жизни и смерти. (3) Поначалу Марций свысока выслушивал угрозы трибунов: им дано право защищать, а не наказывать, они трибуны для плебеев, а не для сенаторов! Но такое негодование поднялось среди плебеев, что патриции смогли откупиться лишь

²⁵⁰ Помптины – жители Свессы Помеции и ее окрестностей.

²⁵¹ Выведение колоний (самоуправляющихся поселений – сначала латинского, а позднее и римского права) в захваченные у неприятеля города служило укреплению позиций Рима. Ливиева датировка выведения такого поселения в Норбу (город, расположенный в труднодоступной горной местности к юго-востоку от Рима, недалеко от Помптинских болот) подтверждается и археологическими данными. Этот город долго был важным стратегическим пунктом в борьбе с вольсками. Много позднее, в период гражданских войн, Норба была полностью разрушена Суллой (82 г. до н. э.).

²⁵² На Священную гору в 494 г. до н. э. См. выше: примеч. 73.

²⁵³ Достоверность ряда моментов в описании суда над Кориоланом подвергается сомнению (как, впрочем, и историчность самого Кориолана).

ценой выдачи одного. (4) Тем не менее они сопротивлялись злобе противников и поодиночке, кто как мог, и всем сословием. Прежде всего испытали следующую меру: нельзя ли, разослав своих клиентов²⁵⁴, угрозами отвратить людей порознь от сходок и совещаний. (5) Затем стали действовать сообща – можно было подумать, все сенаторы под судом, – умоляя плебеев уступить им одного только гражданина, одного сенатора, – если не хотят они отпустить его невиновным, пусть простят его как виноватого. (6) В день разбирательства Марций в суд не явился – от этого раздражение против него усилилось. Он был осужден заочно и отправился в изгнание к вольскам, угрожая отечеству и вынашивая враждебные умыслы.

Явившись к вольскам, он был принят радушно, и с каждым днем они делались тем благосклонней к нему, чем сильней возгорался он ненавистью к своим, чем чаще слышались от него то жалобы, то угрозы. (7) Гостеприимство ему оказал Аттий Туллий. Знатнейший человек среди вольсков, он всегда был враждебен римлянам. И вот, побуждаемые – один – давней ненавистью, другой – недавней яростью, замышляют они против римлян войну. (8) Но они знали, как нелегко подтолкнуть к войне свой народ, столько раз неудачно бравшийся за оружие: потери, понесенные молодежью в частых войнах, от последовавшего за ними мора, сломили боевой дух; следовало действовать искусно, и, так как старая ненависть уже остыла, нужен был новый повод, чтобы воспламенить гневом души.

36. (1) В Риме как раз готовились повторить Великие игры²⁵⁵. Поводом для повторения их было следующее. В назначенное для них утро, незадолго до зрелища какой-то хозяин прогнал розгами прямо через цирк раба с колодкой на шее, а затем начались игры, как будто случившееся нисколько не повредило священнодействию. (2) Немного погодя одному плебею, Титу Латинию, явился во сне Юпитер, который сказал, что неугоден был ему первый плясун на играх; если не будут игры повторены с подобающим великолепием, то быть Городу в опасности; пусть он пойдет, передаст это консулам. (3) Но, хотя Латиний и не чужд был богобоязни, все же робость перед консульским величием и страх стать всеобщим посмешищем одержали верх. (4) Дорого обошлась ему эта нерешительность: через несколько дней лишился он сына. Чтобы не было сомнений в причине внезапного несчастья, страждущему вновь явилось то же видение с вопросом, достаточно ли он получил, пренебрегши волею божества. Пусть ожидает он худшего, если не поторопится с вестью к консулам. (5) Все было ясно, а когда он все же стал медлить и колебаться, то поразила его внезапным бессилием страшная болезнь. (6) Тогда только гнев богов наставил его на ум. Измученный прежними и сущими несчастьями, созвал он на совет близких, изъяснил им увиденное и услышанное, и двоекратное явление Юпитера, и угрозы и гнев небожителей, явленные в его несчастьях, – тогда с общего и явного согласия несут его на носилках к консулам на форум. (7) Внесенный по приказанию консулов в курию, повторяет он свой рассказ перед сенаторами, к великому всеобщему изумлению. Тут явилось новое чудо: (8) он, внесенный в курию неспособным пошевелиться, по исполнении долга вернулся домой, как гласит предание, на своих ногах.

37. (1) Сенат постановил справить игры как можно торжественнее. По наущению Аттия Туллия на эти игры пришла огромная толпа вольсков. (2) Перед началом игр Туллий, как заранее было условлено у них с Марцием, является к консулам и говорит, что хотел бы негласно заявить о деле государственной важности. (3) По удалении свидетелей он сказал: «Не хотелось бы мне дурно говорить о своих согражданах. Впрочем, пришел я не обвинять их в проступке, а лишь предостеречь о возможности его. (4) Более, чем хотелось бы, присуща нам вспыльчивость. (5) Это мы чувствуем по многим собственным бедствиям: ведь и тем, что живем невредимы, обязаны мы не собственным заслугам, а вашему долготерпению. Нынче вольсков здесь великое множество; идут игры; граждане заняты будут зрелищем. (6) Я помню, что по такому

²⁵⁴ См. выше: примеч. 41.

²⁵⁵ О Великих играх см.: I, 35, 9 и примеч. 119 к кн. I.

же случаю позволила себе в этом городе сабинская молодежь; боюсь, как бы опять не вышло случайно чего неожиданного. Вот я и рассудил, что ради вас и ради нас следует об этом предупредить вас, консулы. (7) Что до меня, то намерен я тотчас же удалиться домой, чтобы не пала на меня тень чьего-нибудь слова или дела». С этими словами он удалился.

(8) Когда консулы доложили сенаторам об этом сомнительном деле, сославшись на верного человека, тогда, как водится, не по делу, а по человеку отмерены были меры предосторожности, пусть даже и лишние. Сенат постановил, что вольски должны уйти из города, и разосланы были глашатаи с приказанием всем вольскам покинуть город до темноты. (9) Поначалу вольсков, поспешивших за своими пожитками по домам, где они останавливались, охватил сильный страх; затем, по пути, пришло негодование на то, что они, будто осквернители или преступники, удалены с игр в дни праздника, как бы объединяющего богов и людей.

38. (1) Так и шли они почти сплошной вереницей, а обогнавший их Туллий ждал у Ферентинского источника, каждого знатного человека встречая жалобами и возмущением; и собственному раздражению чутких слушателей вторили его слова, и с помощью знати он всю толпу свел с дороги на поле. (2) Там, как на сходке, помянул он перед ними все прежние беды и обиды Вольскому племени от римского народа и сказал так: «Но, если даже забыть все прежнее, неужто стерпите вы это вот нынешнее оскорбление, ваш позор при открытии игр? (3) Или непонятно, что сегодня отпраздновали над вами триумф? Что уход ваш был зрелищем для всех: для граждан и для чужих, для стольких окрестных народов, что ваши жены и ваши дети стали всеобщим посмешищем? (4) Что, по-вашему, подумали те, кто слышал слова глашатая, видел вас уходящими, встретил на дороге это позорное шествие? Не иначе, решили они, что совершено нечестье, что своим присутствием на зрелище мы осквернили бы игры и пришлось бы умиловать богов, потому и прогнали нас из собрания благочестивых, с их мест, из их совета. (5) Чего же более? Не кажется ли вам, что и живы-то мы потому только, что поспешили уйти? Если, конечно, это уход, а не бегство. И этот город, в котором, задержись вы еще на день, вас всех ожидала бы гибель, не считаете вы враждебным? Вам объявили войну, и горе тем, кто ее объявил, если только вы мужчины!» (6) Так, и сами разгневанные и еще подстрекаемые, разошлись они по домам, возбуждая свои племена, и достигли того, что вся страна вольсков отложилась от Рима.

39. (1) Полководцами в этой войне, по согласному решению всех племен, были избраны Аттий Туллий и Гней Марций, римский изгнанник, на которого надеялись больше [488 г.]. (2) Этих надежд он не обманул, чтобы всем было ясно: римская мощь крепче вождями, чем войском. Сначала он двинулся на Цирцеи, выгнал оттуда римских поселенцев, а освобожденный город передал вольскам; потом обходными путями вышел на Латинскую дорогу, отнял у римлян недавно покоренные города: (3) Сатрик, Лонгулу, Полуску, Кориолы; затем отбил (4) Лавиний, взял Корбион, Вителлию, Требий, Лабики и Пед²⁵⁶. (5) От Пед он ведет вольсков к Риму и, расположившись лагерем у Клуулиева рва в пяти милях от Города, начинает отсюда набеги на римские поля, (6) но с опустошителями рассылает и сторожей, чтобы следить за неприкосновенностью полей патрициев, – то ли потому, что плебеи больше ему досадили, то ли чтобы посеять вражду между патрициями и плебеями. (7) И она не заставила себя ждать – настолько к тому времени трибуны нападками на знатнейших граждан разожгли и без того сердитый простой народ; однако внешняя опасность – главная скрепа согласия, – несмотря на взаимную подозрительность и неприязнь, соединяла друг с другом людей.

²⁵⁶ Сатрик – город в Лации между Велитрами и Антием; в 346 г. до н. э. был до основания разрушен римлянами. Корбион, расположенный на восточной оконечности Альбанских гор, вошел в Латинский союз в конце V в. до н. э. Вителлия упоминается у Ливия также в кн. V (29, 3). Лабики – город старых латинов у северного края горы Альгида, входил в Латинский союз. Требий (Толерий?) и Пед, расположенный между Тибуром и Пренестой, входили в состав как Латинского, так и Альбанского союза.

(8) Не сходились, однако, в главном: сенат и консулы возлагали все надежды на военную силу, простой же народ предпочитал что угодно, только не войну. (9) Консулами уже были Спурий Навтий и Секст Фурий. Когда они делали смотр легионам и расставляли сторожевые отряды по стенам и всюду, где требовалась охрана, то большая толпа народа, требуя мира, даже напугала их мятежными выкриками, а потом принудила созвать сенат и внести предложение отправить к Гнею Марцию послов. (10) Видя, что простой народ пал духом, сенаторы согласились, и к Марцию послали с предложением мира. (11) Послы принесли суровый ответ: если вольскам будет возвращена их земля, то можно говорить о мире; если же римляне рассчитывают спокойно пользоваться плодами завоеванного, то он, Марций, не забудет ни обид от сограждан, ни добра от чужих и постарается показать, что изгнание ожесточило его, а не сломило. (12) Послов отправили вторично, но они не были допущены в лагерь. Жрецы тоже, как рассказывают, во всем облачении приходили во вражеский лагерь с мольбами, но не более, чем послам, удалось им смягчить сердце Марция.

40. (1) Тогда римские матери семейств толпой сходятся к Ветурии, матери Кориолана, и к Волумнии, его супруге. Общее ли решение побудило их к этому или просто женский испуг, выяснить я не смог. (2) Во всяком случае, добились они, чтобы и Ветурия, преклонных уже лет, и Волумния с двумя Марциевыми сыновьями на руках отправились во вражеский лагерь и чтобы город, который мужчины не могли оборонить оружием, отстояли бы женщины мольбами и слезами.

(3) Когда они подошли к лагерю и Кориолану донесли, что явилась большая толпа женщин, то он, кого не тронуло ни величие народа, воплощенное в послах, ни олицетворенная богобоязненность, представленная жрецами его взору и сердцу, тем более враждебно настроился поначалу против плачущих женщин. (4) Но вот кто-то из его приближенных заметил Ветурию между невесткой и внуками, самую скорбную из всех. «Если меня не обманывают глаза, – сказал он, – здесь твои мать, жена и дети». (5) Как безумный вскочил Кориолан с места и когда готов уже был заключить мать в объятия, то женщина, сменив мольбы на гнев, заговорила: «Прежде чем приму я твои объятия, дай мне узнать, к врагу или к сыну пришла я, пленница или мать я в твоём стане? (6) К тому ли вела меня долгая жизнь и несчастная старость, чтоб видеть тебя сперва изгнанником, потом врагом? (7) И ты посмел разорять ту землю, которая дала тебе жизнь и вскормила тебя? Неужели в тебе, хотя бы и шел ты сюда разгневанный и пришел с угрозами, не утих гнев, когда вступил ты в эти пределы? И в виду Рима не пришло тебе в голову: „За этими стенами мой дом и пенаты, моя мать, жена и дети?“ (8) Стало быть, не роди я тебя на свет – враг не стоял бы сейчас под Римом, и не будь у меня сына – свободной умерла бы я в свободном отечестве! Все уже испытала я, ни для тебя не будет уже большего позора, ни для меня – большего несчастья, да и это несчастье мне недолго уже терпеть; (9) но подумай о них, о тех, которых, если двинешься ты дальше, ждет или ранняя смерть, или долгое рабство». Объятия жены и детей, стон женщин, толпою оплакивавших свою судьбу и судьбу отчизны, сломили могучего мужа. (10) Обнявши своих, он их отпускает и отводит войско от города прочь.

Уведя легионы из римской земли, вызвал он против себя тяжкую ненависть и погиб, (11) – какою смертью, о том рассказывают по-разному. Впрочем, у Фабия, древнейшего из писателей, сказано, будто дожил он до глубокой старости – во всяком случае, будто на склоне лет он не раз говаривал, что старику изгнание еще горше. Не оставили без внимания женскую доблесть римские мужи – так чужда была им зависть к чужой славе: (12) в память о случившемся был воздвигнут и освящен храм Женской Фортуны²⁵⁷.

²⁵⁷ Фортуна – древняя италийская богиня. Первоначально почиталась как богиня плодородия, деторождения и материнства; как богиня счастья и удачи она была отождествлена с греческой Тихой. Храм Женской Фортуны, покровительницы и защитницы женщин, был сооружен в 6–7 км от Рима на Латинской дороге. В римском предании связан с рассказом о Кориолане.

Вольски вновь напали на римскую землю, на этот раз в союзе с эквами, но эквы никак не желали признать вождем Аттия Туллия. (13) Из этого спора – вольски ли или эквы дадут полководца объединенному войску – возник сначала раздор, потом – жестокая битва. И здесь в сражении столь же упорном, сколь и кровопролитном счастье римского народа истребило оба вражеских войска.

(14) Консулами стали Тит Сициний и Гай Аквиллий [487 г.]. Сицинию были поручены вольски, Аквиллию – герники, которые тоже взялись за оружие. Герники в этот год были побеждены окончательно, а война с вольсками не принесла ни успеха ни поражения.

41. (1). Затем консулами стали Спурий Кассий и Прокул Вергиний [486 г.]. С герниками был заключен договор; у них отобрали две трети земли²⁵⁸. Консул Кассий намеревался половину этой земли отдать латинам и половину плебеям. (2) К этому дару прибавлял он часть общественных земель, которыми завладели, на что он и пенял, частные лица. Многие сенаторы были напуганы – они и сами были такими владельцами и ощущали опасность, грозившую их имуществу. Тревожило их и положение дел в государстве: своими щедротами-де консул обеспечивает себе влияние, опасное для свободы. (3) Вот когда был впервые предложен земельный закон – с той самой поры и до самых недавних времен такие предложения всегда вызывали величайшие потрясения.

(4) Второй консул был против этих щедрот, причем его поддержали не только сенаторы, но и часть плебеев, которые с самого начала гнушались принять дар, общий для граждан и союзников, (5) а потом на сходах стали прислушиваться к консулу Вергинию, предрекавшему, что дар его товарища пагубен, что земля эта принесет рабство тому, кому достанется, что пролагается путь к царской власти. (6) Почему, в самом деле, приняты в долю союзники и латины? Зачем было отдавать обратно треть земли герникам, недавним врагам, если не затем, чтобы эти племена вместо Кориолана признали вождем Кассия? (7) И уже народ стал склоняться к Вергинию, противнику земельного закона; и уже оба консула пустились наперерыв угождать простому народу. Вергиний говорил, что не будет противиться разделу земель, лишь бы надель не предоставлялись никому, кроме римских граждан; (8) Кассий же, который земельными щедротами угождал союзникам и тем самым стал менее дорог гражданам, попытался вернуть их расположение, приказав возвратить народу деньги, вырученные от продажи сицилийского зерна. (9) Но и этим плебеи пренебрегли как мздой, предлагаемой за царскую власть; подозрение это засело так глубоко, что все дары Кассия отвергались плебеями, как будто у них и так всего в избытке²⁵⁹.

(10) Известно, что Кассий, как только оставил должность, был осужден и казнен. Некоторые пишут, что это сделал своею властью²⁶⁰ его отец; после домашнего разбирательства он его высек и умертвил, а имущество²⁶¹ сына посвятил Церере²⁶²; на эти-де средства была сделана статуя с надписью «Дар из Кассиева дома». (11) Но у других писателей сказано, и это правдоподобнее, что квесторы Цезон Фабий и Луций Валерий привлекли его к суду за преступление

²⁵⁸ Союз с герниками, чьи земли находились между владениями враждебных Риму вольсков и эквов, был очень важен для Рима. Условия заключенного с ними договора, по Дионисию Галикарнасскому (VIII, 69, 2), были аналогичны условиям «Кассиева договора» (см.: примеч. 76). Это был *foedus aequum* – договор, формально предполагающий равноправие сторон. Как согласуется с ним сообщение об отобрании у герников большей части земли, неясно.

²⁵⁹ Многие детали Ливиева рассказа о Спурии Кассии, связанные с земельным законом, о борьбе Кассия и Вергиния за авторитет у римского народа и о средствах этой борьбы (предложения о раздаче гражданам вырученных за зерно денег, а союзникам – завоеванных земель), очевидно, подсказаны историей деятельности Гракхов (конец II в. до н. э.). Предшественники Ливия, чьими трудами он пользовался, нередко искали в далеком прошлом прецедентов для более близких им событий.

²⁶⁰ То есть отеческой властью. См.: примеч. 90 к кн. I.

²⁶¹ Речь идет о «пекулии», здесь – части отцовского имущества, выделенной сыну в пользование. Сын, подвластный отцу, по формулировке римских юристов, «не имел ничего своего».

²⁶² Церера, богиня производительных сил земли, главное божество «плебейской триады», выступает тут как подземное божество. Подземным богам (и именно Церере) обрекались нарушители божеского и человеческого права (к которым принадлежал сын, казнимый отцом), а имущество такого преступника посвящалось Церере. См. также: примеч. 95 к кн. III.

против отечества²⁶³, народ приговорил его к смерти, а дом его был по решению народа разрушен: теперь там пустое место перед храмом богини Земли²⁶⁴. (12) Так или иначе, домашним ли или народным судом, осужден он был в консульство Сервия Корнелия и Квинта Фабия [485 г.].

42. (1) Недолог был гнев народа на Кассия. Соблазн земельного закона и сам по себе, когда его поборник был уже устранен, овладевал душами, желание это подогревалось еще скупостью сенаторов, которые после победы в том году над вольсками и эквами обошли воинов добычею: (2) все отнятое у врагов консул Фабий продал, а деньги отдал в казну. Из-за этого консула само имя Фабиев стало ненавистно плебеям; и все же патриции добились, чтобы вместе с Луцием Эмилием консулом стал Цезон Фабий [484 г.]. (3) Это ожесточило плебеев, и их мятеж приблизил внешнюю войну. Войною и были приостановлены гражданские разногласия. Патриции и плебеи, объединенные общим порывом, в удачном сражении под началом Эмилия разбили вольсков и эквов.

(4) И больше врагов было уничтожено в бегстве, чем в битве, так ожесточенно преследовала бегущих конница. (5) В том же году в квинтильские иды был освящен храм Кастора. Этот обет дал во время латинской войны диктатор Постумий; освящал храм уже его сын, избранный для этого в дуумвиры²⁶⁵.

(6) И в этом году заманчивость земельного закона смущала простой народ. Народные трибуны старались возвеличить свою угодную народу власть угодным народу законом; а сенаторы, полагая, что и без того достаточно буйствует толпа, страшились щедрот и соблазнов, влекущих народ к безрассудству. (7) Самыми рьяными вождями senatorского противодействия были консулы. Их сторона взяла верх в государстве, предоставив консульство на следующий год [483 г.] Марку Фабия, брату Цезона, и еще более ненавистному плебеям Луцию Валерию, который был обвинителем Спурия Кассия. (8) Борьба с трибунами продолжалась и в этом году, но закон не прошел, и его сторонники, несмотря на возбужденное ими волнение, остались ни с чем. Зато великой стала слава Фабиев, которые на протяжении трех консульств подряд испытывали себя в противоборстве с народными трибунами; потому-то консульская должность еще какое-то время оставалась в их доме, словно в надежных руках.

(9) Потом начали войну вейяне, восстали и вольски. Впрочем, для внешних войн сил было более чем достаточно, а тратились они в междоусобной борьбе. (10) К общему беспокойству добавились грозные небесные знамения, почти ежедневные в городе и округе; прорицатели, гадая то по внутренностям животных, то по полету птиц, возвещали государству и частным лицам, что единственная причина такого беспокойства богов – нарушение порядка в священнодействиях. (11) Страхи эти разрешились тем, что весталку Оппию осудили за блуд и казнили.

43. (1) Консулами стали Квинт Фабий и Гай Юлий [482 г.]. В том году внутренние раздоры были не меньшими, а внешняя война более грозной. Эквы взяли за оружие, а вейяне вторглись в римскую землю и разоряли ее. (2) Эти войны внушали все больше тревог, когда консулами сделались Цезон Фабий и Спурий Фурий. Эквы осаждали Ортону, латинский город; вейяне, пресытятся уже грабежами, грозили осадой самому Риму.

(3) Эти пугающие события, которые должны были утихомирить плебеев, напротив, только придали им смелости. Но не по собственному почину вновь стал отказываться про-

²⁶³ Во времена царей и Ранней республики функции квестора заключались в расследовании обстоятельств уголовного преступления и установлении виновности подлежащего суду лица. Расследованием преступлений против отечества занимались дуумвиры (*duoviri perduellionis*) (см.: примеч. 87 к кн. I).

²⁶⁴ Культ Земли (*Tellus*) принадлежит к очень древним, но ее храм на Эсквилине был возведен только в 268 г. до н. э. (Флор, I, 19, 2).

²⁶⁵ О диктаторе Постумии и обете, который он дал во время битвы при Регилльском озере (около 496 г. до н. э.), см. выше: II, 19–20. Храм Кастора и Поллукса (см.: примеч. 52) обычно называли по имени первого из них (ср.: Цицерон. За Милона, 91). Для строительства и освящения храма, возводимого по обету умершего, избирались специальные дуумвиры (коллегия двоих).

стой народ от военной службы – это народный трибун Спурий Лициний, рассудив, что пришла пора воспользоваться крайней опасностью, чтобы навязать сенаторам земельный закон, стал мешать военным приготовлениям. (4) Однако все раздражение трибунской властью обратилось на самого зачинщика, на него восстали не только консулы, но и его же товарищи – с их-то помощью провели консулы военный набор. (5) Для двух сразу войн набирается войско: Фабий должен вести войско на вейян, Фурий – на эквов²⁶⁶. В войне с эквами ничего достопамятного не произошло; (6) у Фабия же было больше хлопот с согражданами, чем с врагами. Сам-то он как консул сумел один постоять за общее дело, которое воины из ненависти к нему, как могли, предавали. (7) Ведь когда консул, уже показав себя превосходным полководцем в подготовке и ведении войны, так выстроил свое войско, что одною конницей рассеял вражеский строй, пехотинцы не захотели преследовать бегущих; (8) ни призывы ненавистного им вождя, ни даже собственное бесчестье и позор перед лицом сограждан, ни даже опасность, что враг вновь воспрянет духом, не могли заставить их не только ускорить шаг, но хотя бы оставаться в строю: (9) нет, они самовольно поворачивают знамена и, унылые – можно подумать, побежденные, – проклиная то полководца, то усердие конницы, возвращаются в лагерь. (10) Против столь гибельного примера ничего не смог изыскать полководец; настолько даже выдающимся умам труднее бывает справиться с гражданами, чем победить врагов. (11) Консул вернулся в Рим, не столько умножив военную славу, сколько раздражив и озлобив ненавидящих его воинов. Однако патриции добились, чтобы консульство осталось за родом Фабиев: Марк Фабий был избран в консулы, а в товарищи ему дан Гней Манлий.

44. (1) И в этом году [480 г.] нашелся трибун, предложивший аграрный закон. То был Тиберий Понтифиций. Он и пошел тем же путем, как если бы Спурию Лицинию сопутствовала удача, и ненадолго сумел помешать воинскому набору. (2) Сенаторы вновь пришли в замешательство, но Аппий Клавдий сказал им, что в минувшем году была уже одержана победа над трибунской властью: применительно к делу – на время, а как образец – навечно, ибо стало ясно, что она разрушается собственными своими силами. (3) Всегда ведь найдется трибун, который захочет, послужив общественному благу, взять верх над товарищем и заручиться расположением лучших; таких трибунов, если понадобится, к услугам консулов найдется и больше, но даже и одного достаточно против остальных²⁶⁷. (4) Так пусть же консулы и старейшие сенаторы постараются привлечь на сторону государства и сената если не всех, то хоть кого-нибудь из трибунов. (5) Послушавшись Аппия, сенаторы всем сословием стали ласково и обходительно обращаться с трибунами, а бывшие консулы, пользуясь своими частными правами в отношениях с отдельными лицами и действуя где – влиянием, где – давлением, добились того, что люди с трибунской властью захотели стать полезными государству; (6) таким образом, при поддержке девяти трибунов против одного²⁶⁸, оказавшегося помехой общественному благу, консулы произвели набор войска.

(7) Потом они отправились воевать с вейянами, к которым стеклись вспомогательные отряды со всей Этрурии, – не столько из расположения к вейянам, сколько в надежде, что римское государство может наконец распасться от внутренних раздоров. (8) Первейшие мужи всех этрусских племен кричали на шумных сходках, что мощь римлян будет вечной, если только сами они не истребят себя в мятежах. Это единственная пагуба, единственная отрав

²⁶⁶ В издании Б. О. Фостера принята конъектура Конвея и Уолтерса: «Фабий должен вести войско на эквов, Фурий – на вейян. В войне с вейянами ничего достопамятного не произошло, в войне же с эквами у Фабия было...» и т. д. (ср. ниже: гл. 44, 11).

²⁶⁷ Ср.: Плутарх. Тиберий Гракх, 10: «Среди народных трибунов сила на стороне того, кто налагает запрет, и если даже все остальные согласны друг с другом, они ничего не достигнут, пока есть хотя бы один противящийся их суждению» (пер. С. Маркиша).

²⁶⁸ В следующей книге (III, 30, 7) Ливий пишет, что трибунов стало десять в 457 г. до н. э. (см. также: примеч. 75 и 61 к кн. III). Появление этой цифры в описании событий 480 г. до н. э. может объясняться либо небрежностью историка, либо реминисценциями из источников, относящихся к эпохе Гракхов.

для процветающих государств, существующая для того, чтобы великие державы были тоже смертны. (9) Это зло, долго сдерживавшееся и мудростью отцов, и терпением простого народа, дошло уже до предела: единое государство раскололось на два, у каждой стороны свои власти, свои законы. (10) Вначале неистовствовали лишь при наборе войска, но на войне подчинялись вождям; как бы ни шли дела в Городе, могло государство держаться воинским послушанием. Теперь же привычку к непослушанию властям римский воин принес и в лагерь. (11) В последней войне, говорят, прямо в строю в разгар сражения все войско по сговору уступило победу побежденным эквам и, оставив знамена, покинув полководца на поле боя, самовольно вернулось в лагерь. (12) Действительно, если постараться, может быть побежден Рим его же воинами. Для этого нужно только объявить и начать войну, об остальном позаботятся судьба и боги. В таких надеждах вооружились этруски, не раз уже бывшие и побежденными и победителями.

45. (1) Да и римские консулы не боялись ничего, кроме собственных воинов и собственного оружия. Память о горчайшем уроке последней войны предостерегала их от сражения, в котором пришлось бы ждать худа от обоих войск сразу. (2) Ввиду этой двойной опасности отсиживались они в лагере, ожидая, что, может быть, время и обстоятельства сами собой смягчат гнев и отрезвят души. (3) Тем сильнее спешили враги – вейяне и этруски; они подстрекали римлян к битве – сначала приближаясь к их лагерю и выманивая на бой, потом, ничего не добившись, громко понося то самих консулов, то войско: (4) нашли, мол, средство от страха – притворные раздоры, ведь не своих воинов опасаются консулы, но их трусости. А молчаливое безделье, оказывается, новый род военного мятежа; да что там, сами они – новый род и племя. Дальше в ход шли и правда и выдумки о происхождении римлян. (5) Эта шумная брань из-под самого вала, из-за ворот не действовала на консулов; но сердца множества неискушенных воинов мнутся стыдом и негодованием, отвлекаясь от внутренних неурядиц. Не желают они оставить врагов без отмщения, не желают и подчиняться сенаторам и консулам; ненависть к чужим и к своим борется в их душах. (6) Ненависть к чужим побеждает – до того нестерпимо и нагло издевались враги. Воины толпой собираются к палатке консулов, просят битвы, требуют дать знак к бою. (7) Консулы, как бы раздумывая, склоняются друг к другу, долго переговариваются. И сами они хотели сражения, но следовало сдержаться и скрыть это желание, чтобы промедлением и противодействием прибавить пыла возбужденным воинам. (8) Консулы отвечают: рано, еще не время для боя, пусть все остаются в лагере. И объявляют: от столкновений воздерживаться, а кто ослушается приказа, тех казнить как врагов. (9) С тем воины и разошлись, и, чем меньше видели они у консулов желания сражаться, тем больше пылали сами. А враги, как только стало известно, что консулы постановили не начинать сражения, расходятся еще пуще: (10) им понятно теперь, что и дальше безнаказанно будут они глумиться над римлянами, оружия воинам не доверят, дело вот-вот дойдет до мятежа, конец пришел римскому владычеству. Положившись на это, подбегают они к воротам лагеря, выкрикивают ругательства, едва удерживаются от приступа. (11) Но и римляне не в силах дольше терпеть оскорблений: по всему лагерю с разных сторон бегут воины к консулам, подступают к ним уже не с осторожностью, не через центурионов, как раньше, а все наперебой с громкими криками. Час настал, но консулы медлят. (12) И тут Фабий, когда товарищ его из страха мятежа был готов уступить нарастающему волнению, дал трубный знак к тишине и сказал: «Я знаю, Манлий, что победить они могут, но их вина, что не знаю, хотят ли. (13) Поэтому твердо решено не давать знака к выступлению, покуда не поклянутся они, что вернутся из этого боя победителями. Римского консула воины раз обманули в битве, но богов никогда не обманут». Был тут центурион Марк Флаволей, среди первых рвавшийся к битве. (14) «Победителем я из боя вернусь, Марк Фабий!» – возглашает он, призывая на себя гнев отца-Юпитера, Марса Градива и других богов, если солжет. Ту же клятву, каждый за себя, дает и все войско. После клятвы дают сигнал к наступлению, хватаются за оружие, бросаются в бой, исполненные надежды и гнева. (15) Пусть теперь посмеют браниться этруски, пусть теперь, перед оружием, попридер-

жит враг языки! (16) В этот день все, и плебеи и патриции, выказали редкую доблесть и самой блистательной стала слава Фабиев. Озлобившие плебеев во многих гражданских распрях, этой битвой пожелали они их с собой примирить.

46. (1) Строят ряды, не уклоняется и враг: ни вейяне, ни этрусские легионы. Почти твердой была их уверенность, что и с ними сражаться будут не лучше, чем недавно с эквами; больше того, что при таком раздражении римских воинов и в столь двусмысленных обстоятельствах их нельзя считать неспособными даже на худшее преступление²⁶⁹. (2) Вышло же все по-иному; грозно, как ни в какой прежде войне, начали сражение римляне, так их разъярили враги насмешками, консулы промедлением. (3) Этрусски едва успели развернуть строй, среди первой сумятицы не метнув даже, а наугад пустив дротики, как дело уже дошло до рукопашной; меч на меч, когда бой всего неистовей.

(4) В первых рядах лучшее зрелище, лучший пример являл согражданам род Фабиев. Квинта Фабия, позапрошлого консула, первым бросившегося на строй вейян и забывшего осторожность в толпе врагов, этрусский воин, умелый и сильный, поразив мечом в грудь, пронзает насквозь; вырвавши клинок, Фабий падает ничком. (5) Гибель одного этого мужа сразу сделалась ощутимой в обоих войсках; и римляне уже начали отступать, когда консул Марк Фабий, перепрыгнув через простертое тело и выставив вперед круглый щит, воскликнул: «В том ли клялись вы, воины, что вернетесь в лагерь беглецами? (6) Или вы больше боитесь трусливейшего врага, чем Юпитера и Марса, которыми вы клялись? А я, не клявшийся, либо вернусь победителем, либо тут найду смерть в бою возле тебя, Квинт Фабий!» Отозвался консулу Цезон Фабий, консул предыдущего года: «Словами ли этими, брат, ты думаешь призвать их к бою? (7) Призовут их боги, которыми они поклялись; нам же, как и подобает лучшим, как достойно имени Фабиев, должно убеждать воинов боем, а не увещеваниями!» С копьями наперевес устремляются оба Фабия вперед и увлекают за собою все войско.

47. (1) Итак, на этом крыле сражение возобновилось, а на другом столь же деятельно разжигал битву консул Гней Манлий, и удача была там такой же изменчивой. (2) Как за Квинтом Фабием на другом крыле, так и здесь, за консулом Манлием, гнавшим врагов, словно уже разбитых, неумолимо следовали воины; но, когда он, тяжело раненный, покинул строй, воины, думая, что он убит, подались назад (3) и покинули бы поле, если бы не прискакал сюда во весь опор другой консул с несколькими конными турмами²⁷⁰, крича, что жив товарищ его, а сам он, разбив врага на другом крыле, явился сюда победителем. Этим он поддержал пошатнувшееся усердие, (4) а тут и сам Манлий объявляется перед войском, чтобы восстановить строй. И знакомые лица обоих консулов воодушевляют воинов.

Неприятельский строй между тем поредел, так как враги, понадеявшись на свое численное превосходство, послали запасные отряды брать римский лагерь. (5) Здесь их натиск не встретил больших препятствий; и пока они, больше думая о добыче, чем о сражении, тратили время впустую, римские триарии²⁷¹, не сумевшие отразить первого нападения, отправили консулам донесение о положении дел, а сами, собравшись у консульской палатки, на свой страх возобновили сражение. (6) Консул Манлий возвратился к лагерю и, поставив отряды у всех ворот, преградил врагам путь к отступлению. Отчаяние пробудило в этрусках не отвагу даже, а бешенство. Мечась в поисках выхода, они сделали несколько бесплодных попыток прорваться, а потом кучка молодежи бросилась на самого консула, узнав его по доспехам. (7) Первые удары приняли на себя его спутники, но им не хватило сил для защиты: консул падает, смертельно раненный, и все разбегаются по сторонам. (8) Этрусски воодушевляются; перепуганные рим-

²⁶⁹ То есть на убийство консулов.

²⁷⁰ Турма – небольшой (около 30 человек) конный отряд.

²⁷¹ «Триарии» – опытные солдаты (в построенном по манипулам войске они занимали последний из трех рядов), вступающие в бой в случае крайней опасности. Употребление термина здесь анахронизм.

ляне в ужасе бегут по лагерю; и не миновать бы самого худшего, если бы легаты, подхватив тело консула, не открыли одни ворота, освободив путь врагам. (9) Устремясь в эти ворота беспорядочной толпой, враги сталкиваются со вторым консулом, уже победоносным – и здесь их вновь бьют и гонят.

Победа была блистательная, но омраченная гибелью двух славных мужей. (10) Поэтому на решение сената о триумфе консул ответил, что если может войско без полководца справлять триумф, то в этой войне оно его заслужило, и он охотно даст свое позволение; но сам из-за смерти брата Квинта Фабия, погрузившей в скорбь его дом, из-за утраты второго консула, наполовину осиротившей государство, не примет лаврового венка, неприличного ему в государственных и домашних печалях.

(11) Славнее любого отпразднованного был этот отвергнутый им триумф; так, отстраненная в свой час слава иногда возвращается сторицей. Дважды кряду затем совершил он похоронный обряд – над товарищем и над братом; тому и другому сказал он похвальное слово и, уступая им свою славу, прославился сам. (12) Не забыл он и о том, что задумывал в начале консульства: чтобы восстановить доверие плебеев, он распределил раненых воинов по патрицианским домам для лечения – Фабии приняли к себе очень многих, и нигде уход за ранеными не был лучше. С той поры Фабии были любимы народом, и только за их честность и благородство, спасительные для общего дела.

48. (1) И вот, стараниями как патрициев, так и плебеев консулом стал Цезон Фабий в паре с Титом Вергинием [479 г.]. Ни о войне, ни о наборе войска, ни о чем другом он не заботился столько, сколько о том, чтобы вслед открывшейся надежде на общее согласие поскорей примирить с патрициями плебеев. (2) Поэтому уже в начале года высказал Фабий мнение: покуда не объявился с земельным законом какой-нибудь трибун, самим сенаторам следовало бы его упредить, взяв это на себя, и по возможности поровну распределить между плебеями захваченную землю: ведь справедливо, чтобы ею владели те, кому досталась она потом и кровью. (3) Сенаторы пренебрегли предложением Цезона; иные даже посетовали, что в излишней погоне за славой расточился и изнемог его живой некогда ум. Никаких раздоров потом в городе не было. Латины тревожимы были набегами эквов. (4) Цезон, посланный туда с войском, вступил в земли эквов и стал их разорять. Эквы отошли в города и прятались за стенами. Поэтому никаких достопамятных сражений не было.

(5) Но в войне с вейянами опрометчивость второго консула привела к поражению и войско было бы погублено, не подоспей вовремя Цезон Фабий на помощь. С той поры не было с вейянами ни войны, ни мира – действия их были чем-то вроде разбоя: (6) завидев римские легионы, они прятались в город, а зная, что легионов нет, разоряли поля, как бы в насмешку оборачивая войну миром, а мир – войной. Так что нельзя было ни бросить все это дело, ни довести его до конца. Угрожали и другие войны: угроза исходила от вольсков и эквов, остававшихся спокойными, лишь пока свежа была горечь последнего поражения, или – на недалекое будущее – от всегда враждебных сабинян, а также от всей Этрурии. (7) Но враждебные Вейи досаждали скорей неотвязностью, нежели силою, чаще обидами, чем опасностью, поскольку все время требовали внимания и не позволяли заняться другим.

(8) Тогда род Фабиев явился в сенат. От лица всего рода консул сказал: «Известно вам, отцы-сенаторы, что война с вейянами требует сторожевого отряда скорей постоянного, чем большого. Пусть же другие войны будут вашей заботой, а вейских врагов предоставьте Фабиям. Мы порукою, что величие римского имени не потерпит ущерба. (9) Эта война будет нашей, как бы войной нашего рода, и мы намерены вести ее на собственный счет, от государства же не потребуется ни воинов, ни денег». Сенат отвечает им великой благодарностью. (10) Выйдя из курии, консул в сопровождении отряда Фабиев (они дожидались решения сената, стоя у дверей) отправился домой. Получив приказ на следующий день в оружии явиться к дому консула, они расходятся по домам.

49. (1) Молва расходится по всему Городу. Фабиев превозносят до небес: один род принял на себя бремя государства, вейская война передана в частные руки, частному оружию. (2) Будь в Городе еще два рода такой же силы – один взял бы на себя вольсков, другой – эквов, и римский народ мог бы подчинить все соседние, сам благоденствуя в безмятежном мире. На другой день Фабии берутся за оружие и сходятся, куда велено. (3) Консул, выйдя из дому в военном плаще, видит род свой построеным для похода; став в середину, он приказывает выступить. Никогда еще ни одно войско, столь малое числом и столь громкое славой, при всеобщем восхищении не шествовало по Городу. (4) Триста шесть воинов, все патриции, все одного рода, из коих любого самый строгий сенат во всякое время мог бы назначить вождем, шли, грозя уничтожить народ вейян силами одного семейства. (5) Их сопровождала толпа²⁷²: тут были и свои – родственники и друзья, забывшие про обыкновенные надежды и страхи, помышлявшие лишь о великом; были и другие, взволнованные заботой об общем деле, охваченные сочувствием и восхищением. (6) Им желают сил, желают удач, чтоб не хуже начинания был исход; а на дальнейшее – и консульских должностей, и триумфов, и всех наград, всех почестей. (7) Когда проходили они мимо Капитолия, Крепости и других храмов, то всем богам, которых видел и вспоминал народ, всякий раз возносил он молитвы, чтобы счастлив был поход и удачен, чтобы вскорости вернулись все невредимыми в отчизну к родителям. (8) Тщетны были эти мольбы. Несчастливой²⁷³ улицей вышли они через правую арку Карментальских ворот из Города и дошли до реки Кремеры²⁷⁴. Это место показалось подходящим для постройки укрепления.

(9) Затем Луций Эмилий и Гай Сервилий стали консулами [478 г.]. И, пока действия ограничивались лишь разорением полей, Фабиев хватало не только для защиты своего укрепления, но и всех земель вдоль границы римлян и этрусков; охраняя свое, тревожа врагов, бродили они по обе стороны границы. (10) Потом в набегах был небольшой перерыв – вейяне, вызвав войско из Этрурии, осадили укрепление на Кремере, и римские легионы, приведенные консулом Луцием Эмилием, сошлись лицом к лицу с этрусками. Впрочем, у вейян почти не было времени развернуть войско: (11) еще среди первой сумятицы, пока они после данного знака выстраивали ряды и размещали запасные отряды, внезапно налетевшая сбоку конная ала²⁷⁵ римлян не дала им не только начать сражение, но даже и устоять на месте. (12) Отброшенные назад, к Красным Скалам²⁷⁶, где был у них лагерь, смиренно запросили они мира; а получив его, по прирожденному непостоянству стали о том жалеть еще до отвода римских войск с Кремеры.

50. (1) И вновь начались столкновения вейян с Фабиями – без подготовки, какой требовала бы настоящая война; и все же дело не ограничивалось разорением полей и внезапными нападениями на разорителей; несколько раз сражались и под знаменами в открытом бою. (2) И часто один только римский род одерживал победу над сильнейшим по тем временам этруским городом. (3) Вейяне сначала огорчились и негодовали; но потом, рассудив по обстоятельствам, задумали заманить неустрашимого врага в ловушку и даже радовались тому, что от успехов дерзость Фабиев все росла. (4) Не однажды, когда выходили Фабии на добычу, навстречу им, как бы случайно, выпускали скот, селяне разбежались, оставляя свои поля, а вооруженные

²⁷² По Дионисию Галикарнасскому (IX, 15) и Фесту (450L.), Фабиев сопровождали четыре или пять тысяч клиентов. Возможно, что конкретные детали рассказа о подвиге Фабиев были обработаны римскими историками под влиянием греческой литературы (можно отметить сходство описания событий у реки Кремеры с рассказами о битве при Фермопилах – ср., например: Геродот, VII, 202: 300 спартанцев и 3 900 союзников).

²⁷³ Так эта улица стала называться после поражения Фабиев.

²⁷⁴ Кремера – правый приток Тибра, впадающий в него при Фиденгах.

²⁷⁵ Ала – отряд в 300 конников.

²⁷⁶ Красные Скалы (Rubra Saxa) – гористая местность недалеко от Рима, у Фламиниевой дороги. Расположение лагеря вейян свидетельствует о том, что они вели военные действия не из своего города, а из Фиден, которые находились на правом берегу Тибра прямо напротив Красных Скал.

отряды, высланные для отпора, обращались в бегство, чаще в притворном, чем в действительном страхе.

(5) А Фабии уже настолько презирали врага, что поверили, будто он нигде и никогда не сможет их победить. Эта самонадеянность и довела их до того, что, увидев с Кремеры стадо, пасущееся далеко в поле, они к нему ринулись, хотя кое-где и можно было разглядеть вооруженных врагов. (6) И, когда Фабии, ничего не замечая, стремительно пронеслись мимо расставленных вокруг дороги засад и, рассыпавшись по полю, стали ловить разбежавшийся в переполохе скот, вдруг перед ними из засад появились враги. (7) Со всех сторон сперва поднялся пугающий крик, затем полетели дротики; сходясь отовсюду, этруски окружали Фабиев уже плотной толпой вооруженных, и, чем сильнее был напор врагов, тем меньше оставалось места для кольцевой обороны (8) и делалось все заметней, как малочисленны Фабии и как много этрусков, теснивших их все умножающимися рядами. (9) Тогда, перестав отбиваться по всему кругу, обратились они в одну сторону. Действуя и оружием, и собственным телом, они, построившись клином, пробивают себе дорогу. (10) Путь их привел на высокий пологий холм. Здесь они сначала остановились; а затем, когда выгодное местоположение позволило им перевести дух и приободриться, даже отбили поднимавшихся к ним врагов. В столь удобном месте малый отряд стал было побеждать, но посланные в обход вейяне вышли на вершину холма. Превосходство опять было у врагов. (11) Фабии были все до одного перебиты, а их укрепление взято. Все сходятся на том, что погибло триста шесть человек и в живых остался только один почти взрослый отпрыск Фабиева рода²⁷⁷, чтобы впоследствии в обстоятельствах трудных для римского народа приносить ему величайшую пользу.

51. (1) Когда стало известно об этом несчастье, консулами были уже Гай Гораций и Тит Менений [477 г.]. Менений тотчас был послан против этрусков, гордых своей победой. (2) Но опять битва была неудачна: враги заняли Яникульский холм, и не миновать бы осады Городу, теснимому, помимо войны, и бескормьем (ведь по обе стороны Тибра стояли этруски), если бы не подоспел консул Гораций, вызванный из земли вольсков. Война настолько приблизилась к самым стенам Города, что сражаться пришлось сначала у храма Надежды²⁷⁸, где не осилил никто и еще раз – у Коллинских ворот. (3) Тут римляне получили – пусть незначительный – перевес, и это вселило в воинов прежнюю уверенность, укрепив их для будущих битв.

(4) Консулами сделались Авл Вергиний и Спурий Сервилий [476 г.]. Потерпевшие только что поражение, вейяне воздержались от битвы и начали разорять поля; с Яникульского холма, как из крепости, они нападали на все римские земли – ни скот, ни селяне нигде не были в безопасности. (5) Пойманы были враги точно так же, как сами раньше поймали Фабиев. Гонимый за выгнанным там и сям для приманки скотом, они угодили в засаду. Насколько их было больше, настолько кровопролитней была резня. (6) Злость и ярость от этой неудачи послужили причиной и началом еще худшего поражения. Переплыв ночью Тибр, они подступили к лагерю консула Сервилия. Отбитые, с большими потерями, кое-как возвратились они на Яникул. (7) Консул тотчас сам переходит Тибр и становится лагерем под Яникулом. Утром следующего дня он, ободренный вчерашней удачей и жаждавший битвы, а главное, побуждаемый нехваткой продовольствия к предприятиям хоть опасным, да более скорым, опрометчиво повел строй вверх по Яникулу на вражеский лагерь, но был отбит с еще большим позором, чем накануне враги, (8) и только прибытием второго консула он и войско его были спасены. (9) Оказавшись между двух консульских армий и обращая тыл то к одной, то к другой, этруски были полностью уничтожены. Так счастливая опрометчивость положила конец вейской войне.

²⁷⁷ См.: III, 1, 1.

²⁷⁸ Древнее святилище Надежды (Spes) находилось на Эсквiline (не следует путать с воздвигнутым во время I Пунической войны храмом Надежды на Овощном рынке).

52. (1) С установлением мира продовольствие в Городе стало даже дешевле прежнего: и потому, что было привезено зерно Кампании, и потому, что, когда исчезла угроза грядущего голода, каждый вытащил припрятанное на черный день. (2) От сытости в праздности люди вновь распустились и, когда не стало прежних зол внешних, затосковали по внутренним. (3) Трибуны стали возбуждать плебеев своим зельем – земельным законом, подстрекать их против сопротивляющихся сенаторов, не только против всех вообще, но и против отдельных лиц. Квинт Консидий и Тит Генуций, предложившие земельный закон, вызвали в суд Тита Менения. Ему вменяли в вину гибель укрепления на Кремере, когда он, будучи консулом, стоял лагерем неподалеку. (4) Это его погубило, хотя сенаторы старались ради него не меньше, чем когда-то ради Кориолана, и общее расположение к отцу его Агриппе тоже еще не позабылось. (5) Наказание, однако, трибуны умерили: хоть и требовали они смертной казни, приговорили его к выплате двух тысяч ассов²⁷⁹. Но и это обернулось смертным приговором. Он, как рассказывают, не перенес позора и горя, заболел и умер.

(6) Другой обвиняемый, Спурий Сервилий, как только истек срок его консульства, был – при консулах Гае Навтии и Публии Валерии [475 г.], уже в начале года, – вызван в суд трибунами Луцием Цедицием и Титом Стацием; но он в отличие от Менения встретил трибунское нападение не просьбами, своими или сенаторов, но твердой верой в свою невиновность и в свое влияние. (7) И ему вменяли в вину сражение с этрусками у Яникула. Но он, человек горячий, своей дерзостью отвел от себя опасность, как прежде – от государства: в резкой речи обличил он не только трибунов, но и всех плебеев, обвиняя их в осуждении и смерти Тита Менения, чьему отцу обязаны они тем, что, возвращенные некогда в Город, обрели для себя те законы, тех самых трибунов, благодаря которым теперь и свирепствуют²⁸⁰. (8) Помог Сервилию и товарищ его Вергиний – вызванный как свидетель, он поделился с ним своей славой; но наибольшую пользу ему принесло все-таки дело Менения – так переменялось общее настроение.

53. (1) Внутренние распри закончились; началась война с вейянами, к которым присоединились сабиняне. Консул Публий Валерий призвал вспомогательные отряды от латинов и герников и, посланный с войском к Вейям, тотчас напал на сабинский лагерь, расположенный перед стенами союзников, и навел такой страх, что, покуда враги пытались небольшими рассеянными вылазками сдерживать напор римлян, он ворвался в лагерь через первые же атакованные им ворота, (2) а внутри была уже скорее резня, чем сражение. Смятение из лагеря перекидывается и в город; как если бы Вейи были взяты, – в таком страхе кидаются вейяне к оружию. Часть их идет на помощь сабинянам, другая нападает на римлян, полностью занятых вражеским лагерем. (3) Ненадолго римлян удалось привести в замешательство; но затем они, обратив в обе стороны свои знамена, выдерживают натиск, а конница, высланная консулом, рассеивает этрусков и обращает их в бегство. В течение часа два войска, два сильнейших и многолюднейших соседних народа были побеждены.

(4) Пока шла эта война под Вейями, вольски и эквы стали лагерем на латинской земле и разорвали поля. Но латины сами в союзе с герниками, без римской подмоги и предводительства, выбили их из лагеря, (5) отбив собственное добро и сверх того захватив большую добычу. Тем не менее из Рима против вольсков был послан консул Гней Навтий; в Риме, думаю, не понравилось, что без римского войска и предводителя воюют союзники собственными силами и разумением. (6) Каких только бед и обид не пришлось теперь вытерпеть вольскам, и все же римлянам не удалось принудить их драться в открытом бою.

54. (1) Затем были консулы Луций Фурий и Гай Манлий [474 г.]. Манлию по жребию достались Вейи. Войны здесь, однако, не было; по просьбе вейян заключено было сорокалетнее

²⁷⁹ Как правило, до середины V в. до н. э. штраф взимался скотом (овцами и быками). С 454 г. до н. э. один бык или 10 овец приравнивались к 100 ассам (асс – фунт меди). О размерах штрафа см. также: III, 31, 6; IV, 41, 10; V, 29, 7; V, 32, 9.

²⁸⁰ См. выше: II, 32, 5 – 33, 5; примеч. 74–75.

перемирие²⁸¹; их обязали поставлять зерно и платить дань. (2) С установлением мира незамедлительно возобновились внутренние раздоры. Трибуны предложили земельный закон, и возбужденный этим простой народ бушевал. Консулы, не уstraшенные ни осуждением Менения, ни опасностью для Сервилия, всеми силами сопротивлялись. По сложении ими полномочий народный трибун Гней Генуций тут же потребовал их к суду.

(3) Луций Эмилий и Опитер Вергиний вступили в консульство [473 г.]; впрочем, в некоторых летописях вместо Вергиния консулом значится Вописк Юлий. В этом году, на чье консульство он бы ни приходился, Фурий и Манлий, привлеченные к ответу перед народом, в скорбных одеждах обходят не столько плебеев, сколько младших сенаторов. (4) Убеждают, предупреждают, предостерегают от должностей, от участия в делах государства; говорят им, что консульские фаски, окаймленную тогу, курульное кресло следует почитать разве за погребальное великолепие, ведь украшенные этими знаками, как жертвенное животное лентами, консулы обречены на заклание. (5) А если для них все же так прельстительно консульство, то пусть поймут, что оно теперь в плену и под гнетом трибунской власти; консул, будто прислужник трибуна, все должен делать по его указке и приказанию; (6) если он только напомним о себе, если уважит сенаторов, если подумает, будто в государстве есть еще что-нибудь, кроме плебеев, то пусть перед взором его будет изгнание Гнея Марция, осуждение и смерть Менения. (7) Возбужденные такими речами, сенаторы стали тогда совещаться не в курии, а частным образом, не доводя дела до сведения слишком многих. И поскольку решено было правдой или неправдой, но вырвать обвиняемых из-под суда, то самое крайнее мнение имело наибольший успех; нашелся и исполнитель отчаянного замысла. (8) Итак, в день суда сошедшиеся плебеи стояли на форуме в ожидании, сначала они удивлялись, почему не является трибун; (9) затем, когда задержка его стала уже подозрительной, сочли, что запуган он знатью, стали сетовать, что брошено и предано народное дело. Наконец из дома трибуна приходит известие, что он найден у себя мертвым²⁸². Когда эта весть обошла собравшихся, они все разбежались кто куда, как войско рассеивается, потеряв вождя. Сильнейший страх напал на трибунов: гибель товарища показала им, что никакие законы о священной неприкосновенности им не защита. (10) А сенаторы не старались сдерживать радость; и настолько никто не тяготился виной, что даже непричастные желали казаться соучастниками и открыто шли разговоры о том, что трибунская власть должна быть укрощаема карой.

55. (1) Сразу после этой пагубнейшей победы был объявлен набор, и, поскольку трибуны были запутаны, консулы провели его беспрепятственно. (2) Плебеи меж тем больше гневались на молчанье трибунов, чем на могущество консулов, и говорили, что с их свободой покончено, что снова вернулись к старому. С Генуцием погибла и похоронена трибунская власть. Чтобы выстоять против сенаторов, нужно думать и действовать иначе, (3) а путь к этому только один: чтобы плебеи, лишённые всякой другой защиты, сами себя защищали. Двадцать четыре ликтора состоят при консулах, и сами они – плебеи; нет власти презреннее и бессильнее, были бы люди, способные ее презирать, а то каждый внушает себе, что она велика и страшна. (4) Такими речами они возбуждают друг друга, а между тем консулы послали ликтора к Волерону Публилию, плебею, который отказывался служить рядовым, потому что прежде был центурионом. (5) Волерон взывает к трибунам. Так как никто не пришел ему на помощь, консулы приказывают раздеть его и высечь. «Обращаюсь к народу, – говорит Волерон, – поскольку трибунам приятней смотреть, как секут римского гражданина, чем самим гибнуть в своей постели от ваших кинжалов!» Чем громче кричал он, тем ожесточеннее рвал с него ликтор одежду. (6) Тогда Волерон, который и сам был сильнее, да еще помогали ему заступники, оттолкнув лик-

²⁸¹ Перемирие продолжалось до 437 г. до н. э., т. е. 37 лет (IV, 17, 8).

²⁸² Рассказ о заговоре сенаторов и убийстве народного трибуна более отвечает политическим нравам и внутривластной обстановке в Риме времен поздней Республики.

тора, бросается в гущу толпы, где наиболее громок был крик негодующих, и оттуда уже кричит: «Взываю, молю народ о защите! (7) На помощь, граждане, на помощь, соратники, нечего ждать от трибунов, которым самим впору искать вашей помощи!» (8) В возбуждении люди готовятся будто к битве; стало ясно, что ждать можно чего угодно и никто ни во что не поставит ни общественное, ни частное право. (9) Когда консулы явились на форум встретить эту страшную бурю, они убедились сразу, что без силы величие беззащитно. Ликторы были избиты, фаски сломаны, а консулы с форума были загнаны в курию и не знали, как воспользуется Волерон своею победой. (10) Когда волнение улеглось, они созвали сенат, стали сетовать на причиненные им обиды, на насилие простонародья, на дерзость Волерона. (11) Но над множеством раздраженных голосов взяло верх мнение старших сенаторов, которые не захотели сталкивать гнев сенаторов с безрассудством плебеев.

56. (1) Отдав свое расположение Волерону, плебеи на ближайших выборах избрали его народным трибуном – в тот год [472 г.], когда консулами были Луций Пинарий и Публий Фурий. (2) Все полагали, что Волерон воспользуется трибунским званием для преследования прошлогодних консулов; но он, поставив общее дело выше личной обиды, ни словом не задев консулов, предложил народу закон о том, чтобы плебейские должностные лица избирались в собраниях по трибам. (3) В безобидном на первый взгляд предложении речь шла о предмете отнюдь не малозначительном; но о том, чтобы отобрать у патрициев возможность через посредство своих клиентов добиваться избирать угодных себе трибунов. (4) Этой мере, столь желательной для плебеев, всеми силами сопротивлялись сенаторы, и, хотя ни консулам, ни знатнейшим людям не удалось своим влиянием добиться того, чтобы кто-нибудь из трибунов выступил против (а это была единственная возможность провалить предложение), тем не менее дело это, по самой своей значительности чреватое спорами, растянулось на целый год. (5) Плебеи вновь избирают трибуном Волерона; сенаторы, полагая, что дело дойдет до решительного столкновения, избирают консулом Аппия Клавдия, сына Аппия, ненавистного и неугодного плебеям уже памятью о стычках с его отцом. В товарищи ему дают Тита Квинкция.

(6) С самого начала года [471 г.] речь прежде всего пошла о новом законе. Но теперь поборником закона, предложенного Волероном, был и товарищ его Леторий, только что взявшийся за это дело; он был еще решительнее. (7) Горячности добавляла ему громкая слава, обретенная на войне, ибо вряд ли был в то время более храбрый воин. И если Волерон не говорил ни о чем, кроме закона, воздерживаясь от порицания консулов, то Леторий выступил с обвинением Аппия и его семейства, надменнейшего и жесточайшего к простому народу: не консула, (8) утверждал он, избрали сенаторы, а палача, чтобы терзать и мучить плебеев. Грубый язык военного человека был недостаточен для его свободолюбивого духа. (9) И вот, когда не хватило ему слов, он сказал: «Не так складно я говорю, квириды, как держусь сказанного; будьте здесь завтра. Я либо погибну на ваших глазах, либо проведу закон».

(10) На следующий день трибуны занимают освященное место²⁸³. Консулы и знать приходят в собрание, чтобы помешать принятию закона. Леторий приказывает удалить всех, кроме участников голосования. (11) Знатные юноши стояли перед посольными, не двигаясь с места. Тогда Леторий приказывает схватить кого-нибудь из них. Консул Аппий возражает; право трибунов, говорит он, распространяется лишь на плебеев, (12) это должность не общенародная, но только плебейская; даже и сам он, по обычаям предков, не мог бы своей властью разгонять народ, ведь говорится так: «Если вам угодно, удалитесь, квириды». Такими пренебрежительными рассуждениями о праве он легко выводит Летория из себя. (13) Кипя негодованием, направляет трибун к консулу посольного, консул – к трибуну ликтора, выкрикивая, что трибун

²⁸³ Латинское слово *templum* (привычное значение «храм») может означать всякое место, освященное авгурами обрядами. Здесь речь идет об ораторской трибуне, расположенной с южной стороны Комиция (т. е. между Комицием и Форумом). После 338 г. до н. э. там был выстроен помост, украшенный носами кораблей, захваченных консулом Гаем Мением в морском бою с жителями Антия. Это сооружение получило название «Ростры» (от лат. *rostrum* – «нос корабля»).

– частный человек, нет у него власти, нет должности; (14) не миновать бы насилия, если бы все собрание не восстало яростно за трибуна против консула, а взволнованная толпа не сбежала на форум со всего города. Но Аппий, невзирая на эту бурю, упорно стоял на своем; (15) столкновение готово было обернуться кровопролитием, если бы не второй консул – Квинкций; он поручил консулярам²⁸⁴ силой, если иначе нельзя, увести товарища с форума, он смягчил мольбами разбушевавшийся простой народ, он уговорил трибунов распустить собрание: (16) пусть уляжется раздражение – время не лишит их силы, но прибавит к ней разумение, и отцы подчинятся народу, и консул – отцам.

57. (1) Трудно было Квинкцию утихомирить плебеев, еще труднее сенаторам – второго консула. (2) Когда наконец народное собрание было распущено, консулы созвали сенат. Там страх и гнев заставляли говорить разное, но, по мере того как в ходе долгого заседания порыв уступал место обсуждению, сенаторы отворачивались от вооруженной борьбы и наконец уже благодарили Квинкцию за то, что его стараниями успокоена была распря. (3) Аппия уговаривали, чтобы он искал такого величия консульской власти, какое совместимо с согласием среди граждан: а пока трибуны и консулы тянут каждый в свою сторону, никакой средней силы не остается, разъято и растерзано оказывается государство – думают больше о том, в чьих оно будет руках, чем о том, чтобы сохранить его в целостности. (4) Аппий, напротив, призывал богов и людей в свидетели того, что государство предано и покинуто из трусости, что не сенату недостает консула, а консулу – сената; законы принимаются более тягостные, чем были приняты на Священной горе. Однако, побежденный единодушием сенаторов, он умолк. Закон прошел спокойно.

58. (1) Впервые тогда трибуны избраны были на собрании по трибам; (2) число их увеличилось, к прежним двум прибавили еще троих – так пишет Пизон и перечисляет их имена: Гней Сикций, Луций Нумиторий, Марк Дуиллий, Спурий Ицилий, Луций Мецилий.

(3) Среди этих городских беспорядков началась война с вольсками и эквами. Они захватили поля, чтобы на случай нового ухода плебеев было к их услугам прибежище, когда же у римлян все обошлось, отодвинули лагерь. (4) Аппий Клавдий послан был против вольсков, Квинкцию достались эквы. В походе Аппий был так же крут, как и дома, чувствуя себя вольнее без трибунских ограничений. (5) Ненавидел плебеев он еще больше, чем его отец. Как? Они его пересилили? И это при нем, при единственном консуле, избранном наперекор трибунской власти, принят был тот закон, которому предыдущие консулы успешно противостояли с меньшей тратой сил и при меньших упованиях сенаторов? (6) Гнев и негодование побуждали его жестокую душу мучить войско своею свирепой властью. Но никакой силой не мог он его смирить, так впиталась в души вражда. (7) Все выполнялось лениво, небрежно, нехотя, с упрямством; не действовали ни стыд, ни страх. Если приказывал он ускорить шаг, нарочно шагали медленнее; если являлся он поощрить работы, все ослабляли проявленное без него усердие; (8) он приходил – от него отворачивались; он мимо шел – тихо проклинали, так что временами это волновало даже его не побежденный ненавистью плебеев дух. (9) Исчерпав наконец свою суровость, он уже ничего не приказывал воинам, говорил, что войско возвращено центурионами, и порой, насмехаясь, звал их народными трибунами и Волеронами.

59. (1) Обо всем этом вольски знали и тем пуще грозили, надеясь, что римское войско столь же будет враждебно к Аппию, сколь было – к консулу Фабию. (2) Аппия ненавидели даже больше, чем Фабия: воины не только не хотели победить, как то было при Фабии, но желали быть побежденными. Выведенные для сражения, они в постыдном бегстве бросились назад в лагерь и остановились не раньше, чем увидели знамена вольсков перед самым своим укреплением и позорное избиение своего тыла. (3) Это заставило их собрать силы к бою, так что враг, почти уже победитель, был отброшен от вала; и все-таки было достаточно ясно, что римские воины не желают лишь отдавать лагерь, а в остальном рады были своему поражению и позору.

²⁸⁴ Консуляр – бывший консул.

(4) Этим не сломлен был неукротимый дух Аппия; он хотел крутых мер: объявил о сходке, но к нему сбежались трибуны²⁸⁵ и легаты, советуя не испытывать свою власть, вся сила которой в добровольности послушания. (5) Воины не скрывают, что на собрании, говорили ему, всюду только и слышишь о том, что пора уходить из вольской земли. (6) Победоносный враг только что уже был у самых ворот и вала; не какие-то там подозрения, явный образ бедствия – перед глазами.

Консул не спорил, ведь уступка только отсрочивала наказание, и отменил сходку. Выступление он назначил на следующий день и с первыми лучами солнца дал трубный сигнал. (7) Как только войско было выведено из лагеря, вольски, будто поднятые теми же трубами, напали на него с тыла. Смятение, прокатившись от последних до передних рядов, смешало и ряды, и знамена, так что нельзя было ни слышать приказаний, ни строиться к бою. Никто не думал ни о чем, кроме бегства. (8) Врассыпную, через груды тел и оружия бежали римляне и остановились не раньше, чем враг прекратил преследование. (9) Консул, следовавший за своими, тщетно их призывая, собрал наконец разбежавшихся и расположился лагерем в невраждебной земле. Здесь, созвавши сходку, он справедливо обвинил войско в предательстве, в непослушании, в бегстве из-под знамен; (10) у каждого спрашивал он, где знамя его, где оружие. Воинов без оружия и знаменосцев, потерявших знамена, а также центурионов и поставленных на двойное довольствие²⁸⁶, оставивших строй, (11) он приказал высечь розгами и казнить топором; из прочих по жребию каждый десятый был отобран для казни²⁸⁷.

60. (1) Напротив, в походе на эквов консул и воины соперничали в предупредительности и уступчивости. Квинкий и от природы был мягче, и злополучная суровость товарища еще более склоняла его следовать врожденному нраву. (2) Не дерзая сопротивляться такому согласию вождя и войска, эквы терпеливо сносили опустошения в своих полях: ни в какой из предыдущих войн римлянам не доставалась добыча со столь обширных земель. (3) Вся она была отдана воинам, да еще с похвалами, которые радуют воинов не меньше, чем вознаграждение. Не только к вождю, но благодаря вождю и ко всем отцам войско сделалось благосклоннее. Воины говорили, что сенат дал им родителя, а другому войску – господина.

(4) При переменном военном счастье, среди жестоких раздоров дома и в войске прошел год, примечательный прежде всего выборами по трибам. Эти выборы были важнее как победа в начатой борьбе, чем как полезное достижение, (5) ибо отстранение сенаторов от совещаний больше повредило значению собраний, чем добавило сил плебеям или отняло у патрициев²⁸⁸.

61. (1) Еще беспокойнее был следующий год [470 г.] – в консульство Луция Валерия и Тита Эмилия – как из-за межсословной борьбы вокруг земельного закона, так и из-за суда над Аппием Клавдием. (2) Ярый противник этого закона, отстаивавший, будто третий консул, дело всех владельцев общественного поля²⁸⁹, он был привлечен к суду Марком Дуиллием и Гнеем Сикцием. (3) Никогда еще перед судом народа не представлял человек, столь ненавистный плебеям, накопившим так много гнева и против него, и против его отца. (4) Сенаторы тоже недаром старались ради него больше, чем ради любого другого: поборник сената, блюститель его величия, его оплот против всех трибунских и плебейских смут, хоть порой и не знавший меры в борьбе, выдавался разъяренным плебеям.

²⁸⁵ Речь идет, разумеется, о военных трибунах (командная должность – см.: примеч. 87 к кн. III).

²⁸⁶ Речь идет о «дубликариях», воинах, получавших двойной паек или двойное жалованье в награду за свои заслуги.

²⁸⁷ Первые достоверные сведения о децимации (т. е. о казни каждого десятого из солдат воинского подразделения, заслужившего наказание) относятся к 296 г. до н. э. и связаны с именем Аппия Клавдия Цека (Слепца).

²⁸⁸ Малочисленность сенаторов в любом случае исключала возможность их прямого влияния на решения трибунских комиссий. Поэтому запрещение сенаторам присутствовать на этих собраниях было чистой формальностью и уже с 200 г. до н. э. практически не принималось во внимание.

²⁸⁹ То есть лиц, завладевших большими участками общественной земли.

(5) Один только из сенаторов, сам Аппий Клавдий, ни во что не ставил ни трибунов, ни плебеев, ни суд над собою. Ни угрозы плебеев, ни мольбы сената не могли принудить его ни к скорбной одежде, ни к смиренным просьбам, ни даже к тому, чтобы он хоть слегка умерил или сгладил свою обычную резкость речи при защите перед народом. (6) То же выражение лица, та же непреклонность взора, тот же дух в словах – так что многие плебеи не меньше боялись Аппия-подсудимого, чем прежде Аппия-консула. (7) Одну лишь речь произнес он – и, как всегда, с привычным ему обвинительным пылом; этой верностью себе настолько он поразил и трибунов, и всех плебеев, что они сами, по собственной воле, отсрочили день суда, а затем позволили затянуть дело. (8) Не столь уж долго все это продлилось, но, прежде чем наступил назначенный день, заболел Аппий и умер²⁹⁰. (9) Похвальное ему слово народные трибуны попытались было запретить, но простой народ не захотел, чтобы без этой установленной почести совершен был погребальный обряд над таким мужем: похвалы мертвому выслушал он так же благосклонно, как выслушивал обвинения живому, и толпой сопровождал похоронное шествие.

62. (1) В тот же год консул Валерий с войском выступил против эквов и, поскольку не мог выманить врагов на бой, приступил к осаде их лагеря. Помешала ему страшная буря, градом и громом навалившаяся с неба. (2) Это было тем удивительнее, что при сигнале к отступлению возвратилась спокойная ясная погода, так что богобоязненность не допустила второй раз подступить к лагерю, как будто охраняемому какой-то божественной силой. Вся ярость войны обратилась на разорение полей.

(3) Другой консул – Эмилий двинулся войной на сабинян, но и там враг скрывался за стенами, и поэтому были только опустошены поля. (4) Когда выжжены были не только усадьбы, но даже и поселения, раздраженные сабиняне выступили навстречу грабителям, однако после нерешительного сражения отступили и на следующий день перенесли лагерь в более защищенное место. (5) Это консул счел достаточным, чтобы оставить врага как побежденного и уйти, так и не начав настоящей войны.

63. (1) Во время этих войн, сопровождавшихся внутренними раздорами, консулами стали Тит Нумидий Приск и Авл Вергиний [469 г.]. (2) Было ясно, что плебеи не допустят дальнейшего промедления с земельным законом и готовятся действовать силой, но тут по дыму горящих усадеб и бегству селян узнали о приходе вольсков. Это сдержало назревший и едва не начавшийся мятеж. (3) Консулы, незамедлительно посланные сенатом, вывели из города на войну молодежь, без нее остальные плебеи стали спокойнее. (4) А враги, всего лишь понапрасну встревожив римлян, поспешно ушли. (5) Нумидий двинулся против вольсков на Антий, а Вергиний выступил против эквов. Там, попавши в засаду, он чуть было не потерпел тяжелое поражение, но доблесть воинов спасла дело, едва не загубленное беспечностью консула. (6) Лучше велась война против вольсков: разбитый в первом сражении, неприятель бежал в город Антий, очень богатый по тем временам. Консул не решился взять его приступом, он взял у антийцев Ценон²⁹¹, город поменьше и отнюдь не такой богатый. (7) Пока римское войско было занято эквами и вольсками, сабиняне, разоряя поля, дошли до самых ворот Города. Но через несколько дней они, когда оба консула в гневе вторглись в их землю, понесли больше потерь, чем причинили.

64. (1) В конце года ненадолго установился мир, но он, как всегда, нарушался борьбой патрициев и плебеев. (2) Возмущившиеся плебеи не захотели участвовать в консульских выборах; сенаторы и их клиенты²⁹² избрали консулами Тита Квинкция и Квинта Сервилия. Год их

²⁹⁰ Дионисий Галикарнасский (IX, 54) предлагает две версии кончины Аппия Клавдия: смерть от болезни или самоубийство.

²⁹¹ Упоминания о городе Ценоне не встречаются больше ни в исторической, ни в географической литературе.

²⁹² См. выше: примеч. 41.

консульства [468 г.] был похож на предшествующий: начался он раздорами, потом внешняя война принесла спокойствие. (3) Сабиняне быстро пересекли крустуминские поля, с огнем и мечом объявились у реки Аниен. Они были отброшены почти что от Коллинских ворот и городских стен, однако успели угнать добычею много людей и скота. (4) Их преследовал консул Сервилий с войском, и хотя настичь неприятеля в открытом поле он не сумел, но так разорил его землю, что не оставил ничего не затронутого войною, а захваченную врагами добычу вернул сторицей.

(5) И в земле вольсков дело велось превосходно стараниями полководца и воинов. Прежде всего сразились под знаменами в открытом поле, с огромными потерями у обеих сторон. (6) И римляне, по своей малочисленности тяжелее чувствуя эти потери, отступили бы, если бы консул спасительной ложью не подбодрил войско, восклицая, что на другом крыле враг обращен в бегство. Воины ударили на неприятеля и, поверив, что побеждают, победили. (7) Консул, опасаясь излишним напором возобновить сражение, дал сигнал к отбою. (8) Несколько дней длилась передышка как бы по молчаливому соглашению сторон; за это время в лагерь вольсков и эквов собираются большие силы от всех их племен, у них нет сомнений, что римляне, если только узнают об этом, ночью снимутся с места. (9) Поэтому за полночь²⁹³ они сами подошли к римскому лагерю. (10) Уняв сумятицу, вызванную внезапной тревогой, Квинкций приказал воинам спокойно оставаться в палатках и вывел в сторожевое охранение когорту герников, затем велел посадить трубачей и горнистов на коней: пусть трубят перед валом и до света держат врага в тревоге. (11) Остаток ночи прошел в лагере так спокойно, что римляне могли даже спать. А вольсков держал в напряженном ожидании нападения вид вооруженных пехотинцев, принятых ими за многочисленных римлян, и топот и ржание коней, растревоженных неумелыми седоками и трубными звуками, будоражащими слух.

65. (1) Когда рассвело, римляне, свежие и ободренные сном, были выведены в строй и первым же ударом сокрушили вольсков, обессиленных бдением настороже. (2) Однако враги скорей отступили, чем были отброшены, потому что в тылу у них были холмы, куда они, прикрываемые передовыми, и отошли без потерь. Дойдя до подъема в гору, консул остановил войско. Воины, едва сдерживаемые, шумно требовали идти на побитых. (3) Еще неукротимее были всадники: окружив полководца, они громко кричали, что пойдут впереди знамен. Пока консул, веря в надежность воинов, но не местности, медлит, они кричат, что идут уже, и подтверждают слова делом: воткнув в землю копьа, чтобы легче взбираться, устремляются вверх. (4) Вольски, истратившие свои дротики при первом нападении римлян, кидают в них камни, подбираемые из-под ног, чтобы градом ударов столкнуть вниз уже смешавшихся. Так почти подавлено было левое крыло римлян, и они уже отступали, когда консул, ругая их и за опрометчивость, и за малодушие, пробудил в них стыд и прогнал страх. (5) Сначала они, ободрившись, остановились, затем, укрепясь на захваченном месте, сами отважились наступать и вновь двинулись с боевыми криками; напрягшись в последнем усилии, делают они новый рывок и преодолевают трудный подъем. (6) Уже почти выбрались они на хребет, когда враги обратили тыл. Быстро несясь, преследователи почти вместе с бегущими врываются в лагерь. В общем смятении лагерь был взят. Те из вольсков, которые смогли убежать, устремились в Антий. (7) К Антию приведено было и римское войско. После нескольких дней осады город сдался – и не из-за нового натиска осаждающих, но потому, что враги уже после неудачной битвы и потери лагеря пали духом.

²⁹³ Собственно, в третью стражу.

Книга III

1. (1) После захвата Антия²⁹⁴ консулами стали Тит Эмилий и Квинт Фабий [467 г.]. Это был единственный уцелевший из истребленного при Кремере рода Фабиев. (2) Эмилий уже при первом своем консульстве ратовал за наделение плебеев землею, а теперь, когда он сделался консулом во второй раз, укрепились в своих надеждах и те, кто домогался принятия закона о разделе земли, и трибуны взялись за дело в уверенности, что с помощью консула сумеют добиться того, чему обыкновенно консулы и противились; консул не отступал от своего замысла. (3) Землевладельцы и значительная часть сенаторов роптали, что глава государства, усвоив замашки трибунов, выказывает-де щедрость к народу за чужой счет, и всю свою ненависть обратили с трибунов на консула. Предстояла жестокая борьба, не найди Фабий решения, не ущемляющего ни одной из сторон: (4) в прошлом году под верховным руководством Тита Квинкция у вольсков отняли много земли, (5) и можно было вывести поселение в удобно расположенный приморский город Антий, дабы плебеи получили свои наделы, землевладельцы не роптали, а в государстве бы воцарилось согласие²⁹⁵. Так и решили. (6) Триумвирами для раздачи наделов Фабий поставил Тита Квинкция, Авла Вергиния и Публия Фурия. (7) Все, кто хотел получить землю, должны были объявить об этом. Но, как водится, сама возможность сразу отбила охоту и желающих оказалось так мало, что в число поселенцев пришлось включить вольсков²⁹⁶; большинство же пожелало получить наделы не где-нибудь, а в Риме. (8) Эквы запросили мира у Квинта Фабия, который пришел к ним с войском, но сами же и нарушили его внезапной вылазкой в земли латинов.

2. (1) На следующий год [466 г.] Квинт Сервилий – он стал консулом вместе с Спурием Постумием – был послан против эквов, но из-за болезней в войске не начал военных действий, а простоял лагерем во владениях латинов. (2) Война затянулась на третий год, когда консулами стали Квинт Фабий и Тит Квинций [465 г.]. Фабий был вне порядка²⁹⁷ назначен полководцем, так как именно он, одержав однажды победу над эквами, дал им мир. (3) Он выступил, нисколько не сомневаясь в том, что один звук его имени утихомирит эквов, и велел послам объявить в собрании этого народа, что-де консул Квинт Фабий, вернувшийся от эквов в Рим с миром, идет к ним из Рима с войной, взявши оружие в ту же руку, которую прежде протягивал им для примирения. (4) Нынче боги будут свидетелями против того, кто вероломно нарушил клятвы, а вскоре и отомстят за это. Сам он, однако же, и теперь еще предпочитает, чтоб эквы раскаялись по собственной воле и не пали жертвой войны. (5) Если они раскаются, он-де обеспечит их безопасность, ведь его доброта им известна; если же они хотят остаться клятвopеступниками, то войну им придется вести не столько с неприятелем, сколько с разгневанными богами. (6) Слова эти никого ни в чем не убедили, и послов чуть было не растерзали, а на Альгид²⁹⁸ против римлян было двинуто войско. (7) Когда об этом стало известно в Риме, другой консул был вынужден оставить город, причем скорее вследствие оскорбления, чем подлинной угрозы. Итак, два консульских войска в боевом порядке пошли на врага, чтобы

²⁹⁴ Антий (см.: примеч. 77 к кн. II) находился приблизительно в 45 км к югу от Рима.

²⁹⁵ Выведение римских поселений – колоний (см.: примеч. 82 к кн. II) было частью как внешней, так и внутренней политики Рима. Таким способом город предоставлял бедным гражданам возможность устроиться на новом месте и избавлялся от недовольных. Разделом земель ведала коллегия «трех» (*triumviri agris dandis или coloniae deducendae*), которые (по крайней мере – в более позднее время) избирались в народном собрании под председательством консула.

²⁹⁶ Более правдоподобно сообщение Дионисия Галикарнасского о том, что в число поселенцев были включены латины и герники (ср.: примеч. 76 и 89 к кн. II).

²⁹⁷ «Вне порядка» (*extra ordine*), т. е. по определению сената, тогда как обычно консулы сами распределяли между собой сферы деятельности (по жребию или по соглашению).

²⁹⁸ Альгид – горная цепь в Лации к юго-востоку от Рима – граница эквов, которые отсюда могли угрожать римлянам.

немедленно завязать сражение. (8) Но, так как день уже был на исходе, кто-то из вражеского стана прокричал: (9) «Это не война, а хвастовство, римляне, кто ж на ночь глядя готовится к бою! Для предстоящей битвы нам нужен целый день. Возвращайтесь завтра на рассвете, и мы сразимся, не бойтесь!»

(10) Разозленные этими словами, римляне отошли в лагерь, и ночь показалась им долгой отсрочкой сражения. Но все-таки они выспались и подкрепились и, когда на следующий день рассвело, уже были готовы к бою; вскоре явились и эквы. (11) Обе стороны сражались с ожесточением, римляне – потому, что были исполнены ненависти и гнева, а эквы были готовы на все, потому что осознали навлеченную на себя собственным проступком угрозу и отчаялись снова войти в доверие к римлянам. (12) Однако они не устояли перед натиском римлян и, разбитые, убрались в свои владения, несколько не склонившись к примирению, а необузданная толпа даже набросилась на полководцев за то, что те вели сражение боевым порядком, в котором римляне были искуснее; (13) эквы же сильны в опустошительных набегах и лучше ведут войну множеством мелких отрядов, чем одним большим и сплоченным войском.

3. (1) И тогда, оставив в лагере прикрытие, эквы вторглись в римские владения и этим вызвали столь великое смятение, что даже Город был охвачен страхом. (2) Неожиданность нападения усугубляла этот страх, ведь всего менее можно было опасаться, что побежденный и почти осажденный в лагере неприятель станет думать о набеге, и вот трусливые поселяне, со страху преувеличивая опасность, (3) прибежали в Город с воплями, что-де не маленькие отряды занимаются грабежом и разбоем, но легионы неприятельских воинов неудержимым потоком несутся на Рим. (4) Те, кто услышал от них эти небылицы, пересказывали потом другим еще большую нелепицу. Суматохи и криков «К оружию!» было не меньше, чем в захваченном городе – страха. (5) По счастью, в Рим с Альгида вернулся консул Квинкций, что и послужило лекарством против страха: подавив волнения и обвинив римлян в том, что те боятся побежденного врага, он расставил у ворот караулы. (6) Затем Квинкций созвал сенат, с его одобрения приостановил рассмотрение судебных дел²⁹⁹, оставил Рим на попечение Квинта Сервилия и выступил на защиту римских границ, но неприятеля не нашел. (7) У другого консула дела шли превосходно: зная, где покажется отягощенный добычей и из-за этого потерявший боевой порядок неприятель, он атаковал эквов, которых погубил их собственный разбой. (8) Немногие враги избежали засады, а добыча была отнята у них целиком. Восстановив рассмотрение судебных дел – на четыре дня оно было приостановлено, – консул Квинкций возвратился в город.

(9) Проведя перепись³⁰⁰, Квинкций принес очистительную жертву. Говорят, по всеобщей переписи, насчитывались сто четыре тысячи семьсот четырнадцать граждан, не считая вдов и сирот. У эквов же не произошло ничего достойного упоминания: (10) они укрылись в городах, позволив жечь и опустошать свои владения. Пройдя вдоль и поперек вражеские земли со своим грозным войском, готовым опустошить все вокруг, консул возвратился в Рим, стяжав и славу, и добычу.

4. (1) Затем консулами стали Авл Постумий Альб и Спурий Фурий Фуз [464 г.]. Некоторые вместо Фурия писали Фузий; говорю это, чтоб кто-нибудь не подумал, что речь идет о другом человеке, а не о другом написании его имени. (2) Очевидно было, что одному из консулов придется вести войну с эквами. Вот почему эквы запросили помощи у эцетрийских вольсков; таковая была охотно предоставлена – оба народа соперничали в постоянной ненависти к римлянам, – и подготовка к войне пошла полным ходом. (3) Герники заметили и донесли римлянам о том, что эцетрийцы перешли на сторону эквов. Под подозрением было и поселе-

²⁹⁹ Приостановка судопроизводства (и иных общественных дел) объявлялась высшими должностными лицами с одобрения сената в случае критического положения государства (внезапной угрозы войны, серьезных беспорядков, тяжелых бедствий).

³⁰⁰ Перепись (ценз – см.: I, 42, 4; 44, 2) проводилась консулом, так как должности цензоров еще не существовало. Была учреждена в 443 г. до н. э. (см.: IV, 8, 2).

ние Антий, ведь по взятии города многие его граждане перебрались к эквам; во время войны с эквами эти солдаты дрались свирепее всех. (4) Когда наконец эквы были разбиты и укрылись в крепостях, то сражавшиеся на их стороне воротились в Антий и сумели отколотить от римлян и без того уже неверных поселенцев. (5) Сенату донесли о готовящемся отпадении, и, пока еще решение не вполне созрело, консулам поручили вызвать в Рим вождей этого поселения и расспросить, в чем там дело. (6) И, хотя те явились без промедления и были представлены консулами сенату, они давали такие ответы на заданные вопросы, что отправились восвояси под еще большим подозрением, чем до прибытия в Рим.

(7) Отныне не было сомнений в том, что предстояла война. Спурий Фурий, которому выпало быть военным консулом, выступил против эквов, вторгшихся во владения герников для грабежа; и, хотя он не представлял себе численности врагов, которые никогда не показывались все вместе, опрометчиво ввел в бой войско, уступавшее противнику в силе. (8) Получив отпор при первом же нападении, оно воротилось в лагерь. Но положение не стало от этого менее опасным, потому что на следующую ночь и на другой день лагерь осадила и пошла на приступ такая сила, что невозможно было даже отправить в Рим гонца. (9) О проигранном сражении и об осаде, в которую попал с войском консул, сообщили герники, до того напугав этим известием сенаторов, что те поручили консулу Постумию следить, чтобы государство не потерпело ущерба, а сенатские постановления в таких выражениях принимались лишь в обстановке, чреватой исключительной опасностью³⁰¹. (10) Самого консула сочли необходимым оставить в Риме для проведения набора всех, кто только способен носить оружие, а вместо него отправить в лагерь подкрепление союзников под началом Тита Квинкция. (11) Латинам, герникам и поселенцам Антия было приказано составить войско из солдат непредвиденного набора – так называлось тогда срочно собранное подкрепление.

5. (1) Превосходящие силы неприятеля действовали в те дни повсюду, нанося одновременные удары с разных сторон в надежде измотать римлян, у которых не было сил обеспечить круговую оборону. (2) Одновременно с осадой лагеря часть неприятельского войска была послана опустошать римские владения, а если повезет, попытаться захватить и Город. (3) Оборонять Рим должен был Луций Валерий, тогда как консула Постумия послали для пресечения грабежей в стране. (4) Ничто не осталось без внимания, позаботились обо всем: в Городе расставлена стража, у ворот – караулы, вдоль стен – дозорные, и перед лицом столь тревожных обстоятельств на несколько дней приостановлено было судопроизводство.

(5) Тем временем в лагере консул Фурий, поначалу легко выдерживавший осаду, сделал вылазку через задние ворота и, хотя мог преследовать утратившего бдительность неприятеля, замешкался в страхе, как бы по лагерю не ударили с другой какой-нибудь стороны. (6) Но брат консула – легат Фурий³⁰² – вырвался слишком далеко и в упоении боя не заметил, что свои отступают, а неприятель заходит с тыла. Отрезанный от своих, он тщетно пытался проложить себе дорогу в лагерь и пал в ожесточенной рубке; консул же, узнав о том, что брат его окружен, вновь устремился в бой, но выказал больше безрассудства, чем осторожности, (7) затесавшись в самую гущу сражавшихся, он был тяжело ранен и едва спасен теми, кто стоял рядом. (8) Гибель легата и рана консула поколебали боевой дух римлян и еще больше раззадорили врагов: их теперь не могло остановить никакое сопротивление, тогда как запертые в лагере римляне оборонялись, не надеясь больше на свои силы, и дело уже шло к губельному исходу, не подоспей Тит Квинкций с чужеземным подкреплением – войском латинов и герников. (9) Он подошел к

³⁰¹ Эта формулировка из *senatusconsultum ultimum*, т. е. сенатского постановления о крайних мерах (ср.: Цицерон. Первая речь против Катилины, 4; За Милона, 70; За Рабирию, 20), принадлежит более позднему времени. Первое такое постановление было принято в 121 г. до н. э. и предоставило консулу Опимию свободу действий против Гая Гракха. Все известные нам подобные постановления (121, 100, 77, 63 и 49 гг. до н. э.) касались только внутривосточной борьбы в Риме.

³⁰² Видимо, это – Публий Фурий Медуллин Фус, консул 472 г. до н. э., триумвир для раздачи наделов в колонии Антии в 467 г. до н. э. (см.: Ш., 1, 6).

эквам с тыла, когда те уже нацелились взять лагерь, в неистовстве потрясая отрезанной головой легата, но тут по данному издали знаку из лагеря была предпринята вылазка, и значительная часть вражеского войска попала в окружение. (10) В римских владениях бой был слабей, зато отступление эквов – беспорядочней: Постумий, расставивший отряды в нескольких удобных для нападения местах, ударил на эквов, когда те разделились, угоняя свою добычу. Рассыпавшееся воинство стало быстро отступать, но наткнулось на Квинкция, уже одержавшего победу и возвращавшегося вместе с раненым консулом. (11) Тут уж войско консула, отлично проведя бой, отомстило за его рану, за гибель когорт и легата. Обе стороны понесли в те дни большие потери. (12) За давностью событий трудно с уверенностью назвать точное число сражавшихся и убитых, однако Валерий Антиат решается подвести такие итоги: (13) в стране герников пало пять тысяч восемьсот римлян, Авл Постумий убил две тысячи четыреста эквов из тех, кто опустошал владения римлян, те же, кто уже уходил с добычей и наткнулся на Квинкция, понесли еще больший урон: из них истреблены были четыре тысячи, а если верить Антиату и быть точным до конца – то четыре тысячи двести тридцать человек³⁰³.

(14) По возвращении войска в Риме возобновилось судопроизводство. На небе было видение – множество пылающих огней; и другие пугающие явления можно было либо наблюдать воочию, либо рисовать со страху в собственном воображении. Чтобы прогнать страхи, было назначено трехдневное празднество, когда толпы мужчин и женщин наполняли храмы, моля богов о мире³⁰⁴. (15) Войска латинов и герников были отпущены домой с благодарностью от сената за безупречную службу. А тысяча антийских воинов, опоздавших с помощью – они явились, когда сражение уже кончилось, – были отосланы домой, можно сказать, опозоренными.

6. (1) Затем состоялись выборы; консулами стали Луций Эбуций и Публий Сервилий [463 г.]. Они вступили в должность в секстильские календы, с которых тогда начинался год³⁰⁵. (2) Время было тяжелое: как раз в тот год на Город и окрестности напал мор, поразивший равно и людей, и скот³⁰⁶; мор усиливался оттого, что из страха перед опустошительными набегами поселяне и их стада были размещены в городе. (3) При таком скоплении всякого рода живых существ горожане испытывали мучения из-за непривычной вони, поселяне – из-за того, что ютились в тесных помещениях, где духота не давала заснуть, а уход за больными и просто общение с ними распространяли заразу. (4) И вдруг в Город, едва сносивший эту гибельную напасть, явились послы от герников, сообщавшие о том, что вольски и эквы расположились в их землях лагерем, откуда все войско совершало опустошительные набеги на владения герников. (5) И не только сама малочисленность сената показала послам от союзников, что силы римского государства подорваны мором, но также и переданный им удручающий ответ, что пусть, мол, герники с латинами защищаются самостоятельно: из-за внезапного гнева богов болезнь опустошает Рим, но, если беда хоть немного отступит, римляне, как и в прошлом году и как всегда, окажут союзникам помощь. (6) Союзники возвратились домой с горестной вестью – куда горестней, чем та, с которой они отбывали: еще бы, ведь им самим теперь нужно было выстоять в войне, в которой и с римской поддержкой они едва б устояли. (7) Неприятель, однако, недолго оставался у герников и ринулся оттуда во владения римлян, разоренные и без бедствий войны. Не встретив на своем пути даже безоружных – ведь продвигались они

³⁰³ Валерий Антиат – историк-анналист I в. до н. э. Уже в древности достоверность приводимых им сведений, и особенно цифр, вызывала сомнения, что заметно и в отношении к ним Ливия (который, впрочем, нередко пользовался его сочинением).

³⁰⁴ Необычные и непонятные природные явления рассматривались как зловещие знамения, требующие искупительного обряда для умилостивления богов и предотвращения бедствия.

³⁰⁵ То есть 1 августа. Официальный год, отсчитывавшийся от вступления консулов (или замещающих их магистратов) в должность, в разные эпохи начинался в разное время, пока в 153 г. до н. э. его началом не было установлено 1 января.

³⁰⁶ У Ливия неоднократно встречаются упоминания об эпидемиях в Риме (см., например: II, 34, 5; III, 32, 2; IV, 20, 9; IV, 21, 2; IV, 21, 6; IV, 25, 4; IV, 30, 8; IV, 52, 2; V, 13, 4; V, 31, 5; V, 48, 2). Симптомы болезней, правда, не названы ни разу.

не только по незащищенной, но и по запустевшей местности, – неприятели достигли третьего камня на Габийской дороге.

(8) Римский консул Эбуций умер, а в его сотоварище Сервилии жизнь еле теплилась, не оставляя надежд на выздоровление. Болезнь поразила большинство знатных людей, большую часть сенаторов и почти всех, кто по возрасту подлежал призыву на военную службу, так что не только для походов, столь необходимых при нынешних обстоятельствах, но даже для караульной службы сил не хватало. (9) Стражу несли сами сенаторы, насколько позволяли им возраст и здоровье, а обходом сторожевых постов занимались плебейские эдилы³⁰⁷: к ним теперь перешли и верховная власть, и консульское величие.

7. (1) В этом всеобщем запустении обезглавленному и обессиленному Городу пришли на помощь боги и покровительница Рима – Фортуна, внушившая эквам и вольскам мысль заняться не войной, а разбоем. (2) Они сочли безнадежным делом не то что взять, но даже приблизиться к стенам Рима, и, еще издали завидев крыши Города на холмах, отказались от этого намерения, (3) а по всему лагерю прокатился ропот, что-де не стоит попусту тратить время в этой опустошенной и брошенной стране, среди падали и трупов, тогда как можно двинуться в безопасные места, например в богатые добычей окрестности Тускула; и вот, внезапно снявшись с места, они прошли стороной, пересекли лабиканские земли и взошли на Тускуланские холмы. Здесь и разразились со всей силою бедствия войны. (4) Тем временем герники и латины, движимые состраданием и стыдясь не выступить против общего врага, рьяно наступавшего на Рим, и не послать осажденным союзникам никакого подкрепления, соединив свои войска, двинулись на помощь римлянам. (5) Не обнаружив там неприятеля, они стали его выслеживать и встретили, когда тот уже спускался с Тускуланских холмов в Альбанскую долину. Сражение было неравным, и верность союзников не принесла успеха.

(6) В Риме от болезни умерло не меньше людей, чем погибло у союзников на поле боя. Умер и другой консул, умерли прочие славные мужи, авгуры Маний Валерий и Тит Вергиний Рутил, верховный курион³⁰⁸ Сервий Сульпиций; в полной мере всю свою силу показала болезнь среди простого люда. (7) Не надеясь на человеческие силы, сенат велел народу дать обеты богам: всем было приказано, взяв жен и детей, идти и молить богов, чтоб смилостивились. (8) То, к чему каждого понуждала своя беда, теперь почиталось общественным долгом, и храмы заполнились людьми. Повсюду распростертые ниц матроны мели волосами храмы, прося небожителей утолить свой гнев и положить конец чуме.

8. (1) Мало-помалу – по милости ли богов или потому, что миновало самое трудное время года, – те, кто перенес болезнь, стали поправляться. Снова предметом общей заботы сделались дела государства, а после нескольких (2) периодов междуцарствия³⁰⁹ Публий Валерий Публикола, став интеррексом, на третий день [462 г.] объявил консулами Луция Лукреция Триципитина и Тита Ветурия (или, может быть, Ветузия) Гемина. (3) Они вступили в должность консулов накануне третьего дня после секстильских ид³¹⁰, когда государство уже вполне окрепло и было в силах не только отразить нападение врага, но и само начать войну. (4) Вот почему герникам, сообщившим о том, что неприятели вторглись в их владения, была немедленно обещана

³⁰⁷ Первоначально плебейские эдилы были помощниками народных трибунов. Эдильская должность была учреждена вместе с трибунской, но в II, 33, 2 не упомянута. В обязанности эдилов (вероятно, от *aedes* – «храм») входило поддержание культа Цереры и надзор за ее храмом (см. ниже примеч. 95). Впоследствии функции плебейских эдилов расширились, и уже ко второй половине V в. до н. э. (т. е. после децемвирата) они получили статус самостоятельного магистрата.

³⁰⁸ В каждой из 30 курий (см.: I, 13, 6 и примеч. 56 к кн. I) был жрец-курион, ведавший ее культами. На эту должность избирался пожизненно человек не моложе 50 лет. Во главе коллегии курионов стоял верховный курион. До 210 г. до н. э. верховным курионом мог быть только патриций.

³⁰⁹ О междуцарствии (*interregnum*) см.: I, 17, 5–10. Этот институт (под тем же названием, как подчеркивает Ливий) существовал в Риме и после упразднения царской власти, находя себе применение в случае одновременной гибели или отстранения от должности обоих консулов.

³¹⁰ То есть 11 августа.

помощь. Набрали два консульских войска. Ветурий был послан начать войну с вольсками, (5) Триципитин оставался в стране герников, охраняя их владения от грабежей. Ветурий разбил и обратил неприятеля в бегство в первом же сражении; (6) Лукреций же не заметил, как грабители перевалили за Пренестинские горы и спустились в долину. Там они разорили окрестности Пренесты и Габий, а потом повернули к Тускуланским холмам. (7) Сильный страх охватил и Рим, но вызван он был скорее внезапностью нападения, потому что в Городе было довольно сил для отражения неприятеля.

Рим был оставлен на попечение Квинта Фабия. Вооружив молодежь, он расставил караулы, обезопасив и успокоив Город. (8) Итак, неприятель грабил ближайшие окрестности, не решаясь подступить к Риму, но, когда, развернувшись, двинулся назад, по мере удаления от вражеского города стал терять бдительность и наткнулся на консула Лукреция, который заранее разведдал дороги и теперь стоял наготове в ожидании сражения. (9) Напав, таким образом, из засады на перепуганного от неожиданности неприятеля, римляне, хотя и уступали ему числом, разгромили и обратили в бегство множество врагов, загнали их в ущелье, откуда невозможно было выбраться, и окружили. (10) Там было истреблено чуть ли не все племя вольсков. В некоторых летописях я нашел сведения о тринадцати тысячах четырехстах семидесяти павших в бою и во время бегства, о тысяче семистах пятидесяти взятых в плен живыми и о двадцати захваченных знаменах³¹¹: даже если это и несколько преувеличенные сведения, перебиты там были действительно многие. (11) Одержав победу, консул с богатой добычей вернулся в свой лагерь. Затем оба консула объединили войска и эквы с вольсками собрали свои раздробленные силы. Произошло третье за этот год сражение. И снова удача была на стороне победителей, неприятель разгромлен, а лагерь его захвачен.

9. (1) Таким образом, римское государство вернулось в прежнее положение, но военные успехи немедленно вызвали смуту в Городе. Народным трибуном был в тот год Гай Терентий Гарса. (2) Сочтя, что в отсутствие консулов трибуну открыт путь к действиям, он несколько дней кряду обвинял перед плебеями патрициев в высокомерии, но особенно ополчился он против консульской власти, которую объявлял ненужной и нетерпимой в свободном обществе. (3) Само-то имя не вызывает ненависти, но, по существу, она страшней даже царской; (4) ведь вместо одного государя здесь – двое, и власть их безгранична и безмерна: своевольные и необузданные, они карами внушают плебеям страх перед законом. (5) Так вот, дабы не простирать это владычество на вечные времена, он предлагает принять закон об избрании пяти уполномоченных для составления законов о консульской власти, согласно которым консулы пользовались бы лишь теми правами, какими наделит их народ, и не считали бы законом собственные прихоти и произвол³¹².

(6) Патриции опасались в отсутствие консулов попасть под ярмо нового закона, и тогда Квинт Фабий, на чье попечение был оставлен Город, созвал сенат и с такой страстью обрушился на само это предложение и на того, кто его внес, (7) что и обоим консулам нечего было бы добавить к произнесенным угрозам и брани, окажись они теперь возле ненавистного трибуна, которого обвинили в злокозненном нападении на государство при первом же удобном случае: (8) «Если бы боги в гневе наградили нас таким трибуном в прошлом году, в разгар войны и чумы, мы не смогли бы остановить его. А ведь тогда – после смерти двух консулов,

³¹¹ Преувеличенные цифры, возможно, свидетельствуют о том, что и здесь Ливий использовал в качестве источника труд Валерия Антиата (см. выше: примеч. 10). «Летописи» (анналы), о которых здесь идет речь, – это не свидетельства современников событий, а сочинения предшественников Ливия, историков-«анналистов», излагавших события по годам (как это делает и сам Ливий).

³¹² Борьба за кодификацию и обнародование законов, деятельность созданной для этого Комиссии десяти (децемвиров), сосредоточившей на время всю власть в своих руках, и, наконец, издание так называемых Законов XII таблиц составили основное содержание политической жизни Рима на протяжении последующих десяти с лишним лет. Поэтому можно предположить, что и Терентий Гарса в действительности предлагал создать комиссию из пяти членов с консульской властью для записи законов (полномочия и прерогативы консулов под сомнение никогда не ставились).

в ослабленном болезнями Городе, при расстройстве всех дел – внести закон об упразднении консульской власти означало бы стать полководцем осаждавших Рим вольсков и эквов. И для чего все это? (9) Разве за своевольное и жестокое обращение консула с любым гражданином не может трибун вызвать консула в суд и обвинить его перед теми самыми судьями, одним из которых оказался бы тот, кто стал жертвой консульской жестокости. (10) Терентилий делает невыносимым и ненавистным не консульское правление, но власть трибунов, уже примирившихся было с патрициями и теперь вновь совращенных на прежний гибельный путь. (11) Не уговаривая Гарсу прекратить то, что он начал, я прошу вас, трибуны, не забывать о том, что вы наделены полномочиями для помощи отдельным гражданам, а не для всеобщей гибели: вы избраны трибунами простого народа, а не врагами отцов. (12) Нападки на наше брошенное на произвол судьбы государство сделают нас жалкими, а вас – ненавистными. Речь идет об уменьшении не ваших прав, но ненависти к вам. Договоритесь с вашим товарищем отложить все это дело до возвращения консулов. Даже эквы с вольсками, когда в прошлом году чума унесла обоих консулов, не стали глумиться над нами и воздержались от нападения».

(13) Трибуны переговорили с Терентилием, и предложение его было как будто отложено, а на деле провалено; консулов же немедленно отозвали в Рим.

10. (1) Стяжав большую добычу и гораздо большую славу, вернулся Лукреций. Слава же его возросла оттого, что тотчас по возвращении он разложил всю добычу на Марсовом поле, чтобы каждый мог в течение трех дней уносить домой то, что признает своим. То, что не нашло хозяина, распродали. (2) По общему мнению, консулу полагался триумф, но дело было отложено из-за трибуна, не дававшего покоя с новым законом, который и консулу казался более важным делом. (3) Несколько дней кряду этот вопрос разбирался то в сенате, то в собрании. Наконец трибун, подчинившись влиянию консула, отступился. Тогда полководцу и войску воздали причитающиеся им почести: (4) за победу над вольсками и эквами Лукреций был удостоен триумфа, вслед за полководцем шествовали его легионы. Другому консулу присудили овацию, и он вошел в Рим без войска³¹³.

(5) И на следующий год закон Терентилия, предложенный теперь уже всеми трибунами, досаждал новым консулам, каковыми стали Публий Волумний и Сервий Сульпиций. (6) В тот год [461 г.] в небе стояло зарево, а земля сотрясалась страшными толчками³¹⁴. Говорящая корова, в которую в прошлом году никто не верил, теперь не вызывала сомнений. Среди прочих знамений упоминают о падавших с неба кусках мяса и об огромной стае птиц, которые на лету склевывали этот дождь, а то, что упало и рассыпалось по земле, не протухло и по прошествии нескольких дней. (7) Через дуумвиров по священным делам обратились к Сивиллиным книгам³¹⁵: предсказано было, что угроза исходит от собравшихся вместе чужеземцев, которые могут напасть на Город и погубить его; было дано также предостережение не затевать смут. Трибуны обжаловали его как умышленное препятствование закону, и теперь предстояла открытая борьба.

³¹³ Если не было соблюдено какое-нибудь из условий, необходимых для получения триумфа (см. выше: примеч. 17 к кн. II), сенат мог присудить полководцу «овацию», которая была, в сущности, менее торжественной формой триумфа. Полководец вступал в город пешком или верхом на коне, одетый в окаймленную пурпуром тогу, с миртовым венком на голове; сопровождавшая его процессия была гораздо менее пышной, чем триумфальная. У Ливия встречаются упоминания об овациях для 421 (IV, 43, 2), 410 (IV, 53, 11) и 390 (V, 31, 4) гг. до н. э.

³¹⁴ О знамениях см. выше: примеч. 11. 70–60-е годы V в. до н. э. были отмечены повышением сейсмической активности в Греции и Риме. Ср.: Диодор Сицилийский. 11, 63, 1–2; Фукидид. I, 128, 1, II, 27, 2.

³¹⁵ Книги пророчеств (*Sibyllini libri* – Сивиллины книги), по преданию, приобретенные Тарквинием Гордым, представляли собой собрание стихотворных оракулов и хранились в храме Юпитера на Капитолии. К этим книгам обращались по решению сената, чтобы определить, что следует предпринять для умилостивления богов при неблагоприятных знамениях или вообще в тяжелых для государства обстоятельствах. Сивиллины книги находились в ведении жреческой коллегии хранителей и истолкователей – сначала двоих (дуумвиры по священным делам), с 367 г. до н. э. десятиерых (децемвиры – см.: VI, 37, 12; 42, 2), а в 82–81 гг. до н. э. число их достигло 15 (квиндецемвиры).

(8) Как вдруг, словно события обратились вспять, герники сообщают о том, что эквы и вольски, несмотря на подорванные силы, вновь снаряжают войско; главную ставку они делают на Антий, жители которого открыто собираются и совещаются в Эцетрах; отсюда, по их словам, война берет начало и силы. (9) Как только сенат был извещен об этом, объявили набор. Одному консулу приказали идти на вольсков, другому – на эквов.

(10) Но трибуны объявили войну с вольсками разыгранной на форуме комедией, в которой была заготовлена роль и для герников: не умея отнять у римлян свободу в открытом бою, они ловчат и лгут; (11) никто не поверит, чтоб почти уничтоженные вольски и эквы по собственному почину вновь подняли оружие, и вот выискался новый враг: (12) невинным антийцам объявляют войну, а воевать будут римские плебеи. Обремененных оружием, консулы быстро погонят их из Рима, мстя трибунам удалением, а вернее, изгнанием граждан; (13) закон, таким образом, не пройдет, нечего и думать об этом, если только плебеи, пока они еще дома, пока они еще не на военной службе, не позаботятся о том, чтоб не попасть под ярмо и навсегда не лишиться Города. (14) Было бы только мужество, а силы найдутся: все трибуны уверены в этом. Ничто не угрожает нам извне, и никаких трудностей тоже нет: в прошлом году боги позаботились о том, чтоб народ смог защитить свободу. Так сказали трибуны.

11. (1) На глазах у них консулы расставили в противоположной стороне форума кресла и начали набор. Туда, увлекая за собой собравшуюся толпу, сбежались трибуны. Кое-кого вызвали как бы для выяснений, но тотчас применена была сила. (2) Кого бы по приказу консула ни хватал ликтор, трибун повелевал отпустить; стремление соблюсти личные права нарушило порядок, каждый полагался на себя, и желаемое приходилось вырывать силой.

(3) Точно так же, как вели себя, запрещая набор, трибуны, действовали сенаторы, не допуская голосования о законе, который предлагался народному собранию всякий раз, как оно созывалось. (4) Драка начиналась всегда с того, что всякий раз, как трибуны приказывали народу разойтись для голосования, патриции отказывались двигаться с мест. Знатнейшие почти не принимали в этом участия, ибо дело вершил не разум, а наглый произвол.

(5) По большей части в стороне держались и консулы, чтоб при таком обороте дела не было как-нибудь оскорблено их достоинство.

(6) Больше других своей знатностью и силой кичился в то время статный юноша Цезон Квинкий. К тому, чем наградили его боги, он присовокупил блестящие подвиги на войне и красноречие на форуме, так что никто в Риме не мог считаться ни более храбрым, ни более речистым. (7) Появляясь среди патрициев, он выделялся из всех, в его голосе и силе словно бы воплощались все консульства и диктатуры. Он в одиночку сдерживал натиск трибунов и неистовство народа. (8) Под его предводительством с форума нередко прогоняли трибунов, расталкивали и обращали в бегство толпу; сопротивлявшихся избивали и выгоняли, сорвав с них одежду, и не оставалось сомнений, что если он и впредь так будет себя вести, то закон не пройдет.

(9) И тут, при почти полном замешательстве остальных трибунов, один из них, Авл Вергиний, обвинив Цезона в уголовном преступлении³¹⁶, вызывает его в суд. Но это вовсе не устранило, а только распалило неукротимый дух Цезона; он стал еще непримиримее к предложенному закону, возмутил народ и пошел настоящей войной против трибунов. (10) Обвинитель не сдерживал обвиняемого, позволив ему самому возбудить против себя ненависть и дать новые доказательства своей виновности: закон вносился на обсуждение уже не затем, чтобы быть принятым, а чтобы раздражить опрометчивого Цезона. (11) К тому же многие необдуманные слова и поступки молодежи приписывались Цезону, ибо только его и считали на них способ-

³¹⁶ То есть в преступлении, которое влечет за собой смертную казнь или потерю прав (свободы либо гражданства), иными словами, касается того, что римляне называли «сарит» – букв. «голова» (отсюда и русское «уголовное»). Римский гражданин мог предупредить приговор добровольным изгнанием.

ным. Но противодействие закону не прекращалось. (12) Авл же Вергиний все твердил народу: «Неужто вам непонятно, квиниты, что нельзя одновременно числить Цезона среди сограждан и получить желанный закон? (13) Да что говорить о законе! Ведь он отнимает у вас свободу, превосходя гордыней всех Тарквиниев. Вы дождетесь, что тот, кто, будучи частным лицом, благодаря своей силе и наглости ведет себя как царь, сделается консулом или диктатором!» Многие соглашались с ним, жалуясь на нанесенные побои и требуя от трибуна, чтобы тот довел дело до конца.

12. (1) Приближался день суда, и люди, казалось, уверовали в то, что от осуждения Цезона зависит их свобода. Только это и заставило его, вызывая еще большую ненависть, кое-кого просить о помощи. С ним пришли его близкие, первые люди государства. (2) Тит Квинкий Капитолин, трижды бывший консулом, много говорил о своих и рода своего подвигах, чтобы объявить, (3) что никогда еще ни в роду Квинкиев, ни в целом Риме не было человека, от природы наделенного такой доблестью. Цезон, говорил он, уже в самом начале своей воинской службы на его глазах вступал в единоборство с неприятелем. (4) Спурий Фурий рассказал, как Цезон, будучи послан Квинтом Капитолином, в трудный час подоспел к нему на выручку: «Никому не обязан я так, как ему, спасением дела». (5) Консул прошлого года Луций Лукреций, чья слава еще не успела померкнуть, заявил, что делит свои заслуги с Цезоном, вспомнил о боях, перечислил подвиги его в походах и сражениях, просил и настаивал на том, что (6) столь замечательного, щедро одаренного природой и судьбой юношу, призванного занять выдающееся место в любом государстве, куда бы он ни пришел, предпочтительней числить в своих, а не в чужих согражданах. (7) Его горячности и дерзости, вызывающих теперь неприязнь, с возрастом убудет, а рассудительность, в которой он так нуждается, день за днем прибывает; чтоб порочность его истошилась, а доблесть созрела, такому человеку надобно дать состариться в Риме.

(8) Среди защищавших Цезона был и отец его, Луций Квинкий, по прозвищу Цинциннат, который просил простить его сыну ошибки молодости и, чтобы перечнем сыновних заслуг не усугубить ненависти, умолял помиловать его и напоминал о том, что сам он, Цинциннат, ни словом ни делом ни перед кем не провинился. (9) Одни не слушали эти мольбы – кто из застенчивости, кто из страха, другие в ответ жаловались сами, выставя следы побоев, и их злоба предвещала приговор.

13. (1) Всеобщую ненависть к обвиняемому усугубляло еще одно преступление, свидетелем которого выступил Марк Вольсций Фиктор, бывший за несколько лет до того народным трибуном. (2) Вскоре после избавления Города от чумы он наткнулся на Субуре³¹⁷ на шайку бесчинствующих юнцов. Завязалась ссора, во время которой Цезон ударил и сбил с ног старшего брата Фиктора, еще не вполне окрепшего после болезни: (3) полуживого, его на руках отнесли домой, и умер он, как полагали, от этого удара, но консулы прошлых лет не дали довести до конца расследование столь темного дела. Людей так взбудоражили разоблачения Вольсция, что толпа едва не растерзала Цезона.

(4) Вергиний приказал схватить Цезона и заточить в темницу. Но патриции на силу ответили силой. Тит Квинкий говорил, что нельзя нападать на того, кто обвинен в уголовном преступлении и должен предстать перед судом. (5) Трибун возразил, что не казнит Цезона до вынесения приговора, но что до суда тот останется в темнице и только римский народ вынесет свой приговор убийце. (6) Были призваны другие трибуны, и они приняли промежуточное решение: воспользовавшись своим правом заступничества, они запретили держать Цезона в заточении, но объявили о привлечении его к суду и сказали, что в случае неявки потребуют обещания об уплате пени. (7) О размерах пени, достаточной для обещания, договориться не удалось,

³¹⁷ Людная и шумная улица Рима, проходившая на северо-восток от Форума, между холмами Виминалом и Эсквилином. Один из торговых и ремесленных центров города.

и вопрос передали сенату. Пока совещались с сенаторами, обвиняемого держали под стражей. (8) Было решено назначить поручителей, из которых каждый вносил залог в три тысячи медных ассов. Определить число поручителей было вверено трибунам. Сошлись на десяти: столько поручителей обвинитель счел достаточной порукой для обвиняемого. Так Цезон первым в Риме представил общественных поручителей. Отпущенный с форума, он ближайшей ночью удалился в Этрурию³¹⁸. (9) И, хотя в день суда в его оправдание говорили, что он ушел как изгнанник, тем не менее Вергиний не закрывал собрания³¹⁹ и люди были отпущены другими трибунами. (10) У отца Цезона безжалостно отобрали все деньги; распродав свое имущество, он довольно долго жил, точно в ссылке, в заброшенной лачуге где-то за Тибром.

14. (1) И судебное разбирательство, и закон занимали государство, а неприятель не тревожил оружием. (2) И, хотя трибуны, сочтя себя победителями, не сомневались в принятии закона, патриции после изгнания Цезона пали духом, а знатнейшие из них готовы были уступить управление государством; но молодежь, особенно из Цезонова окружения, не оробела и все больше ожесточалась против плебеев; (3) правда, успех им сопутствовал, когда они несколько сдерживали свой пыл. (4) Как только после изгнания Цезона был внесен на рассмотрение закон, они во главе целого воинства клиентов³²⁰ выступили против трибунов, лишь тогда, когда те, попытавшись прогнать их, сами предоставили повод к нападению. Затем юноши разошлись по домам, равно увенчанные славой и ненавистью: вместо одного Цезона, жаловался простой народ, явилась тысяча.

(5) В обычные дни, когда трибуны не добивались принятия закона, никто не вел себя тише и миролюбивее этих юношей: они радушно приветствовали плебеев и говорили с ними, приглашали домой, часто были вместе на форуме, не чиня ни малейших помех трибунам, когда те созывали другие собрания. (6) Ни в общественной, ни в частной жизни они никому не угрожали до тех пор, пока не начиналось обсуждение закона; во всех других случаях эти юноши пользовались расположением народа. А трибуны не только спокойно завершили остальные дела, но даже были вновь избраны на следующий год. Без единого грубого слова, не говоря уже о применении силы, но одним лишь ласковым обхождением плебеи были постепенно укрощены. В продолжение целого года эти уловки позволяли уклоняться от принятия закона.

15. (1) Консулы Гай Клавдий, сын Аппия, и Публий Валерий Публикола застают государство уже вполне успокоенным. Новый год [460 г.] не принес новых волнений. Провести и принять ли закон – вот о чем была забота в Городе. (2) Чем сильнее патрицианская молодежь располагала к себе плебеев, тем яростней противодействовали ей трибуны, своими обвинениями внушая подозрение плебеем: уже составлен заговор, Цезон в Риме; (3) первым делом порешили убить трибунов и обезглавить плебеев; старшие патриции поручили молодым уничтожить власть трибунов и вернуть государству тот образ правления, что был в нем до захвата Священной горы.

(4) Опасались и ставшей почти привычной войны с вольсками и эквами, которая возобновлялась чуть ли не каждый год, но вдруг гораздо ближе грянула новая неожиданная беда³²¹. (5) Изгнанники и рабы, числом до двух с половиною тысяч³²², ведомые сабинянином Аппием Гердонием, ночью заняли капитолийскую Крепость. (6) Те в Крепости, кто отказался примкнуть к ним и взяться за оружие, были перебиты; остальные в суматохе и страхе помчались сломя

³¹⁸ Детали рассказа о суде над Цезоном Квинкцием вызывали по тем или иным причинам сомнение в его достоверности.

³¹⁹ Желая осудить Цезона в его отсутствие.

³²⁰ См.: примеч. 41 к кн. II.

³²¹ Следующее далее повествование о заговоре Гердония отмечено влиянием описаний заговора Катилины (63 г. до н. э.) у Цицерона и Саллюстия, некоторые детали и мотивы характерны для более поздних времен. Само событие, видимо, не вымышлено. Высказывалось предположение, что рассказ о нем может восходить к семейным преданиям рода Мамилиев (см.: III, 18, 2; 29, 6; ср. также: I, 49, 9), игравшего заметную роль в политической жизни Рима в III в. до н. э.

³²² Цифра эта вряд ли заслуживает доверия.

голову на форум. «К оружию! Враг в городе!» – кричали они. (7) Не зная, откуда – извне или изнутри – пришла неожиданная беда, из-за ненависти ли плебеев, из-за предательства ли, рабов разразилась она над Римом, консулы опасались и вооружать плебеев и оставлять их безоружными. Консулы обуздывали волнения, но, обуздывая, лишь возбуждали новые, и охваченная страхом толпа была уже не в их власти. (8) Они все же раздали оружие, но не всем, а столько, сколько нужно, чтоб иметь надежную охрану против неизвестного врага. Остаток ночи они провели в заботах, расставляя караулы в ключевых местах по всему городу, не зная о врагах, ни сколько их, ни кто они такие. (9) Утром стало ясно, кто нападает и под чьим предводительством. Аппий Гердоний с Капитолия призывал рабов к свободе: он-де встал на защиту самых несчастных³²³, намереваясь вернуть на родину несправедливо изгнанных и снять с рабов их тяжкое иго; он предпочитает, чтоб римляне совершили все сами, но, если надежда эта не оправдается, решится на самые крайние меры³²⁴ и призовет на помощь вольсков и эквов.

16. (1) Сенаторам и консулам все стало ясно. Кроме того что им было известно, они опасались заговора вейян и сабинян, которым стоило только подвести заранее набранные легионы к Городу, где уже угнездился неприятель, (2) а тогда вольски и эквы, вечные враги Рима, явятся не для опустошения страны, как прежде, но войдут в самый Город, уже отчасти взятый. (3) Многое вызывало опасения, но сильнее всего был страх перед рабами: в каждом доме мог оказаться враг, которому опасно доверять и опасно не доверять, чтобы не ожесточить еще сильнее. Казалось, согласию сословий пришел конец. (4) В захлестывающей пучине бедствий никто не боялся ни трибунов, ни плебеев: эта беда, пробуждающаяся, лишь только пройдут другие беды, казалось, уступила место внешним угрозам. (5) Но нет, она-то и обрушилась в час худших испытаний. Трибунами овладело настоящее безумие, и они уверяли, что на Капитолии дело идет не о войне, но лишь о призраке войны, призванном отвлечь внимание плебеев от обсуждения их закона; если же по принятии закона гости и клиенты патрициев увидят, что их напрасно растревожили, то они уйдут оттуда тише, чем пришли.

(6) После этого трибуны призвали народ, оставив оружие, проголосовать за принятие закона. Тем временем консулы, которым трибуны внушали больше страха, чем ночное нападение на Капитолий, созвали сенат.

17. (1) После того как стало известно, что люди, бросив оружие, оставили караулы, Публий Валерий вышел из курии³²⁵, где другой консул задерживал сенат, и пришел к трибунам на освященное место³²⁶. (2) «В чем дело, трибуны? – спросил он. – Под водительством и с благословения Аппия Гердония вы намереваетесь ниспровергнуть государство? Счастлив же тот, кто, не сумев возмутить рабов ваших, совратил вас самих! И вот вы бросаете оружие и обсуждаете законы, когда враг у вас над головами?» (3) Затем он обратился с речью к толпе: «Если вас, квирицы, не касаются дела Города и ваши собственные, то потревожьтесь за ваших богов, захваченных неприятелем. Осаждены и Юпитер Всеблагий Величайший, и царица Юнона, и Минерва³²⁷, и прочие богини и боги, лагерь рабов занимает место ваших пенатов. (4) Значит, так, по-вашему, должно выглядеть процветающее государство? Враг не только за городскими стенами – он уже в Крепости, над форумом и курией, а тем временем на форуме толпится народ, в курии заседает сенат, сенатор выступает так, словно квирицы голосуют и царит мир. (5) Но не пора ли патрициям и плебеям, консулам, трибунам, богам и людям, вооружившись, броситься на Капитолий, освободить и вернуть мир в священную обитель Юпитера Всеблагого Величайшего? (6) Отец наш Ромул, даруй своим потомкам ту волю, с которой ты некогда

³²³ Ср.: Саллюстий. Заговор Катилины, 35, 5.

³²⁴ Ср.: Саллюстий. Заговор Катилины, 26, 5.

³²⁵ Ср.: Саллюстий. Заговор Катилины, 36, 2 и 32, 1.

³²⁶ См.: примеч. 114 к кн. II.

³²⁷ Юпитер, Юнона Царица и Минерва составляли так называемую Капитолийскую троицу, почитавшуюся в Капитолийском храме.

отнял Крепость у тех же сабинян, захвативших ее с помощью денег!³²⁸ Вели нам идти тем же путем, каким ты, вождь, шел и вел свое войско! А я, консул, первым последую за тобой, если я, смертный, смогу идти по стопам бога!» (7) Под конец речи он сказал, что берется за оружие сам и всех квиритов призывает к оружию. Если же кто ему помешает, он не станет и думать ни о консульских полномочиях, ни о власти трибунов, ни о законе об их неприкосновенности, но поведет себя с ним как с врагом, кто б он ни был, где б ему ни попался – на Капитолии или на форуме. (8) Пусть-ка трибуны прикажут повернуть оружие против консула Публия Валерия, раз они запретили поднять его против Аппия Гердония: он, Валерий, осмелится выступить против трибунов, как когда-то основатель его рода выступил против царей³²⁹.

(9) Казалось, разразится жестокая борьба и распрю между римлянами будет наблюдать неприятель. Закон не мог быть внесен, консулу не было пути на Капитолий. Ночь прекратила разгоревшийся спор, ночью, уstraшенные консульским оружием, трибуны отступили. (10) Когда зачинщики смуты удалились, патриции обошли плебеев и, находясь среди них, искусно завязывали разговоры, заставляя понять, какому испытанию те подвергают государство: (11) борьба, мол, идет не между патрициями и плебеями, но Крепость, и храмы богов, и общественные, и частные пенаты³³⁰ выдаются врагу. (12) Пока на форуме пытались справиться с раздорами, консулы обошли ворота и стены, дабы удостовериться, не заметно ли приготовлений сабинян или вейян.

18. (1) В ту же ночь о захвате Крепости, занятии Капитолия и об остальном происходящем в растревоженном Городе узнали в Тускуле. (2) Диктатором там был тогда Луций Мамиллий. Он тотчас созвал сенат и привел туда вестников, настойчиво убеждая сенаторов не ждать, пока из Рима явятся послы с просьбой о помощи: (3) ее требуют и угрожающее положение, и верность договорам, и боги – покровители союза³³¹. Такой возможности оказать благодеяние столь же могущественному, сколь и близкому государству боги никогда больше не предоставят. (4) Решено было помочь римлянам: начался набор молодежи и раздача оружия. Подойдя на рассвете к Риму, они были изданы приняты за врагов (показалось, что это наступают эквы или вольски), но, когда наконец напрасный страх исчез, их впустили в Город и они строем прошли на форум.

(5) Там уже выстраивал войско Публий Валерий, оставив другого консула охранять ворота. (6) За ним пошли, доверившись его речам, не чинить помех собранию, если, освободив Капитолий и утихомирив Город, плебеи позволят ему объяснить, что за коварный умысел таится в предлагаемом трибунами законе, и не забыть о своем прозвище, которое ему как наследство от предков передает заботу о народе. (7) За этим-то вождем, под напрасные призывы трибунов вернуться, плебеи в боевом порядке взобрались на Капитолийский холм. К ним присоединился и тускуланский легион. Союзники и римляне заспорили, кому должна принадлежать честь освобождения Крепости: оба полководца настраивали на это своих. (8) Тут неприятель растерялся, не уповав более ни на что, кроме самой Крепости; воспользовавшись этой растерянностью, римляне и их союзники пошли на приступ и уже ворвались в преддверие храма, как вдруг убивают Публия Валерия, который пошел в бой одним из первых. Его падение заметил бывший консул Публий Волумний. (9) Он приказал своим воинам спрятать тело, а сам быстро занял место убитого консула. В пылу атаки воины не заметили случившегося и одержали победу прежде, чем увидели, что сражались без полководца.

(10) Много изгнанников осквернило храм своею кровью, многих взяли в плен, Гердония казнили. Так был отвоеван Капитолий. Для пленных уготован был род казни, соответствовав-

³²⁸ См.: I, 11, 6, 12, 10.

³²⁹ Публий Валерий, сын Волеза (I, 58, 6), впоследствии прозванный Публиколой (II, 8, 1).

³³⁰ Пенаты частные – боги-хранители дома; общественные – боги-хранители государства. Так же назывались изображения этих богов – главные святыни дома и государства.

³³¹ Тускул входил в Латинский союз и в 493 г. до н. э. подписал Кассиев договор (см.: примеч. 76 к кн. II).

ший их положению свободных или рабов³³²; тускуланцев поблагодарили; Капитолий очистили и освятили. (11) Плебеи, как сообщают, бросали к дому консула по четверти асса, чтоб почтить его более пышными похоронами³³³.

19. (1) Когда спокойствие было восстановлено, трибуны стали взывать то к сенаторам, чтоб те выполнили обещанное Публием Валерием, то к Гаю Клавдию, чтобы тот избавил манов своего убитого товарища³³⁴ от лжи и дозволил обсуждение закона. Однако до избрания нового консула Клавдий не давал разрешения на обсуждение закона и голосование. (2) Споры эти затянулись до выборов нового консула. В декабре стараниями патрициев консулом становится Луций Квинкций Цинциннат, отец Цезона, который должен был немедленно вступить в должность. (3) Плебеи опасались иметь консулом человека, озлобленного против них, твердо опирающегося на поддержку сенаторов и собственную доблесть, отца троих сыновей, из которых ни один не уступал Цезону в мужестве, а рассудительностью и сдержанностью могли бы, если потребуется, превзойти брата.

(4) Вступив в должность, Квинкций беспрестанно выступал с речами, но выказал меньше строгости, сдерживая плебеев, чем выговаривая сенаторам за бездействие: трибуны-де уже увекочили свою власть, которой распоряжаются так, словно они не в государстве римском, а в заброшенном доме. (5) Вместе с его сыном Цезоном из Рима безвозвратно изгнаны доблесть, стойкость и все прочие достоинства молодежи, необходимые и для войны, и для дома. А болтуны, заговорщики, сеятели раздоров, в другой и в третий раз благодаря самым гнусным ухищрениям ставшие трибунами, хозяйничают повсюду.

(6) «Неужто этот вот Авл Вергиний за то, что не был с ними на Капитолии, меньше заслуживает казни, чем Аппий Гердоний? Готов поклясться, что даже больше, если только правильно смотреть на вещи. Гердоний по крайней мере, объявив себя врагом, почти заставил вас взяться за оружие, а этот, отрицая всякую войну, лишил вас оружия и незащищенными предал вашим рабам и изгнанникам. (7) И вы – не в обиду Гаю Клавдию и павшему Публию Валерию будь сказано – пошли на приступ Капитолийского холма, не изгнав сначала врагов с форума? Перед богами и людьми стыдно! Враг был в Крепости, на Капитолии, предводителю изгнанников и рабов, оскверняющему все вокруг, жилищем служит храм Юпитера Всеблагого Величайшего, а в Тускуле взяли за оружие раньше, чем в Риме! (8) Сомневались, Мамилию ли, предводителю тускуланцев, или консулам Валерию и Клавдию освободить твердыню Рима, и вот теперь мы, не позволявшие латинам вооружаться для их собственной защиты от вторгшихся врагов, были б пленены и разбиты, если б те же латины по собственной воле не взяли за оружие. (9) Обречь безоружных на смерть от вражеского меча – это значит, трибуны, по-вашему помочь народу? Так что если какой-нибудь ничтожный человечешко из тех плебеев, что вы отторгли от остального народа, создав этим как бы собственное отечество и отдельное государство, если кто-то из них известит вас о том, что дом его осажден вооруженной челядью, то вы сочтете необходимым прийти к нему на помощь (10), а Юпитер Всеблагий Величайший, которого обступили вооруженные рабы и изгнанники, человеческой помощи уже не заслуживает? И те, для кого боги не священны и не святы, требуют, чтоб с ними обращались как со святынею? (11) Под бременем преступлений против богов и людей вы с прежним упорством домогаетесь нового закона. Но готов поклясться, что, если вы проведете закон, день моего избрания консулом принесет государству куда больше горя, чем день гибели консула Публия Валерия».

³³² Вероятно, Ливий имеет в виду, что рабы были распяты, а свободные обезглавлены. Однако хотя провинившихся рабов в Риме действительно распинали, первые случаи казни на кресте были засвидетельствованы во время Пунических войн (возможно, в 217 г. до н. э.), т. е. были заимствованы у карфагенян.

³³³ Ср.: II, 16, 7; 33, 11. Четверть асса (квадрант) – в более позднее время мелкая монета.

³³⁴ Маны – боги загробного мира, связанные с душой умершего.

(12) «Прежде всего, квириды, – продолжал он, – я и товарищ мой задумали двинуть легионы против вольсков и эквов. Какой-то рок дарит нас покровительством богов, когда мы воюем, а не пользуемся благами мира. Сколькими бедами грозили б нам эти народы, если б они узнали, что Капитолий захвачен изгнанниками, – об этом теперь лучше догадываться, чем когда-нибудь познать на деле».

20. (1) Речь консула взволновала плебеев, а воспрянувшие духом патриции уверились в том, что государство спасено. Другой консул, готовый скорее помогать, чем применять власть, легко уступал своему старшему товарищу самые трудные предприятия, для себя требуя лишь консульского почета. (2) Тут трибуны, желая высмеять консулов за пустословие, спросили, каким же образом те собираются снарядить войско, если не будет позволено произвести набор. (3) «А нам и не нужен набор, – ответил Квинкций. – В тот час, когда Публий Валерий для того, чтоб отбить Капитолий, вооружил плебеев, все они дали слово по приказу собраться и без приказа не расходиться. (4) И вот теперь всем тем, кто дал слово, мы приказываем завтра с оружием в руках явиться к Регилльскому озеру». В желании освободить народ от клятвы трибуны пытались отговориться тем, что, дескать, Квинкций был частным лицом, когда плебеев приводили к присяге. (5) Однако захватившего нынешний век неуважения к богам тогда еще не знали и никто не старался истолковать законы и клятвы к собственной выгоде, а скорее приравнивался к ним сам. (6) И вот трибуны, потеряв всякую надежду на отмену набора, решили задержать войско, тем более что, по слухам, к Регилльскому озеру надлежало прибыть и авгурам для освящения места, где можно было бы, совершив птицегадания, обратиться к народу³³⁵ и на собрании отменить все то, чего трибуны добились бы насильем в Риме. (7) Люди, конечно, примут то, что велят консулы, ведь и право обжалования не распространяется далее, чем на милю от Города³³⁶, и сами трибуны, приди они туда в толпе сограждан, должны будут подчиниться власти консулов. (8) Этого и опасались трибуны. Но самые сильные опасения внушал Квинкций, настойчиво повторявший, что выборов консулов не будет: не таков, мол, у государства недуг, чтоб можно было излечить его обычными средствами; ему нужен диктатор, дабы всякий, кто вознамерится подорвать общественный строй, помнил, что самовластье диктатора обжаловать невозможно.

21. (1) Сенат заседал на Капитолии, туда и явились трибуны в окружении взволнованной толпы, которая, крича и подымая шум, стала упрашивать о покровительстве то консулов, то сенаторов; но консул не отменил своего решения до тех пор, пока трибуны не дали обещания подчиниться сенату. (2) Тогда, после доклада консула о требованиях трибунов и плебеев, сенат постановил, что трибуны в этом году не внесут своего закона, а консулы не выведут из Города войска. Впредь сенат объявил опасным для государства продление срока полномочий консулов и переизбрание трибунов.

(3) Консулы подчинились предписаниям сената, а трибуны, несмотря на возражения, были избраны снова. Тогда и сенаторы, чтоб ни в чем не уступать плебеям, вознамерились вновь избрать консулом Луция Квинкция. И тут консул совершил свой самый запомнившийся за целый год поступок. (4) «Стоит ли удивляться, отцы-сенаторы, – сказал он, – что ваше влияние на плебеев так ничтожно? Вы же сами его и уможаете! Стоило плебеям нарушить сенатское постановление о продлении срока полномочий, как вы решаетесь тоже его нарушить, чтоб не уступить толпе в безрассудстве. (5) Или, по-вашему, кто проявляет большее легкомыслие и произвол, тот и большего стоит в государстве? Но ведь нарушать собственные постановления и указы не только легче, чем чужие, но и совершенно бессмысленно. (6) Что же, сенаторы, подражайте безрассудной толпе, повторяйте чужие проступки, вместо того чтобы быть образцом

³³⁵ Народное собрание для принятия решений, имеющих силу закона, должно было быть созвано на освященном авгурами месте (в городе оно было постоянным, – здесь же все надо было сделать за один день).

³³⁶ Право обжалования действий должностных лиц за пределами города было предоставлено римлянам только во II в. до н. э. по одному из Порциевых законов. Римская миля – 1478,8 м.

для других, дабы другие брали пример с вас, а я не стану подражать трибунам и не потерплю, чтоб, вопреки сенатскому постановлению, меня объявляли консулом. (7) Тебя же, Клавдий, я призываю обуздать своеволие римлян и поверить мне в том, что я не сочту твои действия помехою моему консульству, ибо сам отказываюсь от него, полагая, что этот отказ прибавит мне славы и ослабит ненависть, угрожающую мне в случае продления моих полномочий». (8) Итак, принимается общее постановление не предлагать в консулы Луция Квинкция, а если кто и предложит, этот голос учитываться не будет.

22. (1) Консулами стали Квинт Фабий Вибулан в третий раз и Луций Корнелий Малугинский. В тот год [459 г.] была проведена перепись, а очистительные жертвы по случаю захвата Капитолия и убийства консула принесены не были – из благочестивого страха³³⁷.

(2) Уже в самом начале консульства Квинта Фабия и Луция Корнелия спокойствие было нарушено: трибуны подстрекали плебеев, вольски и эквы, по сообщениям латинов и герников, угрожали войной, а войска вольсков были уже в Антии. Особенно опасались возможного отпадения антийцев и с трудом добились от трибунов дозволения заняться сначала войной³³⁸.

(3) Затем консулы распределили обязанности: Фабия предоставили вести легионы на Антий, Корнелию – остаться для охраны Рима на случай, если неприятельский отряд, как это водится у эквов, явится для грабежа. (4) От герников и латинов, согласно договору, потребовали ополченцев, так что две трети войска составляли союзники, а треть – римские граждане. После того как в установленный для них день явились союзники, консул стал лагерем за Капенскими воротами. Оттуда, по совершении очистительных обрядов, он двинул войско на Антий и остановился недалеко от города и неприятельского лагеря. (5) Вольски, не осмеливаясь начать сражения без помощи эквов, чье войско еще не подошло, спокойно предоставили свою защиту валу. На следующий день Фабий разместил вокруг вала не общее войско римлян и их союзников, но три отдельных отряда трех народов, а сам остался посредине с римскими легионами. (6) Затем он приказал союзникам по данному им знаку одновременно вступать в бой и поворачивать назад, если сыграют отступление. За первыми рядами каждого отряда он поставил еще и конницу. (7) С трех сторон двинувшись на приступ, он окружил лагерь и, отовсюду тесня противника, сбросил с вала вольсков, не сдержавших напора. Преодолев укрепления, он выбил из лагеря трусливо сбившуюся в кучу толпу. (8) Рассеявшись в беспорядочном бегстве, вольски были настигнуты и изрублены всадниками, которые до тех пор только наблюдали за боем, не решаясь перебраться через вал, но теперь в чистом поле радостно добывали победу. (9) И в лагере, и по ту сторону укреплений перебито было множество врагов, но еще большей оказалась добыча, ведь бежавшие едва успели унести оружие. Если бы не леса, укрывшие вольсков, их войско было бы истреблено.

23. (1) Одновременно с этими событиями у Антия эквы выслали вперед отборные силы и внезапно захватили тускуланскую крепость, а остаток войска – чтоб заставить неприятеля растянуть силы – расположили недалеко от стен Тускула. (2) Новость стала быстро известна в Риме, из Рима дошла до лагеря антийцев, вызывая у римлян тот же отклик, что и весть о взятии Капитолия: столь свежа была благодарность тускуланцам, да и само сходство опасностей, казалось, требовало отплатить за оказанную помощь. (3) Бросив все, Фабий немедленно свез добычу из лагеря в Антий, оставил там небольшое прикрытие и спешно двинулся в Тускулу. Воинам не позволили взять с собою ничего, кроме оружия и того, что было под рукой съедобного: продовольствием должен был снабдить их из Рима консул Корнелий.

(4) Война в Тускуле шла несколько месяцев. С частью войска консул осаждал лагерь эквов, другую часть он вверил тускуланцам для отвоевывания крепости. Прорваться туда силой так и не удалось, и только голод выгнал врагов оттуда. (5) Доведенных до крайности, их всех –

³³⁷ Эти несчастья были истолкованы как помеха священнодействию.

³³⁸ То есть до обсуждения предлагаемого ими закона.

раздетыми и безоружными – провели под ярмом³³⁹ тускуланцы. С позором бежали они домой, но на Альгиде их нагнал римский консул и перебил всех до единого. (6) Отведя войско, победитель стал лагерем в месте, называемом Колумен. Теперь, когда враг был отброшен от римских стен и опасность миновала, другой консул тоже выступил из Рима. (7) Итак, оба консула с двух сторон с боем вторглись в неприятельские владения и разоряли один эквов, другой – вольсков.

У большинства писателей я нахожу известие о том, что в этом же году отпали антийцы, что консул Луций Корнелий вел против них войну и занял город. Настаивать на истинности этого не осмеливаюсь, ибо более древние летописцы всего этого даже не упоминают³⁴⁰.

24. (1) Кончилась одна война, и страх перед другой – с трибунами в Риме – объял патрициев. Трибуны кричали, что войско-де намеренно задерживали в чужих краях, что пора прекратить проволочки с законом – все равно, мол, они доведут начатое дело до конца. (2) Однако Луций Лукреций, на чье попечение был оставлен Город, добился отсрочки обсуждения предложений трибунов до возвращения консулов.

(3) Волнения возбуждала и еще одна, новая причина. Квесторы Авл Корнелий и Квинт Сервилий вызвали в суд Марка Вольсция за то, что тот явно лжесвидетельствовал против Цезона. (4) Из многих показаний выяснилось, что, во-первых, брат Вольсция, как только заболел, так больше уже из дому не выходил, не вставал и после многомесячных страданий – так и умер в своей постели. (5) А во-вторых, в то время, к которому свидетель приурочил преступление, Цезона в Риме не видали, а те, кто были с ним вместе на войне, утверждали, что он неотлучно находился при войске. Если же это не так, Вольсцию предлагали обратиться к судье частным образом³⁴¹. (6) Но он не осмеливался обратиться в суд³⁴², и стечение всех этих обстоятельств делало столь же несомненным осуждение Вольсция, как перед тем – Цезона по Вольсциеву свидетельству. (7) Мешали трибуны, не позволяя квесторам назначить голосование о виновности ответчика прежде, чем проголосуют о законе. Так оба дела затянулись до прибытия консулов.

(8) Удостоенные триумфа, они вступили в Рим с победоносным войском, а так как о законе никто и не заикнулся, многие решили, что трибуны испугались. (9) Но был просто конец года, а так как они стремились остаться трибунами на четвертый срок, то борьбе за закон предпочли предвыборные козни. И, хотя консулы считали продление срока трибунских полномочий не менее опасным, чем принятие закона об умалении их собственной власти, победа в этой борьбе осталась за трибунами.

(10) В том же году был с эквами заключен мир, которого те просили. Завершена была перепись, начатая в прошлом году. Говорят, что тогда же было совершено десятое от возникновения Города очистительное жертвоприношение. Граждан насчитали сто семнадцать тысяч триста девятнадцать³⁴³.

(11) Консулы в тот год снискали большую славу и на войне и дома, ибо они добились мира с соседями; в Риме же, хоть и не было единодушия, вражда между согражданами стала слабей, чем прежде.

³³⁹ «Ярмо» сооружалось из двух воткнутых в землю копий, к верхним концам которых привязывалось поперек третье. Проведение под ярмом было унижающей процедурой.

³⁴⁰ Сомнения Ливия вряд ли основательны: сохранилась древняя надпись (Свод латинских надписей, т. XV, № 44), где упомянуты триумфы Фабия (за победу над эквами и вольсками) и Корнелия (за победу над антийцами).

³⁴¹ Процедура, к которой Вольсцию советовали прибегнуть, предполагала своего рода спор перед судьей под определенный залог. Участник спора должен был поклясться в том, что он, скажем, не делал того-то. Если его удавалось уличить, он терял залог и оставался запятнанным.

³⁴² Так как проиграв свое частное дело, он уже не мог бы защищаться от публичного обвинения в лжесвидетельстве.

³⁴³ Сравнив приведенную Ливием для 459 г. до н. э. цифру (117 319 человек) с данными на 265 г. до н. э. (292 234 человек), а также учитывая размеры агер Romanus того периода, можно отнестись к информации о результатах переписи как к достоверной.

25. (1) После Квинта Фабия Вибулана и Луция Корнелия Малугинского консулами стали Луций Минуций и Гай Навтий [458 г.], которые и приняли два нерешенных дела предыдущего года. (2) По-прежнему консулы препятствовали принятию закона, а трибуны – осуждению Вольспия, однако новые квесторы были более сильны и более влиятельны. (3) Вместе с Марком Валерием, сыном Мания и внуком Валерия, квестором стал Тит Квинкций Капитолин, трижды бывший консулом. Поскольку уже было не вернуть семье Квинкциев – Цезона, а государству римскому – лучшего из юношей³⁴⁴, этот квестор обрушился на лжесвидетеля в честном и праведном гневе за то, что тот отнял у ложно обвиненного право на защиту перед судом. (4) Усерднее других трибунов ратуя за проведение закона, Вергиний добился того, что консулы, получив двухмесячный срок для ознакомления с законом, чтобы они, объяснив народу, какой в нем содержится скрытый вред, разрешили затем приступить к голосованию. Этот перерыв вернул Городу спокойствие.

(5) Непродолжительный покой был нарушен эквами: презрев заключенный в прошлом году с римлянами договор, они передали верховную власть Гракху Клелию, который к тому времени давно уже был среди них первым. (6) Под предводительством Гракха эквы явились как враги в лабиканские, а оттуда – в тускуланские земли, опустошили их и, отягченные добычей, стали лагерем в Альгидских горах. В этот лагерь и прибыли из Рима послы Квинт Фабий, Публий Волумний и Авл Постумий, намереваясь потребовать удовлетворения по договору. (7) Предводитель эквов повелел высказать то, что поручил им сенат, дубу, ибо сам он занят другими делами. Дуб этот был огромным деревом, раскинувшимся над палаткой предводителя, и в тени его было прохладно. (8) Тогда один из послов углубился в эту тень и сказал: «Пусть этот священный дуб³⁴⁵ и боги, какие ни есть, услышат, что вы нарушили договор, пусть сегодня слышат они наши жалобы, чтоб завтра помочь нам, мстящим за нарушение законов божеских и человеческих!» (9) Как только послы вернулись в Рим, сенат приказал одному консулу вести войско на Альгид, а другому поручил опустошить владения эквов. Трибуны по своему обыкновению препятствовали набору и даже чуть было не остановили его, но тут вдруг возникла новая угроза.

26. (1) Огромное войско сабинян, опустошая все вокруг, подошло чуть ли не к стенам Рима: разорены были окрестности, и страх охватил Город. Тогда плебеи согласились взяться за оружие и, несмотря на тщетные возражения трибунов, набрано было два больших войска. (2) Одно повел на сабинян Навтий, который разместил лагерь у Эрета³⁴⁶ и небольшими набегами, чаще ночными вылазками, так разорил земли сабинян, что по сравнению с ними римские владения казались почти не тронутыми войной. (3) А Минуцию в таком же деле не хватило ни удачи, ни силы духа: став лагерем недалеко от противника и не проиграв скольконибудь значительного боя, он струсил и не оставлял лагеря. (4) Заметив это, неприятель, чью смелость питал, как водится, чужой страх, ночью подошел к лагерю, но в открытом бою успеха не добился и на следующий день воздвиг вокруг лагеря укрепления. Правда, прежде чем сабиняне, окружив вал, перекрыли выходы, пять всадников проскочили мимо вражеских засад и сообщили в Рим, что консул и войско осаждены. (5) Ничего более неожиданного и непредвиденного случиться не могло. Ужас и страх был такой, точно неприятель осаждал не лагерь, но самый Город. (6) Послали за консулом Навтием. Его помощь, однако, показалась недостаточной, и, чтобы спастись, решено было назначить диктатора, которым с общего согласия стал Луций Квинкций Цинциннат³⁴⁷.

³⁴⁴ По-видимому, Цезон погиб (в мятеже Гердония?).

³⁴⁵ Почитание деревьев – характерная черта примитивных религий. В представлениях италийцев и римлян (которые связывают с наследием индоевропейской религии) Юпитер ассоциировался с дубом – его считали духом этого дерева. Обращение посла к дубу можно сравнить с речью фециала (I, 32, 9).

³⁴⁶ Эрет – небольшое сабинское поселение на берегу Тибра на Соляной дороге (около 25 км от Рима).

³⁴⁷ Луций Квинкций Цинциннат – лицо историческое, но многие детали рассказа о нем легендарны – это один из вариантов

(7) Об этом полезно послушать тем, кто уважает в человеке только богатство и полагает, что честь и доблесть ничего не стоят, если они не принесут ему несметных сокровищ. (8) Последняя надежда римского государства, Луций Квинкций владел за Тибром, против того самого места, где теперь находится верфь, четырьмя югерами земли, называемой с тех пор Квинкциевым лугом³⁴⁸. (9) Копал ли он канаву или пахал – мы не знаем. Точно известно только, что послы застали его за обработкой земли и после обмена приветствиями в ответ на их просьбу нарядиться в тогу³⁴⁹ для того, чтоб выслушать послание сената, если он дорожит благополучием Рима и своим собственным, Квинкций удивленно спросил, что стряслось, и велел жене Рацилии скорей принести ему тогу из их лачуги. (10) Когда он, отерши пыль и пот, оделся и вышел к послам, те радостно приветствовали его как диктатора и, описав, в каком страхе пребывают воины, призвали в Рим. (11) Для Квинкция был на счет государства снаряжен корабль, у переправы его встретили вышедшие навстречу три его сына, затем остальные родственники и друзья и, наконец, почти все сенаторы. В окружении этой свиты и шествовавших впереди ликторов он был препровожден домой. (12) Сбежалась также большая толпа плебеев, глядевших на Квинкция без всякой радости и полагавших, что власть его чрезмерна, а сам он будет пострашнее этой власти. В ту ночь в Городе ограничились тем, что выставили караулы.

27. (1) Назавтра диктатор пришел на форум до рассвета и назначил начальником конницы Луция Тарквиция, родом патриция, но по бедности служившего в пехоте, а воинской доблестью далеко превосходившего римскую молодежь. (2) Вместе с начальником конницы Цинциннат явился на собрание, остановил судопроизводство, велел закрыть по всему городу торговлю и запретил какую бы то ни было частную деятельность. (3) Затем он приказал всем, достигшим призывного возраста, с оружием в руках явиться до захода солнца на Марсово поле, имея при себе пятидневный запас еды и по двенадцать кольев; (4) тем же, кто был уже стар для войны, он велел приготовить еду для своих соседей-воинов, занятых подготовкой оружия и кольев. Итак, молодежь кинулась разыскивать колья, где только можно. (5) Никому не было отказа, и все явились в полной готовности точно в назначенное диктатором время. (6) Войско, построенное походным порядком, было готово в случае надобности развернуться к бою – легионы, ведомые самим диктатором, и всадники под предводительством начальника конницы. И тем и другим было одно напутствие: прибавить шаг! (7) Надобно было спешить, чтоб еще ночью настигнуть неприятеля. Вот уже третий день заперты в осаде консул и римское войско; неизвестно, что принесет ближайшая ночь или день, но решить все может мгновение. (8) «Быстрее, знаменосцы! Не отставайте, воины!» – раздавались возгласы тех, кто старался угодить полководцам. К полуночи они достигли Альгида и, заметив, что враг совсем рядом, остановились.

28. (1) Диктатор объехал неприятельский лагерь и, осмотрев, насколько ночью можно было что-то разглядеть, его расположение, повелел военным трибунам отдать приказ воинам, чтобы те, сложив в одном месте снаряжение, вернулись в строй с оружием и кольями. Приказ был исполнен. (2) Тогда диктатор, растянув походный строй в одну шеренгу, окружил ею лагерь и приказал, чтобы по условному знаку каждый, издавая воинственный клич, начал возводить насыпь с частоколом. Затем был подан сигнал. (3) Войско стало проводить приказ в исполнение. Крики слышались со всех сторон, они донеслись до вражеского, а затем до консульского лагеря, сея в одном страх, а в другом – истинную радость. (4) Римляне поздравляли друг друга с тем, что слышат клич явившихся на помощь сограждан, и вот уже их караульные отряды сами угрожают осаждающему врагу. (5) Консул решил не тянуть, ибо доносившиеся крики означали, что свои не только подошли, но и взялись за дело: невозможно поверить, чтобы они не

идеального образа истинного римлянина.

³⁴⁸ Возможно, это – позднейшее объяснение названия. Югер – 2519 кв. м.

³⁴⁹ Тога – гражданская (так сказать, официальная) одежда римлянина.

пошли на приступ вражеского лагеря. (6) Консул приказывает своим воинам взяться за оружие и следовать за ним. Бой завязался ночью, и криками они дали знать легионам диктатора, что тоже вступили в решающую схватку. (7) Эквы уже готовы были помешать окружению своего лагеря, но, так как, в свою очередь, изнутри сражение завязал и осажденный враг, они повернули оружие против него, опасаясь прорыва через свой лагерь и уступая осаждающим целую ночь для работы, ибо с консулом бой шел до рассвета. (8) А к восходу солнца насыпь с частоколом была готова, и успешно сопротивляться даже одному войску враг уже едва ли мог. Тут воины Квинкция, окончив возведение насыпи, вновь взялись за оружие и начали наступление со стороны вала. Предстояло новое сражение, но пока и начатое не утихало. (9) Нависшая с двух сторон опасность вынудила эквов перейти от сраженья к мольбам; они заклинали и диктатора, и консула не превращать победу в резню и позволить им удалиться, оставив оружие. Консул велел им идти к диктатору, а тот в гневе обрек их на еще больший позор: (10) полководца Гракха Клелия вместе с другими предводителями приказал привести к себе в окопах, а город Корбион очистить. Крови эквов он-де не жаждет, пусть себе уходят, но, чтобы они наконец признали, что покорен и смирен их народ, пройдут они под ярмом. (11) Ярмо это делается из двух копий, воткнутых в землю, и третьего, служащего перекладной. Под таким ярмом и прогнал диктатор эквов.

29. (1) После захвата лагеря и всех его богатств – ведь врагов выпустили оттуда раздетых – диктатор отдал всю добычу своим воинам, (2) а консульскому войску и самому консулу грубо бросил: «Не про вашу честь, воины, добыча, отнятая у врага, для которого вы чуть сами не стали добычей. (3) А ты, Минуций, пока не обретешь необходимого консулу мужества, останешься во главе своих легионов как легат». Так Минуций сложил с себя консульские полномочия и в соответствии с приказом остался при войске. Но в то время к справедливым приговорам относились с такой кротостью, что воины, памятуя больше об оказанном им благодеянии, чем о позоре, поднесли диктатору золотой венок в фунт весом и, провожая, чествовали его как своего покровителя.

(4) А в Риме Квинт Фабий, на чье попечение был оставлен Город, открыл заседание сената, предписавшего Квинкцию войти в Рим с триумфом и в том же боевом порядке, в каком он покидал его. Перед колесницей провели вражеских предводителей и пронесли знамена, далее шли воины, нагруженные добычей. (5) Говорят, перед каждым домом было выставлено угощение, пирующие следовали за колесницей, распевая триумфальную песнь с ее обычными вольными шутками³⁵⁰.

(6) В тот день с общего одобрения было предоставлено гражданство тускуланцу Луцию Мамилию³⁵¹. Диктатор был готов уже сложить с себя полномочия, если б его не задержало голосование о лжесвидетельстве Марка Вольсция: воспрепятствовать голосованию не дал трибунам страх перед диктатором. Осужденный Вольсций удалился изгнанником в Ланувий³⁵². (7) Квинкций на шестнадцатый день сложил с себя диктаторские полномочия, полученные на шесть месяцев. В эти дни консул Навтий блестяще выиграл сражение с сабинянами при Эрете, присовокупив к этому разгрому опустошение сабинских полей. (8) На смену Минуцию на Альгид послали Фабия. На исходе года трибуны снова пытались провести закон, но сенаторы добились запрета вносить какие бы то ни было предложения народу, пока отсутствуют оба войска. А плебеи одержали свою победу, переизбравши трибунов на пятый срок. (9) Говорят, на Капитолии видели, как собаки гнались за волками, и из-за этого знаменья там принесли очистительные жертвы. Так прошел этот год.

³⁵⁰ См.: примеч. 17 к кн. II.

³⁵¹ Согласно традиции, это был первый случай персонального предоставления римских гражданских прав за заслуги перед римским государством. В позднейшей юридической практике приобрел значение прецедента.

³⁵² Ланувий – древний латинский город, расположенный примерно в 70 км от Рима, в Альбанских горах. Родина культа Юноны Спасительницы. Не утратил своего значения и во времена Империи.

30. (1) Следующими консулами стали Квинт Минуций и Марк Гораций Пульвилл. В начале года [457 г.] никто не угрожал Риму извне, и те же трибуны сеяли смуту дома, требуя принятия того же закона. (2) Могло бы случиться худшее, так разгорелись страсти, если б, как нарочно, не пришла весть о том, что эквы, неожиданно напав среди ночи, перебили сторожевой отряд в Корбионе. (3) Консулы созвали сенат и получили приказ двинуть на Альгид войско чрезвычайного набора. Спор о законе был отложен, но начались новые раздоры – о наборе, (4) и консулы уже готовы были уступить под натиском трибунов, когда возникла еще одна опасность: войско сабинян явилось опустошать римские земли и уже идет на Рим. (5) Страх заставил трибунов разрешить набор, но при условии, что отныне – поскольку они пять лет терпели издевательства и мало чем помогли плебейам³⁵³ – избираться будут десять трибунов. (6) Нужда заставила сенаторов дать согласие, обусловив его единственно запретом избирать в трибуны одних и тех же. Выборы в трибуны были проведены немедленно, из опасения, что после войны эта возможность, как и прежние, будет упущена. (7) На тридцать шестой год существования трибуна избирают десять народных трибунов, по два от каждого разряда, предусматривая этот порядок избрания и на будущее³⁵⁴. (8) Наконец произвели набор, Минуций выступил против сабинян, но неприятеля не обнаружил. И только когда сабиняне, уничтожив сторожевой отряд в Корбионе, заняли еще и Ортоны, Гораций сразился с ними на Альгиде, многих перебил, а вражеское войско прогнал и с Альгида, и из Корбиона, и из Ортоны. А Корбион он срыл за то, что там были преданы римские воины.

31. (1) Затем консулами стали Марк Валерий и Спурий Вергиний [456 г.]. И дома, и с соседями был мир, но из-за непрерывных дождей худо было с продовольствием. Был проведен закон о распределении наделов на Авентинском холме³⁵⁵. Избрали тех же народных трибунов. (2) Они и в следующем году [455 г.], в консульство Тита Ромилия и Гая Ветурия, во всех своих выступлениях ратовали за тот же закон: им, мол, стыдно, что увеличили число трибунов, и напрасно, поскольку за два года, как и за предыдущие пять лет, дело не сдвинулось с места. (3) В разгар этих обсуждений от тускуланцев пришла тревожная весть – на их земли напали эквы. Позорно было медлить с оказанием помощи народу, чьи заслуги перед римлянами еще свежи в памяти. Оба консула отправились с войском на врага и нашли его там, где он и должен был быть, – на Альгиде. Здесь и сразились. (4) Более семи тысяч неприятельских воинов было убито, остальные бежали, римлянам досталась огромная добыча. Консулы продали ее с торгов для пополнения истощенной казны. Это, однако, и дало трибунам пищу для обвинения консулов перед народом.

(5) Итак, стоило им сложить с себя полномочия, как – уже в консульство Спурия Тарпея и Авла Атерния – народный трибун Гай Кальвий Цицерон призвал на суд Ромилия, а плебейский эдил Луций Алиен – Ветурия. (6) К негодованию сената, обоих приговорили к уплате пени, Ромилия – в десять, Ветурия – в пятнадцать тысяч медных ассов. Но ущерб, понесенный старыми консулами, не отвратил новых от их трудов. Можно осудить и нас, говорили они, но все равно плебейам и трибунам не удастся провести закон. (7) Тогда трибуны, забросив это устаревшее от проволочек законопредложение, повели дело мягче: пусть-де сенаторы наконец прекращают борьбу. Если им не нравится предложенный плебейами закон, пусть позволят и из плебеев, и из патрициев избрать законодателей, чтобы они радели о пользе тех и других и об уравнивании их в правах. (8) Сенаторы не отклонили этого предложения, но заявили, что законодателями могут быть лишь патриции. Итак, согласие о законодательстве было достиг-

³⁵³ То есть так и не сумели провести Терентилиев закон.

³⁵⁴ Увеличение числа трибунов до десяти некоторые исследователи относят к 449 г. до н. э. (т. е. ко времени после децемвирата, когда трибуны стали полноправными магистратами), а не к 457 г. до н. э., как у Ливия. См. также: примеч. 75 к кн. II.

³⁵⁵ Закон, предоставивший плебейам и переселенцам право застройки и возделывания земель на Авентине, был, вероятно, принят действительно в 456 г. до н. э. Введение этого закона (*Lex Icilia*) приписывалось традицией Луцию Ицилию, полулегендарному герою римского плебса, будущему инициатору второй сессии плебеев (см.: III, 63, 8 сл.).

нуто, спор шел только о законодателях, когда, получив приказ переписать знаменитые законы Солона и познакомиться с учреждениями, нравами и законами греческих государств, в Афины отправились послы Спурий Постумий Альб, Авл Манлий и Публий Сульпиций Камерин³⁵⁶.

32. (1) Этот год прошел без войн, а следующий [453 г.], когда консулами стали Публий Куриаций и Секст Квинктилий, прошел бы еще спокойнее, ибо трибуны, ожидая возвращения из Афин отправленного за чужеземными законами посольства, голоса не поднимали, (2) если бы вдруг не обрушились сразу два несчастья – голод и мор, беда для человека, пагуба для скота. В запустении лежали поля, все новые смерти опустошали Город, многие славные семейства предавались скорби. (3) Умерли фламин Квирина Сервий Корнелий, авгур Гай Гораций Пульвилл (на его место авгуры с тем большей охотой избрали Гая Ветурия, что тот был осужден плебеями). (4) Умерли консул Квинктилий и четыре народных трибуна. Оскверненный столькими смертями, этот год, однако, обошелся без войны.

(5) Потом консулами стали Гай Менений и Публий Сестий Капитолин. Войны не было и в этом [452 г.] году, но зато начались волнения в Риме. (6) Послы уже возвратились с аттическими законами. Тем настойчивей требовали трибуны приступить к составлению законов. Решено было упразднить в этом году все другие должности и избрать только децемвиров, чьи действия не подлежали бы обжалованию. (7) Некоторое время шел спор о том, допускать ли в число их плебеев, но те наконец уступили патрициям, лишь бы только не был отменен закон Ицилия об Авентинском холме и все прочие нерушимые законы³⁵⁷.

33. (1) В триста втором году от основания Рима [451 г.] в государстве переменился образ правления: как раньше от царей к консулам, так теперь власть перешла от консулов к децемвирам. Эта перемена продолжалась недолго и потому не была столь значительна. (2) К тому же, хорошо начав, децемвиры повели себя столь разнузданно, что вскоре раздалось требование вернуть верховную власть консулам.

(3) Децемвирами же были избраны Аппий Клавдий, Тит Генуций, Публий Сестий, Луций Ветурий, Гай Юлий, Авл Манлий, Публий Сульпиций, Публий Куриаций, Тит Ромилий, Спурий Постумий. (4) Клавдий и Генуций получили звание в обмен на консульское, ведь на этот год они были избраны консулами, а с ними и Сестий, консул прошлого года, – за то, что против воли товарища защищал в сенате новый образ правления. (5) Затем – в награду за дальность путешествия, а также как люди, сведущие в чужеземных законах, что было сочтено полезным для создания нового законодательства, – звания децемвиров были удостоены три посла, побывавшие в Афинах. Остальные просто заполнили требуемое число мест. (6) Говорят даже, что при последнем голосовании выбирали только стариков, которые не могли бы противодействовать чужим решениям. (7) У власти стоял любимец народа Аппий, который так переменял свой нрав, что из жестокого и беспощадного гонителя плебеев сумел стать угодником толпы, ищущим ее благосклонности.

(8) Раз в десять дней каждый из децемвиров председательствовал на суде, происходившем при всем народе, имея при себе двенадцать ликторов, тогда как девяти его товарищам причиталось по одному служителю. При необыкновенном единодушии, которое порою превращается в гибельный сговор против простых людей, они ко всем относились с полнейшим беспристрастием. (9) Достаточное доказательство их умеренности даст такой пример. Хотя действия децемвиров не подлежали обжалованию, все же, когда в доме патриция Публия Сестия и откопали труп, выставленный затем для всеобщего обозрения, децемвир Гай Юлий, принуж-

³⁵⁶ Солон – афинский политический деятель начала IV в. до н. э., законодатель и поэт. В греческой традиции – один из семи мудрецов. В 594 г. до н. э. – посредник между знатью и восставшим простым народом. Освободил заложенные земельные участки от бремени долгов, отменил долговую кабалу и вернул на родину проданных в рабство (выкупив их на государственные средства), демократизировал государственное устройство Афин, разделил афинских граждан на имущественные разряды. Историчность римского посольства в Афины, упоминаемого Ливием, оспаривалась.

³⁵⁷ И прежде всего сам закон об учреждении трибуна.

денный столь ужасным обстоятельством, (10) призвал Сестия к суду, а сам выступил перед народом обвинителем: имея законное право быть по делу судьей, он от этого права отказался, дабы ценой ослабления собственной власти расширить полномочия народа³⁵⁸.

34. (1) Вынося всем – и лучшим и худшим – решительные и непреложные, как у оракула, приговоры, децемвиры одновременно трудились над составлением законов, и, выставив, в ответ на ожидания народа, десять таблиц, они призвали людей прийти на собрание (2) и прочитать законы, предлагаемые ради благоденствия Рима, собственного их благополучия и счастья их детей. (3) Они сказали, что уравнивали в правах всех – и лучших и худших, но предусмотрели лишь то, что позволяли способности десяти человек, а ведь многие люди сообща могут сделать больше. (4) Пусть, мол, каждый сам обдумает каждую статью, потом вместе обсудят и, наконец, сведут воедино, чего в какой статье с избытком, а чего недостает. (5) Тогда у римского народа будут законы, принятые с общего согласия, а не одобренные по приказу. (6) Когда в соответствии с замечаниями, высказанными по каждой главе, свод законов стал казаться вполне выправленным, законы десяти таблиц, которые и сегодня, несмотря на целую гору нагроможденных друг на друга законов, остаются истоком всего государственного и гражданского права³⁵⁹, передали для голосования по центуриям. (7) Но потом пошли толки, что недостает еще двух таблиц, добавив которые можно было бы считать настоящий свод римского права завершенным. Это ожидание и приближающийся день выборов побудили к новому избранию децемвиров. (8) Ведь плебеи, которым имя консулов было так же ненавистно, как и царское, не нуждались и в помощи трибунов, коль скоро децемвиры в ответ на жалобы по очереди уступали друг другу.

35. (1) После того как было объявлено, что выборы децемвиров состоятся через три недели, добиваться этого звания принялись столькие, что (2) даже лучшие из граждан – я полагаю из опасения, как бы, отказавшись от власти, не уступить ее недостойным, – стали охотиться за голосами, изо всех сил заискивая перед той самой толпой, против которой недавно выступали. (3) Аппий Клавдий, добившийся в свои годы столь высокого положения, вступил в борьбу из-за угрозы лишиться этого положения. Неясно было, считать его децемвиром или соискателем. (4) Он более домогался своей должности, чем исполнял ее: браня знатных соискателей и превознося негоднейших и ничтожнейших, он носился по форуму среди бывших трибунов, Дуллиев и Ицилиев, (5) и с их помощью набивал себе цену у толпы, пока наконец остальные децемвиры, до сих пор безраздельно преданные ему, не воззрились на него в недоумении – чего, мол, ему надо. (6) Неискренность его очевидна, недаром этот гордец ведет себя так скромно; сделавшись своим у низшего сословия и являясь с частными лицами, он не столько стремится отказаться от должности, сколько добивается того, чтоб быть избранным снова. (7) Не осмелившись в открытую воспротивиться этим проискам, децемвиры смягчали его натиск уступками. По уговору его – как самого молодого – обязали председательствовать на выборах. (8) Уловка была в том, что он не должен был избрать себя сам, ибо таких чреватых бедствиями примеров никто, кроме народных трибунов, никогда не подавал.

(9) А он, хоть и взялся, к общей радости, председательствовать на выборах, обратил это себе на пользу и, кознями отстранив от власти наряду с другими гражданами такого же звания обоих Квинкциев, Капитолина и Цинцинната, своего дядю и стойкого защитника патрициев Гая Клавдия, децемвирами сделал людей, неизмеримо менее достойных, и прежде всего себя самого, (10) вызвав негодование всех честных граждан, никто из которых и не подозревал, на что тот дерзнет. (11) Вместе с Аппием Клавдием были выбраны Марк Корнелий Малугинский,

³⁵⁸ Ср.: Цицерон. О государстве, II, 61.

³⁵⁹ Так же оценивал Законы XII таблиц и Цицерон (Об ораторе, I, 193–195).

Марк Сергей, Луций Мануций, Квинт Фабий Вибулан, Квинт Петилий, Тит Антоний Меренда, Цезон Дуиллий, Спурий Огий Корницин и Маний Рабулей³⁶⁰.

36. (1) Вступив в должность, Аппий Клавдий сбросил маску и показал свое истинное лицо, а новых товарищей еще раньше пытался переделать на свой лад. (2) Они собирались ежедневно, без свидетелей решая, как достичь полновластия, о котором мечтали втайне от остальных, уже не скрывали гордыни, были малодоступны, грубили просителям и так вели дела до майских ид³⁶¹. Тогда было принято вступать в должность в майские иды.

(3) Первый же день их правления ознаменован был всеобщим страхом. В то время как прежние децемвиры придерживались правила приставлять ликторов только к одному из десяти и этот знак достоинства предоставлялся всем по очереди, нынешние явились каждый в окружении двенадцати ликторов. (4) Сто двадцать ликторов с привязанными к фаскам топорами заполнили форум: истолковано это было в том смысле, что секиры – раз действия децемвиров не подлежат обжалованию – ликторов можно уже и не отнимать.

(5) Они походили на десять царей, наводя страх на простой люд и первых сенаторов, понимавших, что децемвиры только и ищут повода начать казни и стоит кому-нибудь в сенате или в собрании упомянуть о свободе, как тотчас для острастки в ход будут пущены топоры и розги. (6) В придачу к тому, что после запрета обжалования народ перестал быть им защитой, децемвиры отменили и право взаимного обжалования, тогда как их предшественники таким образом исправляли приговоры своих товарищей или передавали народу дела, казалось бы подведомственные самим децемвирам.

(7) Некоторое время в страхе равно держали всех, но мало-помалу его жертвою остались одни плебеи. Патрициев не трогали, с незнатными же децемвиры обращались жестоко и своевольно. Разбирательству подвергались люди, а не дела, и пристрастие заняло место справедливости. (8) Приговоры они сочиняли дома, а оглашали их на форуме. Тот, кто жаловался децемвирам на их товарища, уходил, досадуя на себя за то, что не довольствовался прежним приговором. (9) Само собою сложилось мнение, что они замыслили творить беззакония не только ближайшее время, но заключили скрепленный клятвою тайный договор об отмене выборов, об увековечении звания децемвира и пожизненном пребывании у власти.

37. (1) Намеки на освобождение плебеи искали в выражении лиц патрициев, прежде говорившем им лишь о рабстве, в страхе перед которым они сами и довели государство до такого состояния. (2) Знатнейшие сенаторы ненавидели децемвиров, ненавидели они и плебеев: не одобряя происходившего, они, однако, полагали, что плебеем досталось по заслугам; они не желали помогать тем, кто, возжадав свободы, угодил в рабство, и даже усугубляли бесправное положение плебеев в надежде, (3) что из отвращения к настоящему те захотят вернуться к прошлому, когда у власти оставались два консула.

(4) Вот уже прошла большая часть года [449 г.], к десяти прошлогодним прибавлено было две новых таблицы с законами, принятие которых на собраниях центурий означало бы, что государство не нуждается более в децемвирах. (5) Ждали, когда же объявят консульские выборы. Плебеев уже волновало только одно – восстановление приостановленной власти трибунов, залога их свободы, но о выборах не было и помину. (6) И если раньше децемвиры, дабы понравиться народу, появлялись перед ним в обществе бывших трибунов, то теперь их окружала патрицианская молодежь. (7) Эти юнцы толпами осаждали судилище, расхищали плебейское добро, ибо во всем, за что они с жадностью хватались, удача сопутствовала сильнейшему. (8) Наконец, перестали щадить и людей: с одних срывали кожу розгами, другие гибли под топором, а чтоб из этих зверств извлечь еще и выгоду, за казнь хозяина следовала раздача

³⁶⁰ Утвердившееся в римской традиции противопоставление первого и второго состава децемвиров, первых десяти и последних двух таблиц законов (ср.: Цицерон. О государстве, II, 63) побудила некоторых исследователей усомниться в истинности второго децемвирата.

³⁶¹ То есть 15 мая.

его имущества. Благородные юноши, продавшиеся за такую цену, не только не сопротивлялись беззаконию, но в открытую предпочли свою вольницу всеобщей свободе.

38. (1) Наступили майские иды. Никем не замещенные децемвиры, хоть и стали частными лицами, с прежней твердостью держались за власть и по-прежнему выставляли напоказ знаки своего достоинства. В том, что децемвиры уподобились царям, уже не оставалось сомнений. (2) Свободу оплакивали так, словно потеряли ее навеки; поборников у нее не было, да и не предвиделось. Не только римляне пали духом, но уже и соседние народы стали считать для себя позором подвластность тем, кто сам не свободен.

(3) Сабиняне с большим войском вторглись во владения римлян, опустошив все вокруг и безнаказанно угнав отовсюду добычу – людей и скот; затем они подошли к Эрету, где стали лагерем в надежде, что раздоры в Риме помешают там набору. (4) Теперь уже не только вестники, но и беженцы из окрестностей несли смутение в Город. Ненавистные и патрициям и плебейцам, децемвиры решали, что следует предпринять, но тут судьба уготовила новую опасность. (5) Эквы стали лагерем у Альгида и оттуда совершали опустошительные набеги на тускуланские земли. Послы сообщили, что из Тускула просят о помощи.

(6) Страх перед двумя войнами заставил децемвиров держать совет с сенатом. Приказав сенаторам собраться в курии, децемвиры понимали, какой взрыв ненависти им угрожает: (7) на них свалят вину за опустошение полей и за предстоящие беды и постараются отстранить их от власти, если они не воспрепятствуют этому общими усилиями, подавляя попытки многих применением самых крутых мер против немногих злостных зачинщиков. (8) После того как на форуме прозвучал голос глашатая, призывающий сенаторов в курию к децемвирам, пораженные этой удивительной переменой плебеи – ведь обычаю совещаться с сенатом не следовали уже давно – стали спрашивать, что произошло, отчего после такого перерыва вдруг прибегли к забытому средству. (9) Неужели войне с неприятелем надо быть благодарными за это проявление хоть какой-то свободы в государстве?

(10) Плебеи высматривали сенаторов на форуме, но почти никого не нашли, а потом заметили, что децемвиры, поняв отсутствие сенаторов как выражение ненависти к себе, восседают в пустой курии, тогда плебеи истолковали неявку сенаторов тем, что частным лицам запрещено созывать сенат. Если плебеи последуют примеру сенаторов и как те не явились на заседание, так и они воспротивятся набору, то, значит, появилась надежда вернуть свободу! Такие возгласы раздавались в толпе. (11) Почти никто из сенаторов не пришел на форум, да и в Городе вообще их осталось совсем немного. В негодовании отвернувшись от происходящего, они, не имея забот общественных, занялись своими делами в деревне и решили, что, чем скорей они откажутся от сношений с всевластными правителями, тем свободней станут и от чинимых теми беззаконий. (12) После того как никто из сенаторов не явился на зов децемвиров, домой к каждому из них послали служителей, которые должны были взять залог³⁶² и узнать, умышленной ли была неявка; они, однако, вернулись с сообщением о том, что все сенаторы в деревне. Это известие децемвиры восприняли спокойней, чем если б им сообщили, что сенаторы остались в Городе и оказывают сопротивление их власти. (13) На следующий день всем сенаторам было приказано собраться и их явилось так много, как они и сами не ожидали. Плебеи решили, что сенаторы предали свободу, ибо сенат повиновался – как законным – приказам тех, которые по истечении срока полномочий должны были б считаться частными гражданами, если бы не прибегли к насилию.

39. (1) Однако, послушно явившись в курию, сенаторы повели себя там, насколько известно, отнюдь не трусливо. (2) По преданию, после выступления Аппия Клавдия и прежде чем по порядку стали высказывать мнения, Луций Валерий Потит потребовал, чтоб ему дали

³⁶² О залоге или даже штрафе, обеспечивавших явку сенаторов в курию, см.: Цицерон. Филиппики, I, 12; Авл Геллий, 14, 7, 10.

говорить о положении государства³⁶³, а в ответ на грозный запрет децемвиров вызвал их замешательство, объявив о своем намерении обратиться к плебеям. (3) Столь же бесстрашно вступил в борьбу Марк Гораций Барбат, назвавший децемвиров десятью Тарквиниями и напомнивший о том, что под предводительством Валериев и Горациев³⁶⁴ и изгнали царей. (4) Людям отвратительно было не имя царя, коим благочестие позволяет называть Юпитера, да и Ромула, основателя Города, и тех, кто царствовал после; при отправлении священных обрядов имя царя тоже привычно³⁶⁵, ибо вызывало ненависть не оно, но царская гордыня и произвол! (5) Если прежде этого не могли стерпеть от царя или царского сына, то кто будет терпеть их от частных граждан? (6) Как бы они, запрещая людям свободно высказываться в курии, не заставили поднять голос тех, кто стоит на площади! И если им дозволено было собрать сенаторов, то почему ему, Горацию, тоже частному лицу, не созвать народ на собрание? (7) Если хотят, пусть на деле испытывают, насколько мстящий за поправленную свободу сильнее жаждущего неограниченной власти. (8) Они говорят о войне с сабинянами, как будто у народа римского есть война более важная, чем против тех, которые, будучи избраны для составления законов, вовсе упразднили в государстве правосудие, выборы, ежегодную смену должностных лиц и преемственность власти, всех поровну обеспечивающую свободой, и, окружив себя ликторами, присвоили царскую власть. (9) После изгнания царей должностные лица избирались из патрициев, потом, после удаления простого народа, – и из плебеев, а к какому стану³⁶⁶ принадлежат эти люди? К сторонникам народа? Но что ими сделано через посредство народа? К сторонникам лучших? Те, кто почти год не созывали сената, а на нынешнем заседании запрещают даже высказываться о положении в государстве? (10) Пусть не слишком надеются на угрозу войны. То, от чего люди страдают, важнее для них, чем то, чего они боятся.

40. (1) Пока децемвиры придумывали, каким образом выразить свой гнев или снисхождение к произнесшему все это Горацию, и еще не нашли выхода из положения, дядя децемвира Аппия Гай Клавдий выступил с речью, больше похожей на заклинание, чем на отповедь. В этой речи (2) просил он племянника, ради манов его отца и своего брата, остаться верным гражданскому обществу, в котором рожден, а не сговору, скрепленному нечестивой клятвой десятерых. (3) Он, мол, просит его об этом больше ради него самого, чем ради государства, которое (4) против их воли восстановит свои неотъемлемые права. Но жаркая схватка разжигает гнев, вот почему он так страшится за ее исход.

(5) Хоть децемвиры и запретили отступать от предмета обсуждения, все ж уважение к Клавдию не позволило им перебивать его. А он заявил, что сенатского постановления принимать не следует. (6) Всем стало ясно, что Клавдий считает децемвиров частными гражданами, и многие из бывших консулов вслух поддержали его. (7) По другому предложению, более суровому на вид, но имевшему на деле меньшую силу, сенаторам приказывалось бы сойтись для назначения интеррекса. Однако, чтобы принятием решения не подтверждать полномочий децемвиров на созыв сената, от сенатского постановления отказались, и таким образом Клавдий показал всем, что децемвиры – частные граждане.

(8) Но тут, когда те были уже на грани падения, брат децемвира Марка Корнелия Луций Корнелий Малугинский, по уговору получивший слово последним, выказал мнимую озабоченность военной опасностью и стал защищать брата и сотоварищей его, недоумевая, (9) что

³⁶³ Любой сенатор имел право потребовать первоочередного рассмотрения вопроса о положении дел в государстве, независимо от того, ради обсуждения какого дела был созван Сенат.

³⁶⁴ Горации в рассказе Ливия об изгнании царей не упоминаются, но они упомянуты у Дионисия Галикарнасского (IV, 85).

³⁶⁵ См.: II, 2, 1.

³⁶⁶ Наименования двух борющихся «станов» («партий») – «сторонники народа» («популярные») и «сторонники лучших» («оптиматы») принадлежат политическому словарю I в. до н. э. Вообще, описывая власть децемвиров как подобную царской (III, 38, 1), Ливий, возможно, находился под влиянием красноречия Цицерона, обличавшего – в речах 63 г. до н. э. о земельном законопроекте своего современника Сервилия Рулла – характер власти совсем других (к тому же так и не назначенных) децемвиров.

же это за роковое совпадение, что на децемвиров ополчились сильней всего и главным образом те, кто сам хотел стать децемвирами, и почему (10) в мирное время в течение стольких месяцев никто не затевал споров о законности их пребывания у власти, а теперь, когда враг почти у ворот, сеют междоусобицу в надежде, что смута скроет их намерения. (11) Но теперь у всех на уме более важное дело, и столь трудная задача не может быть решена наспех – вот почему разбирательство в сенате выдвинутых Валерием и Горацием обвинений против децемвиров, которые должны были якобы к майским идам сложить с себя полномочия, он предлагает отложить до тех пор, пока не будет покончено с угрозой войны и в государстве не восстановится мир. (12) Однако Аппию Клавдию уже сейчас нужно быть готовым к тому, что придется ему – как ведавшему выборами децемвиров – дать отчет в том, были ли они избраны на один год или до тех пор, пока не будут проведены недостающие законы. (13) Но пока нужно, мол, забыть обо всем, кроме войны, и если сенаторы считают слухи о ней заведомо ложными и полагают, что не следует верить ни слухам, ни самим послам тускуланцев, то, по его мнению, для получения самых надежных сведений следовало бы послать разведчиков; (14) если же поверить и послам, и слухам, то надобно, оставив все дела, немедленно произвести набор, а децемвирам следует вести войско туда, куда они сочтут необходимым.

41. (1) Младшие сенаторы склоняли остальных к принятию этого решения. Но Валерий и Гораций восстали еще смелее, снова потребовав разрешения говорить о положении государства, а если им не позволят выступить в сенате, они-де обратятся прямо к народу, ибо частные лица не вправе мешать им ни в курии, ни в собрании, и они не отступят перед мнимыми фасками. (2) Тогда Аппий, понимая, что если он не ответит с той же дерзостью, то лишится власти, воскликнул: (3) «Несдобровать всякому, кто говорит то, о чем его не просили!» – и, в ответ на отказ Валерия молчать по приказу частного лица, посылает к нему ликтора. (4) Валерий с порога курии уже взывал о помощи к квиритам, когда Луций Корнелий обнял Аппия и из притворного сочувствия к Валерию прекратил этот спор. Хотя после этого Валерию и позволили говорить что угодно, децемвиры добились своего – ведь свобода не шла дальше слов. (5) Бывшие консулы, вместе со знатнейшими сенаторами питавшие прежнюю ненависть к власти трибунов, потерю которой они считали более тяжелой утратой для плебеев, чем для себя потерю консульской власти, готовы были предпочесть впоследствии добровольный отказ децемвиров от их полномочий новому восстанию ненавистных им плебеев в надежде, (6) что если народ не будет роптать и удастся мало-помалу вернуться к консульскому правлению, то плебеям помогут забыть о трибунах или новые войны, или сдержанность вернувшихся к власти консулов.

(7) Набор был объявлен без сопротивления сенаторов. Приказы децемвиров обжалованию не подлежали, и молодежь записывалась в войско. После того как легионы были набраны, децемвиры договорились, кто станет во главе войск. (8) Вождями децемвиров были Квинт Фабий и Аппий Клавдий. Война в Риме, казалось, будет труднее, чем с неприятелем. Решили, что суровость Аппия более пригодна для подавления волнений в Городе. Фабий от природы был более склонен к добрым делам, чем к злодейству. (9) Но даже такого человека, прославившегося и на военном и на гражданском поприще, так переменяло пребывание у власти и общение с децемвирами, что он предпочел стать похожим на Аппия, а не на себя самого. Ему, вместе с Манием Рабулеем и Квинтом Петилием, поручили войну с сабинянами. (10) Марка Корнелия вместе с Луцием Минуцием, Титом Антонием, Цезоном Дуллием и Марком Сергием послали на Альгид. Спурий Оппий вместе с Аппием Клавдием был оставлен на страже Рима; при этом все децемвиры обладали одинаковыми полномочиями.

42. (1) На войне дела шли ничуть не лучше, чем в Риме. (2) Вина полководцев состояла лишь в том, что они вызывали ненависть к себе со стороны сограждан; во всем остальном виноваты были войны, которые не желали добиваться успеха под предводительством децемвиров и терпели поражения, позоря и себя, и полководцев. (3) Войска римлян были рассеяны и сабинянами под Эретом, и эквами на Альгиде. Бежавшие под покровом ночи из-под Эрета

стали лагерем неподалеку от Рима, на возвышенности между Фиденами и Крустумерией: (4) не встретив преследующего противника в открытом бою, они вверили свою защиту не собственному мужеству и оружию, но естественным укрытиям местности и валу. (5) На Альгиде войско испытало еще больший позор и было полностью разгромлено: бежав из лагеря и побросав имущество, воины укрылись в Тускуле, надеясь на милосердие и гостеприимство тускуланцев, в чем и не обманулись. (6) Когда столь грозные вести дошли до Рима, сенаторы забыли о ненависти к децемвирам и, решив оставить в Городе стражу, приказали всем, кто был в состоянии носить оружие, охранять стены и выставить караулы к воротам. (7) В Тускул же велели выслать оружие и подкрепление, а децемвирам по их решению надлежало оставить тускуланскую крепость и держать войско в лагере, другой лагерь – перевести из Фиден во владения сабинян и начать наступление, чтоб отбить неприятелю охоту идти на приступ Рима.

43. (1) К поражениям от неприятеля децемвиры прибавили два ужасных преступления: одно было совершено на войне, другое – в Городе. (2) Разведать место для лагеря во владениях сабинян был послан Луций Сикций³⁶⁷, ненавидевший власть децемвиров и тайно призывавший соратников избрать трибунов и покинуть лагерь. (3) В спутники ему отрядили воинов, которым было поручено в укромном месте напасть на Сикция и убить его. (4) Но убийство это не прошло им даром, ибо Сикций оказал сопротивление, а будучи человеком богатырской силы и храбрости, он уложил и нескольких злодеев. (5) Оставшиеся сообщили в лагерь, что Сикций вместе с несколькими воинами попал в засаду и пал в неравном бою. (6) Этому сперва поверили, но потом с разрешения децемвиров для погребения убитых была послана когорта и Сикция нашли лежащим в нетронутых доспехах в окружении трупов, среди которых не было ни одного неприятеля, не было и никаких их следов; тело Сикция доставили в лагерь, в точности установив, что он был убит своими. (7) Преисполненные ненависти, воины готовы были немедленно переправить тело Сикция в Рим, но децемвиры успели устроить ему воинское погребение на государственный счет. Велика была скорбь в лагере во время этих похорон, покрывших децемвиров позором.

44. (1) Вслед за этим в Городе свершилось другое преступление, порожденное похотью и вызывающее не меньшее содрогание своими последствиями, чем самоубийство обесчещенной Лукреции, из-за чего Тарквинии лишились престола и были изгнаны из Города: так что не только конец правления, но и даже причина отстранения от власти царей и децемвиров были совсем одинаковыми³⁶⁸.

Аппий Клавдий воспылил страстью к девушке из народа и решил удовлетворить свою похоть. (2) Отец девушки, центурион Луций Вергиний, несший службу у Альгида, был образцовым воином и гражданином. Так же была воспитана его жена, так воспитывались и дети. Дочь он просватал за бывшего трибуна (3) Луция Ицилия, храбреца, доблестно отстаивавшего права плебеев. (4) Девушка редкой красоты, она была уже взрослой и не соблазнилась подарками и обещаниями Аппия, и тогда тот, от страсти потеряв голову, решился на грубое насилие. (5) Он поручает своему клиенту Марку Клавдию, чтобы тот объявил ее своею рабыней и не уступал требованиям временно оставить ее на свободе, полагая, что в отсутствие ее отца Вергиния это беззаконие будет возможно. (6) Когда она пришла на форум, где среди лавок была

³⁶⁷ Луций Сикций Дентат – легендарный, прозванный «Римским Ахиллесом» герой плебса, воплотивший в себе мужество и самоотверженность плебеев (ср.: Авл Геллий, II, 11, 1).

³⁶⁸ Отмеченное самим Ливием сходство между историями Вергинии и Лукреции, несомненно, литературного происхождения. Недаром Ливия здесь занимают прежде всего сюжетные параллели, атмосфера напряженности, драматургическое развитие действия, развертывание юридического спора по всем правилам популярного риторического жанра контroversии. Эта патетическая новелла, однако, прочно вошла в историческую и даже историко-юридическую (см. примеч. 81) традицию римлян. Некоторые ее варианты показательны: у Диодора (XII, 24, 2) и в одном из трактатов Цицерона (О государстве, II, 63; иначе: О пределах добра и зла, II, 66) вместо Аппия Клавдия фигурирует «один из децемвиров»; Диодор называет Вергинию «девицей благородного происхождения».

и школа, в которой она обучалась грамоте³⁶⁹, Клавдий, слуга децемвирской похоти, остановил наложением руки³⁷⁰ девушку и, объявив ее дочерью своей рабыни и, следовательно, рабыней, приказал без промедленья следовать за ним, иначе, мол, он уведет ее силой. (7) Бедная девушка остолбенела, но на крики кормилицы сбежался народ. Имена ее отца Вергиния и суженого Ицилия были хорошо известны. Тех, кто знал их, объединяла дружба, а толпу – негодование против козней Клавдия. (8) Девушка была уже спасена от насилия, но тут предьявивший на нее свои права заявил, что ни к чему собирать такую толпу: он, мол, намерен действовать не силой, но по закону. И вот он вызывает девицу в суд. (9) По совету близких, присматривавших за ней, она явилась к трибуналу Аппия³⁷¹. Истец поведал свою выдумку судье, который сам и был сочинителем этой басни, что, мол, девушка родилась-де в его, Клавдия, доме, откуда была похищена и подброшена Вергинию, (10) а сам он узнал об этом благодаря доносу и готов представить доказательства, будь судьей сам Вергиний, более всего запятнанный совершенным беззаконием; пока же, конечно, рабыня должна следовать за господином. (11) Защитники девушки сказали, что Вергиний отсутствует по делу государства и если ему сообщат о случившемся, то он будет в городе через два дня, (12) а посему несправедливо в отсутствие отца тягаться о детях, и потребовали отсрочить дело до его возвращения. Вергинию же на основании закона, внесенного самим Аппием, следует временно оставить на свободе, чтобы взрослая девица не была обесчещена прежде, чем лишится свободы.

45. (1) До оглашения приговора Аппий заметил, что о том, насколько он покровительствует свободе³⁷², можно судить по самому закону, на который ссылаются в своей просьбе друзья Вергиния, (2) хотя закон лишь в том случае будет неоспоримой порукой свободы, если не окажется обстоятельств, меняющих дело – по сути или в том, что касается лиц. (3) В делах прочих лиц каждый может законно отстаивать свободу другого – это по праву, но в деле той, что находится во власти отца³⁷³, нет некоего другого, кому мог бы передать ее господин. Итак, он, Аппий, согласен послать за ее отцом, а истец покуда пусть останется при своем неущемленном праве, с тем чтобы он увел с собой девушку, под обещание доставить ее в суд, как только объявится тот, кто называет себя ее отцом. (4) На неправый приговор³⁷⁴ роптали, но никто не осмеливался ему воспротивиться, пока не вмешались дядя Вергинии Публий Нумиторий и ее жених Ицилий. (5) Толпа расступилась в надежде, что Ицилий сумеет противостоять Аппию, но тут ликтор объявляет, что приговор уже вынесен, и отталкивает Ицилия, не давая ему говорить. (6) Такое оскорбление разозлило бы и кроткого человека. А Ицилий вскричал: «Ты получишь то, к чему стремишься, лишь мечом прогнав меня отсюда! Я женюсь на этой девушке, и моя невеста пребудет невинной. (7) Ты можешь, кроме своих, созвать и всех децемвирских ликторов и приказать им пустить в ход топоры и розги, но моя суженая вернется в отцовский дом. (8) Пусть вы лишили нас трибунов и прав обжалованья пред народом римским – двух столпов, на которых держалась наша свобода, но пока еще ваша похоть не властна над нашими женами и детьми. (9) Лютуйте на наших спинах и шеях, но на их целомудрие не покушайтесь! А если вы прибегнете к насилию, то в защиту моей невесты и единственной дочери Вергилия я призову на помощь стоящих здесь сограждан, он – воинов и все мы – богов и людей, и твой

³⁶⁹ «Взрослая девушка», обучавшаяся грамоте, не должна удивлять – брачным возрастом для девушки в Риме считались 12 лет. Первая школа в Риме была открыта лишь в III в. до н. э. (Карвилием, отпущенником Спурия Карвилия Максима, консула 234 г.), а до того дети обучались дома.

³⁷⁰ «Наложение руки» (прикосновение к плечу) – символический жест предьявления прав на человека.

³⁷¹ См.: примеч. 68 к кн. II.

³⁷² Речь идет о принципе *favor libertatis* («благоволение свободе»), согласно которому в спорных случаях вопрос о статусе человека должен решаться в пользу свободы (что должно было приниматься во внимание и при предварительных решениях).

³⁷³ Подвластное состояние девушки не должно было иметь отношения к вопросу об отсрочке.

³⁷⁴ Римские юристы позднейшего времени не сомневались в противоправности действий Аппия Клавдия (см.: Дигесты, 1, 2, 2, 24).

приговор исполнится лишь ценой нашей смерти. (10) Подумай, Аппий, еще и еще подумай, на что идешь! (11) Когда Вергиний вернется, он решит, что ему делать с дочерью, пусть только знает, что, если он уступит притязаниям Клавдия, может сватать дочь за кого-нибудь другого. Я же, отстаивая свободу невесты, меньше дорожу жизнью, чем верностью».

46. (1) Толпа была возбуждена, и стычка казалась неминуемой. Ицилия обступили ликторы, но дальше угроз дело не пошло, поскольку Аппий сказал, что Ицилий, человек беспокойный и (2) не забывший еще, как был трибуном, вовсе не защищает Вергинию, но ищет повода для смуты. (3) Однако повода он ему не даст, и не из-за наглости Ицилия, а лишь покровительствуя свободе и считаясь с отцовским званием Вергиния, в чье отсутствие не будет совершено ни суд, ни приговор. Марка Клавдия он попросит поступиться своим правом и до завтра отпустить девушку. (4) А если завтра ее отец не придет, пусть, мол, Ицилий и ему подобные знают – он выкажет твердость, достойную законодателя и децемвира. А для того, чтоб обуздать зачинщиков смуты, ему не понадобятся ликторы других децемвиров: он обойдется своими.

(5) После отсрочки несправедливого приговора защитники девушки разошлись, первым делом поручив брату Ицилия и сыну Нумитория, безупречным юношам, немедленно собраться в путь и как можно скорей вызвать из лагеря Вергиния, (6) ведь спасение его дочери от беззакония зависело от того, успеет ли он вернуться в срок. Они поскакали во весь опор и передали эту весть отцу. (7) А Ицилий, в ответ на требование истца принять девицу и представить поручителей, говорил, что этим-то он и занят, а сам нарочно тянул время, пока гонцы не доберутся до лагеря. Тем временем из толпы тянулись руки – каждый выказывал Ицилию готовность стать его поручителем. (8) Со слезами на глазах тот благодарил их: «Завтра будет нужда в вашей помощи, а теперь уж довольно поручителей». Так Вергиния была отдана на поруки близким.

(9) Аппий еще немного помедлил, чтобы не показалось, что он пришел сюда ради одного этого дела, но другие людей не волновали, никто больше не приходил, и он вернулся домой писать децемвирам в войско, чтоб те не давали Вергинию отпуска и даже взяли его под стражу. (10) Как и следовало ожидать, этот подлый приказ запоздал: Вергиний, получив отпуск, отбыл еще до полуночи, а бесполезное письмо об его задержании было доставлено назавтра поутру.

47. (1) А в Риме уже на рассвете все граждане в нетерпении собрались на форуме, куда Вергиний, одетый как на похоронах, привел дочь, обряженную в лохмотья, в сопровождении нескольких матрон и толпы защитников. (2) Здесь Вергиний стал обходить людей; обращаясь к ним, он не только просил содействия, но требовал его как должного: он-де каждый день идет в бой за их жен и детей, и никто не сравнится с ним ни храбростью, ни числом совершенных на войне подвигов. Но что в них пользы, когда в городе, не задетом войною, наши дети стоят на краю гибели, как если б он был уже захвачен врагом? (3) Будто держа речь перед собранием, он обходил людей. Подобное говорил и Ицилий. (4) Но сильнее всяких слов действовал на толпу тихий плач женщин. Вопреки всему, с прежним упорством – вот до чего довело его вождение или, лучше сказать, безумие – Аппий взошел на трибунал, и не успел истец договорить о том, что накануне благодаря ходатаям приговор вынесен не был, и снова изложить свое требование, а Вергиний – получить ответное слово, как он вмешался.

(5) Возможно, какая-то из переданных древними писателями речей, в которой Аппий обосновал свой приговор, и подлинная, но ни одна из них не отвечает чудовищности самого приговора³⁷⁵, вот почему, мне кажется, следует изложить его голую суть – Вергиния была признана рабыней. (6) Сперва все оцепенели, потрясенные такой жестокостью, и на некоторое время водворилась тишина. Но потом, когда Клавдий собрался было, отстранив матрон, схватить девицу, женщины ответили на это жалобным плачем, а Вергиний, погрозив Аппию, сказал: (7) «За Ицилия, а не за тебя, Аппий, просватана моя дочь, и вырастил я ее для брака, а

³⁷⁵ По Дионисию Галикарнасскому (XI, 36), Аппий Клавдий выдвинул против Вергиния обвинение в краже ребенка (ср.: III, 44, 9).

не для разврата. Тебе угодно, как скоту и зверю, совокупляться, с кем захочешь? Эти, быть может, и стерпят такое, но, я уверен, не те, в чьих руках оружие». (8) Толпа женщин и стоящие рядом защитники отталкивали Клавдия, но глашатай восстановил тишину.

48. (1) Децемвир, потерявший от похоти разум, заявил, что не только по вчерашним нападкам Ицилия и буйству Вергиния, свидетели коих были все римляне, но и по другим достоверным сведениям он понял, что с целью посеять смуту в Городе всю ночь собирались сходки. (2) И потому, мол, он, зная о предстоящей борьбе, пришел сюда в сопровождении вооруженных людей, но не ради притеснения мирных граждан, а для того, чтобы, не роняя высокого сана, обуздать тех, кто нарушает общественное спокойствие. «И потому советую вам успокоиться, – сказал он. (3) – А вы, ликторы, расчистите путь в толпе, чтобы хозяин мог вернуть свою собственность!»

Он произнес это громовым голосом и с такою злобой, что толпа расступилась, сама принося девушку в жертву насилию. (4) И тогда Вергиний, увидев, что помощи ждать не от кого, с мольбой обратился к Аппию: «Прости отцу ради его горя, если я сказал против себя неразумное слово, но позволь напоследок здесь, в присутствии девицы, расспросить кормилицу, как обстояло дело, чтобы я, если и правда не отец, ушел отсюда со спокойным сердцем». (5) Получив разрешение, он отошел с дочерью и кормилицей к лавкам, что расположены возле храма Венеры Очистительницы³⁷⁶ и зовутся теперь Новыми³⁷⁷, и, выхватив там у мясника нож, воскликнул: «Только так, дочь моя, я могу сделать тебя свободной». Тут он пронзает грудь девушки и, обернувшись к судилищу, произносит: «Да падет проклятье за эту кровь на твою голову, Аппий!»

(6) При виде ужасного злодеяния поднялся крик, и Аппий, выйдя из оцепенения, приказывает схватить Вергиния. Но тот, размахивая ножом, под защитой шедшей за ним толпы прокладывая себе путь к воротам. (7) Ицилий и Нумиторий, подняв бездыханное тело, показывали его народу, оплакивая красоту девушки, навлекшую на нее злодеяние Аппия, осуществить которое вынужден был отец. За ними шли рыдающие матроны: (8) для того ли растим мы наших детей? И таким образом вознаграждается целомудрие? Произнося и все остальное, что в таких случаях требует от женщин скорбь, они рыдали все сильнее, не в силах сдержать слезы. (9) Мужчины, а больше всех Ицилий, негодуя говорили о потере трибунской власти и права на обжалование перед народом.

49. (1) Толпу взволновала как чудовищность злодеяния, так и надежда, воспользовавшись происшедшим, вернуть себе свободу. (2) Аппий то вызывал Ицилия, то приказывал схватить его, но служителям не дали подойти, и тогда он сам, окруженный патрицианской молодежью, ринулся в толпу и приказал заключить Ицилия под стражу. (3) Ицилия, однако, обступила уже не просто толпа, рядом с ним были и Луций Валерий и Марк Гораций, которые оттолкнули ликтора, утверждая, что если Аппий прибегнет к праву, то они могут защитить Ицилия от частного лица, а если он применит силу, то и тогда они ему не уступят. Тут-то и вспыхнула жестокая распря. (4) Ликтор децемвира напал было на Валерия и Горация, но толпа разломала его фаски. Аппий поднялся, чтоб обратиться к народу, но Гораций и Валерий пошли вслед за ним. Народ слушал их, а децемвиру не давал говорить. (5) Уже Валерий, словно он был облечен властью, приказывал ликторам оставить в покое частного человека – это сломило дух

³⁷⁶ Венера – италийское божество. В Риме первоначально почиталась как богиня садов и всяческого произрастания. Позднее она была отождествлена с Афродитой, богиней красоты, любви и брака, матерью прародителя римлян Энея. Установление древнего культа Венеры Очистительницы (Venus Cloacina – от старолатинского *cluere* – «очищать», «чистить») приписывалось традицией Титу Тацию (Плиний. Естественная история, 15, 119).

³⁷⁷ Лавки, находившиеся на северной стороне Форума, сгорели в 210 г. до н. э. Они были отстроены заново около 192 г. до н. э. (Фест, 258 L.) и получили название «Новые». Ко времени Ливия они были перенесены на другое место, но память о них сохранилась в названии того района, где они находились прежде («У новых») (см.: Варрон. О латинском языке, VI, 59).

Аппия, и в страхе за свою жизнь, закутав лицо, он бежал с форума и незаметно укрылся в близлежащем доме.

(6) На помощь ему с противоположной стороны форума врывается Спурий Опций. Он видит, что сила одержала победу над властью. Приведенный в замешательство подаваемыми со всех сторон советами, с многими из которых он соглашался, Опций наконец приказал созвать сенат. (7) И это успокоило толпу, питавшую надежды с помощью сената положить конец власти децемвиров, чьи действия вызывали очевидное недовольство большинства сенаторов. (8) Сенат решил не раздражать плебеев и прежде всего позаботиться о том, чтоб появление Вергиния в войске не вызвало волнений.

50. (1) В лагерь, располагавшийся тогда на Вещилиевой³⁷⁸ горе, были отправлены младшие сенаторы с приказом децемвирам не допустить восстания в войске. (2) Но Вергиний вызвал здесь еще больше волнения, чем в Риме. (3) Ведь помимо того, что он привел с собою толпу почти в четыреста человек, которые пошли за ним, воспламененные гнусностью случившегося, весь лагерь был поражен, увидав, что в руках у него клинок, а сам он забрызган кровью. Мелькавшие повсюду тоги заставляли думать, что горожан в лагере значительно больше, чем на самом деле. (4) На вопрос, что все это значит, Вергиний долго не отвечал ни слова и только плакал. Наконец те, кто в смятении метался по лагерю, собрались вместе. Воцарилась тишина, и Вергиний по порядку изложил, как было дело. (5) Простирая руки и взывая к соратникам, он заклинал не приписывать ему преступления Аппия Клавдия и не отворачиваться от него как от убийцы дочери³⁷⁹. (6) Дороже собственной была ему жизнь дочери, если б только она могла жить, сохраняя свободу и достоинство, но когда он увидел, как ее, точно рабыню, схватили, чтоб обесчестить, то предпочел ее смерть позору, так что его жестокость была лишь выражением милосердия. (7) Сам же он остался жить в единственной надежде с помощью соратников отомстить за смерть дочери. Ведь и у них есть дочери, сестры, жены, а похоть Аппия Клавдия не угасла вместе с Вергинией, и безнаказанность делает его еще более необузданным. (8) Пусть чужое несчастье предостережет их против подобных посягательств. Что же касается его самого, то судьба уже лишила его жены, а дочь, не пережившая позора, приняла хоть и мучительную, но славную смерть – (9) в его доме некому теперь утолить похоть Аппия. При новых притеснениях он сумеет постоять за себя с тем же присутствием духа, с каким мстил за дочь, а остальные пусть сами позаботятся о себе и своих детях.

(10) В ответ на жалобы Вергиния собравшиеся кричали, что отомстят за его муки и постоят за свою свободу. Смешавшиеся с толпой воинов граждане, жалуясь, как и он, старались показать, насколько зрелище происшедшего было страшней того, о чем говорил Вергиний. и сообщали, что (11) в Риме с децемвирами покончено, – тут вновь прибывшие из города в лагерь сказали, что Аппий, едва спасшись от смерти, удалился в изгнание, затем призвали наконец воинов бросить клич «К оружию!» и под знаменами двинуться на Рим. (12) Децемвиры, потрясенные как тем, что видели сами, так и тем, что, по сообщениям, творилось в Риме, сновали по лагерю, пытаясь унять волнения. Не подчинялись даже тем из них, кто действовал мягко, те же, кто пытался пользоваться властью, слышали в ответ, что против них найдутся и силы, и оружие. (13) Итак, войско пошло на Рим и заняло Авентинский холм, призывая плебеев выступить за возвращение свободы и избрание народных трибунов. Другой крамолы в их речах не было. (14) Спурий Опций открыл заседание сената. От принятия суровых мер решено было отказаться: ведь повод к мятежу подали сами децемвиры. (15) К войску отпра-

³⁷⁸ Это единственное упоминание о Вещилиевой горе. Вероятно – одна из вершин Альгидского массива.

³⁷⁹ По римскому праву отец имел власть над жизнью и смертью своих детей (см.: примеч. 90 к кн. I), но юридически допустимое их убийство могло вызвать резкое осуждение. Так, при Августе некий римский всадник, засекший до смерти своего сына, едва не стал жертвой самосуда толпы и был спасен только императорским вмешательством (Сенека. О мягкосердечии, I, 15, 1). Однако применительно к Вергинии речь идет не об отцовской каре, а об убийстве вынужденном (по римским понятиям, для свободного человека позор хуже смерти).

вили посольство в составе трех бывших консулов – Спурия Тарпея, Гая Юлия и Публия Сульпиция, чтоб те от имени сената спросили, кто отдал приказ оставить лагерь, для чего они с оружием в руках пришли на Авентинский холм и, бросив воевать с врагом, напали на собственное отечество. (16) Ответ у воинов, конечно, был, не было лишь того, кто произнес бы его, им не доставало вождя, и никто не хотел навлечь на себя зависть остальных. Из толпы выкрикнули только, чтоб прислали Луция Валерия и Марка Горация: им, мол, мы дадим ответ.

51. (1) Когда послы удалились, Вергиний стал внушать воинам, что причина их колебаний в столь нетрудном деле кроется в отсутствии предводителя, а потому ответ они дали хотя и разумный, но все же случайный, принятый хотя и с общего согласия, но не по здравом размышлении. (2) Он предлагает избрать десять верховных предводителей и, памятуя об их воинском звании, объявить их военными трибунами³⁸⁰. (3) Но, когда ему первому предложили это почетное звание, он отказался: «Приберегите это ваше решение до лучших времен; (4) и мне, не отмстившему еще за дочь, не доставит радости почетное звание, и вам в это тревожное для государства время не нужны предводители, заранее вызывающие ненависть. (5) А если я могу быть вам полезен, вы можете воспользоваться мною и в качестве частного лица». (6) Таким образом, избрали десять военных трибунов.

(7) Непокойно было и в войске, воевавшем против сабинян. По почину Ицилия и Нумитория здесь тоже отвергли власть децемвиров, ибо воспоминание о возмущившем всех убийстве Сикция усугубилось известием о гнусном преследовании девушки, павшей жертвой похоти. (8) Как только Ицилий услышал об избрании на Авентине военных трибунов, то, опасаясь, как бы городские выборы не оказались повторением предварительных войсковых, а те, кого избрали военными трибунами, не стали бы трибунами народными, (9) он, как человек опытный в обращении с народом и сам стремившийся к трибунской власти, позаботился о том, чтоб еще до похода на Рим столько же военных трибунов было избрано и здесь. (10) Войдя в Коллинские ворота, они пересекли Город и строем под знаменами пошли на Авентин. Там оба войска соединились и поручили двадцати военным трибунам избрать из своего числа двух верховных предводителей. Избрали Марка Оппия и Секста Манилия.

(11) Встревоженные положением государства, сенаторы заседали каждый день, больше времени потратив на склоки, чем на совещания. (12) Децемвирам вменялись в вину и убийство Сикция, и Аппиева похоть, и неудачи в войне. Валерию и Горацию предложили отправиться на Авентин. Те отказывались идти, если децемвиры не сложат с себя полномочия, срок которых истек еще в прошлом году. (13) Децемвиры возражали, что сложат с себя власть и перейдут в разряд частных граждан не раньше, чем будут приняты законы, ради которых они и были избраны.

52. (1) Бывший народный трибун Марк Дуиллий довел до сведения войска, что дело не двигается с места из-за бесконечных споров, а сенаторы-де только тогда вполне осознают случившееся, когда увидят пустой город. (2) Он и убедил народ перебраться с Авентина на Священную гору³⁸¹: пусть Священная гора напомнит о стойкости плебеев, пусть все задумаются, сможет ли в государстве восстановиться согласие без восстановления власти трибунов. (3) Войско прошло по Номентанской дороге, которая ныне зовется Фикулейской, и стало лагерем на Священной горе, подражая предкам в сдержанности и не применяя насилия. За войском отправились остальные плебеи: дома остались лишь немощные старики. (4) Следом шли

³⁸⁰ Военные трибуны – высшая в легионе (где их было шесть) командная должность. Здесь, однако, речь идет не о регулярной должности, а о выборных предводителях для войска, оставшегося (с крушением власти децемвиров) без командующего.

³⁸¹ Уже древние авторы, рассказывающие о втором – как и о первом (см.: примеч. 73 к кн. II) – «уходе» плебеев, расходятся в мнениях о том, куда именно они удалились. По Диодору (XII, 24) и Саллюстию (Югуртинская война, 31, 17), плебеи оба раза уходили на Авентин; по Помпонию (Дигесты, 1, 2, 2, 20 и 21) и Фесту (422L.), в первый раз на Священную гору, во второй – на Авентин. Ливий, повествуя о втором «уходе», заставляет плебеев перейти с Авентина на Священную гору.

жены и дети, жалобно причитая, на кого их оставляют в городе, где не святы ни целомудрие, ни свобода.

(5) Обезлюдивший Рим превратился в пустыню, на форуме не было никого, кроме нескольких стариков. И вот когда собравшиеся на заседание сенаторы увидели опустевший форум, многие из них, а не только Гораций с Валерием стали громко выражать недовольство: (6) «Чего еще вы ждете, отцы-сенаторы? Децемвиры не желают покончить со своим упрямством, а вы намерены допустить, чтоб все было предано огню и разрушению? А вы, децемвиры? Что же это за власть, за которую вы так крепко держитесь? (7) Или вы собираетесь вершить суд над крышами и стенами? И вам не стыдно, что ликторов на форуме чуть ли не больше, чем остальных граждан? Что вы будете делать, если на Город нападёт неприятель? Что если плебеи, увидав, что на нас не действует их уход, вернуться с оружием в руках? (8) Или вы хотите, чтобы ваша власть пала вместе с самим Городом? Придется, стало быть, либо расстаться с плебеями, либо вернуть народных трибунов. Мы легче обходимся без своих должностей, чем они. (9) Неожиданно для себя они добились от наших отцов власти, а, вкусив однажды ее сладость, неужели они смиряются с ее утратой, тем более что мы свою власть не делаем более терпимой, дабы у них не было надобности защищать себя?» (10) Эти слова, раздававшиеся со всех сторон, заставили децемвиров подтвердить, что, раз так, они подчиняются сенату и признают себя побежденными его единодушием. (11) Они заклинали лишь о том, чтобы их уберегли от людской ненависти и пролитием их крови не приучали плебеев к тому, что патрициев можно казнить.

53. (1) Тогда Валерий и Гораций были посланы к плебеям, чтобы на условиях, какие они сочтут нужными, возратить их и привести дело к соглашению; также им было поручено обещать децемвиров от гнева и ярости толпы. (2) По прибытии в лагерь Валерий и Гораций были встречены плебеями с восторгом как несомненные освободители – такими они показали себя и в начале волнений, и при их исходе. За это им и воздали благодарность. (3) От имени толпы говорил Ицилий. Когда речь зашла об условиях, он в ответ на вопрос послов о требованиях плебеев в соответствии с заранее принятым решением заявил, что на справедливость своих требований они возлагают больше надежд, чем на оружие. (4) Ибо требуют они, во-первых, восстановления власти трибунов и права обжалованья перед народом – того, что было их опорой, пока не избрали децемвиров, а во-вторых, помилования для тех, кто призывал войско и народ добиваться возвращения свободы. (5) Только для децемвиров требовали они жестокой казни, полагая, что по справедливости децемвиры будут им выданы, они грозились сжечь их живьем. (6) «Размышляя здраво, – отвечали послы, – ваши требования справедливы настолько, что были бы выполнены и без их предъявления, ибо вы просите поруки вашей свободы, а не разрешения притеснять других. (7) А гнев ваш заслуживает только прощения, но не поощрения, ибо, ненавидя жестокость, вы сами выказываете жестокость и, не обретя еще свободы, уже хотите господствовать над противником. (8) Неужели никогда не перестанут плебеи Рима казнить патрициев, патриции – плебеев и мир не водворится в нашем государстве? (9) Вам теперь нужнее щит, чем меч. Более чем достаточным унижением будет для них сделаться простыми гражданами, не нанося и не испытывая ущерба. (10) А если даже когда-нибудь вы захотите внушать страх, то, вернув себе ваших должностных лиц и ваши законы, вы получите в свои руки суды о нас самих и о нашем имуществе; тогда и будете выносить приговоры, как того потребует каждое дело, а теперь вам довольно возвращенья свободы».

54. (1) Получив от собрания разрешение действовать по своему усмотрению, послы обещали вернуться в лагерь, завершив дело в Риме. (2) Явившись в Город, они изложили сенаторам условия плебеев, с которыми тут же согласились все децемвиры, не найдя в них упоминаний о казни, чего так опасались. (3) Только Аппий, вызывавший своею чрезмерной жестокостью особое озлобление плебеев и мерою собственной ненависти измерявший ненависть к себе других, сказал: «Я знаю, какая судьба меня ждет. (4) Вижу, что нападение на нас

отложено до тех пор, пока наш враг не получит оружия. Ненависть утоляется только кровью. Но и я, не колеблясь, откажусь от звания децемвира!» (5) Сенатское постановление предписывает децемвирам немедленно сложить с себя полномочия, а великому понтифику³⁸² Квинту Фурию – избрать народных трибунов и запрещает преследовать кого бы то ни было за уход войска и плебеев.

(6) После принятия постановления сенаторы разошлись, а децемвиры явились на форум и при всеобщем ликовании сложили с себя полномочия.

(7) Новость эту сообщили войску. Послов в лагерь сопровождали все оставшиеся в Городе. Навстречу одной толпе шла в веселье другая – из лагеря. Все поздравляли друг друга с восстановлением в Риме свободы и согласия. (8) Послы обратились к собравшемуся народу: «Во имя блага, счастья и процветания вашего и Рима вернитесь в отечество, к богам, женам и детям вашим, но не теряйте той воздержности, благодаря которой здесь не было тронуту ни одного поля, несмотря на острую нужду в столь многом у такого множества людей. Идите на Авентин, откуда вы выступили!» (9) Там, на счастливом месте, где впервые положено было начало вашей свободе, вы выберете народных трибунов. Там будет ждать вас великий понтифик, чтобы провести выборы». (10) Все это было встречено с одобрением. А потом они взяли свои знамена и двинулись в Рим, радуясь не меньше тех, кто выходил им навстречу. С оружием в руках они спокойно прошли через Город на Авентин.

(11) Там под предводительством великого понтифика были немедленно избраны народные трибуны: первым – Луций Вергиний, за ним – Луций Ицилий и дядя Вергиния Публий Нумиторий – зачинщики ухода плебеев, (12) затем – Гай Сициний, потомок того Сициния, что, по преданию, был избран на Священной горе первым народным трибуном, и Марк Дуиллий, отменно исполнявший свой долг трибуна перед тем, как были избраны децемвиры, и позже весьма усердно помогавший плебеям в борьбе с ними. (13) Больше в надежде на будущие, чем за настоящие их заслуги избрали также Марка Титиния, Марка Помпония, Гая Апрония, Аппия Виллия и Гая Оппия. (14) По вступлении в должность Луций Ицилий сразу внес в собрание, а народ утвердил запрет на преследование кого бы то ни было за уход, случившийся по вине децемвиров. (15) Тотчас же Марк Дуиллий провел предложение об избрании консулов с правом обжалования их действий перед народом. Собрание плебеев приняло эти решения³⁸³ на Фламиниевом лугу, который теперь зовется Фламиниевым цирком³⁸⁴.

55. (1) Затем интеррекс провел избрание консулов, каковыми стали Луций Валерий и Марк Гораций, тут же вступившие в должность. Эти консулы пользовались расположением народа, не притесняли патрициев, но все-таки раздражали их, (2) ибо все, что вело к упрочению свободы плебеев, рассматривалось патрициями как умаление их могущества. (3) Прежде всего, чтобы разрешить спорный в некотором роде вопрос о том, должны ли патриции подчиняться плебейским постановлениям, консулы в народном собрании по центуриям провели закон, который делал решения, принятые плебеями на собраниях по трибам, обязательными для всего народа и таким образом дал трибунам сильнейшее оружие для проведения их зако-

³⁸² Избрание (или надзор за избранием) должностных лиц не входило в компетенцию понтифика, поэтому Асконий (I в. н. э., комментатор Цицерона), упоминая этот эпизод, пояснял, что дело происходило в отсутствие каких-либо должностных лиц. Современных комментаторов смущает то обстоятельство, что в рассказе Ливия этот эпизод относится к подготовительным этапам деятельности Валерия и Горация, хотя лишь после принятия их законов трибуна́т стал «частью конституционной системы». В любом случае, однако, речь идет о цепи взаимосвязанных мероприятий, связанных с именами консулов-реформаторов.

³⁸³ Решения (так называемые «плебисциты» – *plebiscita*), принятые собранием плебеев (*concilium plebis*, или *comitia plebis tributa*), – распространялись первоначально лишь на самих плебеев и не имели законодательной силы. См. также: примеч. 92.

³⁸⁴ Фламиниев луг был расположен в южной части Марсова поля. На этом месте в 220 г. до н. э. цензором Гаем Фламинием был построен Фламиниев цирк, где с 216 г. до н. э. проводились Плебейские игры. Видимо, выбор римского историка, помещающего собрание плебеев на Фламиниев луг, не случаен.

нопредложений³⁸⁵. (4) Вслед за тем они не только восстановили закон об обжаловании консульских действий перед народом, единственный залог свободы, отнятый пришедшими к власти децемвирами, но даже упрочили его на будущие времена, (5) объявив нерушимым новый закон, запрещающий избрание каких бы то ни было должностных лиц без права обжалования их действий: всякого, кто его нарушит, можно и должно убить, и это убийство не будет считаться уголовным преступлением. (6) Вслед за возвращением прав на обжалование и поддержку трибунов, чем консулы достаточно укрепили положение плебеев, они восстановили также почти уже позабытую священную неприкосновенность самих трибунов, (7) обновив после большого перерыва прежнее чиновное положение и прибавив к священной клятве блюсти неприкосновенность трибунов закон, по которому всякий, кто причинит ущерб народным трибунам, эдилам³⁸⁶ или десяти судьям³⁸⁷, обрекается в жертву Юпитеру, а имущество его распродается в пользу храма Цереры, Либера и Либеры³⁸⁸. (8) Законоведы говорят, что законом этим еще не утверждается чья-либо священная неприкосновенность, но тот, кто причинил какой-нибудь вред кому-нибудь из упомянутых должностных лиц, обрекается в жертву Юпитеру; поэтому, хоть само задержание и заключение эдила под стражу высшими должностными лицами и незаконно, ибо закон запрещает причинять им какой-либо вред, (9) все же оно доказывает, что эдил не считается обладающим священной неприкосновенностью; (10) трибуны же благодаря старинной клятве, данной плебеями при первом их избрании³⁸⁹, неприкосновенны. (11) Были и такие, кто толковал закон Горация в том смысле, что он обеспечивает безопасность также и консулов и преторов, которых выбирают с соблюдением тех же обрядов³⁹⁰, что и консулов; (12) а консул, мол, назывался также и судьей³⁹¹. Это толкование следует, однако, отвергнуть на том основании, что в те времена консула принято было называть не судьей, но претором. (13) Такие законы были приняты в консульство Валерия и Горация.

Эти же консулы постановили препровождать плебейским эдилам в храм Цереры сенатские решения, а прежде они утаивались или искажались по произволу консулов. (14) Народный трибун Марк Дуиллий предложил плебеям закон, который они приняли, о том, что всякий, кто оставит плебеев без трибунов или захочет избрать консулов без права обжалования, подлежит каре розгами или топором. (15) Все это было утверждено хотя и против воли, но и без противодействия патрициев, потому что никто из них пока не подвергся такой жестокости.

56. (1) После того как и власть трибунов, и свобода плебеев были вполне обеспечены, трибуны сочли своевременным и безопасным начать по одному преследовать децемвиров и выбрали первым обвинителем Вергиния, первым ответчиком – Аппия. (2) Когда Вергиний призвал Аппия к суду и тот пришел на форум в плотном окружении патрицианской молодежи, все, как только взглянули на Аппия и его спутников, сразу вспомнили об ужасном времени его правления. (3) Тогда Вергиний сказал: «Речи придуманы для изложения сомнительных дел, и потому я не собираюсь тратить время на обвинение против того, чью жестокость вы сами пресекли силой оружия, и не позволю, чтоб к прочим своим злодеяниям он прибавил бесстыдную

³⁸⁵ В сущности, «плебисциты», вероятно, прошли еще через несколько стадий, прежде чем обрели окончательно статус закона. Закон Валерия и Горация 449 г. до н. э. предусматривал обязательность плебисцитов для всего народа, в случае утверждения их сенатом. Публилиев и Гортензиев законы (339 и 287 г. до н. э.) изменили эту процедуру. Теперь сенат должен был ратифицировать предложения, выносившиеся на обсуждение комиций; иными словами, сенатом утверждался не закон, как ранее, а его проект.

³⁸⁶ Имеются в виду двое плебейских эдилов (первоначально – помощники трибунов).

³⁸⁷ Судейская коллегия (*decemviri stlitibus indicandis*) рассматривала, в частности, дела о свободе и о гражданстве.

³⁸⁸ Храм Цереры на Авентине, где она почиталась вместе с Либером и Либерой (см.: примеч. 93 к кн. II), был освящен в 493 г. до н. э. Храм стал центром плебейских интересов. Здесь обосновались плебейские эдилы. Здесь же находились их архив и казна.

³⁸⁹ См.: примеч. 75 к кн. II.

³⁹⁰ Речь идет о птицегадании.

³⁹¹ Это, конечно, попытка тенденциозного истолкования закона в интересах патрициев.

самозащиту. (4) Все нечестивое и богомерзкое, что совершал ты день за днем в продолжение двух лет, я прощаю тебе, Аппий Клавдий! Есть только одно преступление, в котором ты должен оправдаться перед судьей, и, если ты не докажешь, что своим приговором не передал, вопреки закону, свободного человека в рабство³⁹², я прикажу взять тебя под стражу!»

(5) У Аппия не было никакой надежды ни на помощь трибунов, ни на суд народа, а все-таки он обратился к трибунам, но никто не вмешался, и, когда уже был послан человек³⁹³ схватить его, Аппий воскликнул: «Я обращаюсь к народу!» (6) Это слово – единственная защита свободы – произнесено было устами того, кто недавно сам оспаривал свободу другого, и, когда оно было услышано, воцарилась тишина. (7) Но каждый думал про себя, что есть еще боги, которым небезразличны дела людей, и хоть поздно, но тяжко карают они за гордыню и жестокость. (8) Перед нами обжалует приговор тот, кто сам упразднил право на обжалование; отнявший у народа все права к народу же и вызывает о помощи; узником, лишенным права на свободу, становится тот, кто своим приговором объявил свободного человека рабом, – вот о чем шептали в толпе, пока Аппий взывал о помощи к римлянам. (9) Он напоминал и о заслугах перед государством, которые имели на военном и гражданском поприще его предки, и о том, что ему самому принесла несчастье преданность плебеям, заставившая его для уравнивания законов отказаться от консульства, что вызвало страшное озлобление патрициев, и о своих законах, бесполезных теперь для их создателя, которого ведут в темницу. (10) Впрочем, о том, что есть в нем дурного и хорошего, он будет спорить лишь тогда, когда ему предоставят возможность защищаться; а теперь, мол, по общему праву гражданства в назначенный ему, римскому гражданину, день суда он просит дозволения говорить перед судом римского народа. Он не настолько боится ненависти к себе, чтобы не надеяться более на справедливость и милосердие своих сограждан. (11) Если же его поведут в темницу без суда, он будет жаловаться народным трибунам, заклиная их не подражать тем, кто им ненавистен. (12) А если трибуны признаются в том, что они сговорились упразднить право обжалования, в чем были уже обвинены децемвиры, то он призовет на помощь народ, взывая к консульским и трибунским законам об обжаловании, принятым в этом году. (13) Для кого существует право обжалования, если он не может им воспользоваться до приговора и суда? Защитят ли эти законы незнатного человека, если даже он, Аппий Клавдий, не нашел в них опоры? На его примере будет видно, что именно – свобода или произвол – упрочено новыми законами и имеет ли действительную силу право обжалования беззаконий должностных лиц перед трибунами и народом, или это только пустые слова³⁹⁴.

57. (1) Вергиний возразил на это, что один лишь Аппий Клавдий стоит вне закона, не причастный ни государству, ни согражданам. (2) Взгляните, люди, на трибунал³⁹⁵, оплот всех его преступлений, откуда этот пожизненный децемвир, от которого не было защиты ни имуществу граждан, ни их достоинству, ни самой их жизни, (3) всем грозил розгами и топором, в презрении к богам и людям окружив себя палачами вместо ликторов. От грабежей и убийств он перешел к утолению своей похоти и, на глазах народа римского вырвав из объятий отца родную дочь, отдал ее, как военную добычу, своему спальнику. (4) С этого места произнес он свой жестокий и нечестивый приговор и вложил в руку отцу оружие против дочери; отсюда, взволнованный больше неудачей своей гнусной затеи, чем самим убийством, он отдал приказ бросить в темницу жениха и деда, поднявших бездыханное тело девушки. И для него воздвигнута темница, которую он привык называть жилищем для плебеев Рима. (5) А потому, сколько раз ни просил Аппий обжалования, столько же раз и он, Вергиний, будет обвинять его перед

³⁹² Речь идет о предварительном третейском суде (см.: примеч. 48).

³⁹³ Собств.: viator («хожалый»?) – прислужник при народном трибуне.

³⁹⁴ Вся эта речь, вложенная в уста Аппию, – типичное риторическое упражнение по защите парадоксального тезиса.

³⁹⁵ См.: примеч. 68 к кн. II.

судьей в том, что он свободного человека объявил рабом, а в случае отказа предстать перед судом Вергиний прикажет заключить его под стражу. (6) Без чьих-либо возражений, но при большом волнении плебеев, которым уже казалась чрезмерной вольность, с какою они карали такого человека, Аппий был препровожден в темницу. Трибун заранее назначил день суда.

(7) Между тем от герников и латинов явились в Рим послы с поздравлениями по случаю восстановления согласия между патрициями и плебеями, в честь которого они принесли на Капитолий в дар Юпитеру Всеблагому Величайшему золотой венок – небольшой, по мере их скромных возможностей, ибо благочестия в тогдашних богослужениях было больше, чем роскоши. (8) От этих же послов были получены сведения о том, что эквы и вольски из всех сил готовятся к войне. (9) Итак, консулы поделили между собою обязанности. Горацию достались сабиняне, Валерию – эквы. Когда для этих войн объявили набор, плебеи выказали такую готовность, что записалась не только молодежь, но и немало добровольцев из числа уже отслуживших свой срок, благодаря чему войско было и умножено, и укреплено опытными воинами. (10) Прежде чем войско покинуло Город, для всеобщего обозрения были выставлены вырезанные на меди законы децемвиров, известные под названием законов двенадцати таблиц³⁹⁶. Как пишут некоторые, это сделали по приказу трибунов эдилы.

58. (1) Гай Клавдий, ненавидевший децемвиров за их злодеяния и больше всех озлобленный дерзостью племянника, давно уже перебрался на свою старую родину, в Регилл, но теперь, несмотря на преклонный возраст, явился вымаливать прощение тому, от чьих пороков бежал сам. В лохмотьях, сопровождаемый родными и друзьями, ходил он по форуму, обращаясь к каждому, кого встречал, с заклинаниями не пятнать несмываемым позором род Клавдиев, чтобы (2) никто не думал, что они достойны заключения в темницу. Человек, чье изображение будет в величайшем почете у потомков³⁹⁷, законодатель и основоположник римского права, сидит сейчас под стражей среди ночных воров и бродяг! (3) Он призывал хоть ненадолго сменить гнев на здравое размышление и в ответ на мольбы целого рода Клавдиев помиловать Аппия, чтобы из ненависти к нему одному не оттолкнуть от себя стольких просителей. (4) И сам он, Гай Клавдий, сделал это лишь ради родового имени, а не потому, что заключил мир с Аппием, желая выволить его из беды. Свобода была добыта доблестью, а упрочить согласие сословий может лишь кротость.

(5) Некоторые почувствовали сострадание к нему самому, а не к его подзащитному, Вергиний же заклинал пожалеть его и дочь и внимать мольбам не рода Клавдиев, уже властвовавших над плебеями, но родичей Вергинии, трех трибунов, которые, хотя и избраны в помощь плебеям, сами ищут у них защиты и помощи. Слезы Вергиния были убедительней. (6) Лишенный надежды, Аппий покончил с собой, не дождавшись суда.

(7) Вслед за этим другой ненавистнейший человек, Спурий Опций, подвергся преследованию Публия Нумитория за то, что был в Городе при оглашении его товарищем несправедного приговора. (8) Однако его собственные беззакония вызывали еще большую ненависть, чем непротivление чужим. Привели свидетеля, который побывал в двадцати семи походах, восемь раз был награжден один от всей центурии, он принес для всеобщего обозрения свои награды и, разорвав на себе одежду, выставил напоказ исполосованную розгами спину, выражая полную готовность отдать себя на растерзание Опцию уже как частному лицу, если тот докажет перед судом, что знает за ним хоть какую-то провинность. (9) Опция тоже отвели в темницу, где, не дожидаясь дня суда, он кончил жизнь самоубийством. Имущество Клавдия и Опция трибуны

³⁹⁶ Ранее Ливий уже упоминал о предварительном обнародовании Законов (III, 34, 1–2 – первые десять таблиц и III, 37, 4 – еще две). Однако здесь он следует традиции, которая приписывала окончательное принятие и обнародование Законов XII таблиц консулам Валерию и Горацию (чьи имена связывались с проведением демократических преобразований), а не скомпрометировавшим себя децемвирам.

³⁹⁷ Изображения (в древнейшие времена – восковые маски) прославленных предков хранились и почитались в знатных семьях.

обратили в доход государства. Остальные децемвиры отправились в изгнание, и их имущество отошло в казну. (10) Притязавший на Вергинию Марк Клавдий был осужден по приговору, но прощен самим Вергинием и отпущен, после чего ушел изгнанником в Тибур³⁹⁸, а маны Вергинии, которой после смерти повезло больше, чем при жизни, – столько домов обошли они, требуя пени, – успокоились не прежде, чем покарали последнего преступника.

59. (1) Великий страх обуял патрициев, перед которыми трибуны явились в том же обличе, что и децемвиры, но тут народный трибун Марк Дуиллий благоразумно пресек это чрезмерное своевластие. (2) «Врагам, покушавшимся на нашу свободу, мы отплатили сполна, – сказал он. – И потому в этом году я не позволю, чтоб хоть кто-нибудь был вызван в суд или препровожден в темницу. (3) Ибо в другой раз не взыщешь за старые и уже забытые прегрешения, после того как и новые искуплены казнью децемвиров, а неустанная забота обоих консулов, охраняющих вашу свободу, служит залогом того, что вмешательства трибунов не потребуется».

(4) Сдержанность трибуна сразу избавила патрициев от страха, но зато заронила в них ненависть к консулам, которые казались им всецело преданными плебеям, так что о благополучии и свободе патрициев больше пеклись плебейские должностные лица, чем патрицианские, и даже своими карами трибуны пресытились прежде, чем консулы собрались воспротивиться их произволу. (5) Вот почему многие объясняли нерешительность сената, утвердившего внешние консулами законы, лишь опасным положением, в какое попало тогда государство.

60. (1) Уладив дела в Городе и упрочив положение плебеев, консулы занялись каждый своим делом. Валерий на Альгиде расчетливо сдерживал наступление объединенного войска эквов и вольсков, (2) ведь если б он пустил дело наудачу, то, весьма вероятно, после несчастливом исхода правления децемвиров боевой дух римлян и их врагов сулил консулу поражение. (3) Он удерживал войско в лагере, расположив его в тысяче шагов от неприятеля. Тот выстроился в полной боевой готовности на полпути между двумя лагерями, но на призывы сразиться римляне ответа не давали. (4) Потом вольскам и эквам надоело стоять, понапрасну ожидая боя, и, уверенные в том, что их победа чуть ли не признана римлянами, они отправились грабить, одни – герников, другие – латинов. В их лагере осталось достаточно сил для обороны, но не для сраженья. (5) Как только консул это заметил, он вывел войско и вызвал неприятелей на бой, в свой черед нагнав на них страху. (6) Понимая, что сил у них мало, те не вступали в сражение, чем укрепили боевой дух римлян, которые сочли уже побежденным дрожащего за стенами врага. (7) Простояв целый день в напряженном ожидании сражения, они уступили ночи. Римляне были полны надежд и собирались с силами, враги же пали духом и поспешили разослать гонцов за теми, кто занимался грабежом. Те, кто был рядом, поспешно вернулись в лагерь, тех, кто забрался далеко, не нашли.

(8) Как только рассвело, римляне выступили из лагеря, с тем чтобы, если сражение состоится, идти на приступ. И вот, после того как большая часть дня прошла без всякого движения со стороны врага, консул приказывает наступать. Эквы и вольски исполнились негодования: победоносное войско ищет защиты не в доблести и оружии, а за крепостной стеной! Но вот и они получили от своих вождей желанный приказ вступить в бой. (9) Часть из них уже вышла за ворота, другие, соблюдая порядок, занимали свои места, как вдруг консул, не дожидаясь, пока все вражеские силы изготоятся к бою, (10) обрушился на противника, упреждая тех, кто не вышел или не успел развернуться для сраженья, так что удар пришелся прямо в мечущуюся толпу врагов, которые озирались в поисках своих, теряя мужество под напором поднявших

³⁹⁸ Тибур, один из древнейших городов Лация, был расположен примерно в 27 км к северо-востоку от Рима, на обоих берегах реки Аниен. В течение долгого времени Тибур принимал римских изгнанников. Был одним из ведущих членов Латинского союза. В IV в. до н. э. совместно с пренестинцами вел против Рима многочисленные войны.

боевой крик римлян. (11) Вольски с эквами поначалу отступили, но потом, собравшись с духом и вняв упрекам своих вождей, не собираются ль, мол, они сдаваться, вернулись на поле боя.

61. (1) Со своей стороны консул призывал римлян помнить: в этот день они, свободные, впервые сражаются за свободный Город, победу они одерживают для себя, а не приносят в дар децемвирам. (2) И не Аппий ведет их в бой, а консул Валерий, потомок освободителей народа римского и сам освободитель³⁹⁹. Пусть все увидят, что прежние сражения были проиграны по вине полководцев, а не воинов. (3) Стыдно, сражаясь с врагом, выказывать меньше храбрости, чем в борьбе с согражданами, и страшиться порабощения дома, а не на войне. (4) В мирное время опасность грозила целомудрию одной лишь Вергинии и опасна была похоть лишь одного Аппия, а вот если военное счастье отвернется от римского войска, то детям каждого римлянина будет грозить опасность от многих тысяч врагов. (5) Он, сказал консул, не хочет предрекать, чему не дадут случиться Юпитер и Марс в Городе, основанном под их покровительством. Он лишь призывает римлян вернуть славу непоколебимого могущества на Авентин и Священную гору, где несколько месяцев назад они получили свободу, и показать всем, (6) что римские воины после изгнания децемвиров – те же, что были до их избрания, а доблесть народа римского не умалена равенством всех перед законом. (7) Сказав это пехотинцам, консул поспешил к всадникам.

(8) «Вперед, юноши! Покажите пехоте, что доблестью вы превосходите ее так же, как званьем и почетом! В первой стычке пехота поколебала неприятеля, но с поля боя врагов прогоните вы! Они не выдержат натиска и уже теперь колеблются вместо того, чтоб сопротивляться». (9) Всадники прищпорили коней, пустив их на врага, уже потрепанного в сражении с пехотинцами, прорвали передовую линию, ворвались во вражеский тыл, куда часть конницы в объезд дошла на рысях, отрезая пути отступления тем, кто в страхе пытался бежать к лагерю. (10) Пехота во главе с самим консулом бросает все силы на захват лагеря и после кровавого побоища завладевает богатой добычей.

(11) Слух о победе, достигнув не только Города, но и войска, выступившего против сабинян, вызвал ликование в Риме, а воинов в лагере вдохновил на состязанье с ними в подвигах. (12) Мелкими стычками и набегам Гораций уже приучил своих воинов быть более уверенными в себе и поменьше вспоминать о позоре поражения под предводительством децемвиров; так в незначительных столкновениях росла и крепла их надежда. (13) К тому же, обнаглевшие после прошлогоднего успеха, сабиняне дразнили римлян вопросами, что это, мол, те, точно разбойники, шныряют туда-сюда и тратят время на множество мелких стычек вместо того, чтоб дать одно, решающее сражение. (14) Почему бы им не сойтись в чистом поле и не попытаться счастья разом?

62. (1) Римляне и сами собрались с духом для такого боя, но теперь их негодование подогревалось тем, что другое войско придет в Город с победой, а над ними по-прежнему будут глумиться враги. (2) Когда же, если не теперь, они отомстят врагу за позор? Как только консул заметил в лагере ропот, он собрал воинов. «Вы, я думаю, слышали, – сказал он, – о подвигах, совершенных на Альгиде. Войско свободного народа достойно показало себя. Благодарю консула и доблестью воинов была добыта победа. (3) А что касается меня, то я уповаю лишь на разум и мужество, каким вы, воины, поделитесь со мной. Мы можем извлечь выгоду, оттягивая войну, а можем и быстро закончить ее. (4) Если придется тянуть, то я, следуя прежнему моему начертанию, добьюсь того, что ваши надежда и доблесть будут крепнуть день ото дня. Если же вам достанет мужества для решающей схватки, тогда киньте боевой клич, пусть прогремит голос воли и доблести вашей!» (5) Тут поднялся такой оглушительный крик, что консул тотчас согласился с требованиями воинов и постановил назавтра вести их в бой. Остаток дня ушел на подготовку оружия.

³⁹⁹ См.: III, 39, 3.

(6) На следующий день, едва увидав, что римское войско стоит наготове, выступили и заждавшиеся сражения сабиняне. То была битва, какие бывают между уверенными в своих силах противниками, один из которых навек прославлен прежними победами, другой воодушевлен одержанной недавно. (7) Сабиняне с умом распорядились своими силами: уравнив свое войско с неприятельским, они придержали две тысячи воинов, которым приказано было в разгар боя потеснить левое крыло римлян. (8) Но, когда напавшие сабиняне стали теснить почти окруженное крыло, около шестисот всадников двух легионов спешили, бросились наперерез уже отступающим соратникам, отбросили врага и воодушевили пехотинцев, сперва подвергнув себя равной с ними опасности, а потом заставив их устыдиться. (9) Стыдно же им было оттого, что всадники, сражаясь верхом и в строю, даже в рукопашном бою превзошли пехотинцев.

63. (1) Вот уже снова идут в бой пехотинцы и, заняв свое место в строю, не только выравнивают ход битвы, но и наносят урон правому крылу сабинян. (2) Всадники под прикрытием пехоты вернулись к своим коням. Весть об одержанной победе всадники немедленно передали остальному войску и ринулись на врага, изрядно напуганного поражением наиболее сильного своего крыла. Никто в том бою не мог сравниться доблестью с конницей. (3) Консул наблюдал за всеми, поощряя храбрых, стыдя уклоняющихся от сраженья: эти тотчас становились образцом мужества, ибо страх позора поднимал их дух так же, как других – похвала. (4) С новой силой прогремел воинский клич, римляне, ринувшись разом, оттеснили врага, а потом уже ничто не могло сдержать их натиска. Разбежавшиеся сабиняне оставили лагерь на разграбление римлянам. Те, однако, захватили не имущество союзников, как на Альгиде, а то, что было похищено у них самих во время вражеских набегов.

(5) Несмотря на двойную победу консулов в двух разных сражениях, сенат, поспекаясь, назначил благодарственное молебствие в честь обоих консулов на один день. Народ же сам пришел молиться на другой день, и это неупорядоченное народное молебствие отмечено было еще большим рвением. (6) Консулы договорились, что каждый из них подойдет к Городу в свой день, и после этого призвали сенат на Марсово поле. Знатнейшие сенаторы возмутились, что консулы докладывают о своих подвигах здесь, среди воинов, с целью внушить страх сенату. (7) И тогда консулы, чтоб лишить их повода для обвинений, призвали сенаторов перебраться на Фламиниев луг, где теперь храм Аполлона, то есть на то место, которое уже в то время было посвящено Аполлону⁴⁰⁰. (8) Но после того, как сенаторы единогласно отказали консулам в триумфе, народный трибун Луций Ицилий внес этот вопрос на рассмотрение народа, чему многие воспротивились, (9) а больше всех – Гай Клавдий, заявивший, что консулы желают отметить триумф не над врагами, а над сенаторами и вместо награды за доблесть требуют благодарности за частные услуги трибунам. Никогда еще триумф не присуждался народным собранием, этим всегда полностью ведал сенат. (10) Даже цари, мол, не умаляли достоинства высшего сословия. Пусть и трибуны знают границы своей власти и не пытаются отменить решения государственного совета. Государство останется свободным, а законы – одинаковыми для всех, только если каждое сословие сохранит свои права и не утратит своего достоинства.

(11) Несмотря на то что многое в таком же роде было высказано остальными знатнейшими сенаторами, предложение Ицилия было принято всеми трибунами. Тогда впервые триумф был утвержден велением народа без утверждения сената.

⁴⁰⁰ О Фламиниевом луге см.: примеч. 91. Почитание Аполлона пришло в Рим очень рано (по-видимому и через этрусков, и непосредственно от греков). Поскольку это был чужеземный культ, место для него было найдено вне померия (см.: примеч. 138 к кн. I) за Карментальскими воротами на Марсовом поле: здесь находилось древнейшее святилище. В храме, построенном тут позднее – в 431 г. до н. э. (или в расположенном неподалеку храме Беллоны – см. примеч. 71 к кн. X), впоследствии происходили те заседания сената, которые приходилось проводить за пределами померия (обычно такие заседания были нужны, чтобы принять решение о триумфе, так как полководец, притязавший на триумф, не имел права до торжества входить в город). Заседание, о котором рассказывает здесь Ливий, тоже происходило, как он считает, на традиционном месте.

64. (1) После этой победы своеволие народных трибунов дошло до того, что они сговорились остаться в своей должности на новый срок, а чтобы властолюбие их не бросалось в глаза, предложили также продлить срок консульских полномочий. (2) Оправдывались они тем, что де сенаторы, унижая консулов, подрывают и права народных трибунов. (3) А что будет, если, избрав консулами своих единомышленников, сенаторы с их помощью начнут борьбу против новых трибунов прежде, чем законы войдут в силу? Ведь не всегда же консулами будут Валерии и Горации, которым свобода плебеев дороже собственной выгоды.

(4) По счастливому стечению обстоятельств жребий председательствовать на выборах выпал тогда Марку Дуиллию, человеку предусмотрительному и понимавшему, что продление полномочий неминуемо вызовет ненависть к трибунам. (5) После того как на его отказ поддержать старых трибунов те выдвинули требование, чтобы он либо позволил провести свободное голосование по трибам, либо уступил председательство своим товарищам, которые будут руководствоваться законом, а не пожеланиями патрициев, (6) Дуиллий, настаивая на своем, призвал консулов к трибунским скамьям и, задав им вопрос об их намереньях, услышал, что консулов они хотят избрать новых. Тогда вместе с ними – любезными народу защитниками нелюбезного народу решения – он и явился на собрание. (7) У консулов, представших перед народом, вновь спросили о том, как поступят они, если римский народ, памятуя и о возвращенной ими дома свободе, и об их подвигах на войне, вновь сделает их консулами; и, когда они своего решения не изменили, (8) Дуиллий им воздал хвалу за твердое их желание ни в чем не уподобиться децемвирам и открыл выборы народных трибунов. Но после того, как было избрано пять народных трибунов, а другие соискатели из-за откровенных притязаний девяти старых трибунов не набрали голосов в трибах, он распустил народ и больше на выборы не призывал. (9) Он, по его словам, следовал закону, который вовсе не определяет числа трибунов, лишь бы только они вообще избирались, но велит тем, кто вступил в должность, самим выбрать себе сотоварищей. (10) Дуиллий прочитал слова закона: «Предлагается десять народных трибунов. Если сегодня вы выберете меньшее число народных трибунов, тогда пусть те, кого они сами выберут себе в товарищи, в соответствии с этим законом считаются такими же народными трибунами, как те, кого вы сами сегодня избрали». (11) Дуиллий стоял на своем, отказываясь признать право на существование в государстве пятнадцати народных трибунов, и, пересилив наконец своих властолюбивых товарищей, сложил с себя полномочия, чем угодил и отцам и простому народу.

65. (1) Новые народные трибуны, выбирая себе сотоварищей, уважили волю сенаторов выбором двух патрициев и бывших консулов – Спурия Тарпея и Авла Атерния⁴⁰¹. (2) Консулами стали Спурий Герминий и Тит Вергиний Целимонтан [448 г.], которые не слишком старались принять сторону патрициев или плебеев, зато не знали тревог ни в домашних делах, ни в военных. (3) Народный трибун Луций Требоний злобствовал на патрициев за то, что те, по его словам, своими каверзами мешали трибунам выбрать его себе в товарищи, и внес на рассмотрение закон, (4) предписывающий тому, кто избирает народных трибунов, не закрывать выборов до тех пор, пока не наберется десяти трибунов. Его прозвали Непреклонным, ибо весь срок трибунских полномочий он посвятил преследованию патрициев.

(5) Ставшие затем консулами Марк Геганий Мацерин и Гай Юлий [447 г.] пресекли распрю между трибунами и патрицианской молодежью, не посягнув на полномочия трибунов и не поступившись достоинством патрициев. (6) Приостановив объявленный и вызвавший было волнения набор против вольсков и эквов, консулы уверяли плебеев, что только согласие в Риме обеспечивает мир с соседями, которых воодушевляют на войну распри между согражданами. (7) Так забота о мире стала предлогом к сохранению внутреннего согласия. Но одно из

⁴⁰¹ Они были консулами в 454 г. Обращает на себя внимание кооптация патрициев в коллегию народных трибунов, куда они выбраны быть не могли.

сословий вечно раздражала сдержанность другого, и утихомирившихся плебеев начали притеснять молодые патриции. (8) Уже первые попытки трибунов помочь обиженным успеха не принесли, а потом перестала соблюдаться и собственная неприкосновенность трибунов, которых в последние месяцы, пользуясь тем, что к концу года власть несколько ослабевает, неотступно преследовали их сильные противники. (9) Плебеи возлагали теперь надежды лишь на трибунов, подобных Ицилию; по их словам, те, что были у них два последних года, только назывались трибунами. (10) Знатнейшие сенаторы, напротив, хотя и видели необузданность молодежи, все-таки, раз уж приходится нарушить меру, предпочитали, чтоб у своих боевой дух был выше, чем у противника.

(11) Трудно, защищая свою свободу, соблюсти меру, пока под видом сохранения равенства кто-то хочет возвыситься, чтоб угнетать другого, пока люди пугают других, чтоб не бояться самим, пока, отражая обиду, мы причиняем ее другим, как будто этот выбор между насилием и страданием неизбежен.

66. (1) Избранные затем консулами Агриппа Фурий и в четвертый раз Тит Квинкций Капитолин [446 г.] избежали как волнений в городе, так и войны внешней, хотя угрожало и то и другое. (2) Предотвратить раздоры между согражданами было уже невозможно, ибо и плебеи, и трибуны, настроенные против патрициев, превращали в настоящее сражение каждый вызов в суд кого-либо из знатных людей. (3) В поднятом ими шуме эквы и вольски сразу услышали призыв к оружию, да и собственные алчущие добычи вожди уверяли их в том, что из-за неповиновения трибунов провалился набор, объявленный два года назад, вот почему, мол, против них и не выслали войско. (4) Вольница сделала римское войско неуправляемым, и Рим перестал быть для них общим отечеством. Весь свой гнев и вражду к чужим они обратили против самих себя. Междоусобица поможет нам передуть ослепших от бешенства волков. (5) Объединив войска, враги опустошили сперва владения латинов, а потом, нигде не встретив отпора, к полному восторгу зачинщиков войны, подошли под самые стены Рима со стороны Эсквилинских ворот и к позору римлян, прямо на виду у Города, начали опустошать окрестности. (6) После того как они всем войском безнаказанно ушли, гоня перед собой добычу, назад в Корбион, консул Квинкций созвал народ на собрание.

67. (1) Он произнес там, как говорят, такую речь: «Хоть я и не знаю за собой никакой вины, квириды, однако, стоя здесь, перед вами, я испытываю жгучий стыд. Отныне и вы знаете, и потомкам будет известно, что эквы и вольски, слабей которых, может быть, одни только герники, в четвертое консульство Тита Квинкция с оружием в руках безнаказанно подошли к стенам Рима! (2) И, хотя то, как мы живем, давно уже не может предвещать ничего хорошего, если бы только я мог узнать, что именно в этом году меня ждет такой позор, я бы спасся от него изгнанием или смертью, лишь бы избавиться от консульского звания. (3) И если бы вчера с оружием перед нашими воротами встали настоящие воины, то в мое консульство мог бы пасть Рим. Хватит почестей, незачем жить. Следовало бы мне умереть, когда в третий раз я был консулом. Но кого, однако же, осмелились презреть ничтожнейшие из наших врагов? (4) Нас, консулов, или вас, квириды? (5) Если виноваты мы, отнимите у нас власть, а если этого мало, покарайте нас. Если же вина лежит на вас, то не найти таких богов и людей, которые взыскали бы с вас за ваши прегрешения: лишь вам самим надлежит раскаяться в них. Но враги презирали не вашу трусость и полагались не на свою доблесть: слишком часто бывали они разгромлены, оставляли лагерь, отдавали в уплату земли, проходили под ярмом, чтобы не знать себя и вас. (6) Разлад между сословиями, раздоры между патрициями и плебеями губительны для Города. Когда мы не ведаем границ нашей власти, а вы – вашей вольности, вам внушают отвращение представители патрицианской, а нам – плебейской власти – вот что вселяет смелость в этих наших врагов. Во имя богов, чего еще вы хотите? (7) Вы пожелали народных трибунов – мы уступили, чтобы сохранить согласие, вам понадобились децемвиры – мы допустили их избрание, децемвиры вам опротивели – мы заставили их отказаться от вла-

сти. (8) Но и, сделавшись частными людьми, они остались жертвой вашей злобы, а мы позволили этим родовитейшим, отмеченным высшими почестями мужам умирать и отправляться в изгнание. (9) Вы снова пожелали избрать народных трибунов – и избрали их. Консулами стали ваши сторонники, и эти представители патрицианской власти, враждебные самим патрициям, стали нашим даром вам, плебеи. Заступничество трибунов, право обжалования перед народом, обязательность постановлений простого народа для патрициев – во имя равенства перед законом мы терпеливо сносим попрание наших прав. Куда приведут раздоры? (10) Когда станет единым Город, когда мы сможем сказать, что это общее наше отечество? Побежденные, мы держимся спокойнее вас, победителей. (11) Так не довольно ли вам страха, который вы нам внушаете? Угрожая нам, вы заняли Авентин, угрожая нам, захватили Священную гору, вот и Эсквилинский холм почти уже взят вольсками, но никто не сбросил карабкающегося по склону врага, потому что оружие в ваших руках повернуто против нас.

68. (1) Вот вы тут осадили курию, сделали форум небезопасным, наполнили темницу знатнейшими людьми, так выйдите-ка с тою же храбростью за Эсквилинские ворота, (2) или, если не отваживаетесь, поглядите со стен, как огню и мечу предают ваши поля, как угоняют добычу, как дымятся подоженные повсюду дома! (3). А ведь общему делу от этого приходится еще хуже: горят поля, осажден Город, военная слава досталась врагам! Что дальше? В каком состоянии ваши собственные дела? Вот вы узнаете каждый о понесенном ущербе. Откуда и чем вам здесь его восполнить? (4) Трибуны восстаноят и отдадут вам потерянное? Речей и слов для вас у них будет сколько угодно, и обвинений против знати, и законов один лучше другого, и сходок. Но ведь с этих сходок никто из вас никогда не возвращался домой обогаченным или осчастливленным. (5) Приносил ли хоть кто-то из вас жене и детям что-нибудь, кроме ненависти, обид и вражды – как общественных, так и частных? Но вы не можете сами, своей безупречной доблестью, защитить себя от этого и пользуетесь чужою помощью. (6) Клянусь, когда вы служили под нашим, консулов, началом, а не трибунов, и не на форуме, а на войне, и крик ваш приводил в трепет врага на поле брани, а не римских патрициев в собрании, то вы с триумфом возвращались домой, к пенатам, нагруженные добычей, обогаченные отнятой у врага землей, обласканные удачей, причастные и общей славе, и той, что каждый снискал себе сам; а теперь вы позволяете неприятелю уйти, унося с собою ваше добро. (7) Оставайтесь при своих сходках, живите на форуме, но война, от которой вы прячетесь, неминуемо настигнет вас. Вам трудно было выступить против эквов и вольсков, а война сама пришла к воротам, и, если не отразить ее, она перекинется через стены, захлестнет твердыню Капитолия и застигнет вас в собственном доме. (8) Два года назад сенат приказал произвести набор и повести войско на Альгид, а мы беззаботно сидим себе дома, по-бабьи чешем языки, радуясь наступившему миру и не замечая в этой короткой передышке, что грядет война, еще опаснее прежних. (9) Я знаю, есть речи приятней моей, но необходимость заставляет меня говорить правду, а не любезности, даже если бы моя собственная природа не требовала этого. Я хотел бы добиться вашего расположения, квинтиты, но еще больше жажду я вашего спасения, что бы вы потом ни думали обо мне. (10) Так уж устроено природой, что тот, кто перед толпою говорит о своем, ей любезней того, кому ничто нейдет на ум, кроме общественной пользы. Может, вы думаете, что эти угождающие толпе, эти радетели за народ, не давая вам ни взяться за оружие, ни насладиться миром, подстрекают и смущают вас для вашего блага? (11) Им выгодны только времена смут, они понимают, что при согласии сословий им не видать ни почестей, ни барышей, они думают, что лучше быть вождями бедствующих, чем совсем ничьими. (12) Но коль скоро вы можете пресытиться и этим и захотите вернуть строй своих предков, то я готов отдать голову на отсечение, если в несколько дней не разгромлю разорителей наших полей, (13) не отниму у них лагерь и, отвратив от наших ворот вызывающие теперь у вас содрогание бедствия войны, не поражу ими вражеские города».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.